

Виктор Островский

Обратная сторона обмана

(тайные операции Моссад)

О книге

Оставив в результате сомнительной интриги израильскую внешнюю разведку, кадровый разведчик Виктор Островский продолжает выполнять, тем не менее, самые опасные задания. Его новыми тайными руководителями становятся представители прогрессивных кругов Моссад, которые хотят отобрать власть у воинственных «ястребов» на вершине этой спецслужбы. Чтобы спасти свою жизнь, Островский вступает в игру. Книга описывает ход этой «частной» партизанской войны Островского против Моссад, длившейся с 1986 по 1992 годы, а также историю борьбы автора с разведкой и правительством Израиля за право публикации в 1990 г. его первой книги «Путём обмана. Как я был агентом Моссад». Во время этой борьбы ему в руки попадает взрывоопасный материал, который он, желая защититься и от новой клики, опубликовал в этой книге.

Развязывание войны в Ливане в 1982 г., действительный повод для американского авианалёта на Ливию весной 1986 г.; убийства немецкого политика Уве Баршеля и канадского конструктора Джеральда Булла; насильственная смерть английского газетного магната Роберта Максвелла; планы покушения на президента США Джорджа Буша; тайная подоплёка путча против Михаила Горбачёва; нелегальная контрабанда оружия; политические убийства и интриги; срыв мирных переговоров и провоцирование войн; поддержка террористов, в том числе — европейских неонацистов и мусульманских фундаменталистов; злоупотребление настроениями еврейских общин во всём мире; промышленный и научно-технический шпионаж; «гуманитарная помощь» чернокожим южноафриканцам; «Дело Полларда» и «Дело Вануну»; «психологическая война» против неудобных стран и политиков; силовые акции; тайная пропаганда и подрывная деятельность одной из активнейших разведок мира — израильской спецслужбы Моссад — в книге Виктора Островского «Обратная сторона обмана».

Об авторе

Виктор Островский родился 28 ноября 1949 года в г. Эдмонтон в Канаде в семье евреев — выходцев из России. После развода родителей, мать перевезла его в Израиль. В возрасте 18 лет он был самым молодым офицером израильской армии, а в начале 1980-х годов поступил на службу в израильскую внешнюю разведку Моссад. После четырёх лет службы в качестве кадрового офицера-разведчика (1982-1986) был уволен при весьма сомнительных обстоятельствах. После этого Островский с семьёй долго жил в Канаде, работал художником. В 1990 году Островский издал книгу «Путём обмана. Как я был агентом Моссад», выходу которой попыталось воспрепятствовать правительство Израиля, но, несмотря на это, она стала международным бестселлером.

«Обратная сторона обмана», вышедшая в 1994 г., являясь, по сути, продолжением и дополнением первой книги, освещает многие тёмные страницы новейшей истории самой известной израильской спецслужбы и посвящена её тайным операциям второй половины 80-х и начала 90-х годов. Будучи убеждённым патриотом Израиля, Островский выступает за превращение Израиля в миролюбивое, демократическое, светское государство, за мирное решение палестинской проблемы, за восстановление и развитие дружественных отношений Израиля с соседними арабскими государствами и другими странами мира. Островский — автор двух документальных книг о Моссад: «Путём обмана» («Как я был агентом Моссад» — с Клэром Хойем) и «Обратная сторона обмана» и двух шпионских романов: «Лев Иудеи» и «Чёрные призраки». Сейчас живёт со своей женой в Аризоне, США, владеет художественным издательством Osten Art, Inc, пишет картины, а, кроме того, публикует публицистические статьи и даёт интервью на темы ближневосточной политики.

Оглавление

Предисловие автора.....	3
Пролог.....	3
Глава 1. Четверг, 17 июля 1986 года. Каир.....	5
Глава 2. Февраль 1986 года. Израиль.....	8
Глава 3.....	11
Глава 4. Четверг, 13 февраля 1986 года.....	14
Глава 5. Четверг, 27 марта 1986 года.....	18
Глава 6.....	21
Глава 7.....	23
Глава 8. Понедельник, 31 марта 1986 года. Гатвик, Англия.....	27
Глава 9.....	31
Глава 10. Среда, 2 апреля 1986 года. Нью-Йорк.....	33
Глава 11.....	35
Глава 12.....	40
Глава 13. Воскресенье, 20 апреля 1986 года. Вашингтон, федеральный округ Колумбия.....	43
Глава 14.....	46
Глава 15.....	50
Глава 16.....	55
Глава 17. Воскресенье, 4 мая 1986 года.....	59
Глава 18.....	64
Глава 19.....	68
Глава 20. Вторник, 20 мая 1986 года. Амман.....	74
Глава 21.....	83
Глава 22. Вторник, 27 мая 1986 года. Вашингтон, федеральный округ Колумбия.....	88
Глава 23.....	93
Глава 24. Среда, 29 октября 1986 года.....	96
Глава 25. Воскресенье, 3 апреля 1988 года.....	100
Глава 26. Суббота, 2 июля 1988 года.....	107
Глава 27.....	110
Глава 28.....	114
Глава 29.....	120
Глава 30. Среда, 30 октября 1991 года. Мадрид.....	123
Глава 31.....	126
Глава 32.....	128
Эпилог.....	129
Литература.....	131
Приложение. Генеральные директора Моссад.....	134

Предисловие автора

Я написал эту книгу, чтобы рассказать правду о моей одиссее. Я уверен, что найдутся разные люди, которые куда охотнее видели бы опубликованным их взгляд на описываемые здесь события и сделали бы всё для этого. Из-за сложности темы я решил, что книга будет самым подходящим средством для передачи фактов. Я решил также описывать события в более или менее хронологическом порядке.

Хотя правила и не разрешают, чтобы сотрудник спецслужбы делал письменные пометки или вёл записи, я делал это для проведения оперативных заданий. Эти пометки стали важным и полезным дополнительным источником для написания этой книги, хотя вовсе и не предназначались для этого.

Кроме этих заметок, я опирался при восстановлении описываемых событий прежде всего на свою память. Я очень старался исключить, по возможности, любые неточности. Нужно учесть, что именно моя хорошая память послужила одной из причин принятия меня в ряды Моссад.

Я могу со всей уверенностью утверждать, что книга точна до самых мельчайших подробностей. Все имена в книге подлинные, кроме Дины, Рахили, Альберта, Давида, Сары, Рами, Эдварда и Фадлала, эти последние — псевдонимы. В некоторых случа-

ях, когда речь шла об активных операциях, я называл только имена, чтобы не подвергать опасности этих людей.

Кроме того, я позаботился и о том, чтобы Моссад заранее получил копию книги и смог предпринять необходимые мероприятия по обеспечению безопасности. В конце концов, эта книга — не моя личная вендетта.

Большинство описываемых в книге событий было широко описано в печати. В конце книги я поместил неполный список публикаций, которые могли бы облегчить дальнейшие исследования определённых вопросов заинтересовавшимся читателям. Короче, эта книга является документальным сообщением о событиях, которые я пережил.

Я хочу поблагодарить многих моих друзей и бывших коллег за их помощь и поддержку, но природа вещей требует, чтобы их имена, в их собственных интересах, остались неназванными.

Кроме того, я благодарю мои издательства *Aventura* в Норвегии, *Bertelsmann* в Германии, *M&P* в Нидерландах, *Standast* в Бельгии, *Longanesi / Corbaccio* в Италии и *Harper-Collins* в англоязычных странах за то, что они доверились мне и поддержали этот мой проект.

Виктор Островский

Пролог

Мои дедушка и бабушка по отцовской линии эмигрировали на рубеже веков из России в Канаду. Вместе с другими эмигрантами они поселились в маленьком городке Уокоу в провинции Саскачеван, где мой дед Аарон Островский занялся процветающей розничной торговлей, которая, однако, совершенно заглохла в годы Великой депрессии. После этого он с семьёй переехал в Эдмонтон в провинции Альберта, где присоединился к постоянно увеличивавшейся еврейской общине.

Примерно в это же время из России в Палестину переехала, опасаясь погромов, семья Марголиных: Эсфирь, Хаим и их маленькая дочка Рафа. Они поселились в Иерусалиме и там у них родились ещё двое детей: Мира и Маца.

Сид Островский, пятый из семи детей, был во время Второй мировой войны лётчиком в канадской бомбардировочной эскадрилье, базировавшейся в Европе. После войны он вступил в армию новообразованного государства Израиль. Там он встретился с Мирой Марголиной, которая к тому времени закончила свою службу в британских войсках, воевавших против немцев в Северной Африке.

Они поженились и поселились в Эдмонтоне, где и родился я 28 ноября 1949 года. Моя мать, которая совсем не напоминала типичную домохозяйку, нашла место учительницы в еврейской школе в

Эдмонтоне. Воспитание сына она передоверила бабушке по линии отца, Бесси Островской.

Для меня было большой удачей попасть к дедушке и бабушке. Моя мать была одержима духом свободы, она мечтала о карьере актрисы и хваталась за любые, самые мелкие предлагаемые роли, что, в конце концов, привело её в состояние полной протрации.

Мой отец, наоборот, был уверен, что однажды он достигнет своей цели: воплощения американской мечты о финансовой безопасности и спокойной жизни. Но путь к этому был долг и труден. Непреодолимые противоречия характеров привели к разводу моих родителей. Мне тогда было пять лет.

Моя мать взяла меня с собой в Израиль, где обо мне заботились её родители, Хаим и Эсфирь Марголины. Мой дед, который работал в Иерусалиме главным ревизором в UJA (Объединенном Еврейском Агентстве), ежедневно ездил из Иерусалима в Голон — маленький городок в предместьях Тель-Авива — и назад.

Я охотно вспоминаю их маленький дом на улице Гайд-далет. Это был тёплый, полный любви дом. Там было много книг и долгие разговоры об исполнении сионистской мечты и о её воплощении в реальной, повседневной жизни.

Моя бабушка, очень красивая женщина, очень

гордилась собой, как «Ба-лех-босс-тех», что на идиш означает примерную домохозяйку, которая подавала на стол только превосходные блюда и никогда не просила помочь ей.

За её спиной шептались, что она вовсе не еврейка. У неё были светлые волосы и светло-голубые глаза, что придавало ей совсем славянский вид. Но она происходила из ультра-ортодоксальной семьи с традициями потомственных раввинов.

Так как я выказывал тягу к рисованию, дед и бабушка привели меня к нашему соседу — художнику по фамилии Гилады. Он подарил мне ящик с масляными красками и посвящал мне некоторое своё время. Он привил мне основы перспективы и использования красок. Рисование стало моей страстью на долгие годы.

Когда я пошёл в школу, мать снова забрала меня в Канаду, в городок Лондон в провинции Онтарио, но через год вернула к своим родителям в Израиль. Там я провёл спокойные годы. Иногда моя мать проносилась, как смерч, но так же быстро исчезала за горизонтом.

Во время одного из таких посещений она решила, что для меня будет лучше учиться в интернате. Просьбы дедушки и бабушки остались без ответа, и я провёл ужасный год в столь же ужасном месте, называемом «Хадасим», в интернате в центре Израиля, который финансировался и управлялся «Хадасса Вицо» — еврейской женской организацией в Канаде.

Если бы положение в интернате было широко известно, его давным-давно закрыли бы. Но я перехватил инициативу и вернулся к дедушке и бабушке. Я вступил в военизированную молодёжную организацию «Гадна» и как член стрелкового клуба «Абу Кабир», которым руководил старый майор Дан Давид, завоевал второе место на чемпионате страны по стрельбе.

В старшем классе я встретил Беллу и влюбился в неё с первого взгляда. Мы проводили вместе каждую свободную минуту, в школе мы любили одни и те же предметы, мы любили путешествия, книги, разговоры о политике, но больше всего мы любили друг друга.

Когда нам исполнилось 18 лет, нас призвали в армию. Белла попала в аппарат министерства обороны, а меня направили в военную полицию. После окончания основного курса обучения я закончил курс унтер-офицера.

Сразу после этого меня послали на офицерские курсы, которые я закончил, став самым молодым офицером израильской армии. Мне ещё не было 19 лет, а я уже был лейтенантом. Потом я прошёл курс офицеров военной полиции и спецкурс по военному праву. К этому добавлялись снайперская подготовка и минно-подрывное дело.

После завершения моего, так называемого, военного обучения мы с Беллой поженились. Нам ещё не было 20 лет. Нам говорили, что мы слишком молоды, но я никогда не рассматривал нашу связь, как помеху, а как то, над чем мы вместе работаем. Через год у нас родилась дочь Шарон и наша жизнь была полна радужных планов.

После завершения трёхлетнего срока службы,

я покинул армию в звании старшего лейтенанта. Мы посетили мою семью в Эдмонтоне и прожили там пять лет. Наша вторая дочь Леора родилась в Эдмонтоне, когда Шарон было четыре года.

В 1977 году мы вернулись в Израиль. В день прибытия я был призван на флот и получил должность унтер-офицера по особым поручениям. В течение пяти лет я вырос до капитана третьего ранга. Большую часть срока службы я руководил отделом по испытаниям и координации новых систем вооружений до их принятия на вооружение ВМС.

В это же время меня послали в Академию Генерального штаба и управления, которую я успешно окончил. После того меня стали приглашать в неё, как доцента для чтения лекций.

Белла и я переживали прекрасное время. У нас был большой круг друзей, с которыми мы проводили пикники и вечеринки. Потом мне впервые позвонили люди из спецслужб. Я предположил, что это был Моссад или что-то подобное.

Я должен был пройти ряд долгих и трудных тестов, до того, как я узнал бы что-то более подробное о предназначавшейся мне работе. Работа требовала длительных разлук с Беллой и детьми, ведь я должен был стать «бойцом», специальным агентом «нелегалом» для работы в тылу противника. Я отказался и после многочисленных попыток меня уговорить, они приняли мой отказ.

В 1982 году я уволился с флота и стал издавать журнал о видео, первый в Израиле. Как и многие новинки, эта идея оказалась неудачной. Потом я открыл своё маленькое дело, связанное с росписью по стеклу, но и оно из-за полного отсутствия спроса провалилось. Я также учился программированию, полагая, что это профессия будущего.

В это время из Моссад позвонили снова. В этот раз они сразу сказали, что я не буду надолго разлучаться с семьёй. Я опять прошёл многочисленные тесты, продолжавшиеся почти год.

Когда я ещё работал в своём магазинчике по продаже рисунков на стекле в Херцлии, ко мне пришли два человека, которых я знал ещё по временам моего видеобизнеса. Они были производителями пластиковых коробочек для видеокассет. Тогда я делал для них разные графические работы.

Оказалось, что один из них, некий Итцик Царуг, был тесно связан с израильским преступным миром. По заказу своих дружков он хотел попросить меня помочь им с изготовлением большого количества фальшивых кредитных карточек — Виза, Мастер Кард и др. Они передали мне несколько украденных карточек и хотели получить копии с них.

Я позвонил одному моему другу, адвокату в Тель-Авиве, который был раньше моим подчинённым в военной полиции. Я хотел заранее защититься с правовой стороны в этом вопросе. Мой адвокат устроил мне встречу с полицейским офицером Эйтаном Голаном, шефом тель-авивского отдела по борьбе с фальшивомонетчиками.

Я рассказал ему всё, что знал. Он спросил, готов ли я законспирированно работать для полиции, и я согласился сотрудничать с ними на добровольной основе, если моё имя не будет названо. У меня

всё же были виды на Моссад.

Через несколько месяцев была арестована вся сеть фальшивомонетчиков. В газетах написали, что полиция получила помощь от некоего художника-дизайнера, но моё имя не было названо.

Отделу безопасности Моссад удалось предот-

Глава 1. Четверг, 17 июля 1986 года. Каир

Крошечная камера была жаркой и душной. В тёмном углу возле зарешечённого окна тарахтел старый, покореженный вентилятор, который едва двигал вонючий воздух.

Я сидел в западне.

Три дня назад я прилетел самолётом авиакомпании «Аер-Лингус» из Нью-Йорка в Каир. В аэропорту меня встретили и быстро увели два коренастых человека в костюмах «сафари» с короткими рукавами.

Один из моих внешне дружелюбных сопровождающих «горилл» знал английский. Он сказал, что им поручено привести меня в надёжное место. Крепко взяв под руки, они впихнули меня в маленький белый автомобильчик, запаркованный у поворота перед главным входом.

«Добро пожаловать в Египет», сказал тот, кто говорил по-английски, садясь со мной на заднее сиденье, когда машина тронулась. Больше разговоров не было, пока мы не выехали с территории аэропорта. Тогда он дал мне повязку на глаза и попросил меня завязать её.

В мутных водах шпионажа каждый учится рассчитывать на подобные вещи. В течение следующих тридцати минут я сидел в темноте. Я предполагал, что мы едем на встречу с верхушкой египетских служб безопасности и разведки.

Единственной целью моего приезда в Египет было предать моего прежнего работодателя, знаменитую израильскую спецслужбу Моссад.

Не каждый день случается, что в их дверь стучит агент Моссад с целью сдать и выдать секреты. Я ожидал пресловутый приём с расстиланием красного ковра, и очень ошибся. Из-за повязки на глазах я полностью сконцентрировался на шумах.

Я чётко слышал типичный шум большого ближневосточного города. Полное звуков смешение автомобильных гудков и криков торговцев было мне хорошо знакомо. К шуму примешивался запах угольных печей и верблюжьего навоза. Я вспоминал Яффу или Восточный Иерусалим.

Через некоторое время шум утих, и я слышал только свист горячего воздуха через открытое окно. Я мог бы поклясться, что однажды услышал гудение дизеля и лязг танковых гусениц. Я достаточно долго прослужил в армии, чтобы понять — мы были на военной базу.

Когда с меня наконец-то сняли повязку, я увидел, что мы находимся во внутреннем дворе комплекса зданий, похожих на старый лагерь британской армии. Большая квадратная площадь была окружена запущенным пятиэтажным зданием.

По тёмной лестнице меня привели на третий этаж. Два охранника в униформе и с автоматами

вратить все попытки полиции привлечь меня к суду в качестве свидетеля. С того времени я стал членом Моссад, элитной команды, стал защитником державы. Моя жизнь никогда уже не будет такой, как прежде.

встретили нас и провели через длинный грязный коридор к зелёной железной двери. Я думал, что за ней находится бюро, где произойдет моя встреча с гостеприимными хозяевами.

Вместо этого я очутился в камере площадью в 10 квадратных метров. За мной захлопнулась тяжёлая железная дверь. После этого я услышал щелчок запираемого замка и шаги моих удалявшихся сопровождающих.

Сначала я подумал, что речь идёт о временном решении. Воздух был полон запахов мочи и экскрементов. Через зарешечённое окно можно было видеть только внутренний двор.

Большая железная койка, занимавшая большую часть камеры, не была добрым знаком. Всё было похоже на то, что мне придётся остаться здесь надолго. Меня охватила паника. Мне стало ясно, что я пленный, и что никто в мире не знает, где я нахожусь.

Я протиснулся через неровное отверстие, пробитое в толстой стенке, похожее на склеп. Там я нашёл душ с грязной клеёнчатой занавеской. Напротив душа пол был наклонен, с дырой посередине — примитивный туалет, который мы в армии называли «очком». Я быстро отпрыгнул назад, увидев, что у дыры, источника вони, кишело тараканами.

Через десять минут я услышал, как в замке повернулся ключ. Теперь, подумал я, они вытащат меня отсюда и извинятся. Я был готов принять их извинения и воспринимать всё произошедшее, как то, что иногда случается в жизни.

Старик в белой длинной рубашке «галабия» вошёл в камеру с подносом с фруктами, большой кружкой лимонада и единственным стаканом в руке. Он улынулся и поставил поднос на столик возле кровати. Охранник в униформе стоял в двери и наблюдал за нами.

Старик зашел в выдолбленную в стене душевую, чтобы заменить полотенце на новое, которое он нёс, перекинутым через руку. Через несколько часов он опять принёс мне немного еды и новую кружку лимонада.

Ночью после первого дня в заключении я оценил сложившуюся ситуацию, и прогноз мой был плох. Не было никакого логического обоснования, чтобы они так обращались со мной, как сейчас, если они, конечно, не знают чего-то, что они не должны были знать и не ведут со мной злую игру. Что они планируют? Я находился в полной изоляции, и всё не имело никакого смысла.

Через окно я увидел охранника в униформе, который сидел на деревянном стуле у больших ворот. Иногда он открывал маленькую боковую дверь, чтобы поговорить с кем-то.

Большая дверь открывалась каждое утро в 9 часов с громким лязгом, чтобы впустить белый автомобиль, похожий на тот, на котором привезли меня. Я одевался и ждал кого-то, кто со мной поговорил бы. Но никто не приходил. В шесть часов вечера белая машина уезжала со двора. Я кричал и лупил жестяной миской по решётке, но, казалось, этого никто не замечал.

Жара не спадала, даже ночью. Я поставил трескучий вентилятор на край стола и направил его на себя. Потом я лег на спину в нижнем белье и накрыл голову и грудь мокрым платком. Моя голова покоилась на твердой подушке и я попытался уснуть.

Уже в конце первого дня меня перестала особо раздражать вонь. И полчища тараканов мне уже не мешали, если они не доползали до моей пищи и оставались у «очка». Бесчисленные мысли проносились ночью в моей голове и не давали уснуть.

Особенно мучил меня один вопрос. Какого чёрта меня занесло в эту десятиметровую камеру где-то за окраинами Каира? Меня не покидала пугающая мысль, что я проведу в ней остаток моей жизни, что моя жена и мои дети в Канаде никогда не узнают, что я не сбежал от них, а попал в мышловку.

Я не мог сказать, когда и где это кончится, но я почти с точностью до минуты мог сказать, с чего это всё началось.

Понедельник, 3 февраля 1986 года. Кипр

Это было шестью месяцами раньше, в понедельник, 3 февраля 1986 года. Я жил в гостинице «Сан Холл» в Ларнаке на Кипре. Я был там, чтобы встретиться с одним бельгийским террористом.

У меня в кармане был фальшивый британский паспорт на имя Джейсона Бёртона. Бельгиец был членом левой террористической организации, которая называла себя ССС (*Cellules Communistes Combattantes* — «Боевые коммунистические ячейки»).

Согласно паспорту, я прилетел на самолёте в Ларнаку днём раньше. У меня был билет и борткарта авиакомпании «Олимпик Эруэйз», чтобы доказать это. Бельгиец должен был получить от меня ключ от запаркованного в Брюсселе автомобиля, загруженного не обнаруживаемой пластиковой взрывчаткой и парой тысяч первоклассных подрывных зарядов.

Взамен я должен был получить от него банковскую квитанцию о переводе на счёт одного из швейцарских банков более чем двух миллионов долларов.

Это была молниеносная операция, а я тогда был полноправным оперативным офицером Моссад. Но при выполнении этого задания с самого начала всё пошло наперекосяк. На самом деле я прибыл в Ларнаку не на самолёте, а на корабле.

Большую часть пути я проделал на борту сторожевого катера «Дабур», из израильского порта Ашдод. На расстоянии 100 км от Кипра я пересел с катера на яхту. Яхта ходила под греческим флагом и

регулярно посещала Ларнаку.

Это была не просто яхта, а плавучая конспиративная квартира¹ операторов Моссад. Ведь это было очень трудно, снять на таком маленьком острове надёжные конспиративные квартиры и сохранить их предназначение в тайне.

Я был только пешкой в этой игре, спланированной в бельгийском отделе «Мелуха»². Стоило бы людям из ССС приблизиться к запаркованной машине в Брюсселе, вся их организация была бы арестована бельгийской полицией и спецслужбами.

Одновременно другая группа была бы взята голландской полицией. Обе полицейские службы давно шли по следу террористов — благодаря целому ряду наводок, предоставленных им бельгийским отделом Моссад.

Поводов для этого молниеносного манёвра было несколько. ССС была связана с покупкой и продажей оружия Организации Освобождения Палестины (ООП) и другим палестинским группировкам. Нейтрализация этого звена стала бы важной победой Моссад в борьбе с терроризмом.

Другой повод для этой операции, о котором я узнал много позднее, был куда запутаннее. Йтцик Эфрат, шеф израильского отдела, был за это ответственный. Важную роль в этом играл агент-боец, офицер, испробованный в боях, по имени Барда, который в 1984 году вышел на след бельгийской группы и вступил с ней в контакт.

Изначально группа было организована НАТО, как антикоммунистическая ячейка «коммандос», которая, в случае коммунистического вторжения, должна была быть активизирована для проведения партизанских операций на оккупированной Советами территории.

Этот план, названный операцией «Гладио» (букв. «меч гладиатора»), никогда не был осуществлён, но НАТО так никогда и не распускало созданные в соответствии с ним группы боевиков, а теперь Моссад использовал их в своих целях.

Активизация законсервированной ячейки была предпринята в соответствии с договорённостью между службой государственной безопасности Бельгии и анти-террористическим отделом Моссад.

Барда объяснил бельгийской спецслужбе, что необходимы экстремальные мероприятия: жестокие террористические акты, в которых надо было обвинить коммунистов, чтобы вызвать ответную реакцию и добиться усиления сил безопасности. «Промедление следует оставить “Зелёным” и чувствительным “демократам”», — говорил он частенько.

Кроме группировок НАТО, бельгийская спецслужба могла воспользоваться и почти неиссякаемым резервуаром правых фанатиков, вроде фашист-

¹ Под этим следует понимать квартиру или дом, используемую во время операции и не связанную с посольством. Она, как и обычное жилище, снабжена нужными запасами и всегда готова к использованию (все примечания — авторские).

² Melucha — департамент Моссад, который отвечает за тайные операции в Европе и вербовку агентов. Ранее его кодовое имя было «Цомет» («Tsomet»). Он разделён на отделы по географическому принципу, которые поддерживаются резидентурами на местах.

ской группировки под названием *Westland New Post* (WNP). Об этом, в любом случае, сообщали внутренние источники Моссад.

Формирующиеся правые, в рядах которых было немало активных полицейских, провели под охраной бельгийской спецслужбы серию особо жестоких разбойных нападений. Эти террористы прославились под названием «Брабантские убийцы».

В сентябре и ноябре 1985 г. они провели несколько нападений на супермаркеты и совершили политическое убийство бельгийского священника. Кроме того, они совершили ряд угонов грузовиков, приписанных позднее другим преступникам, которые были «застрелены при попытке к бегству».

Нападения не имели никаких финансовых мотивов. Их целью был чистый террор и дестабилизация бельгийского правительства, склонявшегося влево. Три члена группы вынуждены были покинуть страну в 1985 году.

Они сбежали в Израиль и получили в Моссад новые документы, что было частью соглашения, которое первоначально было заключено с бельгийскими партнёрами правэкстремистского крыла.

Требование бельгийцев к Моссад, найти путь, по которому правым экстремистам поступало бы оружие, без уведомления об этом бельгийских партнёров, и привело к молниеносному манёвру, в который я был замешан на Кипре в 1986 году.

Барда указал правым тайник СССР с оружием, которое им продал Моссад. Он сказал им, что они смогут его забрать, когда полицейские арестуют коммунистов.

После десятиминутных усилий, когда я перебирался с одного качающегося корабля на другой, я за день до передачи ключа человеку из СССР встретился с Зеевом Алоном. Он был руководителем технических спецопераций и покидал остров. Его присутствие на яхте было очень необычным.

Я был в отделе вербовки и не был знаком со спецоперациями. Он же, напротив, поддерживал со своим подотделом «прудот» в основном «агентов-бойцов»³ сверхсекретного департамента Метсада⁴. Они обычно используют бойцов в арабских странах для проведения спецопераций по линии подразделения «Кидон»⁵.

Зеев сообщил мне о новом дополнительном задании. Я должен был теперь поработать, так называемым, «ретранслятором» или станцией подтверждения (как дублёр — «бэк-ап») при проведении операции, которая, по воле обстоятельств, была спланирована в самую последнюю минуту.

— Кипр для нас не самое гостеприимное местечко, — сказал он. — Чем меньше у нас там лю-

³ «Бойцы» — агенты-«нелегалы», израильтяне, вербованные для проведения опасных операций в тылу противника. Бойцов готовят отдельно от других сотрудников Моссад, и они ничего не знают об организации, чтобы они не смогли ничего выдать, в случае пленения.

⁴ Metsada — отдел Моссад, на который работают «бойцы» и группа «Кидон».

⁵ Kidon — подразделение отдела «Метсада», ответственное за силовые спецоперации и убийства в тылу противника. Все убийства Моссад приходятся на счёт «Кидона» (по-русски — «штык»).

дей, тем лучше.

Лидер ливийской революции Муамар аль-Каддафи пригласил на трёхдневную «встречу на высшем уровне» так им называемые «Панарабские команды революционных сил арабской родины». Иными словами, речь шла о встрече всех ведущих руководителей терроризма.

Лакомый кусочек для Моссад, который он упустить не мог.

В связи с этим в Ливию был послан агент-боец под прикрытием документов корреспондента франкоязычного журнала «Африк-Ази». Агент узнал, что после конференции многие палестинские вожди полетят в Сирию на частном реактивном самолёте «Гольфстрим-2». Моссад убедил премьер-министра Переса дать согласие на угон самолёта.

Из-за весьма щекотливого характера этой операции босс Моссад хотел иметь свидетеля, который на месте подтвердил бы, что люди, ради похищения которых всё это было затеяно, действительно сели в самолёт. Он должен был послать кодированное сообщение об этом через мобильную систему связи.

Торговое судно, находившееся на пути в Гибралтар, должно было ретранслировать это сообщение в Израиль. Необходимость связи-дублирования была известна из-за прежних проблем передачи сообщений подобного рода. Эта связь нуждалась в хорошей погоде, что не во все времена года было возможно.

Теперь мне предстояло стать системой-дублёром. Это должна была быть простая и надёжная операция. Боец, как только он увидел бы людей на борту самолёта, должен был передать сигнал об этом, а также позвонить мне в гостиницу. Когда они были бы на борту, он должен был сказать мне, что кукушка покинула гнездо. Тогда я по «биперу» (мини-передатчику) дал бы сигнал, подтверждающий сообщение.

После этой информации Зеев пожелал мне удачи, перебрался на борт «Дабура» и поплыл назад в Израиль. Без сомнения, был ещё и третий дублёр, о котором я ничего не знал.

Встреча с бельгийцем и передача ключа прошли гладко. Через 9 дней, 12 февраля 1986 года, бельгийская полиция взяла этого парня и его товарищей из СССР. Террористы имели при себе два центнера взрывчатки и тысячи зарядов.

Одновременно правые, криминальные партнёры Моссад, вломились в несколько складов в окрестностях Антверпена. Фашисты захватили привезённые на двух полностью набитых грузовиках горы лёгкого стрелкового оружия и несколько тонн боеприпасов.

Только с дополнительным заданием у меня возникли трудности. В моей гостинице в Ларнаке я познакомился с палестинским коммерсантом из Аммана, «установил контакт», как это называется на нашем жаргоне. Он был одним из немногих туристов в отеле.

Такие недозволенные контакты были абсолютным табу, но было известно, что все оперативные «полевые» офицеры постоянно это табу нарушали. Люди рискуют: если это сработает, то ста-

нешь героем, если нет — будешь об этом молчать.

Выяснилось, что коммерсант прибыл прямо из Ливии и поддерживал контакты с ООП. От него я узнал, что в Триполи нас перехитрили. Он сказал мне примерно так: «Израильтяне завтра нажрут дерьма!». Я знал, что в штабе Моссад учитывалась возможность того, что нас перехитрят, но никто не думал, что палестинцы на это способны.

Я попытался выйти на контакт с тем, кого я знал в нашей системе, чтобы предотвратить то, что казалось уже неизбежным. Я боролся с бесчисленными препонами, воздвигаемыми перед командно-контрольным центром Моссад во время каждой операции.

Ирония состояла в том, что промежуточные препятствия-«буфера», задуманные для усиления безопасности, сейчас блокировали предупреждение. Командный центр находился на авиабазе Маханех Давид. Меня не покидало чувство, что кто-то был сильно заинтересован в провале операции.

Я получил звонок «бойца» и передал его сообщение, так как я был только реле-станцией, ретранслятором, я должен был передавать его чисто в таком виде, в каком оно пришло, и не мог ничего ни убавить, ни прибавить, хотя я был почти уверен в том, что сообщение ошибочно.

Я никогда так и не узнал, было ли сообщение передано на корабль ВМС или нет. Возможно, что было, но этот факт был настолько тщательно скрыт до завершения операции, чтобы в случае неудачи её можно было списать на козла отпущения, в роли которого должен был выступить именно я. И, конечно же, самолёт был перехвачен и принуждён к посадке, и важных птиц на его борту не было.

Я покинул Кипр на яхте, которая должна была доставить меня на борт катера «Дабур». Но кто-то хотел, чтобы я ещё не прибыл в Израиль в это время. «Дабур» получил приказ, проторчать в море ещё несколько дней. Командование ВМС приказало капитану катера сымитировать поломку двигателя. Я знал, что кое-кто таким образом выигрывает время, чтобы сделать из меня козла отпущения за эту проваленную операцию.

Мне не было понятно, как можно это сделать, если, конечно, агент-«боец» не будет перевернуть историю. В таком случае я буду тем, кто неправильно понял сообщение агента. Я не сомневался в том, что все записи, свидетельствующие о моих попытках предупредить командный центр, были стёрты и уничтожены, и это предположение оказалось верным.

Когда мы, наконец, прибыли в порт Ашдод, приветствовать меня прибыл Орен Рифф, тогдашний начальник штаба бюро Моссад. Мне пришлось взять на себя ответственность за неудачу. Я должен был знать, что это делается ради блага бюро⁶. У меня не было другого выбора, и я согласился.

Глава 2. Февраль 1986 года. Израиль

В середине февраля «Кипрское фиаско», как его назвали, уже отошло в прошлое. Я же оставался под постоянным наблюдением. Жизнь стала для меня очень тяжёлой, пока надо мной нависала эта тень.

Я всё ещё был работником на испытательном сроке, который в Моссад длится 4 года, кроме того, я был под специальным надзором. Почти все мои коллеги не хотели сотрудничать со мной из-за этого особого наблюдения.

— Не всегда можно быть совершенным, — говорил мне Арик, один из моих коллег. — Когда ты совершаешь ошибку, и тогда все наваливаются на тебя. Почему бы тебе просто не сдать и не оставить службу?

Я знал, что он прав, но у меня не было желания капитулировать. Для меня служба в Моссад была наивысшим, чего может достичь человек. У нас шутили, что Мессия, если его пришествие состоится, точно будет человеком Моссад.

Я работал вполсилы, контролировал в два раза тщательнее любой свой шаг, чтобы удостовериться, что всё происходит абсолютно безукоризненно. Я не хотел доставлять удовольствие своим руководителям поймать меня на чём-либо.

Я знал, что они из-за моих политических убеждений были бы рады от меня избавиться. Я был центристом, но по меркам Моссад я был левым, возможно даже слишком левым.

Постоянное напряжение стоило мне дорого. Моя семейная жизнь никак не улучшалась. Под подобным давлением, в первую очередь, всегда страдает семья.

По правилам Моссад все агенты должны вступить в брак до их отъезда на службу за границей, но только у немногих семейная жизнь была счастливой, даже в случае вторых браков.

Я начал поздно приходить домой, потому что старался проводить своё небольшое свободное время в кабачке с друзьями. Это была постоянная болтовня. Если кто-то вставал и уходил первым, ему перемывали косточки и едко над ним насмеялись. Поэтому самым лучшим было сидеть «до упора».

Я знал, что виновен в том, что пренебрегаю своей женой Беллой и детьми. Но я тешил себя тем, что это была, на мой взгляд, только временная ситуация, и что я всё исправлю, как только меня полностью включат в систему, как полноправного сотрудника.

Работа в Моссад всегда была своего рода извинением за постоянно поздний приход домой. Вместо того, чтобы обратиться к жене, которая была моим лучшим другом, я удалялся от неё. И она не хотела видеть никого из бюро: она их всех видела насквозь.

Так как я ничего не мог изменить в сложившихся обстоятельствах, то я успокаивал себя мыслью, что Белла просто ошибается. В конце концов, я ведь принадлежал к Моссад, к элите, к немногим избранным. Но дома я больше не был человеком

⁶ «Бюро» — так сотрудники Моссад именуют свою организацию. Моссад никогда не называют своим настоящим именем.

Моссад, и это было в порядке вещей.

Среда, 12 февраля 1986 года

Мы проводили маленькую операцию в единственной стране мира, где Моссад не имел права работать — в самом Израиле. Хотя не существует правил, регламентирующих деятельность Моссад, это является неписанным законом, соблюдение которого болезненно строго контролирует «Шабак»⁷. В случае неудачи, операция должна была показаться простыми учениями.

Эта особая операция должна была пойти на пользу двум фирмам, занимающимся оптической электроникой: «Эль Оп» и «Реховор Инструментс». Эти фирмы работали над созданием специального аппарата, который мог бы посылать и передавать цифровые фотографии (DPI), и соответственного оборудования для т.н. «Мазлатс», беспилотного летательного аппарата с дистанционным управлением.

Это был совместный проект Израильской авиастроительной компании IAI (*Israeli Aeronautical Industries*), филиала Корпорации военной промышленности Израиля *Israeli Military Industries* (IMI), и американской фирмы AAI из Балтимора, штат Мэриленд, которая находилась в собственности *United Industrial Corporation*.

Создание DPI оказалось очень дорогим и технически проблематичным. IAI, которая обладала огромным финансовым и военно-техническим потенциалом, входила в список фирм, которых поддерживал Моссад. Моссад задумал специальный план, чтобы вытянуть из болота эту застрявшую телегу.

IMI было сказано, что она должна заключить соглашение о разработке с американской корпорацией *Recon Optical Industries*. «Рикон», ведущая американская фирма в сфере создания той технологии, которая была нужна нашим фирмам, также участвовала в тайном американском проекте, который должен был значительно улучшить возможности тактической и стратегической разведки американских вооружённых сил.

На основе совершенно другого и не связанного с вышеупомянутым проекта, который, к тому же, финансировался американцами в рамках их военной помощи Израилю, военно-воздушные силы Израиля заключили соглашение с «Рикон».

План Моссад состоял в том, чтобы израильские офицеры ВВС сотрудничали с американцами. Их задачей был бы технический надзор и контроль качества. Но на самом деле они должны были красть технологию, чтобы Израиль смог сэкономить расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы и составить конкуренцию на рынке обворованным им же американским компаниям.

Ещё до начала нашей операции несколько групп агентов Моссад пробрались на военно-воздушную базу Рамат-Ган близ Тель-Авива и тайно перетащили в картотеку резерва ВВС папки с личными делами сотрудников фирмы «Эль Оп».

⁷ Служба внутренней безопасности Израиля, по целям схожа с американским ФБР.

Это позволило бы инженерам «Эль Оп», замаскированным под израильских офицеров ВВС, посещать США и стажироваться там, на фирме «Рикон».

Нашей целью сейчас было проделать то же для фирмы «Тадиран».

Арик и Амир вынырнули к моменту смены караула на главном въезде на базу уже в форме охранников и с соответствующими документами. Настоящий караул был задержан нашей другой группой, которая действовала под видом военной полиции.

Фельдфебель — начальник караула — получил по телефону из управления кадров указание, что ему придаются два новых охранника — Арик и Амир. На самом деле это звонил я из телефонной будки, но фельдфебель принял это за чистую монету. Всё, что ему было нужно, это два человека на воротах.

Мы приближались к главному зданию, когда Йоси сказал мне:

— Я хочу, чтобы ты кое с кем познакомился.

— Сейчас? Йоси и я были в военной форме с нашивками старшего ефрейтора.

Я припоминаю, что он кивнул и улыбнулся. Для него это не было проблемой.

— Понимаешь, Йоси, — прошептал я, когда мы поднимались на небольшой холмик перед зданием управления, — мы сейчас в самом разгаре «упражнения» и нам действительно нужно кое-что сделать. Не можем ли мы это сделать в другой раз? Мы ведь можем каждый день проходить на базу. Нам только нужно показать наши пропуска.

— Да, — и он скорчил на своём детском личике хитрую гримасу. — Я знаю это, но мы именно сейчас здесь. Я всё устроил так, чтобы у нас хватило на это времени.

Он замолчал, когда к нам приблизились два офицера. Мы небрежно поприветствовали их, но они даже не удосужились ответить на наше приветствие. Когда они удалились, Йоси продолжил:

— Если всё пойдет по плану, у нас будет 10 минут времени, пока нам не нужно будет возвращаться.

— А что сможем мы сделать за десять минут?

— Я хочу, чтобы ты кое с кем познакомился.

— А если я этого не хочу?

— Я не могу тебя принуждать ни к чему. Но я скажу, что я уже не могу выносить твою траурную рожу и твои шарканья взад-вперёд. И я тебя хочу хоть ненамного вернуть к жизни.

— Я ценю это, спасибо, но...

— Я говорю о женщине, которая обязательно хочет...

— Я же не буду из-за этого вламываться ночью на военную базу.

Йоси замолчал. Мы достигли здания, которое было нашей целью, остаток из времён британского правления, светло-жёлтый прямоугольный дом с тремя рядами маленьких окон. На ветру шуршала листва эвкалиптов на площадке перед зданием.

Под лучами заливающего света фонарей с

улицы и с высокого ограждения деревья отбрасывали причудливые тени на чисто отштукатуренные стены и создавали беспокойные подвижные картины, которые полностью соответствовали моему душевному состоянию.

Йоси стал серьёзным. Теперь было время работы и, к моему облегчению, он полностью сконцентрировался на ней.

— У тебя всё с собой? — спросил он.

Я полез рукой под рубашку и нащупал там большой пластиковый конверт.

— Да.

— Тогда вперёд.

Мы вбежали на узкую лестничную клетку. Мы должны были быть осторожны: на каждом втором этаже нас могли увидеть снизу. Дом сам не был особо охраняемой зоной, но если охрана увидит нас на лестнице или внутри, могут возникнуть проблемы. Обход совершали три патруля.

После проникновения внутрь, мы заторопились. Сначала мы проверили, что поблизости нет ни одной обнимающейся парочки — любимое занятие израильских солдат, которые должны оставаться на базе, и не выполняют при этом каких-то служебных поручений.

Комната была полна шкафов с картотеками, а на противоположном конце стоял огромный серый сейф. Йоси подошел к письменному столу у двери и открыл ящик.

— Иди к сейфу. Сейчас я тебе прочитаю комбинацию.

Я подошёл к сейфу и поставил диск на «ноль».

— Откуда ты здесь возьмёшь номер?

— В этом-то и состоит разница между агентом и взломщиком. Я установил контакт с девчонкой, которая здесь работает, и провёл с ней некоторое время.

— Правда?

— Не смейся. Это жертва с моей стороны, — сказал Йоси.

— Жертва?

— Ты должен её увидеть. Поверь мне, это была жертва. — Он хихикнул.

— Ты же не должен был затягивать ее в постель.

— Там и не было постели. Впрочем, я не могу иначе, но для меня всегда считается: женщина это женщина.

— Чего же ты теперь причитаешь?

Он пожал плечами и заглянул в ящик стола.

— Семнадцать направо, четыре налево. И так продолжалось, пока замок не открылся. Я повернул хромированное колесико и открыл дверь сейфа. Внутри штабелями лежали папки с личными делами. Мы поменяли их менее чем за пять минут и были готовы к отходу.

Внезапно послышался шум у внешней двери. Мы оба замерли. Мы не знали, делает ли патруль обход и внутри здания или только смотрит, чтобы входная дверь была закрыта.

— Ты закрыл входную дверь? — прошептал

я.

— Да, я запер её!

Мы тихо подошли к окну и выглянули наружу. Было достаточно высоко. После того, как они проконтролировали дверь, охранники ушли дальше. Это были солдаты-женщины. Мы вздохнули с облегчением, увидев, как они удалились от здания.

Всё прошло хорошо. Теперь мне только хотелось смыться отсюда как можно скорее. Я закурил сигарету мы пошли к воротам.

Йоси посмотрел на часы.

— У нас ещё есть двадцать минут, намного больше, чем запланировано.

— О чём ты говоришь? Мы справились с делом. Чего мы ждём?

— Дов говорил, что мы не должны уходить раньше десяти.

— Ты хочешь сказать, что они на нас ещё что-то навесили?

Чтобы получить полную отдачу от нашей работы, учебный персонал Моссад частенько при проведении, в общем, простых операций подбрасывал нам дополнительные вводные. Они хотели проверить нас и удостовериться, знаем ли мы, что за нами наблюдают.

Подобные тренировки делаются и в Европе, когда агенты проводят рутинные операции. Знание того, что агентов могут контролировать проверяющие, должно заставить их стараться всегда.

— Всё равно, — сказал Йоси. — Мы не можем выходить раньше десяти часов и то, только по одиночке. Если всё чисто, мы встретимся где-нибудь. Если нет, то делай то, что ты должен делать. Я пойду последним, как настоящий капитан. Так ты идёшь со мной? Я хочу, чтобы ты кое с кем познакомился.

— Забудь об этом, Йоси. Я не в настроении.

— Тогда сделай это ради меня. Хаим и я не можем всё делать одни, нам нужен третий. Мы уже трахали её в прошлом месяце. А Хаим знал её еще раньше, в Хайфе.

— Почему ты не позвонишь Джерри? — скривился я.

— У нас там есть женщина и нам нужен ещё один мужчина. Ну, пойдём же.

Он был решительно настроен вытащить меня из моей депрессии, а секс казался им лучшим методом для этого. Мы подошли к серому блочному дому, который находился между воротами и главным зданием. Начинался дождь. Я стал под козырьком за спиной у Йоси, когда он постучал в дверь.

Йоси прошептал: «У меня сейчас нет времени рассказывать тебе всю историю. Представь себе, что мы из «Шабак». Но будет самым лучшим, если ты вообще будешь молчать. И мы, конечно, не женаты, никто из нас. И не называйся ей, я имею в виду фамилию». Он постучал ещё раз.

Нежный женский голос ответил:

— Кто там?

— Йоси.

— Заходи.

Он медленно открыл дверь и втащил меня за

собой.

— Дина, как твои дела? Он подошёл к стройной, удивительно красивой блондинке, которая сидела за большим металлическим столом. На ней был большой для неё зелёный армейский свитер, на рукавах которого небрежно были пришиты сержантские нашивки, узкие отбеленные джинсы обтягивали её ноги, высывающиеся из-под стола и почти касавшиеся маленькой горячей печки.

Йоси нагнулся и поцеловал её в щечку. Потом он стал за ней, положив руки ей на плечи, и сказал: «Милая, это мой друг Дан».

Я улыбнулся ей, она ответила мне улыбкой. Я был растерян, не находил себе места, но на меня гипнотически воздействовали её голубые глаза. По комнате скакали красноватые отблески огня в печке, и я начал чувствовать тепло.

— Что вы здесь делаете? — спросила она Йоси.

— Инспекцию. Мы проверяем, надёжно ли охраняется это место.

— Ну и как, надёжно?

Йоси подумал минутку и подошел к ней поближе.

— Не волнуйся, ты в безопасности, пока мы здесь.

Она взглянула на меня и улыбнулась. Йоси склонился к ней и поцеловал её в губы. Поцелуй длился бесконечно. Когда я повернулся и хотел уже уходить, я увидел, как она медленно подняла руки и держала его голову.

Его рука скользнула в вырез свитера и стала щупать ее грудь. Я подождал снаружи пару секунд, пока не услышал, как он сказал: «Послушай, милая, один из нас придет сегодня к тебе, где-то в полночь».

— О'кей. Если меня здесь не будет, тогда ты знаешь, где лежит ключ, не так ли?

Йоси вышел и ухмыльнулся, закрывая за собой дверь.

— Ну, дружище, если всё пойдёт хорошо, то мы увидим Дину в полночь.

Глава 3.

Покидая базу, я думал о том, не наблюдают ли за мной. Это уже стало моей второй натурой. Когда я удостоверился, что «чист», то позвонил Дову. Телефон позвонил дважды.

— Да? — прохрипел Дов.

— Это Кид.

— В чем дело?

— Я только хотел тебе сказать, что я «чист».

— Точно?

— Абсолютно уверен.

— Где ты?

— На перекрёстке Элит. Есть ещё какие-то дела? Я хочу как можно быстрее вылезти из этой вонищей униформы.

— Ты на какой стороне перекрёстка?

— Возле алмазной биржи.

— О'кей, подожди минутку. Пауза в две минуты. Когда он вернулся, он сказал только: «Спокойной ночи. До завтра». Его голос звучал немного цинично, что было обычным для него. Этому он научился у Мусы, своего шефа, и развил дальше это качество.

Я ещё не повесил трубку, как возле телефонной будки, визжа тормозами, остановился полицейский автомобиль. Я видел, как полицейский в форме выпрыгнул из машины и направился ко мне. Я медленно повесил трубку и повернулся к нему.

Я знал эту рутинную процедуру — типичная учебная тренировка, чтобы мы познали на своей шкуре всё то насилие, которое может быть использовано против нас при задержании за границей. Я ухмыльнулся; это не было хорошей идеей, но мне было всё равно. Я знал, что смогу это перенести.

— Эй, ты! — заорал полицейский.

Мне эта ситуация показалась смешной. Я ещё припоминал, как меня в начале волновали и пугали подобные встречи.

— Что? — Мне пришлось хихикнуть. — Ты ко мне обращаешься?

— А что тут смешного?

— Ты ко мне обращаешься?

— Ты думаешь, что это смешно, не так ли? Я тебе сейчас покажу, насколько это смешно.

Он дёрнул дверь и всунул свою бульдожью рожу в будку так, что почти коснулся меня. Нас всегда учили на тренировках, как мы должны действовать в подобных ситуациях. Я всегда должен быть очень дружелюбным, готовым к сотрудничеству, приветливым, чтобы успокоить его и устранить проблему.

Но на это у меня сейчас не было настроения.

— Ты ко мне обращаешься? Слова просто сами выскакивали из меня, а ухмылка становилась ещё шире.

Он схватил меня за воротник рубашки и толкнул к стенке будки. Я ударился о железную полочку под телефоном и почувствовал резкие колющие боли в ногах.

— У тебя документы с собой?

Его лицо было перекошено от ярости из-за моей улыбки. Он повернулся к своему напарнику, который медленно выходил из машины.

— Мы тут поймали неплохой улов. Нужно ли нам везти его в город, чтобы дать там ему настоящую взбучку?

Второй полицейский был настоящим великаном.

— Ну, маленький солдатик, — сказал он, — я уже вижу, что ты с нами с удовольствием поиграешь.

— Ты ко мне обращаешься?

Я больше не ухмылялся. Пока маленький полицейский держал меня, второй ударил меня своей гигантской, хоть и не сжатой в кулак рукой, по лбу, так, что я затылком врезался в стекло будки.

Я услышал звон разбитого стекла. Я почти потерял сознание — то ли из-за рук на моём горле, то ли из-за парового катка, который меня только что

переехал.

Внезапно полицейские схватили меня и вытянули из будки. Неожиданный глоток свежего воздуха вернул меня в сознание.

— Ты поедешь с нами, маленький солдатик, — сказал один из них, втискивая меня на заднее сиденье патрульного «Форда-Эскорта».

— Откуда ты взялся? Он зажал мою голову между моими коленями, выкрутил руки за спину и надел на них наручники.

— Ты ко мне обращаешься?

Короткий удар в спину заставил меня вскрикнуть. Когда я попытался поднять голову, он снова нагнул её вниз, так что мои губы упёрлись в колени. Я остался внизу. Что бы ни случилось, они не должны оставлять никаких следов на моем лице.

Моё лицо было важнейшим инструментом моей странной профессии. Я не смог бы выполнять свою работу с избитым до синяков лицом. Я знал, что по их инструкциям они не должны ранить меня и оставлять на мне видимых следов побоев, но легавые часто срывались с поводка.

Я хотел сказать им: «Я знаю ваш трюк и давайте закончим», но единственными словами, которые я произносил, были: «Ты ко мне обращаешься?»

Я больше не мог сконцентрироваться. Кроме того, этот ублюдок постоянно то подымал меня за голову, то бил по рёбрам. Острая боль время от времени вырывала меня из моей апатии и заставляла вернуться к реальности. Я знал, что стоит мне захотеть, и я закончу эту игру, но что-то мешало мне поступить так.

Пытка длилась почти целый час, пока мы не подъехали к тому же месту, где они меня взяли. Машина остановилась, водитель повернулся, схватил меня за волосы и повернул моё лицо вверх. Я мог видеть всё только расплывчато, а в моей голове колотили молотки.

Горилла сильно вспотел.

— Что ты тут делаешь, маленький ублюдок? — прошипел он мне прямо в лицо и ещё сильнее схватил за волосы.

— Ты ко мне обращаешься? — пробормотал я.

Я чувствовал, что они сбиты с толку. Это не походило на обычный для них процесс. Они не были уверены в том, что я или они не делают что-то неправильно. Горилла уставился в окно и был, очевидно, озабочен, не зашёл ли он слишком далеко.

— Да, засранец, я к тебе обращаюсь, — сказал он, наконец.

Я ещё сам не осознавал, как нужна мне была эта маленькая победа.

— Почему же ты это мне сразу не сказал? — я слабо улыбнулся.

Он облегчённо улыбнулся мне в ответ и отпустил мои волосы. Его друг снял с меня наручники и осторожно помог мне выйти. Перед тем, как закрыть дверь, он взглянул на меня:

— Ты в порядке? Ты не сердишься на нас?

— Я не сержусь.

Я пожал плечами и поплелся назад в телефонную будку. Выбитое стекло глядело на меня. Мне казалось, что прошло очень много времени, я почти забыл, с чего это всё началось. Я набрал номер и на втором гудке трубку взял Дов.

— Это Кид, — сказал я.

— В чём дело?

— Ты сукин сын. Я только что спустился с американских горок.

— Почему это длилось так долго?

— Я не знаю. Наверное, были проблемы со связью у владельца «Луна-парка».

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу этим сказать, что я сыт по горло, козёл! Что же ещё?

— У тебя всё в порядке?

— Ну, а как же иначе? Это я переживу.

— О'кей, напиши всё в отчёте. Завтра мы увидимся.

Он повесил трубку.

Я набрал ещё раз, на этот раз номер приёмной в Академии, где мы тренировались. Йоси и Хаим должны были быть там. Мы договорились, что мы ждём там, пока не придет последний из нас. На часах было 23.40, Йоси поднял трубку после пятого гудка. Он задыхался, как после долгого бега.

— Да?

— Йоси?

— Эй, Виктор, где ты, чёрт побери? Мы уже хотели бросить тебя.

— Кто это «мы»?

— Хаим и я, кто же ещё?

— Почему ты кашляешь и задыхаешься, будто только что пробежал марафон?

— Мы играли в настольный теннис. Что ты собираешься делать?

— Ничего особенного. Мне нужно местечко, где я мог бы расслабиться и отдохнуть.

Он хихикнул.

— Я думаю, что конфетная фабрика подойдет.

— Конфетная фабрика?

Я после побоев был все еще не в состоянии быстро соображать.

— Дина, я говорю о Дине. Хаим и я дали ей кодовое имя «конфетная фабрика». Где ты сейчас?

— Я на перекрёстке Элит в Рамат-Гане.

— Мы заберём тебя через 10 минут у маленького универмага «Лондон».

— Пока. Я повесил трубку и поймал такси. Через пару минут я уже стоял на углу и смотрел в северном направлении вдоль улицы Евен-Гвироль. Джип остановился прямо передо мной.

Хаим сидел сзади. Он высунул свою лысую голову из окна.

— Ну, запрыгивай. У нас не вся ночь в распоряжении. У нас ещё есть работа.

— Работа?

— Да, одно адвокатское бюро. Мы должны пробраться в бюро и сфотографировать парочку дел.

— С каких это пор?

— Со вчерашнего дня.

— Почему я ничего об этом не знаю?

— Ты не входишь в нашу команду. Мы это не выбрали, нам приказали.

Я почувствовал дрожь в спине. Йоси, Хаим и я были почти с самого начала в одной команде. Не было никакого смысла разрывать нас, мы взаимно дополняли друг друга. Я мог представить себе только, что кто-то заинтересован в моей изоляции.

Я не был параноиком. Если бы это было законным шагом, то они сообщили бы мне об этом и дали бы мне объяснения. Но то, что всё происходило за моей спиной, было наихудшим. Но в этом я не мог ничего изменить. Самым разумным было — просто принять это так, как есть.

— Разве мы тебе не сказали, что в полночь будем у неё? Я рванул за ними. Ожидаемая встреча возбуждала меня.

— Я тоже так думал, — сказал Йоси и повернулся к нам. — Мы быстро оставим Виктора у неё, а потом сделаем нашу работу. Затем мы вернемся и заберем тебя.

— Или присоединимся к тебе, — сказал Хаим.

Я кивнул:

— Пойдёт.

— Мы зайдём с тобой к ней на чашечку кофе, а потом смоемся, — добавил Йоси.

Я рассказал им о моей встрече с полицией.

— Они тебя сильно избили? — спросил Йоси.

— Достаточно. Я сам на это нарывался.

— Я думал, ты словами можешь любого припереть к стенке.

Хаим пристально разглядывал меня.

— Не знаю. Действительно не знаю. Могу только сказать, что у меня не было желания разговаривать с ними.

Мы ехали в сторону улицы Диценгофф. На углу улиц Диценгофф и Гордон Йоси так круто повернул, что джип чуть не перевернулся. Он остановился у тротуара.

— Славно припарковался, — заметил я. — Ты всегда делаешь так?

Мы засмеялись. Гордостью каждого в нашей профессии было право нарушать правила движения. Номер джипа был поддельный, но если бы даже полиция и внесла его в компьютер, его всё равно заменили бы через пару дней.

У нас также была идентификационная карта, с помощью которой мы могли где угодно послать подальше любого легавого. Это был наш джокер, и мы только и ждали момента воспользоваться им.

— Мы на месте, — провозгласил Йоси и выпрыгнул из машины. Хаим и я последовали за ним. Это был типичный для Тель-Авива жилой многоквартирный дом.

— Это здесь. Йоси остановился у правой двери на тёмной лестничной клетке. Он повернулся ко мне перед тем, как нажать кнопку звонка. — Помни, что мы из «Шабак», что мы холостяки и что... Он повернулся к Хаиму: — Где мы живём?

— В Натанье.

— Почему в Натанье? Почему из «Шабак»? — спросил я.

— Натанья — потому, что это далеко, а из «Шабак» — потому, что мы не можем говорить, что мы из Моссад. Понятно? Мы не хотим быть полицейскими, а это ближе всего.

— О'кей, с этим я могу жить. Как часто нужно вспоминать эту легенду?

— Мы её рассказали ей один раз, — тихо сказал Хаим.

— И больше мы об этом не говорили, — заметил Йоси и позвонил.

Я был спокоен потому, что недавно испытал хорошую трёпку. Я был недалёк от того, чтобы уснуть на месте. Чувство вины, которое я испытывал в связи с подобными авантюрами, было приглушено. В моём подсознании мне казалось, что я уже был сегодня наказан — ещё до того, как совершил этот грех. Кроме того, мне ещё не было ясно, настолько ли далеко это зайдёт, чтобы я почувствовал себя виноватым.

Звонок прозвучал резко и неприятно, голос, который последовал за ним, был мягким и почти неслышным.

— Подождите, пожалуйста. Она взглянула на нас сквозь дверной глазок, затем открыла дверь. — Привет, ребята, я уже думала, что вы больше не придёте, и хотела идти спать. Она сделала шаг назад, чтобы пропустить нас.

— Не отрывайся от нас, — сказал язвительно Йоси, — мы можем сразу следовать за тобой.

Она закрыла дверь за собой. Хаим сразу направился к большой кровати в центре комнаты и плюхнулся на неё. Комната была слабо освещена, в воздухе чувствовались влажность недавно принятой ванны и легкий аромат духов. Этот запах придавал чувственность. Я ощущал именно аромат женщины. Комната была обставлена просто, тепло и соблазнительно. Я заметил, как с каждой минутой сильнее стучит моё сердце.

Дина была прекрасна в своём длинном платье. Она медленно пошла в сторону ванной, затем включила свет в помещении, которое я вначале совсем не заметил. Это была маленькая кухня. — Не хотите чего-нибудь выпить?

— Для меня кофе, — ответил Хаим, не оборачиваясь.

— Забудь об этом, — послышалось из ванной. — Нам ещё нужно кое-что проверить. Мы позже заберём Дана. Мы всегда находили повод, чтобы использовать агентурные псевдонимы вместо настоящих имён, что бы мы ни делали. Это вошло в привычку, стало нашей второй натурой.

Йоси вышел из ванной, прижал девушку к себе и поцеловал её. Она не показывала сопротивления. Он отпустил её и повернулся к Хаиму.

— Пойдём, старик. У нас ещё есть дела и у Дана тоже. Он повернулся ко мне. — Согревай постель, пока мы не вернёмся.

Меня взбесило, как он себя вёл, как будто бы он обидел меня, хотя на самом деле это она должна была чувствовать себя обиженной, но она не оби-

жалась. Меня рассердили её покорность и то, что он эту покорность использовал. Она закрыла дверь, прислонилась к двери и посмотрела на меня. Я смутился. Я пришел сюда из-за секса и не был настроен ни на что другое.

— Хочешь чего-нибудь выпить? — спросила она и впервые улыбнулась мне.

— Кофе, пожалуйста, если можно.

— Устраивайся поудобней. Я сейчас вернусь.

Она проскользнула сквозь комнату, распространяя свой аромат, я почувствовал упругость в своих брюках. В кухне загремели чашки. Я зажег сигарету и взял в руки маленький блокнотик, который лежал на прикроватном столике.

Я раскрыл его и увидел, что он весь исписан мелким аккуратным почерком. Моей первой реакцией было сразу же положить его на место. Но потом я всё же заглянул в него.

Я снова почувствовал стыд. За каким чёртом меня, тридцатисемилетнего женатого мужчину, отца двоих детей, занесло в постель этой молодой женщины?

Я начал читать. Сначала я не понимал смысла — короткие, рифмованные положения, значения которых я не улавливал. Дина вошла с двумя чашками в руке и села возле меня на кровать. Её колено выскользнуло из платья и вроде бы случайно коснулось моего. Я кашлянул. Она начала пить свой кофе, и её лицо наполовину спряталось за чашкой. Я поднял книжечку. — Это ты написала?

Она молча кивнула, как будто бы ожидала, что я скажу еще что-то.

— На самом деле?

— Да, — ответил она, поставила чашку и улыбнулась мне.

— Почему?

Она придвинулась поближе, её улыбка стала шире.

— Как тебе это нравится?

— Я нахожу это великолепным.

Она отодвинулась назад и тихо засмеялась.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что я сказал. Мне было ясно, что любой, кто испытывал бы такую же сексуальную страсть, как я сейчас, не дискутировал бы о поэзии.

— Мне в самом деле жарко, — сказал я.

— Почему ты не примешь душ и не переоденешься? Кажется, тебе бы это помогло.

— Ты имеешь в виду, что от меня воняет? — засмеялся я.

— Нет, нет, вовсе нет...

— Ну, хорошо. Я встал и пошел в ванную.

— Но у меня нет другой одежды, чтобы переодеться.

— Возьми банный халат на двери и ещё ты можешь взять что-то из вещей моего мужа.

Я остолбенел.

— Твоего кого?

— О, не беспокойся. Он здесь больше не живёт.

У меня вырвался вздох облегчения. Когда я

вышел из душа, комната была совсем темной, кроме мерцания огонька в печке.

— Ну, иди же в кровать, — послышался из угла её голос. — Я сейчас приду.

Мой пульс бешено колотился, когда я лёг в кровать. Затем она вошла, совсем голая, в красном свете лампы. Она села рядом со мной и прислонила свое стройное нежное тело к моей согнутой ноге. Потом она нежно ощупала мою грудь. Я был на грани взрыва. Она могла чувствовать, как сильно я её хочу.

Она улыбнулась. Она была, очевидно, счастлива. Я сел и взял в одну руку её маленькую грудь, а другой рукой гладил всё тело, которое, казалось, колыхалось под моим прикосновением. Она прижала меня назад к кровати и опробовала с любовью каждую часть моего тела. Потом она медленно села на меня.

Я помню только, что я сказал Йоси и Хаиму, когда они хотели забрать меня, что останусь здесь на всю ночь, а с ними встречу завтра утром. Это было моим бегством от жестокой реальности, и я хотел, чтобы оно продлилось хотя бы одну ночь.

Глава 4. Четверг, 13 февраля 1986 года

Утром я снова был в Академии. Я бежал к зданию, натянув моё пальто на голову для защиты от дождя.

Дов, руководитель наших тренировок, сердито взглянул на меня, с редкой для его круглого лица grimасой. Он остановил меня, пока я не взял свою чашку кофе.

— Где, чёрт побери, ты был?

— У нас была договорена встреча? — сухо спросил я.

— Мне не нужно договариваться, чтобысыпать тебе по заднице. Один — ноль в его пользу. Я стал слушать внимательнее. — Я говорю о прошедшей ночи.

Я посмотрел на потолок.

— Ты скучал по мне? Я очень тронут.

— Тебя не было дома, когда я звонил тебе.

— Что это значит? Ты звонил мне домой? Что это тебе в голову взбрело? Что ты сказал Белле?

— Ничего, я только хотел поговорить с тобой.

— Что я теперь ей скажу?

— Если бы ты был дома, тебе ничего не пришлось бы ей говорить.

Этим поступком он нарушил одно из основных неписаных правил Моссад: он позвонил домой офицеру Моссад, хотя никакого «горящего» повода для этого не было, и всё было похоже на то, что он даже не пытался прикрыть меня, когда выяснил, что меня не было дома. Я был взбешён.

— Козёл! Кто тебя назначил шерифом? Будь спокоен, Дов, когда-то это и тебя коснётся.

Я налил себе чашку кофе. Теперь уже он взбесился не на шутку.

— Так, а теперь выкладывай, что ты действи-

тельно хочешь от меня. Я не собираюсь слушать тебя целый день.

Всё становилось сложнее, чем я думал.

— Что ты имел в виду ночью во время этой игры с этими полицейскими? — Дов пытался приглушить голос.

— Ничего. Они взяли меня с собой покататься, а потом вернули на место. Почему?

— Разве так обращаются с вражескими полицейскими? После многолетних тренировок ты не нашел ничего лучшего, чем повторять им: «Ты ко мне обращаешься?»

— Ты ко мне обращаешься?

— Не начинай этого со мной. Ты стоишь на краю пропасти и точно это знаешь. Так что, не выводи меня!

Я взял его за плечи и притянул к себе. Я нагнулся к нему и тихо сказал:

— Послушай хорошенько, Дов. Моссад вытащил тебя из службы внутренней безопасности из-за твоего опыта работы по оперативной безопасности, не так ли?

Он кивнул.

— Я офицер Моссад. Через пару недель меня введут в строй, и даже если нет, то в любом случае я всё равно останусь полковником. Я стою на десятке званий выше тебя, салага. Он попытался высвободиться, но я цепко держал его.

— Ты можешь мне рассказывать всё, что хочешь, это твоя работа. Но если не хочешь, чтобы я сломал тебе шею, то относись ко мне с уважением. Я ясно выразился?

— Убери руки.

Он попытался меня стряхнуть.

— Ты скоро получишь мой отчет, и если тебе не понравится, что в нём будет, ты можешь делать, что хочешь, но орать на меня я тебе не позволю. А теперь, извини, я выпью кофе, а ты можешь поцеловать меня в задницу.

Я вернулся в главную комнату.

Мне надо было ещё решить пару вопросов, и это было причиной моего прихода в Академию. Это было связано с конференцией, которая состоялась месяц назад в гостинице «Кантри-Клуб» напротив Академии, на шоссе на Хайфу.

На конференцию были приглашены представители **секты Муна** с невообразимой свитой международного сброда. Состоялось несколько их встреч с правыми депутатами Кнессета и некоторыми военными. С нашей стороны были также представители спецслужб и другие важные люди, как, например, Йегуда Блюм, бывший представитель Израиля в ООН.

Полковник южнокорейской разведки (КСИА, Корейское Центральное Разведывательное Управление) в отставке и многие американские отставные генералы тоже посетили эти встречи.

Француз Пьер Сейлак, член правоэкстремистской, фашистской партии, меня тогда просто достал. Этот тип все время хотел, чтобы я для него что-то устроил, чем-то помог. Он думал, что офицера связи можно запросто использовать, как слугу.

Он потребовал от Моссад компьютерную программу для улучшенного запоминания, хранения и передачи данных. Сейлак хотел защищать данные от французской секретной службы. Я должен был достать для него программу, разработанную фирмой «Sitex», которая подходила ему, и переслать её по диппочте в нашу резидентуру в Париже. Оттуда программа должна была быть передана ему в руки.

В первый раз я не понял, зачем мы связываемся с такими подонками. Но Давид Биран, который был приглашён на конференцию, считал, что выгоды будет больше, чем воня, которой несло от всей этой истории. В моё задание не входило задавать вопросы. Я должен был слушать и выполнять, что я и делал.

Пятница, 14 февраля 1986 года

— Эй, Виктор, — обратился ко мне, когда я проходил контроль на входе в бюро, Йегуда Гил, старый «катса»⁸, который ещё при жизни стал легендой.

Я повернулся к нему, и он подмигнул мне, кивнув в сторону коридора, ведущего к фотоотделу. Этот старик был задействован почти во всех операциях, которые требовали особо тщательного планирования. Но, несмотря на это, он был одним из самых скромных сотрудников нашей организации.

Я засмеялся и подошёл к нему. Он положил мне руку на плечо.

— Пойдём со мной. Я хочу сфотографировать свою страшную рожу для нового американского паспорта. Я должен поговорить с тобой.

Мы вошли в пустую фотостудию.

— Фотограф будет через пару минут, — сказал он.

— Что это за американский паспорт?

Такое случалось очень редко. Моссад старался, как можно реже использовать американские паспорта.

— Я буду в Штатах работать для отдела «Аль»⁹. Мы должны там провести большую чистку.

— Я никогда не слышал об осложнениях. Что нужно там чистить?

— Дело Полларда.

— Я думал, это задача «ЛАКАМ»¹⁰.

— Они запутали всё это дело, а теперь мы должны привести его в порядок. Я должен войти в контакт со знаменитым «мистером Икс» и позаботиться о том, чтобы они его не схватили.

Я немного знал об этой истории. «ЛАКАМ» завербовал некоего Джонатана Полларда, американ-

⁸ «Катса» — оператор, оперативный «полевой» офицер разведки, ведущий агент Моссад.

⁹ «Ал» — тайное подразделение опытных «катса», которое в США действует против американских и арабских целей.

¹⁰ «ЛАКАМ» (LAKAM) — «Лишка Ле Кишрей Мада» — подразделение, занимающееся научными контактами и научным, технологическим, промышленным и т.п. шпионажем в США. «ЛАКАМ» подчиняется напрямую премьер-министру и не является частью Моссад.

ского еврея, который работал в военно-морской разведке американского флота, и использовал его в качестве шпиона.

В 1986 году его арестовало ФБР, после того, как израильское посольство в Вашингтоне отказалось предоставить ему убежище. Этот отказ был прямым результатом вмешательства Моссад, хотя само дело и не касалось Моссад.

Ходили слухи, что был некий связник между Джонатаном Поллардом и Моссад — знаменитый «мистер Икс». Полностью эту историю мы так никогда и не узнали, а то, что просачивалось, было погребено под толстыми кипами бумаг.

— Значит «мистер Икс» существует? — спросил я.

— Только его имя. «Мистер Икс» это не человек. Эйтан¹¹ взял у нас списки «сайаним»¹² перед тем, как уйти от нас, и использовал этих людей в качестве источников. Они говорили ему, где он может найти определённые вещи, а потом Поллард должен был там их доставать.

— И они соглашались?

Как только я сказал это, понял, что задал глупый вопрос.

— Соглашались? «Сайан» обязан слушаться и не задавать вопросов. Если мы не поторопимся, то за Поллардом в тюрьму последуют и другие. Так что, я должен ехать туда и позаботиться, чтобы этого не произошло. Скольких евреев в Америке ты знаешь, которые готовы к тому, что их заклеят, как предателей и во славу Израиля отправят за решётку?

Я кивнул в знак согласия.

— А что я могу сделать для тебя?

— Ничего. Я просто хотел поговорить с тобой о тебе самом.

— Обо мне? А чего обо мне говорить?

— Я кое-что услышал о тебе и думаю, что ты должен знать об этом.

— Что же?

— Во-первых, есть такой Майк Харари¹³, которого ты сделал полным идиотом. Он всё ещё жаждет твоей головы. Этот парень распространяет всякие истории о тебе. И ещё есть люди, которым

¹¹ Рефаэль Эйтан, бывший офицер Моссад, шеф «ЛАКАМ».

¹² «Сайан», во мн. числе: «сайаним», «сайаны». Добровольные помощники Моссад — евреи, проживающие за пределами Израиля. Ради их защиты они не получают денег, чтобы не быть обвинёнными в том, что они являются платными агентами. Есть различные директивы относительно использования «сайанов». Например, «сайан» не может использоваться в арабской стране.

¹³ Майк Харари, бывший офицер Моссад, который был замешан в тёмные дела по всему миру. Известно, что он был партнёром Мануэля Норьеги, президента Панамы. Во время моей учёбы в Академии я должен был в качестве тренировки установить контакт с почётным консулом Панамы в Израиле, чтобы завербовать его для проведения сомнительных сделок. Выяснилось, что почётным консулом был этот самый Майк Харари. Так как я втянул его в сомнительные операции, не зная, кто он на самом деле, то этим поставил его в довольно трудное положение.

не нравятся твои политические взгляды.

Йегуда взглянул на меня так, как учитель на мальчишку-сорванца.

— Ты имеешь право на свои чёртовы убеждения. Но так как ты стоишь на неправильной стороне, то должен их держать при себе.

Я был сторонником права палестинского народа на собственное государство в Западной Иордании и в секторе Газа. Я был убеждён в том, что мы из-за оккупации этих территорий, которая якобы должна была служить благу нашего народа, теряем своё человеческое, гуманное лицо.

Я не только так думал, я говорил об этом при каждой возможности, за что меня и обозвали левым. В Израиле вообще, и в Моссад в особенности, граница между левыми и правыми чётко определяется вопросом об оккупированных территориях.

Правые хотят удержать эти территории и полностью включить их в состав Израиля в качестве его неотъемлемой части, прогнав оттуда большинство живущих там палестинцев.

Левые понимают палестинцев, как народ, обладающий правами, в том числе и правом на самоопределение.

Во всех остальных областях политики и экономики это разделение совсем иное. Крайне левый в вопросе об оккупированных территориях вполне может быть правозащитником во всех других вопросах.

Я знал, что это миф, что такая организация, как Моссад, смогла бы существовать, не став в какой-то мере фашистской. Но я следовал этому мифу.

— Что же ты мне предлагаешь? Заткнуться и молчать? Разве Израиль не демократическая страна?

— Да, демократическая. Но ты находишься не просто в Израиле, а в Моссад. Перед тем, как мы получим шанс рассчитаться, всё станет хуже, а не лучше. Я советую тебе, мой мальчик, смирись, пригнись, подожди, пока пройдёт буря.

— А если нет?

— Тогда ты вылетишь быстрее, чем ты думаешь. Если не случится кое-что похуже.

— Что это значит?

— А ты как думаешь, что это может значить? Мы ежедневно заняты смертью и обманом. Подумай об этом.

Он печально улыбнулся. Я хотел задать ему ещё тысячу вопросов, но тут как раз вошёл фотограф.

— Спасибо, что ты пришел попрощаться со мной, — сказал он и повернулся лицом к фотографу.

Я понял, что наша короткая беседа закончена.

Воскресенье, 16 февраля 1986 года

Меня прикомандировали к «Кантри»¹⁴, датскому подразделению штаба Моссад. По утрам я должен был первым являться для доклада. После

¹⁴ «Country» — подразделение отдела офицеров связи «Liaison».

ритуала распития кофе и болтовни в коридорах, мне давалось задание на день.

В качестве первого дела в подразделении мне дали пачку датских визовых анкет, которые мы в фотокопиях получили по дипломатической почте. Они относились к так называемой услуге, которую мы оказывали датчанам.

Все податели анкет были арабского происхождения, и мы должны были сравнить их фамилии с фамилиями в нашей картотеке. Несколько месяцев назад нам установили новую систему, которая очень ускорила процедуру обратной проверки.

В памяти компьютера хранилось более полтора миллионов фамилий. С помощью упомянутой системы, которую мы украли у одного из наших союзников, можно было за несколько секунд отыскать и сравнить данные о любом человеке.

Через несколько дней Бенни С., заместитель шефа «Кантри» сказал мне, что мне нужно позвонить Хомбре — это был агентурный псевдоним нашего человека в Дании. Хомбре должен был установить новое подслушивающее устройство у Гаммельтофта Хансена, одного из ведущих датских адвокатов.

Он был пропалестинским адвокатом и профессором в каком-то университете. Датская полиция или контрразведка установила несколько лет назад по нашей просьбе «жучки» в его бюро.

— Посмотри в досье, — сказал Бенни, — и скажи, что нужно сделать. Мы думаем, Хансен подозревает, что его бюро прослушивается, это чувствуется по тому, как он ведёт беседы с посетителями. Если мы поставим «жучки» в его квартире, то точно получим лучшие результаты.

Понедельник, 17 февраля 1986 года

Как я понял из досье датской тайной полиции, у нас в Дании был «хороший друг», который значительно охотнее сотрудничал с нами и был более к нам доброжелателен, чем наш родной израильский «Шабак».

Датская секретная служба маленькая, но она тоже хотела бы играть в высшей лиге, хотя для этого ей не хватало ни денег, ни «ноу-хау». С другой стороны, она могла в Дании собирать такую информацию и делать определённые дела, о которых мы могли только мечтать, не будучи пойманной. В обмен на то, что они делали это для нас, мы создавали у датчан чувство их первостепенной важности.

Ответ Хомбре на мой запрос по установке нового подслушивающего устройства пришёл в тот же день. Оно уже работало. Первый «жучок» в бюро датского профессора появился ещё в 1984 году. Это поручение выполнил агент, который работал на нас в датской спецслужбе. Его звали Шмидт, агентурный псевдоним «Картина, написанная маслом».

Он послал полицейскую бригаду для установки «жучка» к человеку, который якобы просил оградить себя от телефонных оскорблений. Из-за «ошибочного» определения телефона, «жучок» был «случайно» подсоединен к аппарату профессора. Никто, кроме Хомбре и «Картины», конечно, не знал об этом. Никем не тронутые плёнки аккуратно

каждые две недели поступали к Хомбре и все были довольны.

Следующее поручение, которое я дал Хомбре, касалось деятельности южнокорейских диссидентов в Дании. Это было желание «Liaison», отдела офицеров связи с другими разведслужбами, с целью выполнить обещание, данное секте Муна.

Такое же требование уже предъявлялось в 1982 году, но тогда датчане нам ничего не дали. Сейчас они были уже в значительно большей степени готовы помочь нам. Они согласились, но тут же дали понять, что такие данные очень «чувствительны». Они собирали бы их только для ЦРУ и ни в коем случае не хотели бы оказаться меж двух стульев.

Я поговорил с Амном Пелегом, нашим офицером связи с ЦРУ. Он сказал, что ЦРУ всех нас перестреляет, если узнает, что мы копаемся в данных о секте Муна.

Пелег потребовал от меня отсрочить передачу этих данных. К вечеру эта история переросла в кризис. Шеф отдела связи настаивал на передаче данных секте Муна. Он сказал, что данные были обещаны ему Шабтаем, шефом «Мелухи».

Шабтай не был в Израиле, и поймать его было невозможно. В качестве гостя итальянской спецслужбы он был сейчас в Риме. Шабтай взял с собой Менахема Дорфа, начальника «Сайфаним»¹⁵. Они обладали информацией, согласно которой Сабри Аль-Банна (более известный как Абу Нидал) был связан с терактом в римском аэропорту 27 декабря 1985 г.

Информация была серьёзной, хотя некоторые «дыры» в ней, которые искусственно связывали Абу Нидала с другими терактами в Италии, были, очевидно, штопаны белыми нитками. Из Рима Шабтай должен был ехать во Францию, чтобы там заняться подобными же вещами.

В конце концов, решение было принято в пользу секты Муна. Шеф «Кантри» решил, что Хомбре должен активизировать Шмидта, чтобы выкрасть материалы, пока они ещё нужны.

Среда, 19 февраля 1986 года

Данные для секты Муна пришли до обеда и были переданы прямо в «Траксин» (подразделение «Машов»¹⁶ для переписывания информации). Целью переписывания было скрыть источник информации.

Далее я передал их в отдел «Liaison», который переправил материалы в Японию. Там наш офицер по связи на Дальнем Востоке — из секции «Дардасим»¹⁷ — лично передал их связнику т.н. **Объединённой Церкви д-ра Муна**.

В тот же день по защищённой линии связи Хомбре передал факс в израильское посольство в

¹⁵ Saifanim — отдел Моссад, работающий исключительно против ООП; часть «исследовательской секции» (кодовое обозначение Мангинот).

¹⁶ «Mashov» — отдел коммуникаций и связи.

¹⁷ «Dardasim» — ответственное за Дальний Восток подразделение Кайсарут, офицеров связи («Liaison») в легальных резидентурах при израильских посольствах.

Копенгагене. Он сообщил мне, что антитеррористическое спецподразделение «Purples-A»¹⁸ установило «стаканчик»¹⁹ в бюро профессора.

В факсе говорилось также, что некий офицер подразделения по имени Дельсгард протестовал против этой операции, но больше ничего не предпринял.

Пятница, 21 февраля 1986 года

Датские визовые анкеты, казавшиеся проблематичными, вернулись на мой стол. В некоторых из них имена были идентичны тем, что хранились в памяти нашего компьютера, что означало, что они представляли для нас некий интерес.

Теперь их дважды нужно было перепроверить, потому что имена у арабов чрезвычайно запутанные. Нужно ещё перепроверить, совпадают ли другие данные, например, дата и место рождения. После этого примерно 80 процентов т.н. «горячих данных» просто отбрасывалось.

Женщины в секретариате не могли сами открывать базы данных, с которыми работали. Они могли только вносить в них данные, но не наоборот.

Если однажды имя считалось «горячим», подозрительным, и было перепроверено, то оно вносилось в регистр важных данных. Этот регистр потом каждые два дня переправлялся в информационный центр. Там новые имена анализировались с целью решения по их вербовке или оставлению в резерве.

Если было решено в пользу вербовки, то датчане не получали по поводу этого человека никакой информации. Они должны были думать, что всё в порядке, и что они могут выдать визу. Если запрашивающий визу уже хоть раз был в Дании и был под нашим наблюдением, мы информировали датчан, что этот человек опасен.

Они автоматически начинали процедуру задержания и арестовывали его для допроса. Тогда офицер Моссад пытался завербовать его для датского пула. Если вербовка была успешной, то араба выпускали, и он начинал работать на Моссад в палестинской общине в Европе или где-нибудь ещё.

Если вербовка не удавалась, ему угрожали, а потом отпускали; обычно такие люди переезжали в другую скандинавскую страну, с которой у Моссад было подобное же соглашение. Там всё опять начиналось сначала.

— Таким путём мы в прошлом году завербовали более 80 палестинцев, — хвастался наш босс. — Это слишком просто, чтобы быть законным.

Но это и не было законным, однако, когда я спросил, не сможет ли это по нам ударить бумерангом, я услышал ответ, который всегда получаешь в Моссад на подобные вопросы:

— Ну и что?

В последующие дни работа стала совсем непосильной. Я работал круглые сутки для подготовки моей поездки в Шри-Ланку. Я должен был сопровождать большой груз мин для «Тамильских Тигров» и получить за это деньги. Я выучил свою легенду и был проэкзаменован руководителем моей секции.

Затем внезапно всё в нашей лавочке пошло вверх дном. Все начали искать данные, которыми можно было бы остановить мирную инициативу иорданского короля Хусейна. Она ошеломила Моссад; месяц назад из американских источников мы узнали, что инициатива короля — мертворождённый ребёнок, просто фарс.

Но она внезапно ожила и, хотя Ясир Арафат не хотел признавать Израиль, он всё же согласился встретиться с королем Хусейном. Это показывало хитрость Хусейна. Вначале он хотел, чтобы американцы выполнили его просьбу о поставке вооружений на два миллиарда долларов.

Мы дали нашему премьер-министру гарантию, что этого не произойдет. Всё еврейское лобби в США было мобилизовано. Ответственным был назначен Цви Габай, шеф разведки в Министерстве иностранных дел. Ему были переданы списки «сайанов» и просионистских организаций, которые он смог бы мобилизовать.

Это не было простым заданием. Иорданцы имели право покупать оружие, где хотели. Они не выпрашивали его в кредит, а хотели заплатить американцам деньги, причём, наличные деньги. Мы знали, что в случае успеха, они получат доступ к американскому рынку, а американцы всегда охотно продадут что угодно. Поэтому мы не должны были оставить этой сделке никаких шансов.

Еврейская община в США, в которой действовали группы на нашей стороне, была разделена на три ступени. Сначала это отдельные помощники — «сайаны». Если бы они, как американцы, делали бы то же самое в Израиле, то при провале их рассматривали бы, как шпионов.

Затем шло большое произраильское лобби. Оно должно было мобилизовать всю еврейскую общину для выполнения поставленных Моссад задач.

Затем следовали «Б'най Брит» («Сыны завета»). Они должны были вступать в дружеские отношения с не евреями и всех тех из них, кого не удавалось перетащить на сторону Израиля скопом клеймить антисемитами. С такой простой трёхступенчатой тактикой всё должно было пройти, как по маслу.

Глава 5. Четверг, 27 марта 1986 года

Со времени «кипрского фиаско» прошло два месяца. В системе ломали себе голову, что же делать со мной. С одной стороны они слишком много вложили в меня, в мою подготовку. И это окупилось, то есть я был хорошим продуктом их учебно-тренировочного процесса.

¹⁸ «Пурпурные-А» — принятое в Моссад кодовое обозначение датской политической (не армейской — эту называют «Purples-B») спецслужбы ПЭТ.

¹⁹ Принятое в Моссад название устанавливаемого в телефон устройства для «фонового прослушивания», с помощью которого даже при лежащей трубке можно слушать всё, что говорится в комнате.

Но были офицеры, которые рассматривали меня, как нарушителя спокойствия. Один из них, Эфраим, которого я едва знал, вёл против меня настоящий личный крестовый поход, чтобы выкинуть меня из «самой первой семьи Государства», как он выражался.

Каким-то образом, он стал экспертом моей деятельности и отнюдь не обрадовался тому, что нашёл в моём личном деле. Он сказал, что я бунтарь и что мои политические высказывания угрожают морали. Он согласился, что из меня мог бы получиться хороший агент, но так как я по своим убеждениям склоняюсь влево, я буду опасен для системы.

Моссад это маленькая организация, где во внешней службе работают только 30-40 агентов, каждый из них является важным членом «семьи». Всё, что случается с одним из них, тут же становится известным всем остальным. О моей ситуации знали все и при всех встречах, на которых я не присутствовал, я был предметом споров. Я слушал об этом от друзей, но у меня не было «лапы», человека наверху, который мог бы заступиться за меня, потому что я не входил ни в какую клику.

К этому времени мне уже стало ясно, что мне придётся уйти. Я стоял перед большими деревянными воротами Академии, на краю автостоянки для руководства. Я смотрел на Солнце, которое медленно опускалось в Средиземное море. Начинался дождь, и очень быстро темнело.

— Виктор! — позвали меня из холла на входе. Я обернулся. Это был Динур, которого я всегда считал своим другом, и он на самом деле был им, в этом я был уверен.

— Что?

— Они должны поговорить с тобой.

Он кивнул в сторону бюро.

— Босс там?

Как агент, которого увольняют, я имел право напрямую поговорить с шефом Моссад. Если мне в этом отказывали, я мог воспользоваться своей второй привилегией и попросить аудиенции у самого премьер-министра.

— Нет, босса нет. Но Давид Арбель...

— Я имею право говорить с Ромом. Я использовал агентурный псевдоним шефа Моссад.

— Почему бы тебе не послушать, что тебе хотят сказать Арбель и Гидеон Нафтали?

— Нафтали? А при чём здесь Нафтали?

Нафтали был начальником психиатрического отдела, и я его не любил. В кадетском училище один кадет, психолог, устраивал настоящий цирк, дурача этого типа.

— Послушай, Виктор. Не задавай мне всех этих вопросов. Зайди к ним и спроси их самих.

Я кивнул и вошёл в зал. Потом я выпил чашку кофе и взял пару салфеток, чтобы просушить волосы, намоченные на улице под морозящим дождём. Динур пошел за мной. Я чувствовал себя человеком, которого ведут на казнь.

Гидеон высунулся из двери.

— Виктор, мы ждем тебя. Пожалуйста, захо-

ди.

— Ну, заходи же, — сказал Динур и подтолкнул меня в сторону бюро.

Я кивнул и вошел в бюро.

— Вы звали меня?

— Да, — сказал Арбель тяжёлым, самоуверенным голосом. — Мы хотим поговорить с тобой об окончании твоего контракта с Моссад.

— Когда я смогу поговорить с шефом?

— Вообще никогда, — сказал он так небрежно, как будто просил свою секретаршу позвать кого-то к телефону. — Это твой последний разговор.

Внезапно во мне вспыхнула ярость. Я заметил, что они хотят, как можно быстрее убрать меня. Я прекратил быть одним из них, и они больше не хотели меня здесь видеть. Они обманывали меня ради родины и моей веры в правоту нашего дела. Я хватался за каждую соломинку.

— О чём ты толкуешь? Ты не босс, а этому клоуну здесь вообще нечего делать.

— Прикуси язык, Виктор. Я не один из твоих вшивых друзей.

— Ты им никогда и не будешь, ты...

— Достаточно. Глаза Арбея сверкнули, я заметил, как он всё более терял самообладание. — Я хотел поговорить с тобой до твоего ухода. Если даже ты не собираешься мне отвечать, мне всё равно. Я тебе даже буду за это благодарен. Итак, слушай меня и никогда не забывай то, что я тебе сказал.

Я откинулся на спинку стула. Меня обижала его манера, но здесь преимущества были у него.

— Когда ты окажешься вне системы, ты должен всё забыть, что изучал, что делал, что видел, что слышал или ещё каким-то образом узнал.

— Я думал, у меня будет шанс сказать боссу, что, по моему мнению, у нас происходит неправильно, — ответил я. — Я знаю, что то, что я могу сказать, видимо, не имеет большой ценности, но он мог бы хотя бы сделать вид, что слушает меня.

Нафтали покачал головой, но ничего не сказал. Абель продолжал:

— Как ты видишь, это не тот случай. Почему ты сейчас не выдашь то, что ты всегда хочешь сказать. Я передам это ему.

— А что, если я поговорю с премьер-министром, если шеф не хочет встретиться со мной...

— Ты будешь говорить со мной или вообще ни с кем. — Он уже терял терпение.

— В моём контракте написано, что в случае недобровольного увольнения, я имею право на встречу с шефом Моссад и/или с премьер-министром. Там ещё стоит, что эта встреча должна состояться до полного окончания моей работы в Моссад.

Я приблизился к нему, как будто я хотел бросить вызов его неограниченной власти.

Он усмехнулся мне в лицо.

— Срать я хотел на твой контракт. Кому ты пойдёшь жаловаться? — Он говорил тихо. — Как ты не понимаешь? Мы обещали тебе, и мы можем нарушить наше обещание. Мы можем делать всё,

что захотим. Я могу посадить тебя в тюрьму и выбросить ключ. Ты знаешь, что это иногда бывает. Ты только комар у меня на лбу. Ты начинаешь надоедать, и я уже готов раздавить тебя. Послушай, Виктор, вали отсюда, пока у тебя есть время.

— Итак, это значит: нет?

Я знал, что окончательно вывожу его.

— Ты что, глухой? Я уже сказал, что ты ни с кем не будешь встречаться. Ты выбыл из игры, и если ты не успокоишься, то тебя самого успокоят.

— Как ты сказал? Я почти перешёл на шепот. Ты хочешь убить меня, если я не буду участвовать в твоей игре? Если ты это имел в виду, то это действительно здорово. Я, наверное, завалил какую-то тренировку, может быть, даже, если довериться всяким слухам, провалил одну операцию.

Но ты знаешь так же хорошо, как и я, что я один из лучших агентов, которые у вас есть, и я, кроме того, ещё и патриот, нравится это тебе или нет. А ты, похоже, нет. Ты, возможно, отвечаешь за безопасность страны, но ведь тебя никто не сажал на трон.

Я встал и подошёл к двери.

— Это тебе так просто не пройдёт! — подпрыгнув, прорычал Арбель мне в спину.

— Срал я на всех вас, — ответил я, не оборачиваясь.

Когда я уже был у двери, неожиданно рядом со мной встал Нафтали. Я взглянул на него.

— В чём дело?

— Есть кое-что, что я должен тебе сказать, хотя бы в силу служебной обязанности.

— Я слушаю, но говори быстрее. Я должен начать новую жизнь.

— Когда я увидел тебя во время твоих завершающих тестов, я хотел тебя исключить. Я знал, что с тобой хлопот не оберёшься, но меня переубедили. Они видели в тебе большой оперативный потенциал, как они это называли.

— Ну, всё, теперь я изгнан. Это должно тебя обрадовать.

Он покраснел.

— К сожалению, это не моя заслуга. Есть парочка очень высокопоставленных людей, которых ты сам сделал своими врагами.

— Что же ты хочешь?

— Я очень хорошо знаю твой психический облик. В конце концов, я наблюдал за тобой уже несколько лет. Я знаю, что ты многому научился на этих курсах и за то короткое время, когда ты работал во внешней службе. Ты эксперт по убийствам, кражам, изготовлению фальшивок, вербовке и взлому. После того, как ты этому всему научился, тебя выпускают в мир, где тебе нет применения.

— Ты боишься этого? Тебя беспокоит, что я однажды захочу расправиться с тобой или что?

— Не будь дураком. Я хочу только сказать, что у тебя есть одна основная проблема. Ты должен позаботиться об этом, иначе это тебя убьёт. Он остановился, а затем продолжил: — У тебя есть то, что я, совсем непрофессионально, называю нехваткой чувства страха.

— Что?

Ни один мускул не дрогнул на его обрюзгшем лице.

— Я не шучу. Вначале это было одной из главных причин, по которой они тебя взяли. Здесь у многих людей та же проблема, но у них есть система, которая заботится о них. У тебя этой системы больше нет. До того, как ты научился всем этим штукам, это не играло роли.

Он прервался.

— Теперь ты влип и заработаешь ещё большие неприятности, потому что не боишься последствий. Ты должен подумать о том, что страх это наш защитный механизм, и если он отсутствует, то это недостаток. Ты должен привыкнуть заранее анализировать всё, что ты собираешься сделать. У тебя нет природного страха, который защитил бы тебя.

— Значит, ты хочешь мне сказать, что я должен подобрать себе работу, которая бы не требовала от меня того, чему я здесь научился?

— Да, это было бы лучше всего.

Он наклонил голову и уставился на носки моих ботинок.

— Скажи своему боссу, что твоя попытка не удалась. Ты, наверное, прав. Меня, похоже, действительно ничего не пугает.

— Это убьёт тебя. Если ты не будешь осторожен, Виктор.

— Приятного тебе дня.

Я вышел к моей машине. Я весь кипел от ярости.

Когда я забрался в мою маленькую синюю тачку, ярость просто захлестнула меня. Значит, это всё. Когда я заведу машину и проеду сто метров до ворот, тогда всё будет позади. Каждый, кого я знал в Моссад, становится с этого момента для меня чужаком. Доступ к информации и связанная с этим власть будут закрыты для меня раз и навсегда.

Я не мог этого понять. Жизнь после Моссад — это звучало полнейшей нелепицей. Я ощущал себя персонажем сюрреалистической картины Дали, пересаженным в реальную жизнь, в мир, где все люди таковы, какими они родились, которые делают только то, что им позволено, в место, где правила существуют для того, чтобы их безоговорочно выполняли, а не нарушали.

Меня охватила тошнота, и в то же время мне хотелось кого-либо избить. Я завёл машину и поехал к воротам. Я вспоминал, как я впервые попал сюда, счастливым и воодушевлённым человеком, любопытным и боязливым, как ребёнок, который может попасть в пещеру Аладдина. Теперь я шёл в противоположном направлении, огорчённый, обзолённый, побитый и обманутый.

Я остановился у ворот, чтобы меня пропустили. Я тупо уставился вперед, пока не хлопнуло открывающееся окошко. Это был охранник. Я опустил стекло двери, не глядя на него.

— В чём дело?

— Мне сказали, что я должен забрать твой пропуск, дай его мне, пожалуйста.

Я хотел сказать что-то обидное, но его лицо выглядело так, будто бы он хотел попросить у меня прощения. Он не был уверен, что он должен делать и говорить. Я вытащил из кармана белую идентификационную карточку и дал ему.

— И когда же вы, наконец, откроете эти проклятые ворота и выпустите меня из этой задницы?

Ворота открылись. Я не ждал, пока они откроются полностью, и дал полный газ. Колеса повернулись, и я вырвался наружу, в ночь.

Я знал, что должен ехать домой, но я ещё не мог этого сделать. Мне было ясно, что это только тогда станет действительно правдой, когда я скажу обо всём Белле.

Дождь не прекращался. Я медленно проезжал по улицам Тель-Авива. Всё казалось мне серым и мрачным. Раньше я во всём видел вызов, теперь этого больше не было.

Никто не висел у меня «на хвосте» и никому я больше не должен был давать отчёт. Я был снова обычный смертный, сброшенный с небес. Пришло время ехать домой и попытаться начать новую жизнь.

Глава 6.

Почти наступила полночь, когда я подъехал к многоквартирному дому в Херцлии. Я поставил машину в подземный гараж. Когда я закрывал дверцу, меня кто-то окликнул из складского помещения.

— Виктор!

Я сделал шаг назад.

— Не бойся. Я здесь, чтобы доставить тебя на одну встречу.

Я попытался угадать, кто говорит со мной, но видел только тёмную фигуру, прислонившуюся к стенке склада. Я хотел включить свет и не удивился, когда он не включился.

— Кто ты?

— Я только курьер. Я не могу отвечать на твои вопросы, но тебе не нужно бояться... Он прервался и прислушался к рации, наушник которой был у него в ухе, затем продолжил. — Как я тебе уже сказал, тебе нечего бояться. За тобой не следили по дороге сюда. За твоим домом тоже никто не наблюдает, кроме меня. Он открыл решетчатую дверь и подошел ко мне. — Пойдём?

— Это что, злая шутка?

— Поверь мне, это вовсе не шутка. Пойми же, если бы мы хотели что-то сделать с тобой, мы бы сделали это ещё до твоей встречи с Арбелем, разве не так?

Никто, кроме человека из Моссад не мог сказать то, что я сейчас услышал. Я почти почувствовал прилив адреналина в крови. Может Моссад хочет вернуть меня?

— На другой стороне улицы стоит чёрная «Лянча». Садись в неё. Они привезут тебя на встречу.

— Почему я не могу поехать на своей машине?

— Не беспокойся, они привезут тебя домой.

— О'кей, но сначала я должен сказать моей жене, что я ухожу. Она будет волноваться, если увидит мою машину, а меня не будет.

— Только если недолго.

— Слушай, приятель! Меня уже прорвало. — Это продлится так долго, сколько нужно. А ты можешь забраться в ту маленькую комнатку и, как по мне, так хоть снести яйцо.

— Извини, делай, как знаешь. Мы подождём тебя, но всё-таки поторопись, пожалуйста. О'кей?

Этот тон понравился мне куда больше. В какой-то момент мне уже показалось, что вижу перед собой лицо, по которому я мог бы вмазать в этот день.

По домофону я позвонил в квартиру.

— Да? — Голос Беллы звучал, будто я её только что разбудил.

— Это я.

— Ты не поднимешься?

— Это ещё чуть-чуть продлится. Пара людей из бюро ждали меня здесь. Мы уедем на короткое время. Со мной всё в порядке.

— Я слышу, что с тобой не все в порядке. Ты уверен, что ты хочешь пойти с этими людьми?

— Не волнуйся.

— Почему они не поднимутся сюда? Я могла бы сделать вам кофе.

— Я не думаю, что это нужно. Они ждут меня. Я должен идти и скоро вернуться. Не волнуйся, всё в порядке.

Она не ответила. Я знал, что она сдалась. Никакая другая женщина не выдержала бы со мной так долго, как Белла. Я стоял перед чёрным переговорным устройством. Я хотел подняться, обнять её и сказать ей, как сильно её люблю.

Я повернулся и пошёл к машине. Когда я стоял перед ней, то не испытывал никаких чувств. Это было то, что мы называем оперативной глухотой, притуплением чувств. Ощущается только слабая боль в груди, более похожая на лёгкое недомогание.

Это твои личные чувства. Они спрессовываются в маленькой контролируемой зоне, в то время, как твоё сознание настроено на приём, готово принимать любую информацию, которая и решает, как тебе реагировать.

Я как будто был разбужен от сна, а потом, уже проснувшись, снова в него погрузился. Сейчас было только две возможности. Или они меня вернут назад, или они хотят «побеседовать» со мной. Это означало, что они делают что-то, что помешало бы мне нанести какой-то вред Моссад.

После десятиминутной поездки мы остановились на заброшенном складе в промзоне Херцлии. Перед зданием стояла машина. Когда свет наших фар на короткое время осветил её, я увидел двух людей внутри.

— Они ждут тебя, — сказал водитель, не поворачивая головы.

Я вышел и подошёл к их автомобилю. Один из мужчин стоял у машины, спиной ко мне. Он открыл дверь машины только так, чтобы включилось внутреннее освещение. То, что я увидел, лишило

меня дара речи. Это был Эфраим, человек, который постоянно пытался меня уволить.

Возле него сидел офицер в мундире, которого я сразу узнал. Он был бригадным генералом бронетанковых войск. Я всегда был о нём высокого мнения и часто работал с ним во время совместных учений бронетанковых войск и флота.

Я сел на заднее сиденье. Водитель закрыл за мной дверь и вернулся к своей машине.

— Эфраим, — представился он и протянул мне руку. — Я очень рад снова увидеть тебя.

Я не мог вымолвить ни слова, что со мной случается совсем не часто.

— Ну, ты не хочешь пожать мне руку?

— Нет, я не знаю почему. Ты лжец. Ты рассказывал обо мне лживые сплетни, и тебе верили, потому что ты высокопоставленный засраец.

Генерал молчал и каждые несколько минут пытался снова зажечь свою трубку, которая наполняла машину сладковатым вишнёвым ароматом. Эфраим был полным, коренастым человеком 1,80 м ростом.

Он был лысоват и оставшиеся тонкие волосы старательно зачёсывал на одну сторону, носил очки с золотой оправой, которые всё время поправлял, когда они съезжали с носа. Его голос был мягок и он, в общем, производил впечатление приятного человека.

— О'кей, тогда я перейду сразу к делу, а потом ты можешь задавать вопросы, сколько захочешь. Ты готов думать?

— Это вопрос на засыпку? Разве можно прекратит думать?

— Нет, но после того, что ты пережил сегодня, у тебя могло всё перепутаться в голове. Но всё равно.

Он предложил мне сигарету и сам взял одну. Генерал, приветливо улыбаясь, дал мне прикурить.

— Ты не сам выгнал себя, — продолжил Эфраим. — Тебя сделали жертвой. Но, скажем по правде, ты всё равно вылетел бы, раньше или позже. В конце концов, даже лучше, что это произошло теперь.

Он остановился и взглянул на меня через стёкла своих позолоченных очков.

— Перед тем как мы продолжим, я хочу, чтобы ты знал, что ни я, ни ты не смогли бы в этом ничего изменить. Захочешь ты нам помогать или нет, но назад ты в любом случае не сможешь вернуться.

— Подожди-ка, не так быстро. Кто меня сделал жертвой? Почему? Что, чёрт побери, ты имеешь в виду, говоря, что я не смогу вернуться назад? Если ты знаешь, что меня подставили, то ты сможешь прояснить дело, и я хочу, чёрт бы тебя побрал, чтобы ты это сделал. Можешь ли ты вообще представить, что это значит для меня — быть агентом Моссад?! Кто ты вообще на самом деле, какой-то проклятый бог-отец?!

— Заткнись, Виктор. Ты ведь хочешь только ту жизнь, ощущение которой тебе даёт эта работа. Ты хочешь, чтоб не заржавело в брюках твоё оружие, и ты хочешь вести такую же славную жизнь, как мы все, — ты это получишь.

— И почему же, если я для вас всех подхожу, вы вышвырнули меня вон?

— Тебя выгнали не из-за этого. — Оба мужчины обменялись взглядами. Эфраим продолжил: — Есть люди, которые думают, что Моссад существует, чтобы они им пользовались. Мы должны остановить этих людей, пока не поздно.

— Не поздно? Не поздно для чего?

— Они втянут нас в войну, как это они уже сделали в Ливане.

Не было секретом, что отношения, которые правое крыло Моссад поддерживало с Баширом Жмайелем, плейбоем и харизматичным вождём христианской милиции, избранным президентом Ливана, со временем переросли в настоящую «любовь».

В океане ненависти, окружавшем Израиль со всех сторон, Моссад, казалось, нашел в Ливане в лице христианских мародёров и убийц верного союзника. Но Моссад слишком разжигал эту ненависть, чтобы поддерживать статус-кво, так что, Израиль был вынужден содержать и усиливать свою военную машину вместо того, чтобы повернуться к миру.

— Минутку. Как это всё связано со мной? Я выбыл из игры, как сказал мне этот тип Арбель.

— Не верь всему, что ты видишь или слышишь. Есть многое, чего ты не знаешь. Ты должен мне доверять.

— Доверять тебе? Что я должен делать вместе с тобой? То, что я знаю о тебе, мне совсем не нравится. Ты распространял ложь обо мне и был, видимо, той движущей силой, которая стояла за моим увольнением из Мосс...

Внезапно меня осенило: он стоял за моим увольнением. Он хотел иметь меня для себя, для чего-то, что я должен был делать для него за пределами системы.

Я уже слышал о подобных случаях в других разведках. Если в системе возникает проблема, то этого человека выгоняют, а потом используют его для себя — он хорошо подготовлен, натренирован, знает своё дело и систему, и в то же время остаётся вне её.

— Пойми, я знаю, что ты чувствуешь, но ты должен мне поверить, потому я взял с собой генерала. Ты ведь знаешь его, не так ли?

Я взглянул на лицо с грубыми чертами, уставившееся на меня с переднего сиденья. Его глаза сверлили меня насквозь. Я кивнул.

— Славно, а теперь слушай внимательно. У нас мало времени.

— Почему, зачем такая спешка?

— Твои друзья не уверены в тебе. Многие думают, ты сможешь вернуться. Другие думают, ты можешь раструбить обо всём, что ты знаешь.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Они хотят тебя убрать с дороги. Ты понимаешь, они хотят увидеть твой труп. Ты будешь далеко не первым.

— Так что, они хотят меня застрелить? Или сбить машиной?

— Нет, они призвали тебя в резерв и, как офицера связи, прикомандировали к «Армии Южного Ливана». Как долго, тебе кажется, ты проживёшь в Южном Ливане?

— Они знают там меня, как агента Моссад, — сказал я огорчённо. — Возможно, пару часов. Это был бы приятный метод, чтобы убрать меня. Но в этой истории есть одна неувязка.

— Неужели? — улыбнулся Эфраим.

— Да, по уставу после увольнения мне положен годичный перерыв до призыва в качестве резервиста. И даже тогда меня могут направлять только в, так называемые, «безопасные зоны».

— У тебя же есть друзья на флоте, разве нет?

— Да.

— Почему бы тебе не позвонить им и не попросить их посмотреть, призван ты уже или нет. Там ты узнаешь, что бумаги уже отправлены. Если ты через один-два дня не покинешь страну — ты мертвец.

У меня опустились руки. До этой минуты я воспринимал всё, как происходящее с кем-то другим, как будто мы говорили о какой-то гипотетической ситуации. Но это было не так. Мы говорили обо мне и о моём увольнении. Я не чувствовал страха. Я только напрягся, мои мускулы на шее затвердели. Я смотрел через заднее окно на тёмную ночь. В воображении я уже видел себя в могиле где-то близ шоссе на Мердж Аюн.

— Что я могу сделать? Я успокоился. — Если документы уже отправлены, армия не даст мне освобождения. Без этих проклятых бумаг и компьютерного подтверждения я не смогу покинуть страну. Я буду вам благодарен, если вы побыстрее привезёте меня домой, чтобы я то короткое время, которое у меня осталось, провёл со своей семьёй.

— Ты действительно думаешь, что мы сидели бы в машине ночью и ждали бы тебя только ради того, чтобы сказать тебе, что с тобой случится, не имея готового решения?

Я улыбнулся:

— Я слушаю.

— Когда ты придешь домой, скажи жене, что тебя выгнали из Моссад. Потом ты скажешь, что ты как раз встретил пару друзей, которые посоветовали тебе как можно быстрее покинуть страну.

— А откуда я возьму деньги?

— Ты можешь продать свою вонючую тачку.

— Сколько можно получить за такую вонючую тачку?

— Чтобы выбраться из страны, тебе нужно около пяти кусков.

— Машина стоит в лучшем случае два.

— Повесь на него табличку, что машина продаётся, и ты продашь её за шесть. Поверь мне, ты её продашь. Потом ты возьмёшь билет на самолет «Гауэр Эйр» до Лондона. Ты прилетишь в аэропорт Гатвик, поселишься в гостинице «Скайуэй», и там я выйду на контакт с тобой.

— Почему ты это делаешь? Что ты имеешь с этого? Что ты хочешь от меня?

— У тебя есть моё предложение. Я советую

тебе его принять. Остальное я расскажу тебе, когда мы встретимся в Лондоне, конечно, в том случае, если ты туда приедешь. Он вышел из машины и пересел на сиденье водителя.

— Делай, что он говорит, Виктор, — тихо сказал генерал. — Доверься ему, всё будет хорошо.

— Как будет с освобождением от военной службы?

Не поворачиваясь, Эфраим протянул мне маленький конверт.

— Бумаги в порядке и зарегистрированы в компьютере. Через 72 часа они автоматически сотрутся, но тебя уже не будет, если ты ещё раньше не отправишься в Лондон.

Глава 7.

Молча, я вернулся к чёрной «Лянче» и сел в неё. Я больше не думал об этих двух людях на переднем сидении и зажег сигарету. Я чувствовал, как стучат мои сны в голове. Одно было мне понятно: если я решаюсь присоединиться к Эфраиму и его людям — ясно, что кроме Эфраима и генерала в дело замешаны ещё люди — тогда я должен, как всегда, держаться до конца. Если ты прав, ты сможешь жить, если нет, то ты труп.

Если то, что сказал Эфраим, было правдой, а я в этом не сомневался, то можно было предположить, что его помощь не раз могла бы вытащить меня из дерьма. Он был главой мощной клики в Моссад, но очевидно не самым сильным, в противном случае, мне не пришлось бы уйти. Но было возможно, что это ловушка, в которую я несусь, и в которой они смогут арестовать меня.

Машина остановилась за квартал до моего дома. «Конечная остановка!» — сказал водитель. Он не хотел останавливаться прямо у моего дома, вдруг за ним уже наблюдает «наружка»?

Я вышел из машины, засунул руки в карманы и медленно пошёл домой. Что я теперь расскажу Белле? «Дорогая, они вышвырнули меня из Моссад, а теперь хотят меня убить, поэтому я еду в Англию»?

Взволнованный, я стоял перед переговорным устройством. Что, чёрт возьми, должен я сказать человеку, которого люблю, но от которого я всё скрывал? Моё извинение всегда было, что я хотел её защитить; полная чепуха — так было проще для меня самого, в любом случае — до этого момента.

И вот я стоял и хотел выдумать ещё одну новую историю, вместо того, чтоб сказать правду. Я начал бояться, что во мне вовсе не осталось правды. Возможно, лучше всего было бы подняться и вообще ничего не говорить, не делать, а ждать, пока придёт повестка и всё решит.

Я последовал бы зову моей страны, надел бы форму и пошёл бы туда, куда меня пошлют. До конца недели всё закончилось бы. Почётные воинские похороны, возможно, что даже премьер-министр присутствовал бы на церемонии — я же, как-никак, полковник. Это было полностью в его вкусе, он мог бы говорить всё, что угодно, и никто бы не возражал.

Ради чего нужно так стараться и пытаться остаться живым? Какой в этом смысл? Возможно, эти похороны самое лучшее, что со мной могло бы случиться. Я наконец-то снова стану послушным, и на этот раз — надолго.

Но я не был человеком, который ложится и играет роль мертвеца. Если есть шанс прорваться, я схвачусь за него, как бы мал он не был. И вот я стоял, сигарета почти выкурена, а я всё ещё не придумал, что же сказать Белле.

Я только надеялся, что она не бросит меня. Я бросил окурочек в лужу и пошел вверх по лестнице, позвонил в дверь, и Белла, глянув в глазок, открыла мне. Она вошла передо мной в жилую комнату, на ней было белое платье, чёрные волосы блестели. Её свежий, чистый запах ещё сильнее укрепил во мне чувство того, что я — грязный монстр.

На её красивом лице не было улыбки.казалось, что она уже давно не улыбалась.

Она села на софу, поджала ноги и скрестила руки на груди. Я чувствовал себя не в своей тарелке и в то же время знал, что это как раз то место, где я должен находиться. Всё, что мне дорого, находилось в этой милой маленькой квартирке.

Я вспомнил, как увидел её в первый раз. Мне было шестнадцать, и я встретил её, когда она с одним моим хорошим другом шла мне навстречу. На ней был тёмно-синий свитер с поперечными белыми полосками и белая лента в волнистых чёрных волосах. Она ещё не сказала ни слова, а я уже влюбился в неё. Теперь меня терзали угрызения совести за всё то горе, которое я ей причинил. Я знал, что она видит меня насквозь.

— В чём же было дело? — спросила она ироничным тоном, как будто хотела сказать: «Почему ты не рассказываешь мне твою очередную новую историю?»

Я сел напротив её. Я принял решение.

— Они уволили меня. Я чувствовал комочек в горле, когда говорил. — Я больше не принадлежу к бюро.

Она смотрела на меня, не зная, как она должна это воспринимать. Она опустила ноги и нагнулась ко мне:

— Они выгнали тебя? Зачем же тогда они приходили и разговаривали с тобой внизу?

— Кое-кто пришел и сказал мне, что для меня было бы лучше побыстрее покинуть страну.

Она встала и провела ладонью по волосам, будто бы она могла найти решение проблемы, которая внезапно свалилась на неё.

— О чём ты говоришь? Уйти? Куда, почему, когда?

Я встал и подсел к ней. Я обнял её. Она излучала что-то, что смягчало тупую боль в груди. Она вырвала меня из меланхолического оцепенения, в котором я пребывал так долго.

— Успокойся, всё уладится.

Она оттолкнула меня.

— Куда ты уйдёшь? Что будет с нами? Я же тебе говорила, что так произойдёт. О, эти твои так называемые хорошие друзья, эти Йоси, Хаим и все остальные. Что они сделают с тобой, если ты оста-

нешься?

— Я не знаю. Ты знаешь, что они могут сделать.

Белла знала мои политические взгляды, она даже была для меня своего рода путеводной звездой, когда я под давлением коллег начинал склоняться вправо. Но так как я всё же не хотел ей показывать, насколько сильно она на самом деле права в оценке моих «друзей» из Моссад, я скрывал от неё большинство деталей политической «позиционной войны» в бюро.

Она упала на софу.

— Куда ты пойдёшь?

— Я думаю улететь в Англию, а оттуда в США. Я пережду какое-то время у моего отца, а там посмотрим.

— Почему именно в Англию?

— Это самый дешёвый перелёт. И оттуда можно полететь чартерным рейсом в Штаты.

— И когда ты полетишь?

Я сел рядом с ней на софу и прижал её к себе.

— Послезавтра.

Она прислонила голову к моей груди и заплакала. Я хотел приподнять её лицо, чтобы поцеловать, но она не позволила этого.

— Я люблю тебя, Белла, — сказал я, и комочек в горле стал ещё толще.

Я очень сильно прижал её к себе. Сейчас я охотнее всего вообще не хотел бы её отпускать. Я знал, что реальность оторвёт нас друг от друга, и я не мог себе представить, на какой срок. В моём подсознании я даже не был уверен, увижу ли я её вообще когда-нибудь снова. Я и не хотел думать, что на самом деле приготовил для меня Эфраим. Если это было что-то абсолютно ужасное, то он сказал мне об этом и дал мне шанс добровольно выбрать сотрудничество с ним.

Мы долго сидели на софе, обняв друг друга. Я знал, что она любила меня так, как я этого вовсе не заслуживал, и я любил её больше всего на свете. У нас были две чудесные дочки, которые, я надеялся, сейчас спали. Квартиру, где мы жили, мы снимали, и кроме машины и некоторой мебели у нас мало что было. Зарплата в Моссад была неплохой, но не позволяла роскоши. Роскошь была предназначена для «добывающих» агентов «в поле», на заграничной службе, — не для семей.

Пятница, 28 марта 1986 года

Я рано встал и принял душ, пока мои дочки не проснулись. Я хотел разбудить их поцелуем и показать им, как много они для меня значат. Я был в состоянии человека, который знает, что скоро умрёт, и смирился с этим.

Меньше чем через час после того, как я прицепил на машину табличку «Продаётся» и поставил её на углу напротив дома, зазвонил телефон.

Молодой мужской голос произнес:

— Я звоню по поводу машины.

— Что Вы хотите узнать?

— Сколько она стоит?

— Шесть тысяч американских долларов, — сказал я, пытаюсь сдерживать смех.

— Могу я её посмотреть и проехаться на ней для пробы?

— Конечно, когда это Вас устроит? У меня много дел...

— Через двадцать минут.

— Великолепно, встретимся возле машины.

— Меня зовут Боаз, а Вас?

— Виктор, меня зовут Виктор.

— Пока.

Я был уверен, что это кто-то из людей Эфраима, который хотел купить машину просто для того, чтобы дать мне денег на полёт. Весь этот цирк был затеян потому, что телефоны офицеров Моссад очень часто прослушивались службой внутренней безопасности Моссад. Я знал, что они там тоже будут смеяться над ценой, если они нас подслушивали, но, возможно, решат, что я нашёл доверчивого дурачка.

В полдень я уже купил билет и спрятал дома в тайный кармашек моего чемодана сокращённое издание моего дневника и фотографии почти всех активных оперативных офицеров Моссад. Я должен был быть безукоризнен. Меня не должны были поймать на этом.

Фотографии я сохранил после того, как сделал их для коллажа по случаю выпускного праздника нашего офицерского курса. Это должно было быть своеобразной страховкой для меня.

Если выяснится, что с Эфраимом что-то не так, или если кто-то когда-либо попытается помешать моей семье приехать ко мне, то Моссад в течение дня потеряет почти всех своих ведущих «полевых» офицеров, да так, что он надолго вынужден будет остановить все свои разведывательные операции.

Эта «взрывчатка» в моём чемодане нанесла бы Моссад более сильный удар, чем все те, которые он испытывал до сих пор.

Мой полёт был назначен на полдень в воскресенье, на послезавтра. Белла и я решили сказать об этом детям только утром в день полёта. Она должна была оставить их дома, пока не удостоверилась бы, что самолёт взлетел. Сведения не должны были просочиться раньше. Многие мои бывшие товарищи жили в том же квартале, и я не был уверен, что кто-то не попытается меня задержать, если сможет.

Воскресенье, 30 марта 1986 года

В аэропорту я вышел из такси. Я провёл языком по губам и ощутил вкус духов Беллы, оставшихся на губах после того, как я поцеловал её в мочку уха. Девочки были печальны, снова видя, что я уезжаю, но для них это ничем не отличалось от моих прежних командировок. Это утешало меня.

У меня было два чемодана, которые нёс носильщик. Я подошёл к окошку авиакомпании «Гауэр Эйр» на восточном краю аэропорта «Бен-Гурион».

Самолёт взлетал в 14.00, а пока было только 11.30. Это было обычным явлением в израильских

аэропортах: пассажиры должны были приходиться за 2-3 часа до отлёта.

Большинство пассажиров ещё вчера отправило свой багаж в камеру хранения, воспользовавшись для этого специальным окошком на Северном вокзале Тель-Авива. Но я не мог нигде оставлять на ночь мой багаж с бумагами, которые я в нём спрятал и не хотел, чтобы кто-то смог мне помешать.

Наземный персонал «Гауэр Эйр» ещё не пришёл, в очереди перед их окошком, чтобы сдать багаж и получить борт-карту, стояли только пять человек. На самом деле было даже две очереди, и в одной из них я стоял первым. Я сидел на стальном столе, который сотрудники службы безопасности используют для досмотра багажа.

Обычно я очень хорошо чувствовал себя в этом аэропорту. Я знал большинство сотрудников безопасности, и большинство их знало меня. Я ввёз и вывез из страны уйму людей, большинство из которых хотело, чтобы никто не смог доказать, что они были в Израиле. И, кроме пары фотографий в архиве Моссад, доказательств их пребывания действительно не было.

В этот день у меня было странное чувство. Я был в том месте, где я ещё пару дней назад расхаживал взад-вперёд, как гордый петух, как важничающий сноб, который мог решить все проблемы одним движением пальца.

Теперь всё было иначе. Я убегал и, хотя внешне ещё никто за мной не гнался, я знал, что это гонка со временем. Выяснилось, что мне несказанно повезло. В начале месяца я сделал для моей работы настоящий паспорт. Так как у меня было двойное гражданство, то я заказал ещё и новый канадский паспорт и получил его через неделю. Это счастливое обстоятельство позволяло мне как можно быстрее покинуть страну.

Постепенно я чувствовал себя всё более напряжённо и поглядывал в сторону другой очереди, где первым стоял полный, светловолосый и бородатый мужчина, который нервно барабанил пальцами по своему «дипломату» из свиной кожи.

Лицо офицера службы безопасности просияло, когда он подошел ко мне.

— Привет, как поживаете?

У меня было чувство, что он ещё ничего не знает — проинформировать службу безопасности аэропорта точно не стояло на первом месте в их списке приоритетов.

— Хорошо. А Вы?

— Хорошо, хорошо. — Он подождал. — А Вы летите по служебной надобности или ради удовольствия?

— Понемногу и того и другого, — сказал бы я. — А почему Вы спрашиваете?

— Я хотел попросить Вас сделать мне одолжение.

Для меня это прозвучало смешно.

— Что я могу сделать для Вас?

Я очень старался продолжать улыбаться. В любом случае я был благодарен за маленькую беседу, отвлекшую меня от бездны страха и сомнений. Я знал, что я не должен буду устраивать шоу для

него. И он знал, что я не откажу ему, даже если не буду воодушевлён его просьбой.

Он наклонился поближе ко мне и тихо сказал.

— К нам тут пришло пополнение: мужик и баба. Он подмигнул мне. — Она не плоха, Вы сейчас увидите. Он приблизился ещё ближе. — И Вы не поверите, когда Вы её увидите. Она выглядит, как порядочная девочка, но я слышал от друзей в учебном центре службы безопасности, что она трахается со всеми, как дикарка.

— Так Вы хотите, чтобы я её проверил, так, что ли?

Я испытывал сильное отвращение к этому типу и желал про себя, чтобы он провалился в преисподнюю. С другой стороны, я никак не мог изменить тот факт, что несу с собой целую пачку сверхсекретных документов Моссад, которые касаются многих иностранных разведок, кучу фотографий офицеров Моссад и полный список двух тысяч «сайаним» в Англии, Франции и США.

Содержание чемодана, к которому он прислонился, могло бы меня на всю жизнь отправить в тёмную тюремную камеру.

Он засмеялся. Видимо, его развеселили мои слова, и он не заметил мой обидный тон.

— Нет, с этим я сам справлюсь, возможно, даже очень скоро. Я хочу, чтобы Вы обменялись паспортами с вон тем клоуном. Он кивнул в сторону толстяка в другой очереди. — И тогда мы посмотрим, заметят ли они, что произошло, и заметят ли вообще хоть что-либо.

— Вы с ним об этом говорили?

— Вы думаете, он откажется?

Я посмотрел на толстяка.

— Нет, не думаю. Хорошо, я Вам подыграю. Когда он уже собирался подходить к тому другому, я придержал его за плечо. Он улыбнулся: — Ну, что ещё?

— Если я сделаю это, сможете ли Вы меня пропустить побыстрее, как если бы я был здесь по служебной надобности? Я хотел, чтобы он со своим пропуском провёл меня по «зелёному коридору» мимо всех контрольных постов.

— Конечно, приятель, нет проблем.

Я ухмыльнулся и почувствовал, как кровь отхлынула от лица, а в груди поселилось какое-то чувство ледяного холода.

Этой контрастной ванне чувств нас тренировали в Моссад, ведь у офицера всегда есть личные чувства, которые могут помешать ему во время выполнения задания. Нас учили, как вызвать в себе новые чувства на смену исчезнувших.

Меньше чем через минуту после того, как офицер службы безопасности провёл наш с толстяком обмен паспортами, на пост паспортного контроля пришла новая смена. Я быстро взглянул в паспорт, который мне дал офицер. Это был американский паспорт с фотографией человека рядом со мной, но тех времен, когда он ещё не носил бороду.

Это должно было насторожить новую смену. Я прочитал имя и запомнил его. Всё было сделано очень по любительски, моё настоящее имя было на ярлычке на моем чемодане и на билете. Надо быть

полными идиотами, чтобы ничего не заметить — конечно, если за этим не скрывалось ещё что-то.

— Ваш паспорт, пожалуйста, — сказала женщина.

Её поведение было дружелюбным и достаточно профессиональным для новичка. Она действительно была очень красивой, что могло послужить причиной слухов, которые распространял о ней офицер службы безопасности, может быть, из пустой зависти.

Я не мог верить, что эта дурная слава имеет какие-то основания. Я сделал шаг вперед и подал паспорт. Я улыбнулся ей. Её выражение лица не изменилось, когда она взяла паспорт.

Краем глаза я заметил Эфраима, который стоял, прислонившись к окошку в десяти метрах от меня, и наблюдал за мной. Я не мог разглядеть выражение его лица. Было ли это дьявольской игрой, чтобы заманить меня в ловушку?

Может, история о Ливане выдумана от начала и до конца, чтобы я сбежал и был пойман в аэропорту в результате этой дурацкой истории с обменом паспортов? Я уже слышал в душе, как я объясняю суду, что офицер службы безопасности просил меня помочь ему в этой тренировке, и при этом никакого офицера, который бы свидетельствовал в мою пользу, не было бы.

Она взяла паспорт, и я увидел, что толстяк дал свой паспорт другому офицеру.

— Ваше имя? — спросила она.

— Роберт Фридман.

Она взяла паспорт и положила его перед собой на столе.

— Пожалуйста, поставьте багаж на стол.

— Конечно. Я повернулся к моему багажу и тут услышал, как другой офицер закричал: — Не двигаться! Руки за голову! — вытащил пистолет, и через секунду на место происшествия прибыли другие полицейские.

— В чём дело? Что случилось? — спросил первый из прибывших, с пистолетом в руке.

— Этот человек ездит с фальшивым паспортом. Он указал на толстяка, который нервно искал глазами офицера службы безопасности и страшно вспотел.

— Это большое недоразумение. Пожалуйста, не стреляйте. Это только игра, спросите его. Он указал на меня и в этот момент снова появился наш офицер.

— Спокойно. Давид, убери пушку. Он обратился к полицейским: — Всё под контролем, это только учения. Он повернулся к человеку, чей паспорт был у меня: — Вы можете опустить руки. Всё окончено. Хорошая работа, Давид. Он обернулся к девушке:

— Ну, Сара, может, ты теперь удостоишь взгляда этот паспорт?

Она широко раскрыла глаза, будто заметив, что кое-что напутала. Она медленно взяла паспорт в руки рассмотрела фотографию, а потом меня. В этот момент я знал, что в ее глазах я был абсолютным дерьмом. Она не сказала ни слова.

Офицер вернул мне мой паспорт, а большому толстяку — его. Потом он сказал Саре:

— Я хочу поговорить с тобой после работы в моём бюро. Ты знаешь, где оно?

Она кивнула, казалось, она сейчас заплачет, но овладела собой. Только когда мы отвернулись, она украдкой вытерла слёзы рукавом своего тёмно-синего свитера.

Офицер сдержал слово и провёл меня мимо всех контрольных постов после того, как я получил борт-карту. В мой паспорт поставили штамп, и я не должен был проходить личный контроль, как все остальные. Мы вместе выпили кофе в зале для отбывающих пассажиров на втором этаже. После того, как я купил пачку сигарет и журнал «Тайм», он встал.

— Приятного Вам полёта и спасибо за помощь.

— Не за что. В это время уже вошли другие пассажиры и устраивались поудобнее, чтобы переждать двухчасовое ожидание.

Я почувствовал определённое облегчение. Но всё закончится на самом деле лишь, когда я на борту самолёта перелечу Средиземное море. Время отлёта приближалось. Эфраим сидел на другом конце холла и читал газету. В это время он показался мне похожим на курицу, наблюдающую за своими цыплятами. Сейчас его присутствие придавало мне чувства безопасности.

Из телефона-автомата магазина «дьюти-фри» я позвонил домой Белле. Я слышал по её голосу, что она сдерживает слёзы. Это было даже хуже, чем, если бы она плакала, но это было не в её стиле. Нам надо было так много сказать друг другу, но момент для этого был не самый подходящий, особенно если мы были на линии связи не одни.

Я знал, что они не нападут на мой след, пока мы сами не проболтаемся, откуда я звоню, и мы говорили так, как будто я просто ехал в Эйлат. Я бы с таким удовольствием обнял бы её сейчас.

— Я позвоню тебе, когда доеду. О'кей?

— Но сразу же, я буду ждать твоего звонка.

— Я люблю тебя.

— Я тебя тоже люблю, — сказала она. — Береги себя и одевайся подобающе, чтобы не выглядеть глупым.

Я хихикнул.

— Хорошо, не беспокойся, я позвоню тебе.

— Всего хорошего!

Я подождал, пока она повесила трубку. За что такая прекрасная женщина любит меня — это выходило за грань моего понимания. Когда я оглядывался на нашу жизнь, то я действительно немного сделал для неё. Я всегда был занят другими вещами, которые мне казались более важными. Они были связаны с государственной безопасностью нашей страны. Это была чепуха. И я не только прикрывался этим, я в это действительно верил.

Два полицейских вошли в кафетерий, где сидел я. Я почувствовал повышение давления в крови. Заметил кто-то меня и сообщил куда следует? Они пришли сюда, чтобы задержать меня? Я уже чувствовал запах дезинфекционного средства, исполь-

зуемого в израильских тюрьмах, я знал это, так как в качестве тренинга определённое время провел в камере. И еще раз на военной службе, когда меня застукали без головного убора, и я 10 дней просидел на гауптвахте.

Я уже слышал звон ключей и грохот запирающихся стальных дверей. Оба полицейских заказали по кофе. Эфраим тоже насторожился, следя за ними взглядом. Я знал, что он нервничает и охотно увидел бы меня уже за пределами страны.

Первое сообщение о начале посадки я пропустил мимо ушей, но после второго я быстро встал в очередь по направлению к выходу.

Через 20 минут мы были на борту и выруливали на старт. Я закрыл глаза. Я не хотел смотреть на взлётную полосу и, видя любую машину, думать, что она приехала сюда из-за меня, чтобы задержать самолёт. Человек, сидящий рядом со мной, казалось, напротив полностью захвачен видом из иллюминатора.

Пассажир справа от меня читал статью в газете о швейцарцах, которые отвергли на референдуме предложение правительства о вступлении в ООН. Никто мной не интересовался, и так это и должно было оставаться. В общем-то, я люблю поболтать, но в самолётах, поездах и автобусах я люблю чувствовать себя в одиночестве.

Когда я, за головой моего соседа, увидел небо в иллюминаторе, мне показалось, что вижу рай. Я был свободен, вне сферы их досягаемости.

Глава 8. Понедельник, 31 марта 1986 года. Гатвик, Англия

Уже прошли сутки, а от Эфраима не было никаких известий. Его требование не звонить к себе домой, пока я не переговорю с ним, осложняло мне жизнь.

Со времени звонка из аэропорта «Бен-Гурион» я не разговаривал с Беллой. Видимо, она совсем извелась за это время, переживая за меня.

Эфраим подозревал, что мой телефон дома прослушивается (и в этом не было сомнений), и тогда они бы узнали, что я на пути в Штаты сделал долговременную остановку в Англии. Если что-то сорвётся, то факт, что Эфраим тоже улетел в Англию, мог бы доставить ему неприятности.

Я сидел перед телевизором, чтобы убить время, но я совсем не мог сконцентрироваться. Утром, в 10.30, я решил поехать в город, чтобы отвлечься. Я должен был расслабиться, погулять, что-то съесть. Если за это время придёт Эфраим, пусть он тоже подождёт.

На поезде я поехал в город. Через 35 минут я был на Вокзале Виктории, оттуда на метро я направился к Пикадилли, на остановке «Грин Парк» я должен был пересесть на другую линию. Бесцельно я прогулялся по улицам и снова вернулся к метро, съел пару гамбургеров в «Вимпи», британском варианте «Макдональдс» и поехал назад в отель.

В лифте я почувствовал сладковатый запах табака с вишнёвым ароматом. Чем ближе я подходил к моей комнате в конце зелёного коридора, тем

сильнее был этот запах. Только запах краски от свежевывкрашенных стен был интенсивнее.

Я стал у двери и прислушался: точно, Эфраим и генерал. Но узнал я их скорее по запаху табака, чем по голосам. Я открыл дверь, они удивлённо уставились на меня.

— Почему вы так обескуражены, увидев меня? — спросил я. — Кого же вы ожидали здесь увидеть?

— Я просил тебя ждать меня в гостинице, — сказал резким голосом Эфраим.

— Я не работаю на тебя, друг. Я здесь, чтобы оказать тебе услугу.

— Я спас тебе жизнь, ты ещё помнишь об этом? Или я должен напомнить тебе о Ливане?

Это было правдой, что он вытянул меня из Израиля до того, как меня послали в Ливан на верную смерть. И, несомненно, он ещё не раз напомнит мне об этом.

Я бросил пальто на кровать и сел на её край.

— Ты только вытащил меня оттуда, куда ты сам меня затащил и, видимо, только для того, чтобы втянуть меня в какое-то другое тёмное дело. Я усмехнулся. — Во-первых, я тут для того, чтобы выслушать вас, а только потом я решу, на кого мне работать. Я предлагаю, короче: выкладывай, что ты хочешь. Если нет, то исчезни.

— Посмотри-ка, Виктор, ты... — начал было Эфраим. Генерал положил ему руку на плечо. — Этот парень прав, почему мы должны играть с ним? Мы знаем, что мы хотим и почему мы это хотим. У тебя есть работа для него, так скажи это ему, введи в курс дела.

Я слышал, как в генерале говорила традиция израильских военных: информированный солдат — хороший солдат.

— Послушай своего друга, — сказал я. — Он прав. Если нет, то я скоро исчезну отсюда и уеду в США.

Эфраим осмотрел меня в течение минуты. Потом он откинулся назад и взглянул на генерала, который снова зажигал трубку.

— Тогда начнем с самого начала...

— Подожди минутку, — сказал генерал и достал из кожаного портфеля, лежавшего у его ног, большой термос. — Принеси стаканы из ванной, мне нужно выпить кофе.

— Я тоже выпил бы, — сказал я и быстро принес стаканы, которые быстро наполнились кофе из термоса.

— Я слушаю, — сказал я, устроившись на кровати.

— Это всё началось в 1982 году. Ты тогда ещё служил во флоте. Ты, видимо, знаешь, что мы все тогда готовились к войне в Ливане. Эта военная операция тогда ещё называлась «Ливанский кедр» и мы в Моссад поддерживали тесные связи с партией фалангистов Башира Жмайеля.

Ревог был нашим агентом, который непосредственно занимался Жмайелем. Он всё устроил так, что израильтяне ввязались в войну. Он и другие из правого крыла Моссад называли ливанскую войну

лучшей войной, которую мы когда-либо получали. В Израиле они видели полицейского всего Ближнего Востока.

Премьер-министру Менахему Бегину нравилось выступать в роли спасителя христиан от «диких мусульман», что хорошо вписывалось в его правую колониальную идеологию. Ариэль Шарон, министр обороны, тоже был всецело за это.

Он остановился, прихлебнул горячий кофе. Затем затащился сигаретой и продолжил рассказ, выпуская дым.

— Ицхак Хофи, тогдашний шеф Моссад, был против этого, так как считал, что христианские фалангисты в Ливане не являются надёжными союзниками. Военная разведка АМАН была с ним одного мнения.

Но Хофи, который к тому времени уже почти 8 лет работал в бюро, должен был скоро уйти в отставку. Многие люди в Моссад тогда надеялись, что новый шеф будет «свой», «инсайдер». Как ты знаешь, до того на должность шефа Моссад всегда назначали кого-то со стороны.

Я знал, что это был единственный путь осуществления контроля над Моссад со стороны внешнего мира. Новый шеф «со стороны», т.е. из военных, предполагал возможность чистки мозадовского дома.

— Многие надеялись, что шефом станет бывший офицер Моссад, кто-то вроде Давида Кимхе, который тогда был министром иностранных дел, а до того — руководителем отдела Моссад, пока не поссорился с Хофи. Кроме того, был ещё Рафаэль Эйтан, которым восхищался Бегин, но о котором он же думал, что тот стоит слишком близко к Ариэлю Шарону.

Бегин боялся, что Шарон сосредоточит у себя слишком много власти, если его друг возглавит Моссад. Бегин решил последовать традиции и дать эту должность человеку со стороны. Эфраим передохнул. Когда он продолжил, голос его звучал по-другому, резко, беспокойно, с яростью.

— Незадолго до начала войны, когда Хофи уже наполовину был отправлен в отставку с поста руководителя Моссад, правому крылу в бюро удалось путём кадровых перестановок поставить на ключевые позиции своих людей.

Нам всем в Моссад уже до чёртиков надоело, что каждый раз с приходом нового босса, все наши планы на будущее летят вверх тормашками. Но правая клика в Моссад уже не собиралась отдавать ту власть, что была у неё в руках. Это был своего рода государственный переворот, но с тем отличием, что вовсе не было государства, которое можно было бы перенять.

Генерал Йекутиель Адам или, как его называли друзья, Кути, был назначен на пост руководителя Моссад и должен был вступить в эту должность где-то в конце июня 1982 года. Война в Ливане началась 6 июня, и уже на второй день войны Кути вступил в спор с Шароном из-за нападения на сирийские зенитные ракеты в долине Бекаа.

Кути считал и открыто об этом говорил, что это может привести к настоящей войне с Сирией. Он выступил против плана, над которым Моссад

так тщательно работал с ливанцами в предшествующие годы. Правящей клике в Моссад стало ясно, что надвигается на неё, если этот человек возглавит бюро. Кое-кто решил, что это не должно произойти.

— Кути был моим лучшим другом, — прошептал со злостью генерал.

Эфраим продолжал:

— У него были друзья в Моссад. Люди, которые готовили бумаги для анализа ситуации, чтобы он смог быстро принять необходимые меры сразу после официального вступления в должность. Жизнями молодых солдат больше не нужно было бы жертвовать, бросая их, как пушечное мясо, на войну в Ливан, ради желаний правых и созданного и управляемого там их кликой в Моссад государства.

С их философией «Баланса слабости» они думали установить свою власть за спиной марионеточного режима Жмайеля, но они забыли то, что в Ливане знает каждый ребёнок: любой может проглотить Ливан, но никто не сможет его переварить.

Было понятно, что господству правящей клики угрожал быстрый конец. Стоило бы Кути перенять контроль, он честно сообщил бы правительству и Шарону действительную оценку положения вещей, а Шарон наверняка не захотел бы стать первым израильским министром обороны, который проиграл войну.

Эфраим снова сделал паузу и отпил кофе.

— Удобный случай представился 10 июня. Армия вошла в пригороды Бейрута, и наступило перемирие. Кути, назначенный шефом Моссад, но ещё не вступивший в должность, хотел совершить прощальный визит к своим войскам в Ливане. Моссад была поручена организация этой поездки.

— Почему Моссад, а не ЦАХАЛ²⁰? — спросил я.

— Потому, что в это время его безопасность уже относилась к компетенции службы безопасности Моссад, а не военных.

— Если бы мы отвечали за его безопасность, он и сейчас был бы жив, — бросил генерал.

— Они спланировали посещение на следующий день, — тихо рассказывал Эфраим. — Когда он прибыл на место, его убили из засады. Стрелявший, четырнадцатилетний мальчишка, был на месте застрелен телохранителями.

— Ты сошёл с ума! Я вскочил. — Это безумие, я знаю, что это был несчастный случай. — Я не мог поверить тому, что услышал от него. Это просто казалось слишком дьявольским.

Он посмотрел мне прямо в глаза и тихо сказал:

— У парня нашли фотографию Кути. Кто ещё мог знать, что Кути будет именно там и тогда, кроме людей, которые готовили его маленькую поездку? Это они его убили, в этом у меня нет ни малейшего сомнения.

— И ты ждал все эти четыре года, чтобы рассказать именно мне об этом?

— Нет, ты — последний шаг, который мы

предпринимаем. Ты можешь себе представить, что работать против Моссад изнутри организации — не самое простое дело в мире.

— И что, никто так и не спросил, как в карман мальчишки попала фотография Кути?

— Эту информацию скрыли от комиссии по расследованию инцидента, информацию, которая без тени сомнения доказывает, что это действительно был не несчастный случай, а преднамеренное убийство.

Я снова сел на кровать. По лбу катился холодный пот. То, что рассказывал Эфраим, было невероятно. Верхушка Моссад составила заговор, чтобы убить своего вновь назначенного шефа?

— Ты сошёл с ума!

— Он не сошел с ума, — сказал генерал. — Я знаю это, потому что он не единственный, кто мне об этом рассказывал. Я ещё больше узнал об этом, когда в начале 1985 года допрашивал пленного боевика «Хисболла» в Южном Ливане. Он рассказал, как он, служа в милиции «Амаль» у Наби Берриса, вместе с одним мальчишкой получил задание убить израильского генерала. И я говорю тебе, этот человек не врал.

— Как ты мог это знать?

— Потому, что он знал, что всё равно умрёт, и речь шла лишь о том, продлится ли это целую ночь или только пару минут. И он думал, что я и так об этом знал.

Я несколько секунд посмотрел на генерала, а затем снова обратился к Эфраиму:

— А как получилось так, что вы не пошли с этим к премьер-министру?

— Чтобы сказать ему: «Господин премьер-министр, руководство Моссад, мой босс и некоторые его фавориты только что захватили правление в Моссад и убили нового назначенного Вами шефа»? И, как ты думаешь, что он бы мне на это сказал: «Спасибо, что ты рассказал мне об этом. Я сейчас позвоню этому ублюдку и уволю его?» Кроме того, тогда шла война. И в течение максимум одного или двух дней со мной произошёл бы такой же несчастный случай.

— Откуда я должен знать, что не именно вы подстрекаете меня к бунту и не вы сами хотите совершить путч?

— Ты должен мне верить. Мы не можем действовать без кого-то «со стороны».

— Я весь внимание.

— Я думаю, пришло время перекусить, — сказал Эфраим.

Я не был голоден и я охотнее послушал бы продолжение его рассказа, но я решил: пусть будет так, как он хочет.

— В гостинице есть ресторан, — сказал я. — Я только надеюсь, что обед здесь лучше, чем завтрак.

Оба засмеялись.

— Нет, — сказал Эфраим. — Я не думаю, что мы должны вместе идти есть. Всё же возможно, что за нами наблюдают, и мы не можем себе позволить «засветиться». Рами принесет нам что-то. Он по-

²⁰ ЦАХАЛ — «Армия обороны Израиля», вооружённые силы страны.

вернулся к генералу. — Ты сделаешь это?

— Я уже иду, — медленно сказал генерал, с трубкой во рту. Он одел пальто. От моего внимания не ускользнуло, насколько менее впечатляюще выглядит он в гражданской одежде.

— Что же вы закажете? — ухмыльнулся он. Очевидно, ему не очень нравилась роль мальчика на побегушках.

— Мне всё равно, лишь бы побольше. Я проголодался, — сказал Эфраим. — О, да, — и протянул генералу термос — и кофе, пожалуйста, если это тебя не затруднит.

— А ты?

— То же самое, — ответил я.

Генерал вышел из комнаты, всё ещё немного взволнованный.

— Ты испортил мне жизнь, — сказал я Эфраиму.

— Вовсе нет. Я просто вытащил тебя из группы особо отобранных людей, пока ты сам себя не разрушил бы. И ты прекрасно подходишь для этой работы.

— Но ты меня никогда об этом не спрашивал. Откуда ты знаешь, может я охотнее стоял бы на другой стороне баррикад и боролся бы с людьми вроде тебя, которые постоянно хотят передать контроль над Моссад в руки любителей, вместо того, чтоб доверить его профессионалам, которые всему научились сами, добравшись до самого верха?

Я всмотрелся в лицо Эфраима, которое своей бледной дряблой кожей напоминало череп мертвеца.

— У меня есть твоя психологическая характеристика, подумай об этом. И я знаю тебя, наверное, даже лучше, чем ты сам себя знаешь, Виктор. Ты не вписываешься в шаблон.

— Моя психологическая характеристика из Моссад это дерьмо. Она не стоит бумаги, на которой написана.

— Если с точки зрения психологии выяснится, что ты — ошибка, я перейду к второй фазе.

— И что это за вторая фаза?

— Этого я тебе пока не могу сказать. Но я расскажу тебе маленькую историю, пока не вернулся наш друг, генерал.

— Почему? У тебя и от него есть тайны? — Я постарался быть как можно более саркастичным.

— Да. У меня от него даже больше тайн, чем от тебя. Он не «инсайдер», не был в нашей системе, и поэтому есть много вещей, которые он не понимает. Я не хочу разрушить Моссад, что он охотно сделал бы. Я хочу поставить службу на её место.

— Почему?

— Потому что я думаю, что нашей стране нужен Моссад, зубастый Моссад, который смог бы справиться с нашими противниками. Но в таком случае стране нужна узда, которой она смогла бы держать Моссад под контролем.

— Ты хотел рассказать мне маленькую историю.

— В 1982 году, до войны в Ливане, у нас был человек, который должен был подготовить почву

для своего рода диалога. Он относился к моей команде, но я тогда ещё не был главой клики. У нас было благословение Хофи и нескольких людей в МИД, которые ожидали прорыва. Мы настолько напугали палестинцев тем, что могли совершить в Ливане, что они были готовы к диалогу.

— То есть, вы хотели перебросить мостик?

— Да, но не к христианам, а к палестинцам. Мы послали вперед для зондажа одного из наших лучших агентов. Его звали Яков Барсимантов. Он сидел в резидентуре в Париже, где работал нашим офицером связи.

— Он же не смог бы установить никакого контакта с палестинцами или завоевать их доверие. Если он принадлежал к отделу офицеров связи, то они знали, что он агент Моссад, — заметил я.

— Он не вёл с ними прямых переговоров. У нас был американец, добровольный посредник, который хотел сдвинуть дело с мёртвой точки. Барсимантов представил ему эту акцию на коктейль-приеме в МИД Франции, как дело, требующее отваги и мужества.

— И он согласился?

— Он с жадностью ухватился за эту возможность. Он сам был не в очень удобном положении для разговора с палестинцами. Это противоречило директивам американского Госдепартамента. Но он всё равно делал это.

— Почему вы не устанавливали другие контакты, например через румын, которые работали на две стороны, и у вас были связи с ними.

— Они были под правящей кликой и хотели только усиления Башира Жмайеля и фалангистов.

— Кто был этот американец?

— Его звали Чарльз Роберт Рэй. Он был помощником военного атташе США и человеком с очень большим чувством долга. Он был уверен, что мир на Ближнем Востоке отвечает стратегическим интересам Соединённых Штатов.

— Военные оспаривают это.

Эфраим усмехнулся.

— Верно. Но это было так. Кто-то в МИД проболтался, и их обоих, Барсимантова и американца, застрелили до того, как они вступили в первый контакт с палестинцами. Мы знаем точно, что это сделали не палестинцы.

Он провёл пальцами по волосам и по лицу. Он показался мне внезапно постаревшим и более усталым, чем раньше.

— Они убили Рэя в январе, а когда Яков попытался сам наладить новый контакт, убили и его. Яков был хорошим человеком, тем не менее, 3 апреля перед своей квартирой его пристрелили, как собаку, свои собственные коллеги. Его прикончила наша бригада киллеров.

— Но «Кидон» не может убивать израильтян!

— Они не знали, кто их жертва, а потом всё списали на то, что это якобы было недоразумение. После убийства Якова они спрятали оружие чехословацкого производства в квартире одного ливанского революционера и обратили на него внимание спецслужб.

Они дошли до того, что заявили об ответственности за убийство от имени «Ливанской Вооружённой Революционной Фракции» (LARF) и информировали французскую контрразведку, что LARF является частью сирийской группировки SSNP — «Сирийской Социал-Националистической Партии».

Он посмотрел в окно.

— Знаешь ли ты, что они набрались наглости представить это убийство провокацией, которую они только и ждали, чтобы начать войну в Ливане? Едва ли когда было большее бесстыдство, чем это.

Более всего меня ошеломило, что всё, что я сейчас услышал, меня вовсе не поразило. Я верил ему, но я почти готов был сказать: «Ну и что?»

— О'кей, ты рассказал мне свою маленькую историю. Чёрт побери, но с чего ты взял, что я из-за этого буду что-то делать для тебя? Я с тем же успехом могу открыть окно и выпрыгнуть. Это сэкономило бы кучу хлопот и огорчений. Я взял сигарету и отклонился назад на кровати.

— Ты всё понял не так. Я хотел тебе сказать, что я не смогу использовать кого-то внутри системы, потому что у меня нет зацепки, кому я могу доверять. Генерал мой долголетний приятель и он был близким другом Кути. Он полностью чист в том, что касается меня.

Тебя я вытащил прямо из брюха Моссад, потому что ты там ещё не завяз, как большинство наших общих друзей, и потому, что ты попал в Моссад не с помощью «мохнатой лапы», а в обычном порядке. Ты пришёл в Моссад, как патриот, а не из желания сделать карьеру.

— Ну, такое желание у меня тоже есть. Я хочу работу, жизнь, удовольствие.

— Если ты хочешь жизни, то оставайся здесь. Ты получишь от жизни больше, чем тебе, наверное, нужно.

— Итак, что дальше? Ты хочешь предложить мне дело?

— Именно так. Твоё прикрытие — ты сам. Всё, что ты делаешь, ты делаешь под свою полную ответственность, без страховки и спасательного круга. Я буду давать тебе инструкции и помогать, чем смогу, но во всём ты сможешь надеяться только на самого себя.

— И что мне делать?

— Тебе нужно будет вывести Моссад из игры.

Глава 9.

В дверь постучали. Эфраим умолк. Я подошёл к двери и посмотрел в глазок. Это был генерал. Я открыл дверь, и он влетел вовнутрь, будто за ним горел коридор. Это точно не доставляло ему удовольствие — быть посыльным.

Следующий час мы обедали, говорили мало. Я пытался определить мою роль в схеме, но так и не смог чётко распознать цель. Понятно, он сказал, что хочет указать Моссад его место, но что это означает?

Я представил себе, что Эфраим намеревался его вначале разрушить, и для этого я ему и нужен.

Но я вовсе не был уверен, что тот новый Моссад, который он хочет возвести на руинах старого, будет лучше.

Было ли у него такое же представление о более чистом, честном и лучшем Моссад, как у меня? А если нет, то зачем мне с ним связываться? Я теперь был сам себе господин, зачем мне оставаться замешанным в эти дела?

Я решил дослушать Эфраима до конца и потом определиться, что я хочу делать. Я канадский гражданин с настоящим канадским паспортом, и он никак не сможет меня запугать.

Но одновременно меня охватывало чувство того, что ко мне постепенно возвращается вкус к жизни, и это мне нравилось. Я был как бы в состоянии солдат, для которых война слишком быстро закончилась. Потом они бродят по миру, пытаются продлить их войну. Их притягивает возможность балансировать на краю пропасти. Относился ли я теперь тоже к ним, хотел ли я достичь своих границ, или я вовсе не был таким уж новичком в этой компании?

— Что мы теперь будем делать? — спросил генерал и пошёл вымыть руки.

Эфраим встал.

— Мы скоро уйдём, а Виктор завтра улетит.

— На самом деле?

— Да, ты полетишь в Нью-Йорк, а потом заедешь в гости к своему отцу в штат Небраска.

— А почему в Нью-Йорк?

— Потому, что так мы сможем узнать, есть за тобой «хвост» или нет.

— А разве ты в этом не уверен? Что ты имеешь в виду? — спросил озабоченно генерал.

— Мы никогда ни в чём не уверены, мой дорогой. Но есть определённые возможности, чтобы проверить это.

— Какие же? — спросил генерал.

Мне показалось, что ответ мне вряд ли понравится.

— Виктор в Нью-Йорке найдёт и посетит бюро ООП. Если в штабе Моссад завоют все сирены и зажгутся все огни, то мы узнаем, что он под колпаком.

— Я думал, вы сами там можете узнавать такие вещи, — сказал генерал с более серьёзным выражением лица.

— Мы можем, но мы никогда не уверены. Для нас тоже есть пределы. Если команда, идущая по нашему следу, достаточно велика, мы этого не узнаем. А этим мы не можем рисковать.

— А что, если в бюро ООП кто-то работает на Моссад? — спросил я.

— У нас там нет агента. Но даже если бы он там был, то прошло бы достаточно времени, пока он сообщил бы в посольство, чтобы ты успел уйти достаточно далеко.

— О'кей. Но я всё же попытался укрепить мой аргумент. — Но что, если кто-то сразу же побежит и доложит в посольство? Тогда мне конец и раньше, чем я успею покинуть город.

— Ты не скажешь им, кто ты. Войдёшь про-

сто и представишься израильтянином, симпатизирующим палестинцам, или что-то вроде этого.

— Но как это поможет нам дальше в наших планах?

Генерал сильно затянулся трубкой. Я заметил, что это была не его игра; он хотел увидеть своего друга и оценить его. Несомненно, храбрый человек, но и у него был какой-то страх тьмы.

— В будущем от Виктора потребуют выполнять экстремально опасные, сверхопасные задачи. Он будет делать это в местах, которые намного менее гостеприимны, чем Нью-Йорк. Перед тем, как послать его в такие места, я хочу быть полностью уверен.

Если есть проблемы с его прикрытием или если кто-то подозревает его, что он «не кошерный», то пусть мы выясним это сейчас, когда он будет в США, где Моссад не так легко действовать. Если они наблюдают за нами, то они захотят узнать, что будет следующим в наших действиях. Мы принесём им это на подносе. Если они идут по нашему следу, то они арестуют нас — тебя и меня, как только он зайдёт в бюро ООП.

На лбу генерала появились крупные капли пота. Эфраим продолжал:

— Если это произойдёт, мы, конечно, не будем вступать в контакт с Виктором. А для него это будет сигналом, что он должен исчезнуть, действительно лечь на дно. Но если этого не произойдёт, то мы узнаем, что мы «чистые».

— Как он должен исчезнуть? — Голос генерала немного дрожал.

— Для него это не будет сложно. В конце концов, его учили лучше всех в мире. По крайней мере, мы так считаем.

Генерал прокашлялся и спросил:

— Что они сделают с нами?

— Мы же уже раз прошли через это, — сказал, погрузившись, Эфраим. — Я думаю, ты должен был бы понять.

— Да, да. Но только, чтобы я не... — Он заппнулся.

— Что «не»? Ты хочешь выйти из игры? Если ты собрался сделать так, то скажи об этом сейчас, пока мы ничего не предприняли. С сегодняшнего дня у нас больше не будет пути отхода. Мы очень быстро приближаемся к точке, откуда уже не будет возврата. Как только Виктор полетит в Нью-Йорк, мы должны будем исполнить наш долг.

— Это очень мило с вашей стороны. Я рассердился. — Если ты ему позволяешь выйти из игры, то меня ты даже ни разу не спросил, хочу ли я садиться в самолёт. Как, черт побери, я переживу эту адскую скачку?

— Нет, ты меня не понял. Я говорил о нём. Если он захочет уйти, то сможет, но у нас есть долг. Если он сейчас действительно уйдёт, а мы находимся под наблюдением, то его уберут так же, как меня, и как они попытаются расправиться с тобой. Но он ещё может всегда выйти из игры, если выяснится, что мы «чистые».

Генерал встал и покачал головой. Я чувствовал, что он начинал понимать мои душевные волне-

ния, что он был озабочен тем, что через несколько секунд дело может стать необратимым.

— Я не хочу выходить из игры. Но только то, что сейчас начинается, становится очень реальным для меня. Я никогда раньше не играл в такие игры, и у меня нет об этом ни малейшего представления, на которое я мог бы положиться. Меня пугает не то, ЧТО мы хотим сделать, а то, КАК. Я хочу только знать: Если они возьмут нас, что, как ты думаешь, они с нами сделают?

— Ты можешь быть спокоен, если ты беспокоишься, что предстанешь перед судом. Этого они себе не смогут позволить. Они урегулируют проблему за закрытыми дверями. Возможно, несчастный случай, или они на неопределённое время засунут нас в «психушку». Почти всё возможно, но только не открытый судебный процесс.

— Не очень многообещающее будущее, — улыбнулся генерал.

— Ну, это в том случае, если они нас поймают до того, как мы закончим задуманное. Я думаю, мы не перенесём неудачу, это слишком дорого обойдётся нашей стране, не говоря уже о нас самих.

Мы помолчали несколько минут. Потом я встал и обратился к Эфраиму:

— Я хочу, чтобы ты ещё кое-что сделал, пока я не ввязался в вашу затею.

— Ты ввязался уже, — ответил Эфраим.

— Возможно, но я обещаю тебе, что больше не пошевелю даже пальцем для тебя, если ты не сделаешь кое-что для меня.

— И что же?

— Ты должен, причём именно сейчас, — я показал на телефон, — свести меня с кем-то в твоей клике в Моссад, кого я знаю лично.

— ЧТО?!!

— Ты правильно расслышал. С кем-то, кого я знаю. Я хочу быть уверен, что ты не готовишь мне западню.

— А как же генерал? Я думал, ты доверяешь ему.

— При всём уважении к нему, мы ведь оба знаем, что ты с воскресенья мог десять раз перехитрить этого человека. Я хочу кого-то из Моссад, кого-то, кто знает эти уловки.

— Я же тебе не могу так просто кого-то выдать.

— В таком случае я уйду.

Эфраим помолчал.

— Ты знаешь, что после всего, что ты узнал, я не могу просто позволить тебе уйти.

— Тогда убей меня, но если ты хочешь, чтоб я работал с тобой, то лучше позвони кому-нибудь.

Эфраим несколько секунд пристально рассматривал меня. Потом он подошёл к телефону и, получив свободную линию, набрал номер.

— Рувен? — спросил он наконец-то и подождал. — Минутку, пожалуйста. Он повернулся ко мне: — Ты знаешь Рувена Хадари?

— Да.

Он изложил человеку на том конце провода, что я хочу удостовериться, что в Моссад есть и дру-

гие люди, сотрудничающие с Эфраимом. Рувен, которого я знал и высоко ценил, подтвердил это.

Я настоял на том, чтобы он дал мне свой номер телефона. В случае неудачи, я позвонил бы ему, и не был бы зависим только от Эфраима. Они согласились и я, положив трубку, на самом деле успокоился.

Это не была ловушка, нет, это была законная попытка перевернуть Моссад вверх килем и создать на его месте то, что, как мы надеялись, будет лучше.

Я открыл окно, мне срочно был нужен свежий воздух. После всего: сигарет, трубки, рыбы и картошки «фри» запах в номере был невыносим.

— Ещё вопрос, — сказал я. — Сколько всего человек в деле?

— Около десяти. Но только трое знают, что происходит на самом деле. Или я теперь могу сказать, что четыре? Никто за пределами этой комнаты, за исключением Рувена, не знает о тебе, если ты это хотел знать.

Я не ответил. Я сидел у открытого окна и смотрел на серый железобетонный комплекс, который этот отель предлагал, как лучший вид из окна.

— Второго апреля ты прилетишь в Нью-Йорк. С этого дня ты сам отвечаешь за себя. Я не буду предлагать тебе определённую гостиницу. Я даже не хочу знать, где ты остановился.

Я кивнул, по-прежнему смотря в окно.

— Ты меня слушаешь? — спросил участливо Эфраим.

Я кивнул.

— Вот номер, по которому ты позвонишь, когда побываешь в бюро ООП. Он передал мне визитную карточку. — Такой же номер есть в Нью-Йорке; это пекарня. Набери тот же номер в Тель-Авиве и я у аппарата.

— А если нет?

— Позвони трижды, каждые четыре часа, но никогда с одного и того же телефона. После первого звонка готовься к уходу, а после последнего ты уже должен быть далеко.

— Что мне делать, если они возьмут тебя?

— Постарайся просто выжить и не попасться в их лапы. Пока я скажу тебе: Ты справишься с этим лучше, чем мы.

— Это слабое утешение. А что будет с моей семьёй?

— Если нас схватят, у тебя её больше не будет. Или, скорее, тебя для них уже не будет. Для них ты станешь как бы мертвец.

— Это произойдёт так резко?

— Нет, я буду у телефона. Я не хочу потерять тебя, мой мальчик.

Через несколько минут оба они ушли без особых церемоний. Простым рукопожатием они послали меня в путешествие, в которое я, порой, желал бы никогда в жизни не отправляться.

Глава 10. Среда, 2 апреля 1986 года. Нью-Йорк

Прибыв в Нью-Йорк, я чувствовал себя настоящим трупом, совершенно измученным, а живот мой был полон содержимым маленьких бутылочек рома и наполовину полных стаканчиков с «Пепси-колой», которых я немало выпил в самолёте.

После бесконечных серых коридоров я внезапно оказался в огромном терминале. Запах горячих сосисок со свежими булками вытеснил вонь бензина и застоявшегося воздуха. У меня потекли слюнки, я автоматически закурил сигарету, чтобы заглушить чувство острого голода.

Действительно, утолить голод я смог бы лишь после прохождения первой бюрократической линии обороны США — контроля Службой иммиграции и натурализации и таможенного контроля. Я едва мог открыть глаза, пока медленно продвигался в очереди.

Наконец я стоял прямо напротив офицера иммиграционной службы, который выглядел так, будто он охотнее всего послал бы меня снова туда, откуда я приехал.

— Паспорт, пожалуйста, — произнес он механически.

Я положил на стол мой канадский паспорт, потому что в это время, после приземления в Гатвике, снова стал канадцем. Синий документ с канадским гербом придавал мне чувство относительной безопасности.

— Вы по делам или...

— Просто в отпуск, в гости к отцу.

— В Канаду?

— Нет, он живет в Небраске. Он американец.

— Как долго вы останетесь в США?

— Пока не знаю. А что, есть проблемы?

Офицер вернул мне паспорт, поставив в него красный штамп.

— Приятного пребывания. Он махнул рукой, пропуская меня.

Таможню я тоже прошёл без проблем. Хотя я был слегка выпивши, казалось, я производил на чиновников неплохое впечатление. Кроме того, мне действительно нечего было скрывать, не учитывая, конечно, спрятанных в секретном кармашке чемодана документов.

После короткой поездки на такси, я прибыл в маленькую гостиницу недалеко от аэропорта. Я упал на кровать и уснул, не раздеваясь, только, и то с трудом, сняв обувь.

Четверг, 3 апреля 1986 года

Первый луч света, пробившийся сквозь дырку в занавеске, вернул меня в сознание. В этот момент я подумал, что уже неделю не разговаривал с Беллой. Учтывая, как я уехал, и то состояние, в котором я её оставил, я ощущал себя полным засранцем. Медленно встав с кровати, я старался не слишком резко двигать головой, которая страшно болела. Алкоголь довершал свою месть.

Я взглянул в треснувшее зеркало и заметил, что выгляжу я намного лучше, чем чувствую себя. Радиобудильник на маленьком деревянном прикроватном столике показывал семь часов утра. Я попы-

тался высчитать, который час сейчас в Израиле, но так и не смог сконцентрироваться.

Эфраим говорил мне, что третьего числа после шести я могу позвонить. Я должен был обязательно это сделать.

Я зажег сигарету, сел на край кровати и обхватил голову руками. Я положил сигарету в стеклянную пепельницу и заметил, как часто кто-то из прежних постояльцев «промахивался» мимо нее — на полу повсюду были следы пепла и искр. Кто-то даже повтыкал окурки в тонкий, затоптанный ковер.

Как я мог попасть в такую дыру? Когда я сказал водителю такси, что ищу недорогой отель, мне, наверное, стоило бы выразить своё желание поточнее. С другой стороны, гостиница была хороша тем, что вряд ли кто будет искать меня здесь, если, конечно, они гонятся за мной.

Я заказал международный разговор; если они подслушивают, то в разговоре это было бы тем, что они хотели бы услышать. Эфраим хотел, чтобы я подтвердил то, что они ждут. «У них должно быть подтверждение того, что ты в Нью-Йорке, если мы хотим что-то выяснить». Когда он это говорил, мне казалось это разумным, но сейчас я не улавливал логики. Я мог только механически набрать номер.

Её голос был для меня, как свежий бриз, разогнавший тёмные тучи боли в голове. Я всегда только хотел слышать её голос. Для меня не было так важно, что именно она говорит. Я мог слышать, что она устала, беспокоилась из-за того, что я не звонил. Она жаловалась очень недолго и когда заметила, что не получит полного объяснения, спросила:

— Что же ты теперь будешь делать?

— Я побуду денёк в Нью-Йорке, а потом поеду к папе.

— Что ты там собираешься делать?

— Пока не знаю. Возможно, найду работу или ещё что-то. Не беспокойся, всё ещё будет хорошо.

— Они вчера приходили с повесткой о твоём призыве, как резервиста.

— Кто?

— Морской офицер передал мне её лично.

— Правда? Я никогда не слышал, что они так делают.

— Я сказала им, что ты уехал за границу. Сначала они не поверили.

— Что они говорили?

— Они спросили, как ты мог уехать, не получив отсрочки от призыва?

— Но у меня есть отсрочка. Проклятые бюрократы, правая рука не знает, что делает левая.

— Ты уже звонил своему отцу?

— Нет, я сейчас позвоню.

— Надеюсь, он дома. Возможно, он не уехал в город или куда-то ещё. Что тогда ты будешь делать?

Я чувствовал, что она говорила бы и дальше, как и я.

— Не беспокойся, всё будет хорошо, — солгал я.

Сейчас ничего не указывало на хороший конец.

Внезапно я захотел прервать разговор. Я боялся, что я скажу что-то, что ещё больше осложнит ей жизнь. На это я сейчас пойти не мог. Я пообещал ей позвонить на следующий день.

После горячего душа и завтрака я был готов к действию. Я позвонил в приёмную гостиницы и сказал, что оставляю за собой комнату ещё на несколько дней и заказал такси.

Менее чем через полчаса я был у небоскрёба ООН. Оттуда пешком я дошёл до бюро Организации Освобождения Палестины. Я знал, что туда можно большую часть пути проехать на метро, а на остаток дороги взять такси, но так я с большой вероятностью оторвался бы от своих возможных преследователей.

И тогда мы поверили бы, что я чист, потому что в штаб Моссад не поступило бы сведений о моём визите в офис ООП. Но это ошибочное чувство безопасности могло бы в будущем доставить нам большие неприятности.

Встало солнце, и день обещал быть прекрасным, конечно, для условий Нью-Йорка. Воздух ещё был прохладен и приятно освежал город.

Я знал, что от меня ждут и не хотел совершать ошибки. Было то, что я обязан сделать, и я хотел справиться с этим как можно быстрее. Я нашёл бюро ООП и зашёл в маленькое кафе на противоположной стороне улицы. Мне нужно было немного переждать. Если преследователи немного отстали, то они должны были бы выиграть время, чтобы нагнать меня и найти позицию для наблюдения за происходящим.

После второй чашки кофе и очень вкусного круассона я медленно перешел улицу. Я нервничал. Я ещё раньше имел дело с палестинцами, но всегда выступая с позиции силы, со всей мощью армии или Моссад за спиной. Сегодня всё было по-другому. И люди из ООП, с которыми я встречаюсь, вовсе не подчинены моей власти или моей воле. Я был вооружён только доверием к самому себе и надеждой, что всё будет хорошо.

В приёмной были разложены брошюры и проспекты; светло-голубые и светло-серые тона придавали всему помещению ноту хорошего вкуса. Приёмная была пуста, только через несколько минут пришёл большой, хорошо одетый мужчина.

Его очки в золотой оправе чуть-чуть съехали с носа, так что он рассматривал меня немного поверх очков. Он был ростом около 1,80 м и крепкого телосложения. Его чёрный костюм был сшит, как на заказ, от него пахло дорогим одеколоном. Я в своих джинсах и кожаной куртке почувствовал себя немного не в своей тарелке.

— Чем я могу Вам помочь, сэр? — У него был низкий, дружелюбный голос без всякого акцента.

— Я хотел бы поговорить с ответственным лицом, если можно.

— Это я. Меня зовут Ясин. Что я мог бы сделать для Вас?

— Хорошо. Можем ли мы здесь говорить открыто?

— Это зависит от того, что Вы хотите сказать. Я уверен, что наш разговор здесь слушают больше

людей, чем присутствуют, — сказал он улыбаясь.

Я вынул из кармана израильский паспорт и передал ему.

— Я спрашиваю себя, захотите ли Вы выпить кофе со мной, — сказал я. — Здесь напротив есть кафе.

Он, казалось, немного удивился, перелистывая паспорт, потом с улыбкой вернул мне его.

— Действительно, — сказал он, я как раз хотел уходить. Здесь немного вниз по улице есть одно милое местечко. Хотите пойти со мной?

— С удовольствием, — улыбнулся я, в самом лучшем настроении. Я установил контакт, и если Моссад следит за мной, то меня увидят вместе с человеком, который им точно известен. Так мы гарантированно узнаем, что произойдёт.

— Я только быстро прихватчу пальто, — сказал мужчина и исчез в конце коридора. Я посмотрел через окно на улицу. Хотя людей на ней было немного, я нигде не находил признаков слежки. У меня не было сомнений, что американцы — ФБР и, возможно, ещё и городская полиция, наблюдают за этим местом, чтобы контролировать любые исходящие отсюда подрывные действия и в то же время, чтобы защитить само бюро от терактов и нападений.

Меня только беспокоило, что они сфотографируют меня с палестинцем и передадут фотографии Моссад. Тогда я на самом деле влип бы в дерьмо. Хотя Эфраим и объяснил мне, что этот аспект операции застрахован, я знал, что на это никакой абсолютной гарантии быть не может.

С этого момента возврат для меня был невозможен, и я был рад, что перешёл этот рубеж. Сейчас для меня снова начиналась жизнь.

По пути в маленький ресторан, который находился через квартал от бюро, мы молчали. Само помещение освещалось слабо и подходило для съёмок фильмов с Богартом. Я заказал кофе, он тоже. У меня было впечатление, что он также хотел бы побыстрее разобраться с этой встречей.

— О чём же Вы хотели сказать?

— Как Вы знаете, я израильтянин.

Он кивнул.

— Что же Вы хотите?

— Я хочу только предупредить Вас. Он немного приподнял брови, из-за чего его взгляд стал строже.

— Ничего личного или особо срочного, просто общее предупреждение.

— О чём?

Эфраим мне четко разъяснил, что я не должен вдаваться в детали, а только передать самую общую информацию и один-два примера, чтобы они сообразили, что я не сумасшедший, «поехавший» на этом.

— Это важно, чтобы Вы сообщили своим руководителям, что всё, что они говорят, по любому их телефону, прослушивается. Я приведу Вам пример. Когда Ваши люди перед войной в Ливане разговаривали с Фелицией Лангер²¹, а именно до само-

го вторжения, — это всё было зафиксировано.

Также прослушивались телефонные переговоры Арафата и короля Саудовской Аравии во время блокады Бейрута, и разговоры Арафата из ливанского Триполи с Дамаском во время сирийской осады Триполи. И сегодня — все разговоры, которые ведутся с кем бы то ни было из Туниса.

— Это мы знаем. Неужели Вы думаете, что мы идиоты? Кто Вы вообще такой?

— Я могу только сказать, что не каждый, кто против Вас — Ваш враг. Есть люди, которые думают, что мы, даже находясь по разные стороны баррикад, должны жить в мире вместе или, по крайней мере, рядом друг с другом.

— Посмотрите, как много у нас врагов, и разные ведомства этой страны используют любой повод, чтобы вышвырнуть нас и опорочить наше дело. По этой причине я вынужден закончить эту беседу с Вами.

— Я понимаю. Но вы должны знать одно: только в Тунисе Арафат находится в безопасности.

— Вы смешные люди, — улыбнулся он. Вы знаете о нас больше, чем мы сами, вы знаете нашу историю, обычаи, наши привычки. Вы можете определить любое дерево в палестинском лесу, но всего леса вы не видите. Вы не можете понять нас, как народ, вы вообще ничего в нас не понимаете.

Несколько секунд царил тишина. Палестинец посмотрел мне прямо в глаза, как будто хотел распутать головоломку или найти выход из тёмного лабиринта.

— Я только могу сказать Вам, что на нашей стороне баррикад есть много людей, которые думают точно также. Мы хотим жить в мире, как свободный народ. Есть и такие, кто думает, что это достижимо только через труп Вашего народа.

Большинство из нас так не считает, но мы всегда должны держаться вместе, чтобы не быть уничтоженными вами. Мы требуем уважения и места, которое мы могли бы назвать Родиной. Позвольте и мне предупредить Вас. В этом нет ничего личного, но это срочно, поверьте мне.

Придёт время, и оно уже не за горами, когда улица будет диктовать нам, что делать, когда экстремисты займут наше место. И тогда вы сможете разговаривать только с вашей Стеной Плача. Кто бы Вас ни послал, скажите ему, что именно сейчас стоит воспользоваться случаем.

Он встал и протянул мне через стол руку, хотя его лицо всё ещё оставалось непроницаемым. Я встал, пожал ему руку и заметил, как на его лице появилась легкая улыбка. Он кивнул.

— Скажите им, — продолжил он, — что если они хотят узнать, какие мы на самом деле, им нужно просто взглянуть в зеркало. После этого он повернулся и вышел.

Глава 11.

После того, как мой собеседник Ясин покинул ресторан, меня наполнило странное ощущение. Я

²¹ Известный израильский адвокат, которая выступ

пает в защиту прав палестинцев.

впервые был лицом к лицу и на одном уровне с членом ООП и увидел, что он приятный человек.

Когда он проходил по улице мимо окна, я долго смотрел ему вслед, пока он не скрылся за углом.

Мне нужно было убить ещё почти два часа времени, до того, как я смогу сделать договорённый звонок. Эфраим рассчитал, что два часа более чем достаточно. Если до этого времени в Моссад не взвоят сирены тревоги, то мы в безопасности.

Это был важный и опасный момент операции. Если что-то пойдёт неправильно, то вся программа будет сорвана. Эфраима, вероятнее всего, убьют где-то в тюремной камере, а я взберусь на самый верх в мозадовском списке смертников.

Казалось, что время остановилось. В нормальных условиях офицер Моссад после проведения операции либо направляется на следующее дело, причём, торопясь, чтобы успеть вовремя, или возвращается в «укрытие», т.е. на конспиративную квартиру, где пишет отчёт или докладывает о сделанном своему руководителю.

За исключением короткого промежутка времени, когда офицер направляется с задания или на задание, он почти никогда не остаётся один.

Я не люблю бродить вдоль витрин, ожидание мне всегда давалось тяжело. У меня никогда не хватало терпения чем-то заполнить время. Я бродил взад-вперёд, не зная, куда себя деть, пока время ползло со скоростью черепахи.

Я решил позвонить отцу в Небраску, но затем отказался от этой идеи. Если дело прогорит, не хватало ещё, чтоб и его потащили вместе со мной. Я позвоню ему, когда буду знать, что я в безопасности. Я верил, что Эфраим поступает правильно, и я буду делать то, что...

Мои мысли внезапно оборвались. На другой стороне улицы мое внимание привлек человек в длинном черном пальто. Он стоял у киоска и с деловым видом намазывал «хот дог» горчицей. Я ещё раньше видел его в ресторане, где я сидел с человеком из бюро ООП. Он зашёл туда почти сразу после нас и занял место в отдалении.

Он заметно избегал смотреть в мою сторону, по чему сразу узнаёшь любителя. Я немного прошёл по тротуару назад и прижался поближе к стене, откуда я наблюдал за ним. По моим оценкам, он давно должен был бы уже начать есть свой «хот дог», если он не поливал его горчицей только чтобы выиграть время, стоя у киоска. Я вспомнил, что и в ресторане он был не один, а ещё с одним человеком.

Я стал внимательно осматривать улицу в поисках его напарника. Человек в длинном пальто и с «хот догом» выглядел как кто-то с Ближнего Востока. Он мог быть кем угодно: от нью-йоркского полицейского итальянского происхождения до сирийского разведчика — и, с той же вероятностью, он мог быть агентом Моссад.

Я медленно повернулся и, совсем не напрягаясь, просматривал улицу дальше. Я заметил человека, который стоял у входа книжного магазина и держал в руке маленькую сумку. Он рассматривал меня через отражение в стекле витрины. Он стоял на расстоянии менее трёх метров. Его присутствие

просто поразило меня; я не ожидал увидеть его так близко.

Это был второй человек из ресторана. То, что он действовал столь непрофессионально, меня почему-то обидело — он не соблюдал правила игры. Я предположил, что оба либо сыщики-любители, либо принадлежат к какой-то маленькой спецслужбе.

Я вошёл в книжный магазин, пройдя прямо мимо него. Мне нужно было узнать, на какого дьявола работают эти клоуны.

Несколько минут я перелистывал какую-то книгу и взвешивал возможные варианты моих действий. Большинство из того, чему меня учили, в этой ситуации совсем не годилось, например вызов подкрепления или упражнение по наблюдению и определению цели²². Меня не защищали местные власти или ещё кто-либо, на кого я мог бы положиться.

Из книжного магазина я увидел, как первый бросил свой «хот дог» в урну и перебежал через дорогу. Человек у дверей двинулся к перекрёстку, где встретил партнёра. Они перебросились парой слов за несколько секунд и тот, кто был в длинном пальто, указал на книжный магазин.

Человек с сумкой спустился вниз по улице и пожал плечами. «Длинное пальто» кивнул и подошёл ближе к двери магазина, пока другой побежал в том направлении, которое он только что указал.

Удивительно: эти дураки даже умеют думать, хотя и не достаточно хорошо. Охотнее всего я вышел бы и поговорил с человеком в длинном пальто, сделал бы ему выговор, и предложил бы проделать всё ещё раз с самого начала. Во мне что-то было такое внутри, что побуждало к такому приколу.

Но, ни время, ни место этому не способствовали, ведь, в конце концов, это они по той или иной причине хотели поставить мне мат. Не нужно быть гением, чтобы кого-то убить. Мне надо было сконцентрироваться и найти решение, ведь у меня не был целый день в запасе. Я только надеялся, что они оба не только эротичные приманки, на которые я должен был клонуть.

Я точно знал, что они следили за мной с того времени, как я зашёл в ресторан, может быть, они шли по моему следу ещё когда я покинул бюро ООП. Внезапно время полетело для меня пугающе быстро. У меня оставался только час до звонка, который я должен был сделать, и до этого времени мне нужно было кое-что выяснить.

План возник в моей голове внезапно, как молния. Я вышел из магазина и в течение десяти минут медленно шёл по улице в южном направлении, останавливаясь у каждой витрины, чтобы не потерять из виду моего шутника. На 47-й улице я быстро свернул в сторону и скрылся в первом по-

²² Заранее запланированная акция, при которой сотрудники команды безопасности размещаются на предварительно условленном маршруте. Как только офицер замечает за собой слежку, он вызывает команду наблюдения, которая занимает подготовленные позиции. Потом офицер проходит по установленному маршруту через зону проверки, в результате чего, следящих определяет и идентифицирует размещённая на маршруте команда наблюдения.

павшемся магазине.

Это был большой магазин электроники. Теперь я был вне их поля зрения. Если в деле было больше людей, чем эти двое, то моё постоянное движение в одном направлении усыпило их бдительность (у нас это называлось оперативным сном) и выстроило как бы в цепь одного за другим.

Был маленький шанс того, что один из них обогнал меня, но это было очень маловероятно. Собственно, я не верил, что их больше чем те двое, которых я видел. Теперь я был готов к следующему шагу.

Я подождал, пока человек с сумкой прошёл мимо магазина и удостоверился, что он меня потерял. Он осмотрелся по всем сторонам, пока не появился человек в длинном пальто. Они взглянули на магазин электроники, но не смогли увидеть меня.

Как я и предполагал, человек в длинном пальто послал своего дружка вниз по улице поискать меня там, пока он сам пошел в обратном направлении. Я их разделил.

Я вышел из магазина. Длинное пальто повернулся ко мне спиной, а другой как раз зашёл в магазин. Я быстро пробежал мимо человека в пальто на перекрестке и пошёл по 40-й улице в западном направлении. Если он не хотел меня потерять, он должен был последовать за мной. И он пошёл.

Я только раз в жизни был на рыбалке — во время моего короткого посещения отца в США, когда мой отец ловил рыбу. Но сейчас мне доставляло удовольствие наблюдать, как рыбка клюнула, и я медленно потянул леску.

Мы пять минут прошли в одном направлении. Я хотел, чтобы дистанция между ним и его партнёром сохранялась как можно большая. Мы почти дошли к району автовокзала «Порт-Оторити», не самой лучшей части города с бесчисленными секс-шопами и пип-шоу. Местность хорошо подходила для моего плана, и я подготовился к моему второму исчезновению.

На углу Седьмой Авеню и 41-й улицы я внезапно остановился у пешеходного перехода. Я хотел быть уверен, что Длинное пальто всё ещё идёт за мной. К счастью я чуть-чуть отошёл в сторону, иначе рыбка столкнулась бы со мной. Что касается оперативного сна, то этот тип был ходячим анекдотом. Худшего любителя я ещё не встречал в своей жизни. Но он знал, чего хочет.

Даже самые отсталые спецслужбы Ближнего Востока обладали привилегией научиться основным методикам наружного наблюдения у французов, американцев или русских, не говоря уже о тех, кого мы сами тренировали. Этот тип был «частник»²³ и своё профессиональное образование он получил из телефильмов или дешёвых детективов.

Мне не нравилось иметь дело с любителями: они непредсказуемы. Профессионалы для меня приятнее: у них к делу не примешиваются личные мотивы. Намного лучше чувствуешь себя, когда знаешь, что тот, с кем ты имеешь дело, пришёл за чем-

то определённым и оставит тебя в покое, как только получит это. Если он хочет тебя ликвидировать, то хотя бы сделает это быстро и чисто.

Зажегся зелёный свет, и я перешёл улицу, мой «хвост» шёл прямо за моей спиной. На первом углу я круто свернул налево, а потом снова направо. Остановившись перед входом секс-шопа, я подождал, пока мой «хвост» не появился на углу и не заметил меня, и зашёл в магазин.

Я знал, что он постоит пару минут перед входом, а затем войдёт. Так он выигрывал время, чтобы подумать, ведь тут он был один.

В витрине, служащей также прилавком, я увидел большой выбор примечательных сексуальных штучек, от удивительных муляжей мужских членов до презервативов с шипами. В углу ящика лежали серебристые наручники. Я купил несколько металлических жетончиков и наручники, продавец быстро отдал мне сдачу и снова облегчённо обратился к своему журналу.

Я отошел назад, где горела красная неоновая вывеска «Фильмы» и прошёл по слабо освещённому коридору, в котором с двух сторон стояли отдельные кабинки, как в раздевалке общественного бассейна. На каждой кабинке был номер, и висела в рамке картинка, изображающая сцену из показываемого внутри фильма.

Я шёл так, чтобы мой «хвост» подумал, что я знаю это место и могу воспользоваться запасным выходом или, возможно, встретиться внутри с кем-то. Значит, он должен был следовать за мной. Я вошёл в кабинку в конце коридора, запер дверь, бросил в прорезь жетончик и нажал включающую кнопку.

Кабина была не больше туалета, в углу стоял маленький трёхногий стул. Стены были покрашены черной краской, а напротив двери на высоте примерно полутора метров в стену был встроен экран. Никаких других кнопок не было, потому и звук нельзя было регулировать.

Фильм начался с показа крутой тройки. Мужчина обладал весьма мощным «оружием», что, казалось, сильно воодушевляло обеих женщин; в любом случае стонали они очень громко. Я детальнее осмотрел кабинку, я искал щелку, через которую смог бы наблюдать за моим приятелем. В фанерной стенке на краю была маленькая дыра, откуда выпал гвоздик.

Я встал на стул и взглянул через дырку — как раз в нужный момент. Я увидел человека в длинном пальто, который, осматриваясь по сторонам, дошел до конца коридора. Когда он убедился, что запасного выхода нет, то попробовал дверцу напротив.

Она была занята, он попробовал мою кабинку, и, наконец, зашел в кабинку с противоположной стороны под углом от моей. Я мог видеть, что он оставил дверцу немного приоткрытой, чтобы наблюдать за коридором. Я вынужден был признать: для новичка это было не глупо.

Я подождал пару минут, пока он устраивался поудобнее. Затем я открыл свою дверь, вышел и встал так, что он не мог меня увидеть. Я закрыл за собой дверь, сжимая в правом кулаке металлические жетоны.

²³ Человек, не обученный в какой-либо профессиональной разведслужбе и не принадлежащий ни одной из них.

Я был один в коридоре, но мне следовало поспешить — в любой момент кто-то мог войти в коридор или выйти из кабинки. Я подошел к его кабинке и рванул дверь. Видимо, он сидел на корточках, обозревая коридор, и теперь был совершенно ошеломлён.

У меня не было возможности обходиться с ним тактично, ведь у меня не было ни пистолета, ни какого другого оружия, чтобы объяснить ему всю серьёзность положения.

Переступив через него, я вошёл в кабинку. Кулаком с зажатыми жетончиками я вмазал ему по черепу, пока он смог раскрыть рот. Мои быстрые действия достигли желаемого обескураживающего эффекта. В шоке он повалился на колени перед тёмным экраном.

Я запер дверь, взял его руку, вывернул ее ему за спину, прижал его лицом к экрану, а своим коленом упёрся ему в крестец. Так я полностью скрутил его и держал под контролем.

Я бросил металлический жетончик в щель под экраном и нажал красную кнопку. Фильм начался мгновенно, но я почти ничего не видел из-за головы моего приятеля. Он не двигался.

Но даже если бы он и захотел что-то сделать, то мало что смог бы. Всё произошло для него слишком быстро. Я склонился к его уху, чтобы он лучше понимал меня при громких столах с экрана женщины с большими грудями.

— Как тебя зовут?

Человек молчал. Я видел, как сильно он зажмурил глаза в ожидании удара.

— Ты можешь спокойно закрыть глаза, козел, но твои уши открыты. Я спрашиваю в последний раз, как твоё имя?

— Марвин. Его голос дрожал.

— На кого ты работаешь, Марвин?

— Ни на кого. Я ни на кого не работаю.

— Зачем ты следишь за мной, Марвин? Я говорил тихо, почти дружелюбным голосом.

Он попытался повернуть голову, чтобы увидеть меня, но я ещё выше вывернул ему руку, так что она почти ломалась; парень застонал.

— На кого ты работаешь, Марвин?

— Я уже сказал тебе, ни на кого. Я частный сыщик. Я здесь по одному делу.

— По какому делу?

— Я не могу тебе сказать. Это секрет. Убери руки. У меня есть права, ты знаешь.

Мне стало ясно: он думает, что его схватил полицейский. Я вытащил наручники и защёлкнул одним из браслетов его руку за спиной. Свободную часть я держал в той же руке, которой схватил его за волосы. Если он захотел бы опустить руку, то сам себя потянул бы за волосы. Свободной рукой я достал шариковую ручку.

— Ты хочешь получить мой автограф, Марвин?

— Что?

— Хочешь ли ты получить мой автограф?

— Что ещё за автограф? Он попытался встать, но я прижал его плечо ещё сильнее коленом. Теперь

я смог увидеть на экране громадного негра, который трахал женщину. Её крики стали громче, кто-то попытался открыть дверь. Я чуть посильнее сжал его руку. Но я не хотел, чтобы он закричал.

— Ты сломаешь мне руку, парень, ты сломаешь мне руку. Пожалуйста, отпусти мою руку.

— Это шариковая ручка, Марвин. Я снова заговорил монотонным голосом, когда вдавил кончик стержня ему в щеку. Большегрудая женщина задвигалась ещё быстрее. — Я медленно вставляю стержень тебе в ухо и буду давить, пока не смогу поставить автограф на твоём мозгу. Подумай об этом, Марвин.

— О чём ты говоришь? В его голосе звучал панический ужас, когда он почувствовал острие стержня в своём ухе. Я знал, что теперь он думает, что имеет дело с сумасшедшим, с маньяком, которому доставляет удовольствие причинять ему боль. — Что ты хочешь? Что ты хочешь от меня?

— Ты следил за мной, Марвин, а мне это совсем не нравится. Я хочу узнать, почему и кто тебя послал. Я вдавил ручку ещё сильнее, держа его руку железной хваткой. В маленьком помещении стало жарко, и я нервничал из-за этого. Мне нужен был ответ, хотя я уже представлял, с кем имею дело.

— Я же тебе говорил. Он всхлипывал. Я видел слезу, покотившуюся по его щеке, она сверкала голубоватым светом в отблесках телевизора. Женщина достигла оргазма, из-за чего Марвина было совсем трудно понять.

— Я же тебе говорил, я частный сыщик.

— А я хочу знать, на кого ты работаешь, Эркуль Пуаро? Я снова надавил на ручку: ещё пара миллиметров и я бы серьёзно поранил его.

— Отпусти меня. Ты не можешь так поступать.

Я подвигал ручкой, и парень сильно стукнулся об экран, пытаясь отклониться. Зажегся красный свет, и надпись потребовала заплатить ещё, что я и сделал. Шоу должно было продолжаться.

— Я хочу сказать это тебе очень четко, Марвин. Если ты не заговоришь, то я вытащу ручку через твоё второе ухо и всё равно узнаю от твоего приятеля то, что хочу узнать. Возможно, как раз сейчас он отвечает на пару вопросов моих друзей.

Я заметил, что он задумался. От отчаяния его глаза были широко раскрыты. Всякая надежда, что друг спасёт его, исчезла. Ему стало ясно, что я знаю больше, чем он предполагал. Он попытался проанализировать ситуацию, но это было не в моих интересах.

Я должен был что-то сделать, чтобы закончить это дело быстрее. Оставив ручку в ухе, я сильно рванул его за голову. Из-за неожиданности этого шага он был шокирован — когда он уже хотел говорить, то получил новую боль.

— Я из JDL, понимаешь? Из Лиги защиты евреев. Мы наблюдаем за бюро палестинских бандитов. Мы видели, как ты выходил оттуда, и подумали, что ты работаешь для них, или что-то вроде того. Итак, мы хотели узнать...

— Что вы хотели узнать?

— Кто ты. Кто ты, тысяча чертей! Откуда нам

было знать, что ты полицейский.

— Кто послал тебя?

— Раввин. Он говорит нам, что мы должны делать. Никого не волнует, что происходит с нами. Мы должны сами защищать себя. Евреи должны защищать себя, иначе гойи нас всех уничтожат. Ты еврей?

— Нет.

— Значит, ты тоже не знаешь, что у палестинцев есть план уничтожения всех евреев. И американское правительство помогает им в этом.

— Что, чёрт побери, ты несёшь? Наверное, я слишком сильно ударил тебя по голове.

— Мы этого им не позволим! Подожди и ты увидишь! Мы перебьём их всех раньше! Человек начал выкручиваться. Я слегка ослабил хватку, встал и поднял его за скрученную за спиной руку. Ручка всё ещё торчала в его ухе.

В помещении ничего не было, к чему я мог бы его привязать. И я не мог его оставить тут без сознания, не рискуя, что он сейчас встанет и убежит. Он больше не представлял для меня угрозы, поэтому о его смерти не могло быть и речи, не говоря уже обо всей той дряни, какую она повлекла бы за собой.

Я вынул ручку и расстегнул его ремень.

— Что ты делаешь?

— Раздеваю тебя, мой мальчик.

— Зачем? Его голос был полон страха. — Что ты хочешь сделать со мной?

— Ничего, если ты будешь хорошо себя вести. Расстегни пуговицы твоих брюк, пусть они спадут.

Его брюки упали на пол. После пяти минут толкотни он был совсем голым. Я сложил все его вещи в его же пальто, связал их в узел и взял под мышку. Он лежал на коленях, лицом к экрану, руки за спиной в наручниках.

— Теперь я оставляю тебя, — сказал я и засунул несколько жетончиков в щель. У тебя есть десять минут для развлечений, потом можешь делать, что хочешь.

— Но ты не можешь меня так оставить. Не бери всю одежду, пожалуйста, — умолял он. В кабинке было очень жарко, но он дрожал. Я боялся, что он сейчас навалит кучу на пол и на мои ботинки. Мне полностью хватало вони, уже исходящей от него.

— Или мы делаем так, или я тебя убью. Ты должен понять, что я не могу позволить тебе выйти сразу за мной. Что тебе нравится больше?

Ответа не последовало. Он тихо всхлипнул. Я вышел из кабинки и, закрывая дверь за собой, услышал, как он со стоном упал на пол. Я почувствовал парню. Это место не очень годилось, чтобы бегать голяком.

Но я знал, что не поступил бы так с хорошим человеком. Я ненавидел людей из Лиги защиты евреев или, как их многие называют, еврейских нацистов (великий парадокс нашего времени).

Проходя мимо человека у окошка кассы, я сказал, не глядя на него:

— В кабинке номер четыре сидит человек, который там пристаёт к людям. Продавец посмотрел на закрытый занавес, который вел в коридор. Уже в дверях я бросил: — Он голый и хочет, чтобы его наказали или что-то ещё.

Он даже не встал, видимо, не мог ни при каких обстоятельствах оставить кассу без присмотра, а только потянулся к телефону. Никто не обращал на меня внимания, когда я смешался с толпой, вышедшей на улицу во время обеденного перерыва.

Я бросил узел с одеждой к ногам нищего, сидящего в проходе между двумя кирпичными домами. Его стеклянистые глаза не видели, что на него свалилось. Медленно он начал развязывать узел, и как только нащупал бумажник, быстро бросил все в закупочную тележку из магазина и скрылся с ней в узком проходе.

Я вскочил в автобус и вовремя прибыл в «Крайслер-Сентер», чтобы позвонить. В Израиле был вечер, я дозвонился легко, и Эфраим был почти сразу же на связи. Его голос принёс мне облегчение — что-то, чему можно было доверять.

И тот факт, что он был у телефона, сам говорил за себя. Только в этот момент я заметил, как я нервничал из-за возможных последствий, которые могла бы принести неудача на этой ранней стадии нашей операции.

— Я предполагаю, что ты сделал то, что должен? — спросил он с интонацией инквизитора.

Он всё ещё не был уверен, что не арестован до сих пор только потому, что я не действовал по плану, а не потому, что я «чистый».

— Да. Я был в бюро и поговорил с человеком, который там работает. Мы выпили кофе, и я передал ему сообщение.

— Что он сказал? Хотя этот телефон Эфраима не прослушивался, а я звонил со случайного автомата, мы не могли рисковать.

— Он не был удивлён тем, что я сказал. Он это всё знал и его босс, очевидно, тоже.

— Он сказал ещё что-то?

— Что в его фирме тоже есть люди, которые думают как мы, но что время для сделки быстро проходит. Он сказал, что рынок для переговоров может перейти в руки противника, и мы вынуждены будем иметь дело с людьми, которые нам, вероятно, не понравятся.

— Я понимаю. Я ожидал чего-то подобного. По крайней мере, и он теперь знает, что в нашей фирме есть люди, которые хотят делать дела. Даже по телефону я почувствовал, что он улыбнулся. Он, очевидно, почувствовал то же облегчение, что и я.

— У тебя были проблемы?

— Ну да, у меня был посетитель, и выяснилось, что он участник одной местной радикальной группы.

— Из наших людей?

— Так можно было бы сказать. Это были люди Меира. Я имел в виду их вождя, так называемого раввина Меира Кахане.

— Ты шутишь.

— Вообще нет. Я их стряхнул. Всё в порядке.

Кто-то из наших людей заметил что-нибудь?

— Точно нет. Я узнал, что место вообще не под наблюдением. И если кто-то делает это по-другому, то он не рассказывал об этом. Это место рассматривают, как место для политики, которое нас непосредственно не касается.

— Я предполагал, что это то, за чем наблюдают эти шпики из JDL.

— О'кей, Виктор. Теперь стань невидимкой. Исчезни. И Эфраим сказал совсем медленно: — Ты понял, что я имею в виду?

— Да.

— Ты посетишь кого-нибудь?

— Да. Я сейчас же позвоню ему и завтра полечу туда. Когда я в следующий раз услышу или увижу тебя?

— Имей терпение, это продлится недолго. Я позвоню тебе туда. Подумай над тем, что я тебе сказал. Ты останешься там, пока я тебе не скажу, что ты можешь выходить. Ясно?

— Да, но назови мне хотя бы предполагаемое время, настаивал я. — Если я поеду в гости, мне нужно знать временные рамки визита.

— Я тебе не могу этого сказать.

— Что? Дни, недели или сколько?

— Ну, точно не больше двух недель.

— Это чертовски долго.

— У нас чертовски много дел. Я тебе позвоню туда.

— А если я тебе позвоню, чтобы узнать, как идут дела?

Эфраим знал значение признаков жизни для того, кто сидит на холоде. То, что можно куда-то позвонить, а не только сидеть и ждать, что позвонят тебе, очень важно.

— Позвони и оставь сообщение, если меня не будет. Сообщение, о котором мы договорились.

— Я сделаю так.

Эфраим повесил трубку. Я снова был в Нью-Йорке один. В Израиле была ночь. Я вернулся в мотель. Я чувствовал, как пропала та глухота, что возникла у меня после событий второй половины дня.

Глава 12.

Из мотеля я позвонил отцу. Он был счастлив слышать меня, и удивлён тем, что я в Нью-Йорке. Он предложил мне, что сам оплатит мой авиабилет, чтобы я смог приехать к нему (Мой отец всегда хочет платить за всё сам и часто ему это удаётся.) Я сказал ему, что заплачу за билет сам и на следующий день прилечу в Омаху.

Я не был очень воодушевлён этой поездкой. Так как я не знал, как пойдёт моя жизнь дальше, и не мог сказать отцу, как долго я у него пробуду, я был в глупом положении. Я объяснил ему, что прилетел сюда по делам и жду звонка моего друга, который одновременно является и моим шефом. Так как он знал, что я бывший офицер канадских королевских ВВС, а затем израильских ВВС, он понимал, что не может задавать мне много вопросов.

Когда мой друг позвонит, я узнаю, куда я поеду дальше. Я также сказал ему и его жене Джиджи, что мой друг скоро приедет в Вашингтон, и если моё пребывание у них приносит им какие-то проблемы, я могу подождать его и в Вашингтоне. Я заметил, как долго я оправдываюсь, хотя для этого не было причин.

Я никогда не приезжал надолго к отцу. Мои родители развелись, когда мне было пять лет, потом моя мать забрала меня в Израиль. Не столько, потому что она хотела меня вырастить, сколько потому, что не хотела, чтобы это делал мой отец.

В конце концов, моим воспитанием занялись дедушка и бабушка по линии отца, в чём им страшно мешало отношение к этому моей матери. В их хозяйстве она вела себя скорее, как сестра, чем как мать. Она страшно ревновала меня к её же родителям.

Именно мои дедушка и бабушка пробудили во мне любовь к Израилю и к сионистскому движению. Я получил от них изрядную дозу иудейской веры, за что я благодарен им до сих пор, хотя они и не были ортодоксальными евреями.

Так как они боялись, что отец заберёт меня в США, если установит со мной прямой контакт, то позаботились о том, чтобы этого контакта не было. Любая связь с ним была для меня прервана, пока мне не исполнилось 17 и я не нашёл в ящике стола припрятанное его письмо мне вместе с чеком на моё содержание.

До того времени я рос в твёрдом убеждении, что он не хотел иметь ничего со мной. Сегодня тяжело определить величину той боли, которую на долгие годы доставило мне это убеждение. Я не могу описать ту ярость, которая переполнила меня, когда я узнал, что меня обманывали долгие годы.

Намного позднее я узнал, что отец посылал мне письма каждый месяц. Когда мой отец узнал, что его чеки обналичиваются, но не получал ответа от меня, то решил, что это я не хочу иметь с ним никаких отношений. Он просто не мог представить, что его письма не доходят до меня.

Сразу после того, как я нашёл его письмо, я позвонил ему, а потом посетил его до моего призыва в армию. Затем мы регулярно встречались на короткое время, но так и не смогли построить мостик через трещину, которую принёс развод моих родителей.

В этот раз мои чувства были такими же. Я чувствовал, как он разочарован тем, что ему так и не удалось сблизиться со мной. И я тоже не смог создать близость между нами. Мы были, как два противоположных полюса магнита. Я не мог сесть с ним и рассказать правду, хотя я очень этого хотел и наверняка должен был бы это сделать.

Тихая гармоничная жизнь, которую мой отец вёл в зажиточном квартале Омахи, со всеми внешними признаками «истории успеха» и весёлостью человека, который воплотил в жизнь «американскую мечту» только усиливало моё чувство протрации из-за того, что я был оторван от семьи и висел над пропастью только на одной тонкой ниточке.

Вторник, 8 апреля 1986 года. Омаха

Во время прогулки я позвонил Эфраиму из автомата. Я уже неделю был в городе и не получал никаких известий от него. Я оттягивал звонок до последнего, пока уже не смог обойтись без него.

— Я рад, что ты позвонил, — сказал он. — У меня есть работёнка для тебя.

— Почему же ты мне не позвонил сам?

— Я как раз хотел это сделать. Я хочу, чтобы ты позвонил одному человеку в Нью-Йорке.

— Я его знаю?

— Думаю, что нет. Его зовут Аврахам Бар-Ам, он бригадный генерал резерва.

— Один из твоих друзей?

— Ни в коем случае. Сукин сын пытается продавать оружие иранцам. Этот тип передал нам имена своих контактов и ждёт подтверждения, он даже недавно притащил одного из них сюда.

— Что я должен сделать?

— Ты должен позвонить ему в Нью-Йорк и сказать, что всё разрешено. Возможно, он записывает звонки, так что, будь краток.

Мне это не понравилось. Мне показалось, что я буду по-прежнему работать на Моссад, вместо того, чтобы положить конец их делишкам. У меня было ясное чувство, что Эфраим меня использует для других дел, по принципу: «раз уж ты всё равно там...»

Но он означал для меня связь с настоящей жизнью. И он вернул смысл тем годам, которые я отдал Моссад. Ещё важнее было то, что он поставил меня в такое положение, где я мог бы удовлетворить своё желание мести. Я никогда не любил Эфраима на самом деле и не воспринимал его, как личного друга, мне всегда было понятно, что я использую его, как и он меня.

— Что ты понимаешь под: «Всё разрешено»? — спросил я. — Если это так, почему вы сами ему не позвоните?

— Он знает меня; это ловушка. Всё подстроено бюро. Я передал ему контактера. Сегодня я узнал, что этот контактер был перевербован ФБР и стал их информатором. Он ещё раньше работал на ЦРУ.

— Почему же вы тогда не предупредите этого человека, Аврахама?

— Это не пошло бы на пользу нашему плану.

— Почему нет?

— Я хочу, чтобы они его взяли. Это будет чувствительный удар по бюро. Если они попытаются ему помочь, то будут слишком плохо выглядеть в глазах американцев, а если они оставят его в беде на расстоянии вытянутой руки, то он пойдёт ко дну и потянет их за собой. И так, как это зависит от моего звонка, я сделаю так, что его повесят.

— Я понял. Я ожидал от тебя со временем чего-то такого.

— Не будь глупцом. Это нечто другое. Этот тип делает всё только ради денег, и он заслужил своё наказание.

— О'кей, — сказал я.

Несколько секунд мы молчали. Потом Эфраим тихо сказал:

— Позвони ему и скажи, что ты друг, и что связь установлена. Он должен действовать по плану.

Он дал мне номер телефона и некоторые данные, которые мне могли бы пригодиться.

— Я скоро позвоню тебе.

Я повесил трубку, подумал пару секунд, что делать дальше, потом взял трубку и набрал номер, который дал мне Эфраим.

После многих гудков трубку взяла женщина.

— Да?

— Могу я поговорить с Аврахамом?

— Кто Вы?

— Я его друг.

— Могу я узнать Ваше имя?

— Нет, я просто друг и у меня есть ответ для него.

Она не ответила. Через несколько секунд в трубке послышались щелчки.

— Алло?

— Аврахам?

— Да, с кем я говорю?

— Я друг и у меня есть сообщение.

— Какое?

Я перешел на иврит:

— У меня сообщение для Вас от Ваших друзей. Они говорят, что предложенные Вами контакты проверены и дают Вам зелёный свет.

— Вы уверены?

— Я только посыльный. Это не моя лавочка. Делайте то, что Вы хотите.

— Спасибо.

Я повесил трубку. Меня бросило в пот. Я знал, что он идёт в западню. Я чувствовал необходимость позвонить ему ещё раз и сказать, что это обман. Но потом я оставил эту идею.

Я поехал домой и зашёл в мою комнату. На самом деле это не была моя комната, она принадлежала моему сводному брату Майку, но его сейчас здесь не было. У дворника был выходной, отец и Джиджи тоже уехали. Я сидел в комнате и смотрел на безмолвные картинки на телеэкране.

* * *

23 апреля 1986 года двенадцать человек при попытке продажи оружия Ирану были арестованы ФБР в ходе мгновенной операции.

Эта история не получила большой реакции в прессе, заглушенная американской бомбардировкой Ливии и аварией на Чернобыльской атомной электростанции в этом же месяце. Я слышал, что генерал Бар-Ам заявил о своей невиновности и предъявил документы, согласно которым он имел право на эту сделку от имени военной промышленности Израиля IMI.

Официальным ответом Израиля было, что этот человек лжец и что такие документы, которые он показывает, якобы выдаются без разбора всем, кто хочет торговать оружием. Они добавили, что

такой документ не разрешал ему доводить акцию до конца, а только позволял выступать в роли представителя продавца.

Короче, генерала бросили в беде на расстоянии вытянутой руки. Но позиции Моссад от этого не поколебались, и свет в конце тоннеля не был виден.

У меня всё же было подозрение, что это была лишь часть большого плана Эфраима и его клики. Я знал, что связь Эфраима с властями шла через Амирама Нира, советника правительства по вопросам терроризма.

Во время этой грязной аферы с Аврахамом, Нир с Библией в руках, на которой автограф оставил президент Рейган, без уведомления Моссад или ЦРУ посетил Тегеран по тому делу, которое позднее назвали «ирангейтом» или аферой «Иран-контрас».

Использовать генерала в качестве козла отпущения, чтобы успокоить американскую спецслужбу, было гениальной идеей. Это отвлекало внимание от тайных сделок Нира, а так как ЦРУ было единственным контактом Моссад в этом деле, это значило, что Моссад, так же, как и ЦРУ, бродили наощупь в потёмках.

В телефонных разговорах с Беллой напряжение с её стороны ощущалось всё сильнее; она хотела наконец-то узнать, что будет дальше. Я не мог объяснить ей, что происходит, и вынужден был выдумать для неё специальную легенду. Я рассказал ей, что ищу работу и имею план, который хочу рассказать одному из друзей моего отца. Сомнительный друг был владельцем бюро путешествий в Омахе.

Я действительно говорил с этим человеком. Моей идеей было предложить людям защиту от угона самолётов. Я задумывал создать несколько команд безопасности, которые курсировали бы между большими аэропортами, сопровождая и обеспечивая безопасность полётов на опасных маршрутах. Я мог бы тренировать эти группы и разрабатывать расписание их полётов.

Это звучало здорово, но у меня было ясное подозрение, что друг отца только делает вид, что заинтересован в этой идее, лишь из уважения к моему отцу. Я не думал, что из этого что-то выйдет, но в качестве легенды для Беллы меня эта история устроила, и она могла отвлечь всех других от действительных целей моего приезда.

Но было кое-что, что я не учёл, и в этом была моя ошибка. Я всегда считал, что Белла не будет распространять информацию о нас, просто потому, что она очень замкнутая женщина, которая считала, что чем меньше о нас знают, тем лучше для нас.

Для неё наша маленькая семья была центром Вселенной, и было почти невозможно вытащить из неё что-то, что она не хотела сказать сама. Для моего случая это было очень хорошо. Мне нужно было подумать о том, что она тоже бежит по пугающему тёмному тоннелю, и тоннель становится всё страшнее и темнее.

По крайней мере, у меня было преимущество: я знал, в чём дело, или хотя бы думал, что знаю. Она была оторвана от меня и в то же время знала,

что что-то идёт не так, как надо, и что я скрываю от неё больше, чем рассказываю.

Однажды она позвонила в Омаху. Джиджи, жена моего отца, взяла трубку. Они всегда были в хороших отношениях и начали беседу. Белла, которая думала, что вся Омаха уже знает, что я оставил свою старую работу и действительно хочу найти новую, сказала что-то об этом и спросила Джиджи, как идут дела в этом направлении. Я никогда не говорил Белле, что она не должна об этом спрашивать, и что не все здесь знают правду о моей ситуации. В любом случае, обе женщины были совершенно ошарашены.

Я был в торговом центре, откуда я позвонил Эфраиму, чтобы сказать ему, что мне это надоело, и что если он не начнёт действовать, то я буду делать что-то сам. Я не дозвонился до него, но он оставил сообщение для меня, что через два дня он встретится со мной в Вашингтоне. Он должен был ждать меня в гостинице несколько подалеже от города, в «Холлидей Инн» в г. Силвер Спринг в штате Мэриленд.

Когда я был дома, меня застал звонок Беллы. Она была в ярости, но и обеспокоена; она рассказала о своём разговоре с Джиджи и что моя тайна раскрыта. Она потребовала объяснений и начала плакать. Слабая надежда на лучшее будущее, которую я пробудил в ней, снова улетучилась.

Я попытался ей объяснить и в то же время взвешивал, что делать. Я знал, что если теперь столкнусь с Джиджи, она уже не будет той прежней приятной, предупредительной хозяйкой. Мой отец, видимо, тоже гневно отреагирует, потому что я обманул его.

Он думал — и я оставил его в этом убеждении — что я всё ещё работаю на кого-то в Израиле и жду звонка одного из моих коллег, который должен прибыть в США. Этой ситуации я охотнее всего постарался бы избежать. И много разьяснять ему я тоже не мог. Единственным утешением было сообщение, которое мне оставил Эфраим: казалось, дела действительно пришли в движение.

Я взял себя в руки:

— Я не могу сейчас ничего об этом сказать. Ты должна мне просто поверить, ещё раз, я прошу.

— Но как я могу? Что мне теперь делать? Если бы я смогла уснуть, пока всё не кончится, чем бы это ни кончилось.

— Поверь мне, пожалуйста, всё ещё будет в порядке. Завтра я уезжаю и позвоню тебе, когда приеду, О'кей?

— Я знаю, что это конец, — сказала она бесконечно печальным голосом. — Я тебя больше никогда не увижу, да?

— Не говори так. О чём ты говоришь?

Глубоко в душе шевельнулось чувство, что она может быть права. Вероятность того, что из дела, в которое меня втягивает Эфраим, нет выхода, очень высока. Я знал о нескольких людях, которые оказались на пути Моссад и сейчас сидят в неизвестных тюремных камерах под особым режимом — безымянные живые мертвецы.

Были и другие, посчастливей, прошитые пу-

лями и разорванные на куски спрятанной бомбой. Узнает ли тогда Белла, как я умер? Или они оставят её в неведении, чтобы она думала, что я предпочёл исчезнуть и ещё живу где-то далеко.

Эта мысль была невыносима. Слезы текли по моему лицу, и я пытался контролировать свой голос.

— Это не так. Мы встретимся скорее, чем ты себе представляешь. Это должно было прозвучать убеждающе, и ей действительно стало легче.

— Что ты будешь делать теперь, когда они это узнали о тебе?

— Здесь я не смогу почти ничего изменить. Я должен настроиться и как можно быстрее уехать отсюда.

Мой отец пришёл как раз, когда я положил трубку. Мы немного поговорили, и я понял по его лицу, что он тоже не знает, как правильно поступить в этой ситуации. С одной стороны, он не понимал, зачем я ему врал, с другой стороны, я подставил его жене.

Для нас обоих было понятно, что лучшим выходом для всех будет, если я быстро исчезну. Он подвёз меня в аэропорт, как только я упаковал свои вещи.

Отец сунул мне в руку тысячу долларов и сказал надтреснутым голосом, что, что бы ни случилось, он всё равно останется моим отцом и любит меня. Я ответил, что тоже его люблю. Потом он остался в машине, а я вошёл в терминал аэропорта.

Глава 13. Воскресенье, 20 апреля 1986 года. Вашингтон, федеральный округ Колумбия

Когда мы приземлились, в Вашингтоне шёл дождь. Я был единственным чужаком в совсем незнакомом мне городе. В аэропорту я взял такси и приехал в гостиницу «Холидей Инн» в Силвер Спринг. Из-за того, что я регистрировался в гостинице во время операции под своим настоящим именем, я чувствовал себя голым.

Я был здесь, чтобы делать не самые чистые дела, и я чувствовал бы себя куда лучше, работая под псевдонимом; так легче выкрутиться, если бы стало действительно жарко.

Моей легендой в гостинице было то, что я якобы ишу место для строительства ресторана. Я выступал, как представитель группы инвесторов, которая строила, оснащала и управляла специальными ресторанами для гурманов, которые потом, став рентабельными, продавались с большой выгодой следующим владельцам.

Я сказал, что остановлюсь на несколько дней, а может даже недель. Так как я не знал точно, какое задание ожидает меня, я предпочитал проводить время в отеле, за исключением того времени, когда я ел в ресторане гостиницы на первом этаже.

Я позвонил Белле и сказал ей номер телефона гостиницы. Если нас подслушивают, ни у кого не появится подозрений. Ничего не было необычного для человека с моим обучением и моими знаниями в

приезде в Вашингтон для поиска работы в сфере безопасности. В конце концов, сколько людей смогут предложить высокопоставленным людям такой уровень безопасности, как я?

Будучи один, я почувствовал облегчение, такое же приятное, как чувство безопасности в доме моего отца. Мне не нужно было притворяться. Я мог курить, сколько хочу, и пить, пока не засну, что я и делал.

Понедельник, 21 апреля 1986 года

Зазвонил телефон. Это был Эфраим.

— Я вижу, ты прибыл вовремя, — начал он без всяких вежливых вступлений.

— Да. Как долго ты здесь?

— Я как раз прибыл из аэропорта. У тебя не появилось компаний?

— Нет. Всё в порядке. А ты?

— У меня тоже всё хорошо. Не позавтракать ли нам вместе? Я умираю от голода.

— Хорошо. Мне нужно десять минут. Увидимся внизу в ресторане.

Он повесил трубку, я встал с кровати. Наконец-то началось! Чем быстрее я сделаю то, что должен сделать, тем быстрее всё закончится, и я смогу сам управлять своей жизнью, сколько бы её мне ни оставалось. Я не считал, однако, что я тогда выйду из игры, но я хотел получить надёжную базу, с которой мог бы действовать, с семьёй на моей стороне.

Я пошёл прямо к столику Эфраима, который стоял в углу зала, у двери в бар.

Эфраим приветствовал меня широкой улыбкой. Перед ним стояла только чашка кофе. Когда мы сели, официант принёс наш завтрак.

— Я позволил себе заказать и для тебя. Я не хотел ждать. У нас много дел.

Я посмотрел на мою тарелку, полную яичницы и ветчины и поднял вверх руки.

— Нет проблем. Ты заказал как раз то, что я хотел. В углу было темновато, но запах свежего кофе и деревенской ветчины возбудили во мне такой аппетит, что я сам себе удивился.

— Ну, что мы теперь будем делать?

— После завтрака мы пойдём в мой номер и поговорим.

Мы захватили с собой в номер побольше пластиковых стаканчиков с кофе, чтобы не вызывать горничных. Его номер был на шестом этаже. В углу лежала маленькая дорожная сумка.

— Где твой багаж? — спросил я, любопытствуя, зная, что Эфраим любит хорошую одежду, а в сумке места едва хватило бы на один запасной костюм.

— Здесь. Он показал на сумку. — Я не буду здесь долго оставаться. Я здесь только чтобы проинструктировать тебя, и когда ты пойдёшь на задание, я исчезну.

— У меня не будет дублёра?

— У тебя есть я и твоя подготовка. Что тебе ещё нужно?

— Как же у меня есть ты, если ты опять будешь в Израиле?

— К этому мы ещё вернёмся. Когда ты узнаешь, в чём состоит твоё первое задание, то ты...

— Стоп, стоп, — прервал его я. — Первое задание? Ты сказал «первое задание»?

— Да, а ты что думал? Бах — и всё закончилось?

— Не читай мне проповедей. Мне нужен график.

Я знал, что могу выйти из дела в любой момент. Но Эфраим, перед лицом моего напора выговориться до конца, был уверен, что я останусь, и был прав. Я был, как наркоман, который каждый раз говорит, что это его последний укол.

— В чём тут разница? У тебя есть работа, которую ты должен выполнить, и всё кончится, если работа будет выполнена, всё равно когда. Я не обещал тебе райские кущи, когда ты пришёл к нам.

— Я знаю, и я не прошу тебя об этом. Когда я вступил в бюро, они подвергли Беллу строгой проверке и дали ей такое же свидетельство, как мне. Нам всегда говорили, что жена это часть команды и что мы не должны иметь секретов от неё.

Пока я это говорил, Эфраим кивал мне, глядя сквозь стекла очков.

— А теперь ты считаешь, что я даже не могу ей сказать, что я всё ещё работаю на Моссад. Я остановился. — Так я ещё работаю на Моссад или нет?

— Нет, ты работаешь не на бюро, ты работаешь на меня. И о Белле. Ты прав на сто процентов. Но правила изменились. Это другая игра.

Он отклонился назад и поправил очки.

— Знает ли Белла что-то о Дине, о Руте и о всех остальных? Знает ли моя жена о моих сладеньких секретарочках? Нет, они понятия не имеют об этом. Знают ли они о риске, которому мы подвергаемся, работая за границей? Разве ты приходишь после работы домой и рассказываешь Белле: «Представь себе, вчерашней ночью меня чуть было не убили в Австрии», или «Есть много шансов, что они поймут меня во время моей следующей командировки в Испанию»?

Нет, ты этого не делаешь. Когда тебя в армии посылают на патрулирование, с которого ты можешь не вернуться, разве ты звонишь жене и рассказываешь ей об этом? Мы постоянно принимаем решения, которые касаются их жизни, не прося у них совета. Мы говорим сами себе: «Если что-то произойдёт, они поймут, что мы не могли поступить иначе». Так это происходит. Можем мы на этом закончить и перейти к делу?

— Мне нужны временные рамки, — настаивал я.

— Три недели и ты сможешь уйти, — прошипел он.

— Куда я смогу пойти?

— Какая разница? Ты будешь вместе с женой и детьми. Это я тебе обещаю.

По мне пронеслась волна оптимизма, я почувствовал себя помолодевшим. Только в такие моменты

ты замечаешь, как плохо это всё выглядит в своей собственной голове.

— О'кей. С этим я могу жить. Я должен был взять себя в руки. — Что мы будем делать в это время? Я ухмыльнулся.

— Ты будешь работать на одно иностранное государство.

— Работать?

— В спецслужбе. Как бывший офицер Моссад. Ты предложишь им работать на них, рассказывать, как мы проводим свои дела, о структуре, о персонале и так далее.

— Ты имеешь в виду, что я должен продаться, стать предателем!? — Мне было тяжело даже выговорить это слово.

— Да, именно так.

— И на кого? — Я поднял руку, будто говоря: дай, я угадаю. Он не отвечал.

— О'кей. Кто это может быть? Совет национальной безопасности? Нет, они не будут со мной иметь дела. ЦРУ? Тоже не думаю. Это, должно быть, ФБР. Конечно же, ФБР. Я был бы для них полезен в распутывании дел нашего отдела «Аль».

— Нет. Ты будешь говорить с КГБ. Он встал и подошёл к большому окну. Стекло было мокрым: дождь не прекращался уже целые сутки.

Я был совершенно ошеломлён. Это было похоже на удар.

— Нет, правда? — переспросил я, пытаюсь сохранить самообладание.

Эфраим остался у окна и лишь слегка повернул ко мне голову, так что я мог видеть его профиль.

— Да, КГБ, Советы. Что здесь непонятного?

— До меня просто не доходит. Почему я должен это делать? Я имею в виду, с чего ты взял, что они захотят меня купить?

— Если ты правильно начнёшь дело, они сделают это. Подумай. Как они могут отвергнуть тебя? Как свежий перебежчик из Моссад, ты козырь в их руках. Со всеми своими арабскими партнёрами они тебе руки будут целовать.

— А что, если они захотят, чтобы я поехал в Москву или ещё что-то? Вдруг они работают, как мы?

— Тогда ты поедешь. Ты должен думать, что делаешь это ради денег. Всегда думай так, иначе тебе не поверят. Используй для безопасности своё настоящее имя и свою настоящую биографию.

— А что, если они только выудят из меня информацию, а потом меня бросят? Я имею в виду, что мы тогда выиграем? Подумай. У меня уже нет доступа к какой-либо информации. Чем я смогу им тогда быть полезен?

— Ну, тогда ты скажешь, что всё ещё работаешь на бюро.

— Что ты несёшь? Я должен рассказать им о тебе?

— Нет, конечно, нет. Ты расскажешь свою историю, но вместо того, чтоб сказать, что тебя уволили, скажи, что тебя просто отстранили от работы на время проверки. Пусть они думают, что ты

ещё сможешь вернуться к активной работе. Тогда они попытаются завербовать тебя.

— Эфраим, послушай-ка меня.

Я хотел делать работу, если она разрушала бы Моссад, организацию, которая, в её нынешнем виде, представляла опасность для Израиля, как демократического государства. Но с другой стороны, я больше не хотел прыгать в любую яму с закрытыми глазами. Если меня убьют или посадят, то хотя бы за то, с чем я был согласен, за чем стоял я сам.

— Я должен знать, что я там буду делать.

Он внимательно слушал.

— Ты должен мне доверять, Эфраим. Моя жизнь в твоих руках, а ты говоришь, что твоя жизнь в моих. Тогда ты должен посвятить меня в тайну.

Он задумался об этом. Я встал и пошел в ванную. Когда я вернулся, Эфраим открывал новую пачку сигарет. Мы закурили по одной.

— О'кей, — сказал он, наконец, бросая дымящуюся спичку в переполненную пепельницу. — О'кей, тогда мы сделаем так, как ты хочешь.

— Спасибо тебе.

Я пристально рассматривал выражение его лица, пока он говорил. Возможно, он заранее предусмотрел мою реакцию и подготовил историю, чтобы меня удовлетворить. Если это так, то я мало что смогу изменить, но он был хотя бы вынужден придумать для меня хорошую историю. Это поднимало меня в собственных глазах с положения робота до положения человеческого существа, пока непонятно, насколько уязвимого.

— Я хочу открыто поговорить с тобой, — начал он.

Когда люди так говорят, я всегда чувствую себя не особенно хорошо, но сейчас я решил держать пока мой приговор при себе.

— Твоя работа не так сложна, как ты думаешь. Единственное препятствие это станция наружного наблюдения ФБР, которая следит за советским посольством. Они фотографируют тебя и проверяют фотографию, сравнивая со своими досье, и если не найдут, то введут её в свой компьютер. — Он пожал плечами. — Ничего особенного. Если бы это было посольство арабской страны, они, вероятно, послали бы фото нам, я имею в виду, нашим людям там, неофициально, конечно.

— Значит, переодевание или что-то ещё не нужно?

— Нет, нет, ты просто зайдёшь в посольство. Не забывай, что и русские видят тебя, так что, не теряй время на долгие приготовления. Ты просто придёшь и зайдёшь вовнутрь.

— Ну, это я, видимо, и так сделал бы.

— Хорошо. Теперь к вопросу «почему». От одного друга из ФБР я узнал, что они нашли у Советов данные, которые люди ФБР передали нам. Мой друг уверен, что американцы дали эту информацию только нам. Мы единственно возможный источник для Советов.

— «Крот» в Моссад? Я не мог в это поверить, я никогда не думал, что такое возможно.

— Гм, так это выглядит. И если мы позволим

ему провалиться, то скандал заставит босса Моссад уйти в отставку.

— О'кей. Но как этому поспособствует моя деятельность у них? Мы этим достигнем только того, что у них будет ещё больше информации о нас. Ты же не ждёшь, что они расскажут мне, что у них есть «крот» в Моссад и кто он?

— Если ты придёшь к ним с хорошей историей и хорошо сыграешь свою роль, то они захотят выяснить, вылетел ли ты из Моссад или просто находишься под проверкой. — Эфраим загорелся, таким я его никогда не видел. Его лицо совсем покраснелось. — Ты понимаешь. Если они поверят, что ты ещё работаешь в Моссад, ты для них очень ценный кандидат.

— Но ты сказал, у них уже кто-то есть в системе.

— А что плохого в том, чтобы иметь двоих. Так можно уменьшить риск. Кроме того, мы не знаем, сколько их. Мы исходим из того, что только один. Я даже думаю, что это не офицер-разведчик. Возможно, машинистка или кто-то вроде того. Он сделал паузу и потушил сигарету. — Настоящий, живой, действующий «полевой» офицер-разведчик — для них это будет уловом года.

— И как они смогут это проверить?

— Они спросят своего «крота». — Он был очень доволен собой. Я почти слышал, что он мурлычет, как кот. Внезапно всё в моей голове соединилось в одну картину.

— Значит, я буду наживкой?

Он кивнул. —

Тебя это смущает? Я думал, ты хочешь знать точно?

— Какой ответ ты ждёшь? Что я воодушевлён?

— Итак, что?

— Я сделаю это. Что же ещё? — Я склонился к нему и сказал очень тихо: — Но одно ты должен знать. Если ты не говоришь мне правду, Эфраим, если ты просто ведёшь со мной свою игру, то подумай дважды и лучше, наверное, не впутывай меня. Потому что, если ты не будешь на все сто процентов стоять на моей стороне, то я тебя убью, клянусь, даже если мне для этого придётся прорыть подземный ход до Израиля голыми руками.

На его лице появилась мягкая улыбка, будто открылось окно, и за каменным фасадом показался человек. У меня было чувство, что это та сторона его личности, которую знают его семья и друзья.

— Я никогда не сделаю то, что может навредить тебе. Я знаю, что то, что я требую, трудно. И я только приблизительно представляю, как ты сделаешь это. Но это не игра, я не обтяпываю какие-то свои дела. Это очень серьёзно, и мы только теряем время. Я ещё не даю сигнал к старту, но в этой гонке речь идёт не только обо мне и о тебе. Если мы проиграем, то всё будет проиграно, а если мы выиграем, то, возможно, не попробуем даже плоды нашей победы, ты знаешь.

— Так я уже думал.

Я не был совсем уверен в моих чувствах. С одной стороны этим приступом откровенности он

завоевал меня для себя полностью, с руками и ногами. С другой стороны я боялся, что я идиот. Я знал, что могу разыграть такое же хорошее шоу, как он. Но я решил поверить ему.

Мне захотелось рассмеяться. Я чувствовал, как в моей голове исчезает туман. Сейчас я знал, о чём идёт речь, и поэтому мог играть вместе с ним. Чёткую директиву всегда легче выполнять, чем неопределённую инструкцию, которую приходится конкретизировать самому.

Глава 14.

План был прост. Я иду в посольство СССР и устанавливаю там контакт с представителем КГБ. В общем, мы знали, что происходит, если кто-то приходит в посольство, чтобы предложить свои услуги. В конце концов, такое случается почти ежедневно в любом израильском посольстве. Мы исходили из того, что Советы мало в чем будут от нас отличаться.

— Я взвешу варианты, — сказал я. — Что, чёрт побери, может случиться? В наихудшем случае, они задержат меня и попытаются вывезти в Россию, в ящике на корабле или по-другому. — Мы оба засмеялись. Этот метод не раз применялся Моссад, когда надо было вернуть беглецов в Израиль.

— Когда я пойду туда?

— Сперва я должен вернуться в Израиль, потом ты приступишь к активным действиям. У меня, правда, сидит в архиве человек, который должен подготовить мне отчёт до того, как он ответит на один запрос по определённой информации. Но мне больше понравилось бы самому присутствовать при этом.

— Почему? Если у тебя есть прикрытие, разве не лучше остаться здесь, на случай неудачи?

— А что случится, если запрос придёт с неожиданной стороны? Если наш «крот» всё-таки офицер? Кроме того, дело, ради которого я сюда приехал, почти сделано. Он улыбнулся. — Я здесь, чтобы удостовериться, что мы получаем заказ на «Мазлат»²⁴. И я здесь, чтобы гарантировать, что деньги получит нужный человек, а другой будет так запуган, что он сделает то, что должен.

Он имел в виду операцию, которой Моссад руководил из Израиля. Для этого использовался подставной лже-офицер израильских ВВС, который был в этом деле заодно с кем-то из бюро американских ВМС.

Эфраим закурил новую сигарету. От дыма воздух в комнате был, хоть топор вешай.

Я кивнул. Я знал о сделке по «Мазлату», и я знал также, что мы получали определённую помощь изнутри. Для меня было бы лучше, если б Эфраим остался. Но я мог справиться и без него.

— Итак, когда ты улетаешь?

— Я смоюсь, после того, как приглашу тебя на обед.

— Куда мы пойдём?

Эфраим поднял телефонную трубку, повернулся ко мне и спросил:

— А что бы ты хотел?

— Но только не это проклятое обслуживание в номере, — простонал я.

— Но на большее у нас нет времени.

— Ну, ладно, — проворчал я. — Для меня гамбургер. Нет, лучше клуб-сэндвич.

Мы лишь наполовину закончили трапезу, когда он взглянул на часы.

— Мне надо уходить. У меня встреча с одним очень жадным молодым человеком.

— Послезавтра я сделаю дело, — сказал я. Тебе хватит времени, чтобы всё решить и подготовиться.

— Хорошо. И будь внимателен. Это не упражнение в Академии, ты знаешь.

В его голосе я почувствовал настоящую озабоченность.

— Не беспокойся обо мне. Позаботься о том, чтобы у тебя всё прошло хорошо. И ещё. Как с деньгами? У меня уже почти ничего не осталось.

— Мы помним об этом. Он передал мне конверт. Здесь немного денег, чтобы ты продержался первое время. Потом мы тебе ещё кое-что подберём. Пока пусть это останется между нами.

Я кивнул и пошёл к двери с сэндвичем в руке. Я помолчал, спрашивая себя, не забыл ли я что-нибудь. Но ничего не пришло мне в голову, я открыл дверь и вышел. Я снова был один.

* * *

В Вашингтоне мне почти нечем было заняться. Я никого там не знал. Мне предстоял самый худший вид операции, который только можно было себе представить. Моей легендой был я сам, под настоящим именем и с настоящей биографией, кроме того, у меня не так уж много было денег на расходы.

Эфраим дал мне 500 долларов, чего едва хватало для оплаты отеля. Настроение мое упало, всё было очень похоже на «партач», как мы в Израиле называем неудачу.

Я пытался почувствовать себя агентом-«бойцом» во враждебной стране, который полностью оторван от родины и семьи. Но мне было хуже, чем любому «бойцу» — «нелегалу». Задание агенту-«бойцу» даётся чёткое и ясное; он знает, для кого работает и против кого борется. Кроме того, у него нет финансовых проблем, а его семья, насколько он знает, находится в хороших руках.

То, что люди, которые якобы заботятся о его семье в Израиле, пользуются любой возможностью, чтобы попытаться затащить его жену в постель, если она хоть немного привлекательна, ему не мешает, потому что он этого не знает и, скорее всего, не узнает никогда.

Чтобы убить время, я бродил по улицам и всё время выходил на одну и ту же большую площадь, где на деревянных скамейках вместе сидели «юппи» и нищие. «Юппи» дышали свежим воздухом и жевали сэндвичи, а бездомные смотрели на них в надежде, что им кое-что достанется, что они смогли

²⁴ Беспилотный летательный аппарат, см. главу 2.

бы выудить из урны.

У меня было страстное желание пройтись мимо советского посольства, только чтобы посмотреть, где оно и как туда можно войти. Но я знал, что этим только привлеку к себе внимание наружного наблюдения. Лучше прийти туда пешком в последнюю минуту и прямо зайти вовнутрь.

Я сел на метро и поехал в Силвер Спринг, назад в гостиницу. Но я заметил, что слишком беспокоюсь, чтобы просто сидеть в номере и смотреть телевизор. Завтра я должен был устроить дело, я хотел, чтобы оно уже было сделано.

Вечером центр Вашингтона выглядел совсем иначе. Мужчины всё еще были в своих костюмах и галстуках, хотя многие расстегнули воротники. Но женщины изменились, будто с ними произошла настоящая метаморфоза. Они были стройны и сексуальны, двигались, как дикие кошки, а бары (более известные, как мясные рынки) были переполнены.

Я прошел мимо некоторых, затем сел и немного развлёкся. Но я был слишком возбуждён, чтобы начинать что-либо. В 11 часов вечера я подумал, что пришло время идти спать.

Среда, 23 апреля 1986 года

Я встал рано, и когда оделся и выкурил третью сигарету, был полностью готов к бою.

Небо было покрыто облаками, моросил дождь. Лучшей погоды просто не могло быть. Я надел удобные брюки, простую рубашку и жёлтый пуловер.

Наверх я натянул серую ветровку с капюшном. Я хотел надеть капюшон на подходе к посольству, тогда наблюдатели не смогут подробно рассмотреть меня и сфотографировать моё лицо.

В 11 часов я был у посольства. Небо прояснилось, но повод надеть капюшон оставался. Решётчатые ворота были открыты и камеры наблюдения не шевельнулись в мою сторону. Я быстро поднялся по мраморным лестницам и вошёл через главный вход.

В приёмной были только я и не производящая особого впечатления блондинка в окошечке. Когда я вошёл, она улыбнулась мне.

— Чем я могу Вам помочь, сэр? — спросила она меня с сильным русским акцентом. Я знал, что Советы стараются на все должности в своих посольствах принимать советских граждан.

Я был почти уверен, что приемная, в которую так легко можно было пройти, прослушивалась.

— Я хотел бы несколько брошюр о Советском Союзе, — сказал я.

— Какие брошюры?

— Те, которые у Вас есть.

Её улыбка стала тоньше.

— Минутку, пожалуйста. Она исчезла за маленькой стенкой. Я увидел на окошке блокнот и шариковую ручку на веревочке. Я нацарапал на бумаге: «Я хочу поговорить со спецслужбой». Когда она вернулась, то передала мне тонкую книжечку, изданную на уровне типографии 50-х годов. Если это была рекламная брошюра, то она вряд ли возбуждала бы аппетит к поездкам в СССР. Я пододвинул

к ней блокнот.

— Спасибо, это всё, что у Вас есть?

Её улыбка исчезла совсем, когда она посмотрела на меня снова.

— Почему бы Вам не присесть? Я посмотрю, что у нас ещё есть.

— Спасибо.

Я повернулся и сел на деревянную скамейку под плакатом с мавзолеем Ленина. Женщина снова исчезла за маленькой стенкой. Через несколько минут она вернулась и села на свой стул, не глядя на меня. Мне не было видно, что она делает за своим окошком, но она уделяла этому всё своё внимание.

Я должен был терпеливо ждать; по крайней мере, они не потребовали от меня уйти. Я надеялся, что они правильно поняли мою записку и не позволили в полицию. Ну да, на этот случай у меня была легенда, которой я, однако, совсем не хотел бы воспользоваться.

Минут через пятнадцать через дверь за спиной дамы в приёмной появился хорошо одетый, выглядевший солидно мужчина. Он наклонился к женщине, сказал ей что-то и снова исчез. Она встала, улыбнулась и позвала меня. Я быстро подошел и склонился к окошку:

— Да?

— Нам нужен Ваш паспорт для идентификации, если Вы хотите получить дальнейшую информацию.

Не задерживаясь, я вынул и протянул ей мой израильский паспорт.

— Вот.

— Спасибо. Она встала. — Садитесь, пожалуйста. Она кивнула в сторону скамейки. Я нервничал и барабанил пальцами по подлокотнику. Женщина сразу же вернулась, а через пару минут появился мужчина, который жестом подозвал меня к себе. Когда я подошёл к окошку, он поднял створку и впустил меня. Там он дал знак следовать за ним. Всё происходило молча.

Мы прошли по узкому коридору и поднялись на несколько этажей. Ковёр был потёртым, а перила немного качались. Наши шаги по скрипящему деревянному полу были хорошо слышны — в посольстве мировой сверхдержавы я не ожидал увидеть такого.

Я оказался в маленькой светлой комнате с большим зеркалом на стене. Я почувствовал, что не испытываю страха, я наоборот был спокоен и доволен. Пока всё шло хорошо.

Наконец-то мой гостеприимный хозяин улыбнулся мне и показал на деревянный стул у деревянного стола, стоящего напротив зеркала:

— Садитесь, пожалуйста, господин Островский.

— Спасибо.

— Что привело вас к нам? Существует ли угроза Вашей безопасности?

Оказалось, что процедура совершенно похожа на привычную рутину в наших посольствах.

— Нет, угрозы нет.

— О чём тогда идёт речь?

— Я хочу работать на Ваших людей.

Человек медленно сел и откинулся на спинку стула. Его улыбка стала дружеской и приятной.

— Кого Вы называете «Ваши люди»?

— КГБ. Я хочу работать на КГБ.

— В каком качестве?

Мужчина прекрасно сохранял самообладание. Видимо, он был первым «буфером», с которым почти ежедневно сталкивались всякие психи, «поехавшие» на спецслужбах.

— Ну, тогда Вы должны мне помочь. Я могу Вам только сказать, откуда я. Куда я пойду, это мы должны спланировать вместе.

— И вижу, что Вы израильтянин, господин Островский.

— Я сотрудник Моссад. Я сделал паузу. — Вы слышали о Моссад?

Он совсем расплылся в широчайшей улыбке.

— Да, слышал. Но откуда мне знать, что Вы это не выдумываете? Мир полон, как бы это сказать, странных людей. — Мужчина говорил на прекрасном английском языке, хотя и с сильным акцентом. Мне надо было сконцентрироваться, чтобы понять всё, потому что он говорил очень быстро.

Теперь наступала стадия, которую мы разработали с Эфраимом, и я был готов.

— Ну что ж, я не могу Вам показать так много документов, как Вы могли бы подумать. Но я докажу это Вам, рассказав пару деталей о методах наших операций, конечно, не выдавая многого, — в конце концов, я хочу чтобы мне за это заплатили. — Я усмехнулся ему.

— Я понимаю.

— Вы достаточно компетентны, чтобы принимать решения, или мне лучше говорить прямо в зеркало? — спросил я с лёгкой иронией. Человек улыбнулся. Между нами возникло невысказанное взаимопонимание, как будто мы входили в одну секту, с одними и теми же странными ритуалами. И хотя мы стояли на разных сторонах баррикады, мы были странно связаны.

— Нет, я не принимаю решений. Но я получу от Вас информацию, а там мы посмотрим.

Мы проговорили почти целый час. Он делал заметки в жёлтом блокнотике.

— Я скоро вернусь, — сказал он, вставая. — Может быть, я могу предложить Вам что-то поесть или выпить?

— Кофе, только кофе, если это Вас не затруднит.

— Конечно. Он кивнул и пошёл к двери.

— И кое-что ещё.

Он замолчал и обернулся ко мне:

— Что?

— Не упоминайте моего имени в Ваших отчётах в Москву.

— Я не понимаю Вас.

— Моссад давно раскусил Ваши посольские шифры и всегда узнаёт, когда Вы их меняете. Если Вы не против, то я буду Вам очень благодарен, если Вы не будете упоминать моё имя в обмене радио-

граммами.

— То, о чем Вы просите, невозможно, — ответил он мне с гордо поднятым подбородком.

— Бен-Гурион, первый премьер-министр Израиля, однажды сказал: «Самое трудное делается сразу, невозможное длится немного дольше».

— Я узнаю, что можно сделать. — Он показался мне совсем несчастным, когда покидал комнату.

Через несколько минут женщина из приёмной принесла мне чашку кофе, сливки и сахарницу. Сначала я не был уверен, должен ли я пить кофе, в конце концов, в него могли чего-то подмешать, но потом мне стало ясно, что в этом месте у меня всё равно не будет шансов, если они захотят лишить меня возможности действовать.

Меня беспокоило лишь то, что человек, с которым я говорил (или человек за зеркалом) может работать на Моссад, или на ЦРУ, или на ФБР, или на них всех, вместе взятых. И то, что я, едва покинув здание, попаду к противнику. Но это был риск, с которым всегда сталкиваешься в нашей работе. Я спросил себя, действительно ли я ещё работаю, или меня просто используют извне.

Я добавил пару капель сливок в кофе, и, подняв чашку, повернулся к зеркалу, будто говоря ему «Ваше здоровье!» Я был уверен, что вызвал этим у кого-то за зеркалом улыбку или, наоборот, заставил почувствовать себя не в своей тарелке.

Когда мой новый друг вошёл, он задал мне несколько вопросов.

— Кофе хорошее?

— На удивление хорошее.

— Почему «на удивление»?

— Я ожидал, что чай будет хорош, но кофе — это было для меня приятной неожиданностью.

— Очень хорошо. Он присел. — Это не будет длиться долго.

Я закурил сигарету и предложил ему.

— Спасибо. Он взял сигарету. — Американцы никогда не предлагают закурить.

— Это потому что, у них всегда есть свои сигареты, если они хотят курить.

Он кивнул, улыбаясь.

— Мои друзья хотели бы знать, работаете ли Вы ещё на Моссад, или работаете теперь самостоятельно.

— Я работаю самостоятельно, как служащий Моссад. Кого Вы называете «друзьями»? Обсуждается дело чёртовым «Комитетом» или ещё кем-то?

Я играл роль, которую я очень хорошо знал по моим контактам с агентами Моссад. Никто не хочет, чтобы его имя или деятельность стали публично известными, а даже группа из нескольких человек представляет собой определённую «общественность».

— Нет, нет. Это просто такое выражение. Речь идёт о моем шефе и обо мне. Он посмотрел в зеркало и заметил: — Он тоже говорит Вам: «Ваше здоровье!».

— О'кей, значит так, я сейчас под проверкой. Проклятые засранцы думают, что они Господь Бог.

Я совершил небольшую ошибку, и они хотят вышвырнуть меня. Я хочу Вам сказать: я покажу этим ублюдкам, откуда ветер дует.

— Как долго продлится проверка?

— Шесть месяцев. Из-за этого меня в этом году не направят на новое место, и я ещё три года просижу в штабе, пока смогу снова приехать в Америку.

— А что Вы делаете в Америке?

— Я приезжаю в гости к отцу и пытаюсь наняться на работу в чужую спецслужбу.

Это показалось ему забавным.

— А что Вы ждёте от этого?

— Сколько Вы заплатили бы?

— Это зависит от того, что Вы принесёте. Конечно, только в том случае, если мы заключим нашу сделку.

— Я хочу быть абсолютно честным с Вами. Известно, что Вы не можете похвастаться большими гонорарами, но зато заботитесь о Ваших людях в трудную минуту. Я хочу сказать, что мне не хотелось бы работать на того, кому нечего будет предложить в случае провала.

— Это очень разумная точка зрения. Он кивнул мне и зеркалу. Казалось, что я точно нашел правильные ответы. Беседа затянулась ещё на один час, причём я узнал причину, почему американцы не предлагают ему закурить. Он выкурил почти все мои сигареты, не предложив мне ни одной из своих, которые были видны в кармане его рубашки. Он был типичный попрошайка.

— О'кей, мой друг, — сказал он, — и ещё. Мы знаем, что Ваше общество каждые шесть месяцев проверяет всех своих людей на детекторе лжи.

Я согласно кивнул. Ублюдок знал своё дело. Эфраим не был уверен, что разговор коснётся этой темы.

— Не беспокойтесь. Я уже думал об этом, до того как пришел сюда.

— И каково же решение?

— Они задают привычные вопросы. Нужно только следить, чтобы не солгать. Итак, если они меня спросят, имел ли я контакты с агентом противника, я скажу: «Да».

— И? — Он наморщил лоб.

— После этого они потребуют объяснений. Я расскажу им о брошюре. В Моссад всегда требуют приносить брошюры, обо всех местах мира, откуда возможно. Они потом попадают в библиотеку, где офицеры лепят свои легенды. Я ещё раньше вписал имя Вашей страны в свой список.

Я видел, что русский просто забавлялся моим решением. Я же, с моей стороны, был счастлив, что он принял эту историю, потому что сам я не был уверен, что такой трюк сработает; если я согласен взять риск на себя, то они выйдут сухими из воды.

— Мы подумаем об этом и свяжемся с Вами в гостинице. Как долго Вы там ещё пробудете?

— Не долго, надеюсь. Как только я получу Ваш ответ, я исчезну. Если Вы не позвоните в течение трёх ближайших дней, я пойму, что сделка не состоялась.

— Вот. Он написал на маленьком клочке бумаги номер телефона. — Перед тем как уехать, пожалуйста, позвоните мне. Мы не хотим терять Вас только из-за технических проблем со связью.

— Спасибо. Я взял бумажку и последовал за ним вниз по лестнице. Перед тем, как выпустить меня, он дал мне пачку брошюрок. — Не забывайте о цели Вашего прихода.

— Спасибо ещё раз. Я взял брошюры и вышел под дождь, натянув капюшон низко, до глаз. Я был рад, оказаться на улице. Свежий воздух был мне как бы благословением. Свернув за угол, я начал свою проверочную пробежку — я хотел узнать, нет ли за мной «хвоста». Никогда нельзя быть достаточно осторожным.

Я был очень голоден. Когда я заметил, что никто за мной не следит, я остановился в «Дюпонт Сёркл». Станция метро в Силвер Спринг была почти пуста. Я подошел к последнему в ряду телефону-автомату и заказал международный разговор. Эфраим был почти сразу же у аппарата.

— Ну, мой мальчик, что ты имеешь мне сказать?

— Я посетил моего дядю со старой родины. Мне не нужно было шифроваться, линия была выбрана случайно и потому не прослушивалась, его линия тоже была надёжной — об этом он должен был позаботиться. Но это уже вошло в привычку.

— Как всё прошло?

— Если у них нет возможности проверить с твоей стороны, то я точно буду их следующим Филби.

— Это было так хорошо?

— А ты на что рассчитывал?

— Тогда нам надо немного подождать, что произойдёт потом. У меня хорошее предчувствие.

— Я иду назад в отель. Я не хочу, чтобы они позвонили и не застали меня.

— Хорошо, но ты не должен постоянно сидеть на телефоне. Если ты сыграл свою роль так, как мы оговаривали, то они ждут в твоём лице парня, который любит развлекаться, а не кого-нибудь, кто всё своё время отдаёт работе. Иди и развлекайся. Этому ты, в конечном счёте, обязан своей легенде. У нас ещё после этого дела есть кое-что для тебя.

— С парой долларов, которые есть у меня, мне нелегко играть плэйбоя.

— Ясно. Скоро ты получишь деньги. Трать то, что есть, для поддержания имиджа.

— Когда мы увидимся?

— Когда этот твой эпизод закончится, я приеду.

— Что ты сделаешь, когда найдёшь то, что искал?

— Это отдельная проблема. Я не могу просто танцевать вокруг да около и кого-то обвинять. Я должен поманипулировать одним человеком, которого я знаю в «Шабак» и навести его на след, не рассказывая слишком много. Но не думай об этом. Если он здесь есть, мы возьмём его на горячем, а ты получишь один балл в свою пользу.

— Да-да, — ответил я, — этот балл мне точно пригодится.

— Он тебе даст очень много, когда ты вернёшься с холода.

Короткое время царила тишина. Я весь был взбудоражен. Я всегда представлял себе, как меня забудут после выполнения задания, и я смогу жить с Беллой и детьми где-то в Канаде, делая то или другое. Но «вернуться с холода!» — об этом ещё не было речи. А теперь Эфраим сказал так, как будто для него это уже решенное дело.

— О возвращении ты ещё никогда ничего не говорил.

— А как ты думал?

— Не знаю. Честно говоря, я об этом вообще ещё не думал.

— Делай свою работу, мой мальчик, и мы позже потолкуем об этом. Твой звонок длится слишком долго для моей системы. Если что-то случится, я позвоню тебе. Ты мне тоже звони, если будет что-то новенькое.

Он повесил трубку. Я постоял пару минут, пытаюсь осознать, что он мне сказал. Возврат в нормальную жизнь возможен. Внезапно всё перестало выглядеть так сумрачно, как я думал раньше.

Я был в очень хорошем настроении, когда вышел со станции. Я решил позволить себе провести приятный вечерок. В конце концов, это входило в мою работу, как сказал Эфраим.

Глава 15.

Я был в прекрасном настроении, когда вошёл в отель. Меня самого удивил мой эмоциональный подъём, ведь я всё ещё бежал по краю пропасти. Это точно было старое чувство силы, которое я так давно не испытывал.

Только мои сомнения причиняли мне боль. По своей натуре я пессимист, хотя я вёл такую жизнь и подвергал себя таким опасностям, как великий оптимист. Я с удовольствием узнал бы, что происходит в советском посольстве.

Я был достаточно уверен, что они, как обычно, послали сообщение обо мне со всеми данными в Москву и попросили инструкций.

Посидев некоторое время в баре отеля, я решил остаться дома и не ездить в город. Это был мой первый вечер в гостинице, и меня удивило, как быстро он наполнился смыслом. Здесь было интересней, чем в городе. Я сел за столик для пятерых и скоро еще пара человек составили мне компанию.

Я подружился с ними, это были простые, нормальные люди, которых можно найти в любом американском городе, честные, порядочные и очень ранимые. Один занимался малярным ремеслом, а другой был немного странный тип, выполнявший повременную работу в городском отделе садоводства. Он недавно развёлся и был в довольно стеснённых обстоятельствах.

Владелец малярного предприятия был большим, полным, дружелюбным мужчиной и играл роль защитника своего странного друга. Большую

часть своего времени он рассказывал всем, кто хотел его слушать, сколько денег он заработал за день, особо не напрягаясь.

Но когда он описал всё, что сделал, мне показалось, что он громадным потом заработал каждый свой цент. Когда он закончил этот рассказ, то перешёл к тому, что он собирается сделать завтра. Эти простые и очень честные люди принесли в мою жизнь что-то освежающее. Я завидовал их простой жизни и тому, что они с достаточной уверенностью могут планировать своё будущее. Я всё время спрашивал себя, что они сказали бы, если б узнали, кто я и что собираюсь сделать.

Следующие четыре дня ничего не произошло. Я начал беспокоиться и позвонил Эфраиму. Его не было дома, и автоответчик не записывал сообщение. Это означало лишь то, что возникли проблемы. Неужели они в штабе напали на след Эфраима?

В такой ситуации очень трудно реагировать правильно. Можно подумать, что ты находишься в относительно безопасной ситуации в приятном месте. Не зная, есть ли реальная опасность или это только недоразумение или техническая проблема, нужно внезапно всё отставить в сторону.

Шансы того, что это просто недоразумение составляют пятьдесят на пятьдесят. Но если не среагировать на настоящую проблему, то цена, которую придётся заплатить, очень высока.

Этим утром я заплатил за гостиницу и выяснил, что у меня осталось только пятьдесят долларов. Это серьёзно обеспокоило меня. Одно дело — быть изолированным, намного хуже — оказаться в один момент совсем нищим.

Тут я впервые подумал, что рискованное предприятие может не очень-то окупаться. Хотя у Беллы, которой я тоже позвонил, ничего нового не было, что меня в какой-то степени успокоило, у меня не возникало сомнений, что она поостереглась бы сказать мне так, если б Моссад узнал о моём посещении советского посольства.

Я мог это себе ясно представить: Эфраим, который хотел таскать из огня свои собственные каштаны, быстро меняет свои взгляды и сдаёт им меня, указывая возможность, как можно меня взять и вернуть. Если мне и следовало беспокоиться, то из-за него.

Если они к этому времени выяснили, что я вошёл в контакт с КГБ, то они сделают все чтобы поговорить со мной для того, чтобы выяснить размер нанесённого им мной ущерба. Это нормальная процедура, которую называют локализацией провала.

Если, с другой стороны, это зависит только от Эфраима, то он охотно узнал бы, что меня убрали. Это было естественное и само собой разумеющееся дело; я знал, что сам поступил бы так же. Я желал бы посмотреть, что происходило бы в таком случае в гостинице, но вовсе не хотел сам присутствовать при этом.

На противоположной от гостиницы стороне улицы размещался какой-то офис с маленькой площадкой перед ним. Я знал, что Моссад имеет доступ к спискам постояльцев почти всех гостиничных сетей мира, и не сомневался, что после нескольких

телефонных звонков мое точное место пребывания будет известно через пару часов.

Я настроился на то, что буду проводить дни в гостинице, а ночи на скамейке в углу маленькой площадки, откуда можно было наблюдать за отелем. Если они приедут, чтобы взять меня, то ночью — а на это я охотнее посмотрел бы с безопасного удаления.

Из-за проблем со связью я должен был учесть и ту опасность, что если Эфраим снова выйдет на связь со мной, то, возможно, только, чтобы подготовить мне ловушку. Я заметил, что становлюсь параноиком, но у меня на это была причина. Я снова попытался позвонить Эфраиму, но телефон молчал.

Если до завтра я ничего не выясню, то у меня было только две альтернативы. Я мог бы на время скрыться и подождать, что произойдёт. Или я мог бы позвонить моему другу Ролли, офицеру связи Моссад при ЦРУ, который работал в посольстве Израиля здесь в Вашингтоне.

Я мог бы встретиться с ним и всё ему рассказать. Я уже прокрутил в голове весь план. Я хотел взять с собой одного журналиста, чтобы не исчезнуть так просто и бесследно.

Но до этого ещё не дошло. Прежде всего, я должен был покинуть отель после наступления темноты. Днём я зашёл в магазин Армии Спасения и купил длинное порванное пальто, которое всунул в кулек для покупок. Я не брился, а в качестве снотворного в моём пакете лежала бутылка рома.

Когда стемнело, я на лифте спустился в подземный гараж и там одел пальто. Когда я с закупочной тележкой, которую я нагрузил старым бельём, вышел к задней двери отеля, то ничем не отличался от других вашингтонских бездомных, населявших улицы и не бросавшихся в глаза.

Я сел на твердую скамейку и устроился поудобней на ночь, согрившись хорошим глотком из бутылки рома. Мне было холодно и одиноко. Ночь на улице тянется страшно долго. Я ни в коем случае не хотел заснуть, чтобы видеть, не произойдёт ли что-нибудь в гостинице, вроде нападения группы захвата Моссад.

Но ничего интересного для меня не произошло. На улице продавали и покупали наркотики, на расстоянии двадцати метров от меня угнали машину, а один бродяга хотел согнать меня с моей скамейки.

В половине пятого мне стало ясно, что они не приходили, или я их не заметил, если они там были. Была ещё опасность, что они ждут меня в засаде в моей комнате, из-за чего я не хотел подыматься, пока не найду кого-то, кто поднялся бы вместе со мной.

То есть, мне нужно было подождать еще как минимум четыре часа. На скамейке мне стало слишком холодно. Я прошёл пару кварталов до станции метро, где провел остаток ночи на полу, прислонившись к автомату для продажи билетов. Тележку я бросил. Я был уверен, что утром её там уже не будет.

В половине восьмого я проснулся и заметил, что проспал несколько часов. Пассажиры проходили мимо и не смотрели на меня, будто бы меня не

существовало.

Это было так, как будто я сам лишил себя средств к существованию. Это переживание я забыл не скоро; такая судьба была вполне в духе той работы, которую мне приходилось делать.

Четверг, 1 мая 1986 года

Я медленно вернулся в отель. Тележка всё ещё стояла на месте. Я поставил её у заднего входа и зашёл в подземный гараж, чтобы превратиться в своё настоящее Я. Я вошёл в приёмную и позвонил по внутреннему телефону в сервисное бюро. Я попросил, чтобы кто-то зашел ко мне, потому что в моем номере нет воды. Я наблюдал, как сантехник вышел из своей мастерской.

Вместе с ним я поднялся на лифте. Я подождал в конце коридора, пока он дошел до моего номера и постучал. Не получив ответа, он открыл дверь запасным ключом и вошел. Я помчался за ним и вошел в комнату сразу после него.

— У Вас какие-то проблемы? — спросил он, немного удивленно.

— У меня нет воды, — ответил я и показал на ванную. Я внимательно осмотрел комнату, она была пуста. Мастер проверил краны и сказал, что все в порядке. Я извинился, и он ушел. Мне нужно было срочно принять душ. После душа я позвонил в сервисное бюро, потому что был голоден как волк.

Никаких сообщений для меня не было, не было и следов, что кто-то побывал в комнате без меня. Я решил в 11 часов позвонить в посольство и ещё один единственный раз попробовать связаться с Эфраимом.

Роскошный завтрак, который я заказал, вполне мог стать последним. Я открыл дверь официанту и зашёл назад в номер. Пока он не закрыл дверь, я услышал, как он с кем-то разговаривал за дверью: «Извините, но Вы не можете так просто...»

Я повернулся и слегка отошёл в сторону, готовый броситься в угол. Я рассчитывал, что в двери появится ствол пистолета. Вместо него показалась широкая улыбка Эфраима.

— Всё в порядке, всё о'кей, — говорил он официанту. — Мистер ждёт меня, ведь правда? — повернулся он ко мне.

— Конечно. Хочешь ты позавтракать со мной?

— Нет, спасибо. Я хочу только чашку кофе.

Официант поставил на стол поднос и дал мне чек. Я подписал и вытолкнул его за дверь, затем повернулся к Эфраиму:

— Знаешь ли ты, собственно, как близко ты был к тому, чтобы привести к краху всю затею? Ты себе даже не можешь представить, что случилось бы, если б я вчера не выдержал?

— Дело было уже не в моих руках. Я не мог до тебя дозвониться.

— А что с твоим проклятым телефоном? Кто отключил телефон?

— О чём это ты? Мой телефон в порядке.

Я дал ему трубку.

— Тогда попробуй.

— Не отсюда. Мы попозже выйдем и позво- ним с какого-то автомата.

— Ты позвонишь сейчас. Я был твёрд, мой голос суров. Я не был настроен на шутки.

Он взял трубку и набрал свой номер. Послу- шав пару секунд, он, казалось, пришел в замеша- тельство.

— Ты прав! Что там случилось, черт побери? Он набрал другой номер и подождал.

— Что за чертовщина происходит с телефо- ном номер двенадцать? — зашипел он на кого-то на другом конце линии. Пару секунд послушав, он ска- зал: — Знаешь ли ты, что это может стоить нам че- ловеческой жизни? Если с моим человеком что-то случится по твоей вине, то лучше не попадайся мне на глаза, когда я вернусь.

Я слышал голос в трубке, но не мог понять ни слова. Я только заметил, что голос этого человека звучал панически.

— Нет, — продолжил Эфраим, — я не хочу, чтобы вы восстановили линию. Я хочу новую, и сразу. Смотри, чтоб она была готова через час, то- гда я снова позвоню.

Он послушал, затем взял ручку и записал но- мер. Ещё продолжая говорить, он дал мне этот ли- сточек. Когда он положил трубку, я уже сел за стол у тарелки с яичницей и ветчиной.

Единственным, что меня утешало, было то, что никогда не случалось бы так, чтобы проведение операции Моссад не доверили бы рукам какого-то жалкого типа. Неудача операции по технической причине или из-за материального обеспечения была не в стиле Моссад. Я теперь мог доверять Эфраиму, но смешно, что причиной этого доверия стала ошибка.

Он налил себе кофе в стакан, который я при- нёс из ванной.

— Русские звонили тебе? — спросил он.

— Нет, — прошипел я. — И не отвлекайся от темы. Я всё ещё был в ярости из-за неудачи с теле- фоном.

— Мне очень жаль, — сказал он и попытался поймать мой взгляд. Я упёрся в тарелку и вымаки- вал тостом яичный желток. — Кто-то наделал глу- постей. Такое иногда случается.

Я посмотрел на него.

— Ты должен позаботиться о том, чтобы это- го не случалось. Если бы ты пришёл на пару часов позже, всё было бы кончено.

— Что бы ты делал тогда?

— Это тебя не касается. Я позаботился бы о самом себе. А ты как думал?

— Мы сидим в одной лодке, — сказал он. Он казался немного смущённым. — Что ты собираешь- ся делать?

— Что привело тебя сюда? — спросил я, не отвечая.

— Я сюда приехал, чтобы окончить одну во- нючую операцию, — сказал он.

Я не хотел ничего говорить, пока он не закон- чил.

— Это старый троянский шпионский трюк. —

Он закурил.

— Что это? Я вынужден был ухмыльнуться. Я ещё никогда не слышал подобных названий опера- ций.

— Я же знал, что из-за этого ты навостришь уши. Он улыбнулся. — Шимон в феврале этого года активизировал операцию «Троянец».

Я кивнул. Я ещё работал в Моссад, когда мы получили такой приказ. Из-за моего флотского опы- та и личного знакомства со многими командирами ВМС я был назначен офицером связи с ВМС при планировании этой операции.

«Троянец» — это специальный аппарат связи, который был заброшен «коммандос» ВМС глубоко в тыл вражеского государства. Аппарат был ре- транслятором, который посылал сообщения, пере- даваемые ему дезинформационным отделом Моссад, сокращённо называемым LAP²⁵, чтобы вводить противника в заблуждение.

Записанные на плёнку сообщения передава- лись с корабля израильских ВМС в открытом море. Использовалась нерасшифровываемая цифровая передача, которую мог принимать только «Троя- нец».

Аппарат затем ретранслировал сообщение на другой частоте, которая официально использова- лась правительственными учреждениями вражеской страны. После этого сообщения перехватывались американскими станциями подслушивания в Ан- глии и в других местах.

Американцы исходили из того, что они пой- мали настоящее (в данном случае ливийское) сооб- щение; отсюда и имя «Троянец» — по аналогии с мифическим Троянским конём. После расшифровки смысл сообщений подтверждал информацию дру- гих разведок, прежде всего Моссад.

«Троянец» сам должен был находиться как можно ближе к обычному месторасположению ис- точника подобных сообщений, так как американцы, благодаря своей совершенной системе тригономет- рических вычислений, могли запеленговать и опре- делить место нахождения источника.

Два элитных подразделения вооружённых сил были ответственны за правильное размещение ап- парата: армейское разведывательно-диверсионное подразделение «Маткаль» («Разведчики Генштаба») и «Флотилия 13», т.е. морские «коммандос». В этой операции «Флотилия 13» разместила «Троянца» в Ливии, в городе Триполи.

Ночью с 17 на 18 февраля в Средиземное мо- ре на внешне обычное патрулирование по направ- лению к Сицилии вышли два израильских скорост- ных ракетных катера: один «Моледет», типа SAAR- 4, вооружённый противокорабельными ракетами «Гарпун» и «Габриэль», 76-мм пушкой, 20-мм ше- стиствольной зенитной пушкой «Вулкан-Фаланкс» для защиты от авиации и ракет, двумя 20-мм зенит- ными автоматами и 12,7-мм пулемётами, и один «Гейла» типа «Хохит» с взлётно-посадочной пло- щадкой и вертолетом на ней и обычным вооруже- нием, как у всех катеров SAAR-4.

²⁵ ЛАП («ЛохАма Психологит») — ведение психо- логической войны.

Как обычно, они шли по самой кромке ливийских территориальных вод. Глубокой ночью корабли севернее Триполи снизили ход до четырёх узлов.

Так как они были хорошо заметны для радаров, как в Триполи, так и на итальянском острове Лампедуза, они замедляли ход так долго, как требовалось для того, чтобы группа из двенадцати боевых пловцов успела пересечь в четыре подводных транспортёра или мини-подлодки, так называемого «мокрого типа», которых называют «свиньями» и в две скоростные лодки с низким силуэтом, которых называют «птицами».

Каждая «свинья» могла транспортировать двух боевых пловцов в полном снаряжении. «Птицы», вооружённые 7,62-мм пулемётами и несущие по несколько переносных противотанковых управляемых ракетных комплексов, принимали на борт по шесть человек и могли буксировать пустые мини-подлодки.

Они доставили «коммандос» возможно близко к ливийскому берегу, чтобы сократить участок, который предстояло преодолеть «свиньям». «Свиньи» погружались в воду и двигались очень тихо, но сравнительно медленно.

До ливийского берега было около 3,5 километров. На юго-западе мерцали огни Триполи. Восемь боевых пловцов пересели в «свиньи» и взяли курс на берег. «Птицы» остались в заранее установленном месте, готовые к «силовым акциям», если этого потребует ситуация.

Восемь «коммандос» в резиновых водолазных костюмах, вооружённые до зубов, вышли на берег. Подразделение оставило свои похожие на сигары транспортёры полузатопленными в воде и двинулось в глубь побережья. Два человека тащили «Троянца», тёмно-зелёный цилиндр длиной 1,80 м и диаметром 18 сантиметров.

На краю пляжа, примерно в 30 метрах от воды, стоял серый развозной грузовичок. Это было шоссе из Триполи в Сабрату и Бенгази. Движения в это время почти не было. Казалось, что водитель чинит покрышку. Когда к нему приблизилась группа, он оставил работу и открыл заднюю дверь фургона.

Это был агент-«боец» Моссад. Без слов четыре человека прыгнули в машину и поехали в сторону города. Оставшиеся четверо вернулись на пляж и заняли оборонительную позицию у полузатопленных «свиней». Их задачей было обеспечить высадку другой группы, если возникнут проблемы.

Одновременно в воздухе южнее Крита барражировала с полными баками израильская авиаэскадрилья. Она была в состоянии прикрыть «коммандос», отрезав их от наземных сил противника, и обеспечить им чистый и безопасный отход.

К этому времени маленькое подразделение разделилось на три группы, что сделало его очень уязвимым. Если бы одна из групп наткнулась на войска противника, ей было приказано действовать с величайшей осторожностью, пока враг не перешёл бы к атакующим действиям.

Грузовичок запарковался за жилым многоквартирным домом на улице Аль-Джамхурийя в Триполи, менее чем в трёх кварталах от казармы

Баб-Аль-Азизия, о которой знали, что в ней находится штаб-квартира и резиденция Каддафи.

Диверсанты уже переоделись в гражданскую одежду. Двое остались в машине, а двое помогли «бойцу» Моссад внести цилиндр на самый верхний этаж пятиэтажного дома. Цилиндр был завернут в ковёр.

В квартире с цилиндра сняли колпачок и вынули маленькую антенну-тарелку, которую через окно направили на север. Аппарат был включён и «Троянский конь» был на своём месте.

Агент Моссад снял квартиру на шесть месяцев и заплатил деньги вперёд. Кроме него, никому не было причины заходить в квартиру. Если бы это всё-таки произошло, то аппарат бы автоматически самоликвидировался, взорвав с собой большую часть верхнего этажа. Трое мужчин спустились к машине и поехали назад к берегу.

Высадив «коммандос», «боец» вернулся в город, чтобы наблюдать за «Троянским конём» несколько следующих недель. Боевые пловцы незамедлительно залезли в свои «свиньи», не желая, чтобы с рассветом их поймали в территориальных водах. Они достигли «птиц» и на полном ходу примчались в точку встречи, где их подобрали ракетные катера.

Уже в конце марта американцы перехватили сообщения, переданные «Троянским конем». Аппарат активизировался только днём в часы переполненного радиоэфира. Через него Моссад передавал целый ряд террористических приказов посольствам Ливии (ливийцы их называют «народными бюро») во всём мире.

Сообщения были расшифрованы американцами, казалось, они давали достаточно доказательств тому, что ливийцы стоят за всеми терактами в мире, и подтверждали соответствующие доклады Моссад.

Французы и испанцы не пошли на поводу у такой полноты информации. Им резонно показалось странным, что ливийцы, которые в прошлом очень скрытно и осторожно использовали радиосвязь, вдруг ни с того ни с сего начали громогласно оповещать о своих акциях.

Им также показалось подозрительным, что язык докладов Моссад был до странности похож на язык дешифрованных ливийских радиোগрамм.

Они приводили аргумент, что в том случае, если эти данные правильны, взрыв в дискотеке «Ла Белль»²⁶ 5 апреля в Западном Берлине мог бы быть предотвращён, потому что между передачей инструкции и проведением теракта прошло достаточно много времени, чтобы власти успели вмешаться. И так как этого не произошло, то этот взрыв нельзя было приписывать Ливии и новые сообщения, по их мнению, были обманом.

Они были правы. Информация была обманом, и у Моссад не было никаких указаний на ливийский след в деле о взрыве в «Ла Белль», в результате которого один американец погиб, и многие были ра-

²⁶ В нападении на эту дискотеку обвинили Ливию, что и послужило поводом для американской бомбардировки Ливии ночью 15 апреля 1986 года.

нены.

Но Моссад был связан со столь многими европейскими террористическими группировками, что не мог не знать, что в нездоровой атмосфере в Европе теракт со взрывом, в котором жертвой станет американец, будет только вопросом времени.

Верхушка Моссад твёрдо рассчитывала на американское обещание нанести удар возмездия против любой страны, если будут доказательства, что она поддерживает терроризм. «Троянский конь» дал американцам нужные им доказательства.

Моссад использовал также имидж «психопата» Каддафи и его декларации — которые на самом деле предназначались только для внутреннего использования, чтобы создать подходящую атмосферу для удара по Ливии.

Нельзя умалчивать и о том, что он в январе объявил весь залив Сидра ливийскими территориальными водами и назвал воображаемую линию между восточной и западной крайними точками залива «линией смерти», что не совсем способствовало его имиджу, как умеренного политика. Американцы сломя голову схватились за эту уловку и потянули за собой немного посопротивлявшихся англичан.

Троянская операция могла считаться успешной. Она привела к авианалёту, который пообещал президент США Рейган. Налёт американцев принёс Моссад сразу тройной выигрыш. Он расстроил сделку об освобождении американских заложников в Ливане, что сделало «Хисболла» врагом номер один в глазах западного мира.

Это было ещё одним посланием всему арабскому миру, которое снова показало, на чьей стороне выступают США в арабо-израильском конфликте. А, в-третьих, бюро оказалось великим героем, обеспечившим США жизненно важными сведениями для борьбы против мирового терроризма.

Только французы и испанцы не поддались на трюк Моссад. Они решили уклониться от соучастия в агрессивной акции американцев и не позволили американским самолётам, летящим на бомбардировку Ливии, пролёт над своей территорией. Этим они показали своё несогласие с этой акцией.

В ночь на 15 апреля 1986 года сто шестьдесят американских самолетов сбросили на Ливию более шестидесяти тонн бомб. Агрессоры бомбили международный аэропорт в Триполи, казарму Баб-аль-Азизия, военно-морскую базу Сиди Билаль, город Бенгази и военный аэродром Банина около Бенгази.

Самолёты стартовали с американских баз в Великобритании и с авианосцев 6-го флота США в Средиземном море. Из Англии прилетели 24 тяжёлых истребителя-бомбардировщика F-111 с авиабазы Лейкенхит; 5 самолётов радиоэлектронного подавления EF-111 с базы Аппер-Хейфорд и 28 самолётов-заправщиков из Милденхолла и Фейрфорда.

Их поддерживали 18 палубных штурмовиков А 6 и А 7, 6 истребителей F/A 18; 14 самолётов радиоэлектронной борьбы EA 6B и другая техника поддержки с авианосцев «Корал Си» и «Америка».

Ливийская сторона потеряла убитыми около 40 гражданских лиц, среди них приёмную дочь Каддафи. С американской стороны погибли двое —

пилот и оператор систем вооружения, чей самолёт взорвался в воздухе.

После бомбежки «Хисболла» прервала переговоры об освобождении заложников, которых она держала в Бейруте, и убила трёх из них, в том числе американца Питера Килберна.

С другой стороны, французы, воздержавшиеся от соучастия в налёте, были, как выяснилось позднее, вознаграждены освобождением французского заложника — журналиста, захваченного в Бейруте (По воле случая, одна из американских бомб угодила по ошибке во французское посольство в Триполи).

Всё это рассказал Эфраим, подтвердив то, что мне уже было известно. Потом он продолжил:

— После бомбардировки Ливии наш друг Каддафи на некоторое время уйдёт из наших планов. Наша следующая цель — Ирак и Саддам Хусейн. Мы начинаем делать из него великого злодея. Это потребует от нас некоторого времени, но в конце, несомненно, сработает.

— Но разве Саддам не воспринимается нами, как умеренный политик? Как союзник Иордании и главный противник Сирии и Ирана?

— Да, и поэтому я против этой акции. Но это директива, и её надо выполнять. Возможно, что мы закончим нашу маленькую операцию, до того, как произойдёт что-то большое. В конце концов, мы уже разрушили его атомные сооружения и хорошо зарабатываем на продаже ему через Южную Африку технологий и оборудования.

— Но это всё равно не объясняет, зачем ты играл со мной в кошки-мышки.

— Я был недосыгаем в Бельгии, где инструктировал одного иракского засранца, как можно разрушить нефтепровод в Кувейте.

— Один единственный человек?

— Да, один. Когда он вернётся, то проинструктирует своих друзей.

— И ты думаешь, он выполнит задание?

Меня это насмешило. Стандартным правилом Моссад, было, что все акты саботажа проводятся нашими людьми, а местные вмешиваются только в случае какой-то неудачи. Посылать диверсионную группу, получившую обучение из вторых рук, было самоубийством.

— Он сделает работу.

— Готов поспорить, что он или сам взлетит на воздух или будет сразу же пойман.

— Я надеюсь, что да, что ты прав, именно на это я и рассчитываю. Я думаю, что его, скорее всего, поймают, и пока он не расколется и не выложит всё, кувейтцы будут убеждены, что он работал на Ирак с целью соучастия в свержении эмира и его семьи.

— И что, чёрт возьми, мы этим выиграем?

— Агитацию, мой мальчик, агитацию, что же ещё? А потом мы посмотрим, что из этого выйдет. В конце концов, война между Ираком и Ираном ещё идёт, и кувейтцы вместе с саудовцами несут львиную долю расходов.

Я был благодарен Эфраиму за его рассказ о

мельчайших деталях тех вещей, к которым я уже не имел прямого отношения. Это придавало мне чувство сопричастности, то ощущение, что я ещё принадлежу к бюро. В пределах Моссад каждый рассказывает всем обо всём. Если бы Эфраим так не поступил, он потерял бы меня — и мы оба знали это.

Я густо намазал мармелад на оставшиеся тосты и проглотил их, запивая горячим кофе. Мой голод почти успокоился, но холод ночи, казалось, всё ещё не покинул мои кости.

— Что же вышло из нашего маленького приключения? — спросил Эфраим. — Ты сказал, что русские тебе не звонили?

— Нет.

— Позвони им сам сейчас.

Я встал и вытащил из моего портмоне бумажку, которую мне дал русский. Я набрал номер.

— Алло? — услышал я голос с сильным русским акцентом.

— Я ждал Вашего звонка.

— Это Вы, Виктор?

— Да. Есть у Вас что-то для меня?

— Мне жаль, но мы не будем больше разговаривать с Вами. Извините. И он повесил трубку. Он не мог даже представить, как я был этому рад.

— Ну?

Эфраим склонился ко мне, как будто так он быстрее узнал бы, что я могу сказать. Он взял тост.

— Они не хотят меня.

— Да! — Он подпрыгнул и ударил кулаком воображаемого противника. — Да! Теперь этот ублюдок в наших руках.

— Кто он?

— Я говорил тебе, что он не из оперативной части. Из бюро премьер-министра мы получили запрос о разных людях, уволенных из Моссад в прошлом году. Мы послали четыре личных дела, одно из них твоё. Благодаря одной почти вымышленной истории я поручил одному из наших техников обработать бумаги так, чтобы мы могли узнать, кто брал в руки какую папку. Результат тот, которого я ожидал. Открыли только твою. Её потребовал человек, который в бюро премьер-министра отвечает за безопасность. Его фамилия Левинсон.

— Он из «Шабак»?

— Нет, он отвечает за безопасность бюро, сохранность документации, за телефоны и т.д. Лучшего положения для них трудно даже представить, это даже лучше, чем, если бы они завербовали самого шефа «Шабак».

— И что теперь?

— Это продлится немного, но до конца года мы припрём его к стенке. Я передал моему другу в «Шабак» предупреждение. Я сказал ему, что узнал об этом от одного связника, но эти данные он не может использовать, иначе мы потеряем источник. Он знает ситуацию, и теперь он поймает его сам.

— Итак, мы сделали это! — закричал я. — Мы всё-таки сделали это, не так ли?

Он кивнул.

— Да, похоже на то.

Я был счастлив. Не каждый день ловят советского шпиона. И это показалось мне совсем простым, когда я вспомнил об этом. Простым, как прогулка по парку.

Глава 16.

Я закурил и уселся на край кровати. Несколько минут мы помолчали.

— О'кей. Теперь мы переходим к твоему следующему заданию, — сказал Эфраим.

— Какому?

— Ты нанесёшь короткий визит нашим британским друзьям и предложишь им свои услуги.

— Англичане? Они наши союзники. Какого чёрта тебе от них нужно?

— Ничего особенного. Мы только знаем, что они подозревают нас в связи с попыткой пронести бомбу в самолёт израильской авиакомпании «Эль-Аль».

— С той попыткой, которая сорвалась в аэропорту Хитроу?

— Точно.

— Но разве тогда не служба безопасности «Эль-Аль» предотвратила теракт в самый последний момент?

— Именно так. Но возник слух, что мы стояли за этим делом, потому что хотели испортить впечатление о службе безопасности авиакомпании и представить себя в лучшем виде. И в тоже время, мы якобы хотели навесить это дело на сирийцев.

— И что, это правда?

— Вполне возможно. Я не знаю, но этот слух должен исчезнуть.

— Итак, я должен пойти к ним и сказать, что это были не мы? — Я улыбался, это всё забавляло меня.

— Нет. Ты расскажешь им примерно то же, что рассказывал русским, но с тем исключением, что ты уже не работаешь на нас. Он передал мне конверт. — Здесь документы, которые ты дашь им, чтобы подтвердить, что ты работал на Моссад.

— Почему мы просто не сделаем так, чтобы их человек в Моссад меня перепроверил? — Я рассмеялся.

— Это простая работа. Эфраим оставался серьёзен. — Ты должен сделать её как можно быстрее. Я останусь здесь, пока ты не закончишь, а потом улечу.

— Ты знаешь, эта работа не совсем совпадает с тем, что ты говорил мне о причинах, почему мы делаем всё это.

— О каких причинах?

— Я думал, мы занимаемся тем, что затягиваем Моссад в дерьмо, чтобы вызвать смену его руководства. И тут внезапно мы должны защищать его репутацию?

— Мы убьём одним выстрелом двух зайцев. Во-первых, мы восстановим реноме Израиля и накроём сирийских дипломатов в Великобритании. Во-вторых, ты в лучшем виде предстанешь перед англичанами. Если они отметят тебя не как челове-

ка, который хочет только мести, то они тебе будут очень доверять. Мы используем это их доверие, чтобы поставить бюро в трудное положение и вздуть нашу лондонскую резидентуру.

— Долго мне ещё ждать следующего задания? Я теряю терпение в этом вонючем месте. Я хочу увидеть свет в конце тоннеля или хотя бы что-то похожее.

Он улыбнулся. Я заметил, что улыбка далась ему нелегко. Он находился в том мире, который мог измениться в любой момент, и должен был быть очень внимательным.

— Твоё следующее задание готовится, пока мы разговариваем. Когда ты выполнишь его, ты снова будешь вместе с Беллой и дочерьми.

— Когда же? Я уже не мог дождаться.

— Время пока не пришло, Виктор. Сначала заверши британское задание.

Я обязательно хотел вытащить из него больше, но он просто откинулся на спинку кресла, и его круглое лицо приняло слегка забавное выражение. Я решил ограничиться тем, что узнал.

Он видимо решил, что пришёл момент сказать пару ободряющих слов. Он сказал:

— Ты однажды спросил меня, почему мы не расскажем обо всех делах в средствах массовой информации и не добьёмся так падения Моссад.

Я кивнул.

— Мы не можем навредить организации снаружи — ей в Израиле слишком доверяют. Всё равно, что мы ни скажем, мы не сможем даже поцарапать её поверхность. Моссад нужно представить всем, тем, что он есть: некомпетентным, ленивым, слишком разросшимся, жадным монстром.

Это может произойти только шаг за шагом. То, что мы сейчас делаем, это нападение на Моссад с флангов. Мы будем бить его со всех сторон. Мы поставим на карту наше существование против некомпетентности Моссад.

— Что ты имеешь в виду, «поставим на карту»?

— Если бюро так некомпетентно, как мы утверждаем, то они никогда не узнают, откуда исходят удары по ним. Если они так хороши, как все верят, тогда, — он улыбнулся, — тогда они нас поймают.

— А что с репутацией страны? Не все могут различить Моссад и Израиль?

— Это верно, но мы общаемся только с разведками, а они знают разницу. В процессе нашей работы, в конце концов, мы вовсе не собираемся разрушить также и государство. Мы должны действовать очень осторожно, как бригада по сносу домов, которая в центре города сносит высотное здание.

Можно развалить весь центр города, но можно сделать это профессионально. Если мы будем работать слишком грубо, то это может привести к тому, что отношения между Израилем и любой страной мира, которую Моссад облапошил, будут разорваны.

А это почти все страны, с которыми у нас есть дипотношения, и ещё парочка тех, с которыми мы

их, возможно, установим в будущем. Наша цель — бюро и именно бюро в том виде, в каком оно есть.

Я посмотрел на него без воодушевления. Я устал. Я знал, что мне предстоит, и был рад тому, что он потрудился мне объяснить ситуацию. Я пришёл в Моссад только по одной причине: защищать мою родину, не Моссад, и его боссов, а именно мою страну.

И если Моссад стал угрозой для моей страны, тогда он враг. Точно по той же причине я после возвращения из Канады поступил на службу в военный флот. Я думал, что нужно защищать то, что любишь.

— И ещё кое-что. — Его голос звучал по-прежнему нормально, без тени эмоций, какие он показал только что. Он говорил, как сторонний наблюдатель.

— Команда «Кидон» рыщет по Нью-Йорку и ищет человека, который, как они думают, вступил в контакт с ООП.

Я заметил, как застыла моя кровь. Я замотал головой.

— Как ты сказал?

— Ты правильно услышал, — ответил он спокойным трезвым тоном.

— Ты можешь воспринимать это так спокойно, в конце концов, они прибыли сюда не за твоей задницей.

— Ну, судя по тому, как это выглядит в данный момент, то и не за твоей.

— За кем же тогда?

— Очевидно, человек из ООП, с которым ты встречался, не так умён, как ты думал, или дьявол позаботился о тебе, но, короче, он послал сообщение о тебе в Тунис, и его перехватило «Подразделение 8200»²⁷.

— Ты хочешь сказать, что этот парень говорил обо мне по телефону?

— Да.

— Он назвал меня?

— Это я как раз хотел рассказать тебе. Нет, он не назвал тебя, а только описал, причём не очень точно. Я думаю, команда попытается найти его и выжать из него твоё лучшее описание.

— Он говорил, кто я?

— Да, они узнали, что он разговаривал с, так называемым, офицером израильской спецслужбы, но не уверены, что это так. Ты знаешь, что любой засранец, любой малыш, сказал бы, что он из Моссад. Я бьюсь об заклад, что половина всех израильтян, живущих в Нью-Йорке, когда-то кому-то сказала так. Это как израильский «Мэйфлауэр»: все на борту, когда он пристаёт к земле. Ах да, и они дали «Белый код»²⁸.

Он улыбнулся, а мне внезапно стало не до то-

²⁷ Подразделение военной разведки, сокращенно называемой АМАН, которое занимается радиоэлектронным шпионажем, перехватывая сообщения, передаваемые по телефону, телексу, факсу или по радио.

²⁸ Высшая степень сигнала тревоги: «Израильский оперативный офицер-разведчик перебежал к противнику».

го. Я знал, он старается, чтобы я не придавал этому большого значения, но группа «Кидон» так быстро не сдастся. У них нет репутации проигрывающих людей.

— А что с людьми Кахана, которые наблюдают за бюро ООП? Бюро уже связывалось с ними?

— Ещё нет, но ты можешь заключить пари на свой последний доллар, что они сделают это. Я не хочу нагонять на тебя страху, но и не хочу придавать тебе ложное чувство безопасности. Я действительно не думаю, что ты должен слишком ломать себе голову из-за этого. Команда «Кидон» здесь немного попоёт и потанцует, а затем уедет домой. У них слишком много более важных дел, чем охота за призраком.

— Если они получают моё хорошее описание, то это не будет уже охотой за призраком. А что, если они спросят того парня Меира Кахана, которого я оставил в кабинке «пип-шоу», чтобы он там сделал лужу?

Эфраим улыбнулся.

— Об этом тебе совсем не стоит беспокоиться. Он ничего не скажет.

— Почему нет? Он меня очень хорошо разглядел, и его друг тоже.

— Несмотря на это, он никому ничего не расскажет, в любом случае ничего о том, что случилось на самом деле. Когда его друг наконец-то вытащил его, то он рассказал, что на него напала целая толпа палестинцев, а посетитель бюро ООП, то есть ты, несомненно, вождь палестинцев или кто-то вроде того. Так он стал героем в своём кругу еврейских нацистов, и ему вовсе не нужно признаваться, что это всё с ним сделал один человек, к тому же тот, за которым он должен был следить.

— Откуда ты это всё знаешь?

— У нас и там есть наши люди. Ты же не думаешь, что мы позволяем этим чокнутым поступать, как им заблагорассудится?

Это было приятно узнать, но это меня действительно не успокоило. Напротив, чем больше я думал об этом, тем более я раздражался.

— Это выглядит так, будто кто-то в бюро серьёзно занимается этим делом, иначе они не послали бы группу «Кидон» в США. Это трудный ландшафт. Что у них есть в руках?

Я думаю, если бы я начал расследование, то уж нашёл бы, где, чёрт побери, скрывается этот Виктор Островский. Я последний человек, который вылетел из бюро, и тут, в мгновение ока, в бюро ООП в Нью-Йорке выныривает кто-то, к кому вполне подходит моё описание.

— Ну да, они тоже думают, возможно, о чём-то подобном, но пока они смогут тебе что-то сделать, они должны сперва тебя найти.

— Значит, я теперь в бегах?

— Нет, но будь осторожен. Прими все меры безопасности и не впадай в эйфорию только из-за того, что ты на американской земле. Я знаю, что Муса из отдела безопасности пытается поймать тебя. По его поручению кто-то позвонил твоей жене и попросил её, передать для тебя сообщение, чтобы ты связался с ним. Но по той или другой причине

она не передала тебе это сообщение, я предполагаю.

— Нет. Я не получал такое сообщение. Возможно, она думает, что они хотят вернуть меня, но она хочет, чтоб этого не произошло. Я не знаю.

— Прежде всего, не спрашивай её. Её телефон прослушивается. Если ты что-то знаешь, что она тебе не рассказывала, то они заметят, что у тебя ещё есть контакты, и всё лопнет.

— Ты сразу узнаешь, что делает группа «Кидон», или тебя информируют позднее?

— Я держу руку на пульсе, если ты это имеешь в виду. Я получаю предварительные сведения и, конечно, предупрежу тебя, если станет жарко.

* * *

Выяснилось, что маленькая игра с англичанами не менее опасна, чем упражнение с Советами. Она даже была намного тяжелее. Мы имели дело с очень искушенной и опытной разведкой, которая поддерживала хорошие, если не сказать отличные, отношения с Моссад.

То, что в Соединённом Королевстве возростала озабоченность грязными трюками Моссад, было хорошей зацепкой. Но сначала нам нужно было в этом немного покопаться.

У меня должен был быть повод, который привёл меня к ним, и я должен был суметь доказать, что я был агентом Моссад. Эфраим дал мне разные документы, которые я смог бы использовать для убеждения их в том, что я тот, за кого себя выдаю.

Одним из них была фотокопия британского паспорта, который я год назад использовал при проведении одной операции в Европе. Эфраим дал её мне вместе со служебным отчетом о подробностях акции.

Я должен был также использовать свой контакт с британским представителем на Ближнем Востоке, который был ответственен за военные захоронения уже исчезнувшей Британской Империи в этой части мира.

В бюро думали, что он работает на британскую секретную разведывательную службу и собирает данные о тактических свойствах местности. Под легендой канадского кинорежиссёра я вступил с ним в контакт во время одной акции и попытался выудить из него информацию.

Эфраим был уверен, что если этот человек действительно работал на разведку, то он отметил этот факт в своих отчётах и мог бы меня идентифицировать.

Мы решили, что у меня есть две причины для прихода к англичанам: одна — деньги, другая — месть.

Я должен был также выказать беспокойство из-за того, что действия Моссад в Великобритании могут привести к волне антисемитизма, если дела выйдут из-под контроля, и всплывёт британская версия дела Полларда, что приведет к обвинению всех британских евреев, как тайных пособников Моссад. Подобный результат, несомненно, привёл бы к возрождению старой истории с «Протоколами сионских мудрецов»²⁹.

²⁹ «Протоколы сионских мудрецов» или «Сион-

Такая аргументация была мне тем более легка, что я действительно был убеждён в том, что такое произойдёт — это только вопрос времени. Если британские власти поймут опасность и подготовятся к ней, возможно, эта угроза будет предотвращена.

Не было опасности того, что британская спецслужба такую информацию использует для развязывания какой-то антиеврейской кампании.

Но так как Аралех Шерф, новый шеф «Цафририм»³⁰, был известен своими воинственными настроениями и верил, что Бог дал Израилю право использовать еврейскую диаспору в своих целях, можно было предположить, что он разовьёт действия в этой сфере до предела, что когда-нибудь приведёт к краху.

— А что я скажу им, если они захотят больше узнать об этом вопросе? Я думаю, мы же не сможем принести им на подносе списки «сайаним»?

— Нет, но мы можем намекнуть им, где они могут их найти, если посмотрят попристальней. Всегда лучше, если они смогут предупредить людей, а не ловить их. Представь себе, они схватят одного еврея, который работает в военной промышленности и передаёт данные Моссад.

Такой случай, пройдя по всем инстанциям и попав в прессу, несомненно, поставит под подозрение всех евреев западного мира. И, несомненно, на процессе выяснится, что это не единичный случай. Тогда нам сможет помочь только Господь Бог, но, учитывая, как мы вели себя последние тридцать лет, я сомневаюсь, что он захочет платить по нашим счетам.

Было около двух часов пополудни, когда я вышел из такси и прошёл два квартала пешком до британского посольства. Я поднялся к главному входу и попал в застеклённую приёмную. Я сказал, что хочу поговорить с представителем британской разведки и у меня есть информация, которая его обязательно заинтересует.

Я подождал, смотря на входящих и выходящих людей и надеясь, что мне не встретится никто из моих знакомых или что кто-то, кого я сам не знаю, узнает меня. Через десять минут я был убеждён, что это неправильный метод. Я вышел и прошёл с квартал, думая, как бы мне это проделать.

По телефону-автомату мне удалось пробиться к человеку, который в посольстве был ответственен за вопросы безопасности. Было маловероятно, что телефон подслушивается.

— Меня уволили из Моссад, и я хочу поговорить с кем-то из британской спецслужбы. У меня есть данные, которые Вас могут заинтересовать.

Человек на другом конце провода не медлил ни минуты.

— Вы в Вашингтоне?

— Да, и недалеко от посольства.

— Вы можете зайти?

— Конечно.

— Когда Вы будете у нас?

— Через 10 минут.

Я хотел посмотреть, будут ли в посольстве какие-то приготовления до того, как я приду. Я ещё раньше проверился и удостоверился, что «чист». Если бы я после этого засёк «хвост», то знал бы, где его подхватил.

Я описал этому человеку свою одежду и сообщил ему моё имя. Он сказал, что будет ждать меня на входе, и попросил приготовить паспорт.

Через 10 минут я прибыл на место. У телефонной будки я в киоске купил горячую сосиску — такая работа всегда возбуждала во мне аппетит. Обычно я терял аппетит, когда чуял действительную опасность, но здесь дела проходили так, что я чувствовал себя хорошо.

На мне был костюм в полоску «с иголочки», чёрные туфли, плащ и жёлтый галстук в чёрный горошек — стандартный галстук тогдашних «юппи».

«Прикид» от «Пэйсли» был у меня второго сорта, а у человека, который меня ожидал, казалось, сорт был первым. В остальном мы были одеты почти одинаково. Наверняка, он чесал затылок, слушая мои приметы по телефону. Несомненно, у него где-то был и плащ, похожий на мой.

Пока я проходил проверку безопасности, он улыбнулся мне, затем протянул мне руку. После вступительных вежливых церемоний он провёл меня к следующей двери, где он вынужден был согнуться, чтобы провести по замку своей пропускной карточкой, потому что тоненькая цепочка, на которой она висела, была слишком коротка.

На лифте мы поднялись в его офис, и там висел плащ, о котором я думал. На подоконнике стояла пара горшков с цветами, точно, как мы делаем в Моссад. Очевидно, шпионские игры способствуют желанию увидеть что-то растущее.

— Я ещё не могу ни с кем говорить о Вас, но я приму от Вас начальную информацию, а потом мы решим, что последует за этим. Вас это устроит? Ему было под 40 лет, и выглядел он, как типичный англичанин; его светлые волосы были аккуратно зачесаны на одну сторону, и чёлка слегка спала на лоб. Время от времени он забрасывал её назад. Воротник рубашки был на него немного широковат. Он назвался Эдвардом и показался мне вполне предупредительным.

— Хотите чашку чая или чего-то ещё?

— Кофе, пожалуйста.

Он высунул голову за дверь и передал кому-то мою просьбу. Затем он вытащил из ящика письменного стола блокнот, раскрыл мой паспорт, лежащий перед ним, и переписал мою фамилию и прочие паспортные данные на листочек бумаги.

Мне чертовски хотелось рассказать ему пару анекдотов о соблюдении правил конспирации и строгих директив, как мы поступаем всегда в таких случаях в Моссад, но я сдержался. Я не имел понятия, кто этот человек и что он подумает о таких

ские протоколы» — антисемитская публикация, возникшая в России в конце 19-го века. В ней речь идёт о планах тайного еврейского мирового правительства — Сионских Мудрецов, направленных на крушение христианского мира.

³⁰ «Tsafririm» («утренний бриз») — кодовое наименование отдела, активно поддерживающего и организующего еврейские общины в диаспоре.

шутках.

Факт, что он был на передовой линии спецслужбы, означал, что он занимается скорее не разведкой, а «оборонительными» делами — контрразведкой и безопасностью, и по сравнению с Моссад его команда стояла на два-три уровня ниже. Он мог обидеться или не понять подобного юмора. Кроме того, он мог воспринять такие шутки, как личное оскорбление.

Подали чай и кофе.

— Итак, господин Островский, о чём Вы хотели поговорить со мной?

Я зажёл сигарету, бросил спичку в пепельницу, откинулся на спинку стула и сказал:

— Как я Вам уже говорил по телефону, ещё несколько недель назад я был сотрудником Моссад, но по ряду причин был уволен.

Он старательно записывал, не глядя на меня.

— Почему Вы ушли?

— Меня уволили из-за нескольких дурацких историй и моего слишком длинного языка?

— Что это значит?

— Я открыто выражал свои политические взгляды, не совпадающие с принятыми в такой организации, которая столь сильно склоняется вправо, как Моссад.

Эфраим внушил мне, что я имею дело с очень изощрённой спецслужбой, и мне это тоже было известно. Мои сведения будут подвергнуты особому психологическому анализу, поэтому все данные обо мне и моих взглядах должны быть корректными. Моя легенда — моя правдивая история, и это я должен был держать в подсознании.

Англичанин никак не реагировал, что делало интервью очень напряжённым. Он только записывал и задавал вопросы. Иногда он поднимал руку и просил говорить медленней, чтобы он успевал записывать. Я такое ненавидел.

Учитывая современную записывающую технику, я находил такой метод работы архаичным и неэффективным. Но это был его офис, и он был представителем людей, от которых я кое-что хотел, поэтому я не мог жаловаться.

Интервью продлилось почти три часа. Я передал ему документ Моссад — копию фальшивого британского паспорта, которую я получил от Эфраима. На фотокопии была кратко описана моя тогдашняя легенда. На обратной стороне была копия части карты Лондона, где был отмечен мой тогдашний адрес, прилагались также цветные фотографии моего дома и моей лже-семьи, с парой слов о том и о другом.

Такой документ мы называем «Tutor-Cover», т.е. что-то вроде «легенды-наставления», которая обычно вместе с фальшивым паспортом доставляется на конспиративную квартиру, где агент до проведения операции изучает все детали своей легенды.

Такой документ понимается, как упрощённая легенда, не такая, которая нужна при проведении операций в тяжёлых условиях. Несмотря на это, этот документ был сделан на профессиональном уровне, и каждый, знакомый с нашим ремеслом,

пришёл бы к убеждению, что его обладатель — не любитель.

— Я хочу сердечно поблагодарить Вас, господин Островский, за то, что Вы мне рассказали. Я передам эти сведения ответственному лицу. С вами я снова свяжусь, если Вы мне скажете, что собираетесь делать.

Я знал, что это правильная процедура, и я передал ему только личные и второстепенные данные, лишь для того, чтобы они представили себе, кто я. Настоящая инквизиция должна начаться позже.

— А что теперь?

— Где я смогу застать Вас?

— Я позвоню Вам. Когда это Вас устроит?

Он подумал минутку.

— Как Вы смотрите на завтра, примерно в это же время?

Я встал.

— Итак, до завтра.

Глава 17. Воскресенье, 4 мая 1986 года

Эфраима утром не было в его номере, но он оставил в приёмной сообщение для меня. Ему нужно было на время уйти, и он должен был вернуться ко второму завтраку. Подписался он именем Давид, своим агентурным псевдонимом для обычных сообщений. Если бы он подписался «Марк», это означало бы опасность.

Я подождал в своём номере его звонка, который последовал в одиннадцать часов. Он ожидал меня в ресторане. Оказалось, что он не спал ни минуты: провалилась одна акция на Дальнем Востоке, и ему нужно было позаботиться об этом.

Так как он ещё раньше имел дело с людьми из Шри-Ланки, то он вышел на контакт с их спецслужбой и попросил их найти тело одного офицера Моссад, который должен был помогать их правительству поймать руководство «Тамильских Тигров» — группы сопротивления, которая борется за создание независимого государства на севере острова.

Офицер был застрелен в своём гостиничном номере в Коломбо в то же время, когда взорвался «Боинг»- «Джамбо» шри-ланкийской авиакомпании «Ланка Эйр».

Главной проблемой было не то, что этот человек мёртв, а то, что Моссад находился в Шри-Ланке лишь с целью охраны местной резидентуры ЦРУ и одной американской делегации и значительно превысил пределы своих полномочий, не предупредив об этом американцев.

Когда мы завтракали вместе, Эфраим уже взял дело в свои руки. Труп (якобы жертва автокатастрофы) летел charterным рейсом в Австралию, где дружественная местная спецслужба готова была помочь его отправке кораблём в Израиль. Он закурил и спросил:

— Ты спрашивал их о деньгах?

— Кого?

— Англичан?

Я уставился на него.

— Нет, об этом речи не было.

— Значит, в следующий раз ты должен поставить вопрос о деньгах в самом начале.

— Почему? Мы ведь знаем, что никто не платит до оценки полученной информации. Они считают меня, в конце концов, профессионалом, который должен знать такие вещи.

— Но ты всё же должен затронуть этот вопрос, чтобы они не думали, что ты поступаешь так только по зову совести. Они должны думать, что ты у них на крючке, тогда они будут задавать тебе вопросы, которые их интересуют, а не просто сидеть и слушать тебя. Ты должен заставить их поверить, что ты пришёл к ним ради денег, иначе они вообще не поймут, зачем ты к ним пришёл.

— От сирийцев я получил бы, наверное, намного больше. Эта мысль возникнет у них сразу, как только они услышат, что это всё со мной происходит только ради денег.

— Есть ряд причин, почему ты не пошёл к сирийцам.

Наша дискуссия продлилась до второй половины дня и постепенно нам надоела. Но сомнение, возникшее у меня, почти исчезло. Эфраим обеспечил меня документами для завтрашней встречи. После трапезы он вернулся в свой номер, который теперь был на моём этаже.

Эфраим хотел находиться со мной во время моего звонка в посольство, только на тот случай, если выяснится, что мы чего-то не предусмотрели.

Я позвонил, и меня попросили явиться в посольство как можно быстрее. Пришли два человека, чтобы поговорить со мной.

Эфраим был доволен.

— Мы убьем нескольких зайцев одним выстрелом, — сказал он.

— Каких зайцев?

— Во-первых, мы дадим им знать, что инцидент в аэропорту был не нашей инсценировкой, а реальной попыткой теракта, который мы предотвратили. Во-вторых, когда мы позаботимся о трудностях для лондонской резидентуры, то избавимся от их шефа. Если мы парализуем лондонскую резидентуру, то это выставит эту клику в таком глупом виде, что потребуется кто-то со стороны, чтобы провести чистку.

— Ты серьёзно так думаешь?

— Мы используем ту же технику, которой воспользовалось правое крыло в 1982 году, чтобы избавиться от Кимхе: будем бросать дерьмо на ветер. Ты пришёл с флота и знаешь, что что-то обязательно где-то да прилипнет. — Он ухмыльнулся и засунул в рот кусок шоколада.

Я хотел увидеть Беллу и девочек. Из-за этого я становился всё нетерпеливей. Это чувство захватило меня внезапно, с неожиданной стороны. Телевизионная реклама телефонной компании AT&T была тому причиной.

Она показывала сентиментальные картинки семей, иногда вместе, иногда разделённых, под рекламным лозунгом: «Протяните руки и дотроньтесь друг до друга». Когда я видел эту рекламу, я чув-

ствовал себя таким одиноким, что даже перестал включать телевизор, будучи один.

* * *

Меня поприветствовал тот же человек, когда я подошёл к главному входу. У него был мой вчерашний галстук, а я был в «Пэйсли». В остальном, у нас была одинаковая «униформа».

— Приятно снова встретиться с Вами, — сказал он и снова согнулся, чтобы открыть дверь.

— Неужели они не могли дать вам цепочку подлиннее? — спросил я.

— Нет, им нравится держать нас на короткой цепи, — хихикнул он и открыл мне дверь.

Он провёл меня к лифту, но пришли мы теперь в бюро в другом крыле, которое было похоже на его вчерашнее, только в нём не было цветов, а на выдавшем виды столе не было бумаг. Когда мы вошли, из-за стола встал человек и с улыбкой подал мне руку.

— Меня зовут Стив. Прекрасно, что Вы пришли так быстро.

Я пожал ему руку.

— Я Дэйв. Прекрасно, что Вы меня позвали. — И улыбнулся ему в ответ.

— Дэйв? Я думал, Вас зовут Виктор? — Он посмотрел на бумагу перед собой.

— Я просто шучу, — сказал я и сел. — «Дэйв» это мой «Стив», понимаете?

— Ага. Его улыбка стала шире. — Итак, Виктор?

— Да.

— Можем ли мы Вас чем-то угостить? — Он сел.

— Я хотел бы кофе. Я заметил, что у меня осталась только одна сигарета. — У Вас есть в бюро автоматы для продажи сигарет?

— Я посмотрю, что смогу найти для Вас, — сказал молодой человек и вышел.

— Как я понимаю, сегодня ещё кто-то будет присутствовать на встрече?

— Да. Мой коллега подойдёт чуть позже. Он принесёт нечто, чтобы показать Вам и услышать Ваше мнение.

— Это Вы занимаетесь моим делом?

— Мы оба. Почему Вы спрашиваете?

— Речь идёт о деньгах. Мы должны поговорить об этом, пока не продолжим работу.

— Я могу Вас заверить, что мы будем Вам очень признательны за Вашу помощь. Сумма будет зависеть только от ценности того, что Вы нам сможете рассказать.

— Можете Вы выразиться поточнее?

— Боюсь, что нет. Вы понимаете, не мы решаем этот вопрос. В конце концов, речь идёт о дружественной нам стране, и мы обычно не собираем информацию об Израиле, поскольку он наш союзник.

Я зажег сигарету и сказал сквозь дым:

— Почему бы нам не оставить в стороне все эти церемонии? Мы пришли сюда по определённой причине. Вы хотите от меня то, что, как Вы хорошо

знаете, у меня есть. Сначала Вы должны определить, что я тот, за кого себя выдаю. А потом Вы захотите увидеть, что можно вытащить из меня.

— Я лучше говорил бы о своего рода обмене...

— А, бросьте. Если бы Вы могли привязать меня к скамье пыток и под кнутом выбить из меня сведения, Вы так и сделали бы, мы оба это знаем. И я не хочу от Вас ничего, кроме денег. Если Вы мне не заплатите сейчас, я уйду, и Вы будете дальше беречь свой нейтралитет, о котором вы твердите. Итак, с чего Вы хотите начать?

— С самого начала, я думаю. Какое звание и какую должность Вы занимали в Моссад?

— Я был полковником, потому что меня перевели с военной службы, где у меня было звание подполковника. Перед уходом из Моссад я работал в датском отделе и от случая к случаю для других отделов.

— Есть ли британский отдел?

— А католик ли Папа Римский?

— Вы работали в этом отделе?

— Иногда.

— Есть ли секретная резидентура в Лондоне?

— Да, в израильском посольстве.

— Сколько в ней офицеров?

— Примерно два месяца назад было пять. Сколько сейчас, я не знаю, но в любом случае не меньше шести.

— Кто шеф резидентуры?

— Мне трудно вспомнить фамилию, Вы знаете, — ухмыльнулся я.

— Могли бы Вы опознать его по фотографии?

— Конечно, у вас она есть?

— У нас есть фотографии большинства дипломатов. Это нормально, что они дают нам свои фотографии, получая аккредитацию.

— Давайте короче. Вы показываете фотографии, а я их идентифицирую. Что потом?

— Зачем Вы пришли к нам? Почему Вы не пошли к американцам или французам? И если Вас интересуют только деньги, почему Вы не пошли к арабам? Я думаю, они дали бы Вам намного больше.

— Я не люблю иметь дело с людьми, на чьей территории нахожусь. Им слишком легко меня контролировать. Кроме того, Вы наши союзники, так что я практически не предаю свою страну. Я продаю только сведения, на которые, на мой взгляд, Вы имеете право. Это же касается и Полларда.

Молодой человек вернулся с кофе и пачкой сигарет. Он извинился за то, что в их кафетерии нет американских сигарет.

Когда он ушел, Стив и я могли говорить между собой менее напряжённо. Через несколько минут в комнату вошёл коллега Стива. Он был ростом такой же, как Стив, хорошего телосложения и с такой коричневой кожей, будто он только что вернулся из отпуска на Карибских островах или болел странной кожной болезнью.

Его светлые волосы были почти белыми, а причёсывал их он также аккуратнo, как молодой

человек, только его причёска была даже в лучшей форме.

Мы продолжили нашу беседу. Новый коллега, по имени Роберт, раскрыл большую папку и вынул оттуда несколько картонок с наклеенными фотографиями.

— Можете ли Вы посмотреть и сказать, кого из этих людей Вы знаете?

Я быстро взглянул и положил документы назад на стол.

— Да, я знаю этих людей.

— Вас не затруднит назвать нам их?

— Может наоборот, скажите мне сами, кого Вы считаете главным резидентом?

— Но, — сказал Стив, очевидно поражённый, и взглянул на Роберта, — это совсем не принято.

— Вы считаете, что каждый день к Вам в бюро маршируют оперативные офицеры Моссад и поэтому Вы целую ночь летели сюда на самолёте, чтобы поболтать со мной?

— Почему мы должны что-то рассказывать Вам? — спросил Роберт.

— Так я смогу добиться, того, что Вы поверите мне и моим сведениям. Если я смогу Вам доказать, что я знаю, то для нас работа пойдёт легче.

— Вот этот. Роберт указал на фотографию.

— Я думаю, Вы знаете это лучше, — сказал я. — Я никогда в жизни не видел этого человека. Он видимо из МИД или еще откуда-то. Это видно по его галстуку.

— По галстуку? Вы хотите сказать, что сотрудники Моссад носят особые галстуки? — Он улыбнулся при этой мысли.

— Нет, но мы в штабе не работаем в галстуках. Если же мы фотографируемся на паспорт, то завязываем приготовленные для нас галстуки в фотоателье, а их там всего три штуки. То есть, зная, как выглядят эти галстуки, можно определить сотрудников Моссад.

Оба англичанина засмеялись, как будто они только что открыли Америку.

— О 'кей, — промывчал Роберт и показал на другое фото. — Мы думаем, вот он.

— Вы правы, это Йаир. Из кармана рубашки я вытащил фотографию, которую дал мне Эфраим перед моим походом в посольство. Я положил свою фотографию рядом с той, что они только что показали. — Вот, смотрите. Это была та же самая фотография, только в другом увеличении.

Так между нами было установлена доверительность.

— Откуда она у Вас?

— Это же не относится к предмету разговора, разве не так?

— Нам хотелось бы посмотреть побольше таких. — Его тон был чрезвычайно вежлив.

— Сейчас это невозможно. Я не собираюсь преподносить Вам нашу резидентуру на подносе.

— А что же?

— Я скажу Вам, где Вы сами сможете получить сведения. Так это будет серьёзным делом.

— О 'кей, — кивнул Роберт. Мы хотим поставить этот вопрос на правильные рельсы. Есть и другие вещи, о которых мы хотели бы спросить Вас, перед тем, как мы продолжим.

Я кивнул и потушил сигарету.

— Начнём с того, — он открыл вторую папку, которую он вынул из ящика стола, — что есть слухи о том, что Моссад не придерживается «соглашений о третьей стороне»³¹.

— Ну, мы изменяем информацию и продаём её затем. Она никогда не передаётся в том виде, как она к нам поступила.

— Я думал, Вы уже не работаете на них?

— Не работаю.

— Зачем же Вы используете слово «мы»?

— Привычка. Кроме того, я ещё не чувствую себя совсем вне службы. Возможно, в моей душе я ещё действительно не принял своего увольнения, и поэтому так происходит.

— У Вас там остались друзья?

— Думаю, да.

— Вы поддерживаете контакты с кем-то?

— Сейчас нет, но думаю, что смогу наладить контакт, если захочу.

— Что Вы знаете о попытке палестинцев пронести бомбу на борт самолёта «Эль-Аль» в Хитру?

— Её нашла служба безопасности, не так ли?

— Безопасность авиакомпании «Эль-Аль», а не аэропорта.

— Ну, а Вы что ожидали? Служба безопасности «Эль-Аль» лучшая в мире, разве не так?

— Некоторые думают, что они пронесли бомбу сами, чтобы выставить нас дураками. Я имею в виду, мог бы Моссад сделать что-то подобное?

— Внести настоящую бомбу в самолёт? Никогда. Кроме того, в чём был бы их интерес?

— Мы должны рассматривать всё со всех точек зрения. Итак, Вы уверены, что они не сделали бы это?

— Вы уже заметили, что я не переносу этих людей, и Вы можете мне поверить, что я был бы первым, кто рассказал бы Вам, если бы что-то подобное было на самом деле. Просто у нас хорошая система безопасности, вот и всё. Они не слишком полагаются только на электронику.

— Но у них самая совершенная техника.

— Я не говорил, что они не используют новейшие технологии, просто они полагаются не только на технику. Когда техника делает своё дело, то они проводят ещё «ручную» проверку. Они всё время держат пассажиров под контролем.

Это была примечательная ситуация: я сидел здесь и продавал якобы величайшие тайны моей страны и в тоже время испытывал гордость за наш аппарат служб безопасности. Оба смотрели на меня с определённым опасением.

Опрос продлился ещё часа два. Мы детально

прошлись по тому, как Моссад активизирует, организовывает и вербует в Англии более чем три тысячи своих добровольных помощников «сайанов», как Моссад содержит более сотни конспиративных квартир в Большом Лондоне и исполняет вербовочные желания других, меньших резидентур в Европе.

Казалось, конспиративные квартиры их очень обеспокоили, потому что они вносили большой беспорядок в британскую систему по борьбе с терроризмом. И тот факт, что Моссад прямо перед их носом проводит интенсивную вербовочную деятельность, им совсем не понравился. По их тону я почувствовал, что они поняли серьёзность ситуации и собираются её исправить.

— Если мы хотим здесь всё вычистить, с чего, по-вашему, мы должны начать?

— Сначала Вы должны убедить своих политиков в том, что ход против Моссад не направлен против Государства Израиль, что Моссад — это опасное орудие, которое вредит всем, кто с ним сталкивается.

— Я думаю, до этого мы уже дошли. То, что мы хотим получить от Вас, — оперативная информация. Где находится ахиллесова пята системы? У каждой системы она есть, как бы ни старались её скрыть. Где находится ахиллесова пята Моссад, которая позволит нам отойти назад и смотреть за тем, что они делают и остановить их всегда, когда мы этого захотим?

— Какой именно аспект их работы Вы хотите остановить?

— Нам не нравится, что британские подданные используются ими в их операциях. А взять на мушку из-за этого все национальное меньшинство, т.е. еврейскую общину, было бы неприемлемым. С другой стороны, мы не можем, ничего не предпринимая, наблюдать, как они вербуют дипломатов, находящихся под нашей защитой, и этим ставят на карту наши отношения с этими странами.

— Ну, тогда Вы должны поймать их на горячем.

Роберт скорчил циничную мину.

— Я думаю, со временем, это произойдёт само собой.

— Вы должны установить наружное наблюдение за их конспиративными квартирами.

— Здесь мы согласны с Вами. Но как мы их найдём?

— Проследите за «боделем».

— Что такое «бодель»?

— Слово «бодель» происходит от еврейского слова «лахавдиль», что означает «разделять». «Бодель» это сепаратор, ваша т.н. «ахиллесова пята». Это курьер, который доставляет пакеты и прочие штуки из резидентуры на конспиративные квартиры и наоборот. Это тайная прислуга для всего.

Обычно, если не всегда, этот человек служит в армейском «спецназе». Это молодой израильтянин, прошедший специальную подготовку по обнаружению и уходу от наружного наблюдения, и он лучший в этой области. Из резидентуры в конспиративную квартиру он обычно ходит днём, а назад — по ночам. Он очень редко использует посольские

³¹ «Джентльменское соглашение» между дружественными разведками о том, что информация, передаваемая от одной из них другой, не должна передаваться третьей стороне.

машины, и у него нет чёткого графика.

— И это Вы называете «ахиллесовой пятой»?

— Это то, что этот человек должен делать, но не всегда делает. В конспиративных квартирах часто живут израильские студенты, которые заботятся о наличии там продуктов и т.д., чтобы в случае необходимости они легко могли быть активизированы.

Студенты живут в некоторых таких помещениях и посещают другие, забирая почту, включая и выключая свет, звоня по телефону — чтобы квартира производила впечатление населённых и не возбуждала подозрений, когда на ней разместится разведчик. Они обычно того же возраста, что и «бодель», и общаются с ним.

Я имею в виду, что большинство мест, которые он посещает в свободное время, выходя из своей квартиры, и являются конспиративными квартирами. Проследите за ними, и если он в течение дня заходит к ним, то Вы нашли конспиративную квартиру. Вы вполне сможете проследить за ним большой командой наружного наблюдения, чтобы за ним никогда не ходил один и тот же человек или ехала одна и та же машина. Но я не знаю, сможете ли Вы это сделать.

Несколько минут мы помолчали, пока они переваривали услышанное.

— Это очень щекотливое дело.

Роберт почесал затылок. Я был единственным курильщиком в комнате, но воздух в ней был, хоть топор вешай. Было видно, что они оба чувствовали себя не очень хорошо.

— Что Вы имеете в виду?

С усмешкой я откинулся на спинку стула. Я был очень доволен собой. Я сделал то, что должен был сделать, и это доставило мне удовольствие. По крайней мере, пока, но мы еще не закончили.

— Итак, если мы проследим за парнем и найдём конспиративную квартиру, что нам делать потом? Я имею в виду, можете ли Вы представить себе скандал, если мы раскроем сразу несколько дел вроде дела Полларда?

— Нас сразу же во весь голос обвинят в антисемитизме, — заметил Стив с серьёзным выражением лица.

— Этого не случится, — возразил я.

— Почему нет? — с сомнением в глазах уставился на меня Стив. — Я думаю, когда идёшь на рыбалку, никогда не знаешь заранее, что вытащишь из воды.

— Резидентура не использует конспиративные квартиры для своих «сайанов». С ними встречи происходят в их частных жилищах в совершенно обычных обстоятельствах. Тайные встречи случаются очень редко, например, в тех случаях, конечно, когда «сайан» доставляет со своей работы жизненно важную информацию.

Конспиративные квартиры служат только для встреч и консультаций оперативных офицеров — кадровых разведчиков, которые никогда не посещают посольство. Изредка их используют для допросов агентов, но потом от их дальнейшего использования почти всегда отказываются. От кон-

спиративных квартир, я имел в виду.

На улице уже стемнело, и мы все заметили, что говорить нам осталось уже почти не о чём. Информацию теперь следовало проанализировать, и тогда возникли бы новые вопросы. В этот момент выудить из меня больше ничего было нельзя. Пришло время заканчивать.

— Что теперь?

Роберт вынул из кармана белый конверт и положил его предо мной. — Это маленький знак благодарности за то, что Вы пожертвовали для нас своим временем. Мы охотно встретились бы с Вами снова и задали бы новые вопросы и, конечно, за ответы, которые мы уже получили от Вас, мы Вам заплатим.

— Вы не можете выразиться поточнее? Что Вы имеете в виду, говоря «снова»?

— Возможно, через несколько дней.

— Я не знаю, останусь ли я здесь так долго. Я позвоню Вам перед отъездом и сообщу Вам его дату.

— Где Вы сейчас живёте?

— Я живу и здесь и там. Я позвоню Вам завтра и дам Вам адрес. Так пойдёт?

— Хорошо. Завтра нас здесь не будет, но Вы можете сообщить его нашему другу. Он будет нашим «боделем». Мы все рассмеялись.

* * *

Перед зданием посольства я подсчитал деньги в конверте и установил, что англичане сильно поскупились. Даже если эти 800 долларов составляли сумму намного большую, чем та, что у меня в этот день лежала в кармане, я ведь знал, что подарил им золотые ножницы, которыми они смогут подрезать Моссад его когти.

Роберт проронил в разговоре, что за один список «сайанов» они заплатили бы миллионы, но при этом он смеялся и шутил, что Моссад вряд ли пустит меня в свой штаб, где я мог бы стащить этот список.

Но я знал цену пакета с фотографиями всех оперативных офицеров-разведчиков Моссад, который я спрятал в гостиничном номере. Об этом не знал даже Эфраим. Но он и не должен был узнать об этом.

Я знал, что мне одному удалось на долгое время разрушить возможности Моссад для работы в Великобритании. И, насколько я знал англичан, они не дадут Моссад узнать, откуда возникли для них проблемы. Этим я исполнил свой долг, и при этом наслаждался сладким вкусом мести.

Меня напугало, как сильно я их ненавижу. Я ненавидел людей, которые вырвали меня с улиц Тель-Авива и из моей жизни, которая была счастлива — несмотря на маленькие ежедневные проблемы, с которыми я, как и все в такой напряжённой и небезопасной стране, как Израиль, вынужден был бороться. Я ненавидел их за то, что они поколебали мою веру в сионистскую мечту, защита которой была им доверена.

Эфраим лежал на кровати в своем номере, выключив свет и звук у телевизора. Он, вероятно,

заснул пару часов назад, потому что в комнате не висел сигаретный дым.

Глава 18.

— Что ты тут делаешь? — спросил Эфраим, когда я поднял трубку. Голос его звучал устало.

— Заказываю кофе. Англичане не имеют понятия, как правильно готовить кофе.

— Ты думаешь, американцы готовят лучше? — спросил он со смехом.

— Ты не хочешь чего-то поесть? Я закажу себе гамбургер. Я умираю от голода.

— Конечно. Закажи пару клуб-сэндвичей. Как всё прошло?

Я сделал заказ и рассказал ему всё. Мне совсем не нравилось заниматься делом таким образом. Это было не так, как в Моссад. Там всё было организовано: сначала делался письменный отчет, затем нужно было отвечать на вопросы. Здесь мне казалось, что я просто удовлетворяю чьё-то личное любопытство. Мои чувства к Эфраиму колебались от уважения к отращению.

— Что они сказали, когда ты передал им фотографию?

— Я думаю, я сделал это правильно. Я сначала сделал так, чтобы они показали мне свою фотографию, а потом вытащил мою. Я думаю, я устранил этим все сомнения, если какие-то и были.

— Вы разговаривали о деле «Эль-Аль»?

— Они думают, что Моссад способен на такие штуки, точно, как ты говорил.

— Они правы.

— Ты хочешь сказать, что мы сделали это? — Это меня поразило.

— Я так не утверждал. Я только сказал, что мы способны на это и уже делали такие трюки в прошлом.

Эфраим задавал мне вопросы с полным ртом. Он был, в общем, воспитанным человеком, но правила хорошего тона за столом не соблюдал. Я решил подождать с ответами, чтобы успеть спокойно поесть.

Утолив голод, он узнал всё, что произошло в посольстве. Кофе уже остыл, и у меня снова не было сигарет.

— Сначала принеси сигарет, а потом мы поговорим о том большом задании, о котором я тебе рассказывал, — сказал Эфраим.

Я пошел к двери. Он крикнул мне в спину:

— Ты классно проделал работу, Вик! Даже если это тебе доставило удовольствие, чего не должно было быть, ты сделал своё дело здорово.

Значит, он заметил, что это мне понравилось, а я думал, что перехитрил его. Я купил два больших блока сигарет и поспешил назад. Итак, теперь наступает ОНО, последнее задание, которое должно закончить это состояние забвения, в котором я находился в подвешенном состоянии в качестве подручного бунтовщика.

Я вовремя замолчал, чтобы не возбудить в себе снова чувство сомнения. Не то, чтобы у меня со-

всем не оставалось сомнений, но в этот момент у меня просто не было большого выбора. Если Эфраим хотел меня надуть, то теперь, после того, что я сделал, у него была для этого прекрасная возможность.

Когда я вернулся, настроение Эфраима изменилось. В первый раз я видел его таким. Раньше он всегда казался мне человеком непоколебимой самоуверенности. Теперь он был совсем другим, беспокойным, неуверенным.

— Что с тобой? Куда ты подевал свою спокойную кровь? — Я попытался выдавить что-то из него. Казалось, в этот момент не было повода ему быть недовольным. В этой ситуации у него на это не было права; это было только моей привилегией.

— Я думаю только о следующем шаге. Тут так много нерешённых вопросов. Я думаю, мы это дело немного отсрочим.

— Что ты сказал? Что это означает для моего графика?

— Только маленькая отсрочка, неделя, может, дней десять. В его голосе послышалось лёгкое сомнение. Возможно, он хотел меня проверить. Может, он надеялся, что я так спешу покончить с заданием, что пойду на любой риск, лишь бы всё наконец-то закончилось.

Потом он мог бы сказать, что он-то хотел отсрочить выполнение задания и только поддался мне, ведь я хотел выполнить его побыстрее. В конце концов, нас учили в одной школе, и даже если я в сравнении с ним был новичком, мыслили мы почти одинаково.

— Нет. — Я был настроен решительно. Я мог играть в ту же игру, что и он, если это была игра. — Мы делаем это сейчас, что бы это не было, иначе я ухожу.

— Подожди, Вик. Он выглядел очень серьёзным. — Это не так просто. То, что мы должны сделать, лишь часть большого плана. Как только начинаешь решать проблему, которой вовсе не существует, тебя сразу заподозрят в двойной игре, если это всплывает на поверхность. И этого не должно случиться в том месте, куда ты должен будешь пойти.

— Будет лучше, если ты станешь выражать свои мысли несколько точнее, иначе скоро ты сможешь разговаривать только со стеной.

— Ну, это мы делаем уже в течение тысячелетий, — усмехнулся он.

— И нам это принесло очень много добра, — усмехнулся я ему в ответ.

— Давай прогуляемся.

Его предложение меня ошеломило. Раньше он никогда не хотел появляться со мной на людях — и на это была важная причина. Но мне не положено было задавать вопросы, он был хозяином положения, кроме того, уже стемнело.

— Куда мы пойдём?

— Мы просто немного прогуляемся. Выходи первым, я тебя догоню.

Через пару минут он нагнал меня. Мы прошли вдоль линии метро и вошли в маленький грязный притон, где уселись в уголке, который был хорошо

прикрыт от других посетителей вешалкой, завешанной одеждой.

— Шабтаю и его команде «Метсада» удалось сорвать иорданскую мирную инициативу и связать Пересу руки. Его сделали идиотом; ещё долго никто не захочет связываться с этим делом.

— Это я и без тебя знал из газет.

— До этой точки всё ещё можно было назвать честной игрой. Некоторые люди думают, что мы должны заключить мир с палестинцами, а другие считают, что мы должны дать им пинка под зад, но что делают правые, чтобы достичь своей цели? Как ты знаешь, всех людей, которые хотят мира, клеймят, как предателей, в то время как всех тех, кто имеет противоположные взгляды, представляют патриотами.

— Ну, у тебя много друзей в прессе. Если у тебя есть проблемы с имиджем, почему ты не воспользуешься их услугами?

— Мы так и делаем, но этого недостаточно в отношении того, что они сейчас намереваются совершить.

Официантка в грязном фартуке приняла наш заказ, жуя резинку. Мы подождали, пока она принесла нам кофе и подала заказанный яблочный пирог. Во время этой процедуры она успевала болтать с кем-то в глубине зала и на прощанье подарила нам натянутую улыбку.

Я зажёл сигарету и в ожидании взглянул на Эфраима. Он говорил тихо, так что мне пришлось наклониться к нему.

* * *

— Они хотят форсировать осуществление своей идеи «Иордания — это Палестина»³².

Они получили для этого политическую поддержку и заключили союз с правыми радикалами, которые должны обеспечить их мощной поддержкой из диаспоры, прежде всего из США.

— Но эта идея существует уже довольно долго. Я думаю, в Кнессете об этом дискутировали долго и шумно. Что здесь особенного? При чём здесь мы?

— Пока вопрос решался на политическом уровне, всё было в порядке, но сейчас в это дерьмо бросается, сломя голову, Моссад. Они там решили, что пришло время дестабилизировать Иорданию до состояния тотальной анархии.

— Дестабилизировать? Как?

— Они хотят наводнить страну кучами фальшивых денег, что приведёт к недоверию на рынке, будут вооружать религиозных фундаменталистов, вроде «Хамас» и «Братьев-мусульман», чтобы до-

биться развала. Они планируют убить ведущих лиц страны, которые символизируют стабильность, спровоцировать студенческие беспорядки в университетах, чтобы вынудить правительство пойти на жёсткие меры, что нанесёт ущерб его популярности. Ты знаешь, о чём я говорю.

— И что я при этом должен сделать?

— Я хочу, что бы ты рассказал об этом иорданцам. Пусть они примут контрмеры, пока ситуация не выйдет из-под контроля. Я знаю, что Моссад планирует то же против Египта, чтобы доказать, что мирный договор с арабским государством не стоит бумаги, на которой он написан. Но я участвую в разработке этого плана и у нас ещё есть время, прежде чем они приступят к его осуществлению.

— Я слышал об этом. Поставлял ли Моссад оружие египетским фундаменталистам через Афганистан или через другие страны?

— Да, правильно.

— Но ты всё ещё не сказал, как, чёрт побери, я смогу это объяснить иорданцам так, чтобы они мне поверили. Почему ты им это не расскажешь? У тебя ведь есть каналы связи с иорданцами.

— Этого недостаточно. Это продлится несколько дольше. Как только иорданцам удастся остановить одно, наши люди сразу затевают другое. Ты должен сделать так, чтобы они завербовали тебя. Сейчас это не только просто какое-то короткое задание, сейчас оно очень серьёзно.

У меня не было слов. Это было намного серьёзней, чем я мог бы себе представить. Я сам себе подписал бы смертный приговор. Всё равно, что именно тут не получится, или кто меня поймает, результат будет одинаков.

— И это твоя идея? Ты это сам выдумал или обсуждал её с кем-то?

— Мы говорили об этом и пришли к единому мнению, что это единственная возможность. Я не сказал им, кого я хочу использовать, чтобы не скомпрометировать тебя.

— Какая у тебя ещё есть возможность?

— Ты не единственный в своём деле.

Это было что-то новое для меня, раньше я всегда исходил из того, что я один.

— Так сколько же нас?

— Достаточно, чтобы выполнить задание. В этот раз мы должны продержаться до конца, и время не на нашей стороне. С другой стороны, ты не много сможешь сделать, пока не узнаешь точно, против чего будешь действовать, но одновременно тебе остаётся очень мало времени, чтобы попасть туда и получить реальный шанс не быть разоблачённым.

— Что же я должен делать?

То, что он мне рассказал, мне совсем не нравилось. Мне нужно было разорвать все связи, быстро спуститься на самое дно сточной канавы и, пройдя по ней, вынырнуть у своих новых «господ» — так я покажусь им более приемлемым и достойным доверия.

Эфраим хотел послать меня на улицу без единой монеты в кармане.

³² Многие правые израильские политики прекрасно понимают, что палестинская проблема не исчезнет сама по себе, только потому, что они этого хотят. Они также сознают, что палестинцы являются нацией, которая требует собственную землю. Эти политики не видят в этом никакой проблемы, напротив, они думают, что так будут сразу решены все проблемы. Но так как они не хотят отдавать землю, то нашли другое решение: исходя из того, что население Иордании на 75% состоит из палестинцев, Иордания должна стать Палестиной. Таким образом, проблему можно будет свалить на другую страну.

— Ты установишь контакт, когда проголодаешься, а когда потеряешь самоконтроль, позвонишь по этому телефону, и мы встретимся.

После звонка я должен был подождать один день и затем прибыть в гостиницу «Four Seasons» («Четыре времени года») в центре Вашингтона. У меня было имя постояльца, о котором мне нужно было там спросить. Эфраим должен был ждать меня там. Следующего контакта с Эфраимом не было бы.

На улице мне нужно было найти себе новых друзей, чтобы в случае несчастного случая кто-то смог позвонить моей семье. Мне нужно было оставаться самим собой и более свободно контактировать с Беллой.

Этот пункт был единственным, показавшимся мне тяжёлым. Я ничего не мог рассказывать ей по телефону, потому что её аппарат точно прослушивался. Она не могла знать, что происходит. Я даже не мог ей сказать, что это скоро кончится.

Это превращение мне нужно было начать уже на следующий день, из-за чего я решил провести последнюю свою ночь в городе перед погружением в сточную канаву.

Я поехал в «Руморс», известный бар в центре Вашингтона. Я взял бутылку «текилы» и несколько больших стаканов колы. У меня всё болело от страха, так сильно пугало меня предстоящее дело, с другой стороны мне было стыдно своего страха.

Я хотел уйти; я спрашивал себя — а что случится, если я просто пойду к автобусному вокзалу, сяду на первый попавшийся автобус и сойду на конечной остановке. Возможно, это было бы лучшее решение для всех. Для своей семьи я был, как бельмо в глазу — совершенно ни к чему. Я только доставлял ей трудности, как вспоминал я. Я заметил, что мною управляет жалость к самому себе, что делало всё ещё хуже.

Внезапно до меня дошло, что ко мне обратилась какая-то женщина. Она спросила, свободно ли место рядом со мной. Что произошло потом, не сохранилось в моей голове. Я только мог вспомнить, что я сказал ей «Да». Немного позже в такси по дороге в гостиницу в моей голове визжали сирены.

Это же слишком просто, это ловушка! Невозможно, чтобы такая красивая девушка позаботилась о таком пьяном мужике, как я, бросила свою подругу и ехала со мной в гостиницу через весь город. Это значит, что я произвёл на неё впечатление какими-то произнесёнными мной словами, которые я не мог вспомнить. Я решил пойти на риск. Если она работает на Моссад, тогда то, что они меня поймут, всё равно было только делом времени, так что, она могла спокойно ехать со мной.

Выяснилось, что она не работает на Моссад. Ей так же не хватало ласки, как и мне, она не просто отдавалась этой ночью, она получала наслаждение от этого. Я смутно припоминал, как провёл её вниз и посадил на такси до центра города. Утром я погрузился в сны и позднее не смог сказать, что было на самом деле, а что мне приснилось.

Это должен был быть мой последний завтрак в гостинице перед тем, как очутиться на улице. Я был один и прицеливался в цель, в которую не знал, как попасть. Я упаковал все свои вещи в чемодан и

надел свой полосатый костюм. С этим я скачусь на дно и через несколько дней буду выглядеть, как человек, потерявший всё.

И тут я заметил, что неправильно берусь за дело. Эфраим дал мне задание и сказал, как я должен его выполнить. Предложенный им метод сработал бы у него, а у меня нет. Если бы это была обычная операция Моссад, мы бы обсудили её и через несколько часов мозгового штурма нашли лучший для меня метод выполнения работы.

Этого не произошло, и я не был готов так приступать к делу. Если бы мне и было предназначено стать бродягой, то чисто из-за отчаяния, которое было во мне заметно, и которое я не мог симулировать.

Я выбрал прямой метод, о котором знал, что хорошо сумею его использовать. Я взял свой израильский паспорт и сел на метро. Я вышел на станции «Вэн-Нэсс» и пошел пешком к торговому центру. Я сначала хотел выпить чашку кофе, а потом уже начинать.

Через 20 минут я вышел из такси перед иорданским посольством, которое было всего в тридцати метрах от посольства Израиля. На входе охрана спросила меня, кто я и что я хочу. Я сказал, что желал бы поговорить с секретной службой. Охранник настаивал на ответе, какая же точная цель моего визита.

— Я хочу говорить с кем-то из службы безопасности, — повторял я, и показал ему мой паспорт.

Он хотел взять его с собой, но я опять его спрятал.

— Его получит только сотрудник Вашей службы безопасности.

Он подождал минутку, затем схватил трубку телефона и очень быстро и кратко переговорил с кем-то по-арабски. Затем обратился ко мне:

— Не можете ли Вы пройти через эти ворота?

Он показал на турникет с детектором для поиска металла, вроде тех, что стоят в аэропортах, который находился в центре приемной, прямо перед лестницей, ведущей вверх. После того, как я прошёл через него, ещё один человек проверил меня дополнительно ручным детектором. Тут в холл вошёл высокий и худой мужчина в тёмно-синем костюме. За несколько шагов до меня он остановился:

— Чем я могу Вам служить?

Я снова вынул мой израильский паспорт и протянул ему.

— Тут, скорее, дело в том, чем я могу Вам служить.

Он раскрыл паспорт и перелистал его, посмотрев на фотографию и на меня. Он слегка улыбнулся, сдержал улыбку, а затем улыбнулся совсем широко.

— Вас не затруднит проследовать за мной?

— Напротив.

Мы поднялись вверх по лестнице, и он ввёл меня в тихий офисный коридор посольства. Мы зашли в маленькую комнату с одним столом и несколькими стульями. Занавески были задернуты, но комната ярко освещена. На стене за столом висела

фотография короля Хусейна в военном мундире, улыбавшегося в объектив.

Это место было для меня более чужим, чем какое-либо за мою жизнь. Даже в советском посольстве я чувствовал себя комфортнее. Мужчина, очень элегантный и слишком большой для этого кабинета, сел на стул под портретом короля и указал мне на стул напротив.

— Не хотите что-то выпить или поесть?

— Кофе был бы великолепен, — улыбнулся я ему в ответ.

Он дал указания охраннику, сопровождавшему нас до кабинета. Затем положил на стол предо мной мой паспорт.

— Что привело Вас к нам, господин, — он снова бросил взгляд на паспорт, — господин Ос...ровваский?

— Островский, — поправил я его. — Можно сказать, что меня привела жадность и добрая порция чувства мести.

— Месть, это милое словечко. И кому Вы хотите отомстить?

— Своему прежнему работодателю.

— А кто это?

— Моссад.

Я увидел, как его здоровый коричневый цвет лица за секунду стал грязно-серым. Не напоролся ли я по воле случая на «крота» Моссад в Иордании? Такая возможность всегда существует, даже если и очень маленькая. Эфраим не сказал мне, что «крота» нет, он лишь сказал, что это невероятно. Если это он, я долго не проживу. Он встал и двинулся к двери.

— Я вернусь через минуту, — сказал он с лёгкой дрожью в голосе.

Я точно произвёл на этого человека впечатление. Если он действительно «крот» и озабочен тем, что столкнулся с дезертиром из Моссад, который может его разоблачить, тогда он быстро понесётся в израильское посольство. Может быть, я увижу это через окно, если отодвину занавеску.

Я встал и посмотрел в окно, но никого не увидел. Тут появился охранник с кофе и поставил его на стол вместе с тарелкой печенья. Комбинация американских кексов и традиционной кофейной церемонии вызвала у меня улыбку. Эти кексы были как-то не на своем месте, точно, как и я.

Почти через пятнадцать минут вновь появился мой собеседник. К нему уже вернулись его улыбка и цвет кожи.

— Как мы можем узнать, что Вы тот, за кого себя выдаете?

У меня с собой несколько документов, которые Вы можете посмотреть, и я готов ответить на любой вопрос.

Мы закурили по сигарете, и опрос начался. С самого начала я сказал, что не знаю имён агентов Моссад в Иордании или в других арабских странах. Я не собирался давать им имена и описания оперативных офицеров Моссад, вместе с которыми я работал.

В основном его интересовали данные о вме-

шательстве Моссад в дела фундаменталистского движения в Иордании и о влиянии Моссад на политику Израиля. Он сказал мне прямо в глаза, что они не доверяют израильским политикам, когда они говорят, что хотят мира, — и именно из-за утечек.

Он объяснил мне, что всем израильтянам, с которыми они встречаются, всегда дают понять, что они этим всё ставят на карту и отбирают у своих партнёров по переговорам возможность действовать, если что-то об этой встрече станет известным извне, даже если это просто тот факт, что такая встреча состоялась.

И такие утечки происходят всегда. Единственный вывод, который могут отсюда сделать иорданцы, — тот, что люди, с которыми они встречаются с большим риском для собственной жизни, вовсе не искренни и что такие встречи вскоре со всем уйдут в прошлое.

Через несколько часов мужчина полностью убедился в том, что я тот, кем назвался.

— Я позову моего босса. У него, вероятно, будет пара вопросов к Вам.

В комнату вошёл приятный мужчина лет под шестьдесят. На нём были очки с золотой оправой и светло-серый костюм. Его лоб блестел, а осветлённые волосы были аккуратно зачёсаны назад. Он носил маленькую бородку и дружелюбно улыбался.

Молодой человек отдал честь.

— Господин Островский, бригадный генерал Зухир.

Пришедший протянул мне руку.

— Я рад познакомиться с Вами, Виктор. Я думаю, что наши отношения будут долгими и плодотворными. — Генерал производил приятное впечатление, с самого начала он приветливо обратился со мной.

— Я надеюсь, мой друг обходился с Вами хорошо.

— Конечно.

— Я узнал, что Вы офицер Моссад, вернее, бывший офицер Моссад?

— Это верно.

— Знаете ли Вы офицера связи Моссад в Вашингтоне?

— Да.

— Я тоже его знаю. Я познакомился с ним в прошлом году на рождественском приёме в Министерстве иностранных дел.

— Ну, этого быть не могло, мой друг.

— Почему?

— Потому что в прошлом году на Рождество его здесь ещё не было. Он приехал только три месяца назад.

Иорданец улыбнулся. Он, очевидно, задал мне вопрос-ловушку, на который правильно ответить могли только очень немногие знающие люди.

— Ну что ж, теперь я знаю, что Вы были сотрудником Моссад, но как мне узнать, что Вы им сейчас не являетесь?

— Я полагаю, Вы просто должны мне поверить.

— Что Вы можете нам предложить?

— Я могу Вам помочь, поставить Вашу спецслужбу на уровень двадцатого века и одновременно предотвратить те ужасные вещи, которые могут произойти с Вашей экономикой и Вашим королём.

— Когда я сказал слово «король», его лицо стало очень серьёзным.

— Что Вы имеете в виду? Угрожает какая-то опасность королю?

— Да. Не непосредственно, нет ничего такого, что я мог бы сказать Вам именно сейчас. Но есть люди, которые охотно увидели бы его мёртвым.

Воцарилась тишина. Генерал обдумывал услышанное. Молодой человек смотрел на него и ждал, что тот предпримет или скажет. Напряжение нарастало; даже охранники в дверях сделали серьёзные лица.

— Готовы ли Вы полететь в Амман и там кое с кем встретиться?

— В Амман? Вопрос был для меня совсем неожиданным. Амман, столица Иордании, так близко к Израилю и одновременно так далеко от него. Как, чёрт возьми, я попаду туда и вернусь ли я оттуда? Есть ли возможность обойти это? Могу ли я сказать «нет» и при этом достичь своей цели?

Генерал увидел, что я засомневался

— Подумайте над этим. Завтра я целый день буду на месте, и Вы можете мне позвонить и сказать, что Вы решили.

— Если я скажу «да», когда мне надо ехать?

— Я не сказал, что Вы поедете, я только хотел узнать, согласитесь ли Вы с этим. Я должен поговорить об этом с соответствующими людьми.

— Вы будете использовать телефон, говоря обо мне?

— Нет, я буду использовать посольский код.

— Не делайте этого, если не хотите меня убить. Ваш шифр давно раскрыт и Ваши «надёжные» линии — какие угодно, но только не надёжные.

— Что Вы предлагаете?

— Используйте дипломатическую почту или пошлите курьера.

— Это слишком долго.

Я встал.

— Я позвоню Вам завтра и дам Вам ответ. Я, собственно, не вижу проблем. Мне, наверное, нужна парочка гарантий.

— О' кей. Тогда до завтра.

— Ещё кое-что. Позаботитесь ли Вы о том, чтобы моя жажда денег была удовлетворена, если всё сложится удачно?

— Не беспокойтесь. Мы не оставим Вас в вишем положении, если Вы простите мне это выражение. Они заулыбались, но я не смог этого сделать. — Как Вы представитесь, если мы Вам позволим? — спросил генерал.

Я чуть-чуть подумал.

— Иса. Я скажу: «Иса у телефона».

— Итак, до скорого, Иса. — Генерал улыбнулся и покинул кабинет. Молодой человек проводил меня к выходу. — Нужно ли мне вызвать Вам

такси?

Садиться в такси прямо перед иорданским посольством, почти напротив израильского посольства, показалось мне не самой лучшей идеей. — Может, Вы лучше подвезёте меня парочку кварталов?

Мы прошли к его машине, и он подвез меня к ближайшей станции метро. Я дал ему адрес моей гостиницы и номер телефона в номере, на тот случай, если им понадобится быстро связаться со мной.

Затем я быстро вышел из машины и исчез в метро. Мяч покатился; я послал его через середину поля и теперь должен был подождать, что из этого выйдет.

Глава 19.

Эфраим должен был дать мне денег, но по какой-то удивительной причине не сделал этого. Если бы это была нормальная операция Моссад, он смог бы получить деньги в неограниченном количестве от «банк-сайана»³³. Но это не была нормальная операция, поэтому я должен был ждать Эфраима или попробовать получить деньги от людей, на которых я должен был работать.

Эта ситуация показалась мне комичной: с одной стороны я вёл переговоры одновременно с руководством сразу нескольких иностранных разведок, а с другой стороны у меня не было денег, чтобы нормально поесть. Деньги нужно было достать срочно, иначе я действительно окажусь на улице. По моим расчётам денег на гостиницу должно было хватить лишь ещё на пару дней, а что потом?

Я попытался вызвать в себе хорошее настроение и позвонил Белле. Она хотела узнать, что случилось, что я буду делать, и как она может получить деньги. Эфраим пообещал послать ей чек, который выглядел бы, как будто от меня. Я должен был рассказать ей, что это аванс за работу советника по вопросам безопасности, которую я выполняю для какой-то компании.

Не было причин, почему она должна была страдать от недостатка денег. Если бы я работал на Моссад, то она была бы обеспечена, если бы я делал какую-то другую работу, то тоже заботился бы о ней. Но в этой запутанной ситуации Эфраим должен был взять помощь ей на себя.

Как выяснилось позднее, Эфраим так никогда и не выполнил своего обязательства, но тогда я исходил из обратного. Я всегда думал о том, как Белла могла бы справиться с трудностями. Ей мог бы помочь её отец, но я знал, что будет выглядеть довольно плохо, если она попросит его о помощи. Но я не мог ничего изменить, и всё это только не давало мне уснуть.

В три часа утра я решил выяснить, не приставили ли иорданцы ко мне слежку. Я оделся и вышел

³³ «Банк-сайан» — еврейский банкир, считающийся доверенным лицом, который, в случае особой необходимости, обеспечивает деньгами из своего банка людей Моссад. На следующий день деньги ему возвращает соответствующая резидентура после их получения из штаба Моссад.

из отеля. Улицы были пусты, и никто не следовал за мной. Если они и назначили кого-то, то он либо был слеп, либо просто спал.

На следующий день я позвонил в британское посольство и попросил переговорить с известным мне помощником. Я хотел встретиться с ним за пределами посольства и дать ему определённую информацию. Он попросил меня перезвонить ему примерно через час.

Когда я так и сделал, он сказал мне, что не может покинуть посольство для встречи со мной, но готов ждать меня в посольстве в любое подходящее для меня время. Мне стало ясно, что они считают меня опасным и подозревают, что я сотрудничаю с кем-то, кто, возможно, хочет им чем-то навредить. В этот момент я не мог пойти на риск, посещая посольство, потому я сказал ему, что сообщу ему сведения по телефону.

Это был клочок бумаги, который Эфраим оставил мне перед своим отлётом в Израиль. Так как в это время увеличилось число террористических нападений в Европе, спрос на данные о планах и действиях террористов был очень велик, и Моссад в этой области был непревзойдённо плодотворен.

Так как израильские объекты для Моссад были священны, то он был готов сотрудничать со всеми, кто мог бы предоставить информацию о планах терактов против таких объектов.

Постоянный приказ Моссад предписывал всему оперативному персоналу вступать под чужим флагом в контакт с любой террористической организацией. Единственным ограничением было, что встреча должна происходить в надёжном окружении, что значит, что офицер из центра Моссад в Брюсселе собирал сведения о степени опасности тех или иных террористов, а ответственный за оперативную безопасность офицер должен был позаботиться о безопасности встречи.

После того, как контакт был установлен в первый раз, оперативные офицеры получали разрешение идти на любой обмен информацией, который мог бы предотвратить нападение на израильский объект.

Хотя Моссад старательно создавал впечатление, что еврейские объекты так же близки ему, как израильские, этого не было. На самом деле оперативным офицерам бесчисленное количество раз давали понять, что к их работе не относится защита евреев в той или иной стране — это дело властей этих стран.

Никому и ни при каких обстоятельствах не разрешалось «засветить» источник для защиты еврейского объекта, если этот источник в один прекрасный день смог бы дать предупреждение о нападении на израильский объект.

В некоторых случаях были дополнительные ограничения, например, если считалось, что террористы входят в союз с другими группами, которые, возможно, смогут совершать антиизраильские теракты. Ограничение означало, то им нельзя передавать взрывчатку. В таких случаях обмен производился только на уровне общего обеспечения, прежде всего, как обмен документами.

Это всё не было ново для меня. Я это изучал и

соответственным образом обрабатывал запросы в моём отделе. В этой связи была заключена сделка с французской организацией «Action directe» («Прямое действие»).

За сообщения о возможных нападениях на израильские объекты и израильтян они получили в обмен немало прекрасных чистых формуляров британских паспортов. Моссад позаботился о том, чтобы в «Action directe» думали, что они имеют дело с одной южноамериканской группой, которая хочет поменять с Израилем эту информацию на оружие.

«Мёртвый» почтовый ящик для этих паспортов был устроен в одной телефонной будке в Западной Германии. Мы предоставили англичанам право побудить немцев на какие-то действия. Возможно, им следовало бы установить слежку за человеком Моссад и потом арестовать людей из «Action directe», когда последние будут забирать паспорта.

Эфраим не хотел, чтобы в «Action directe» думали, что они обмануты их «южноамериканскими» партнёрами. Если они решат так, то попытаются убить курьера, который на самом деле был офицером Моссад. Потому Эфраим предупредил «Action directe», что бы те не думали, что их заманили в ловушку, и не мстили бы израильтянам из-за того, что те их подставили.

Эфраим, как, кстати, и я, надеялся, что этот случай, даже если Моссад непосредственно, как говорится, не крал овечку, покажется для англичанина очень неприятным. В любом случае, мы знали, что для того, чтобы сломать влияние Моссад на правительство потребуется долгий процесс.

Даже история с паспортами планировалась за месяц. Террористам было объяснено, что нужно время, чтобы всё подготовить. Так было выиграно время, что бы получить сведения и внести свой вклад в сделку.

У англичанина не было слов, когда я ему всё это рассказал.

— Вы хотите войти в контакт с нашими людьми или как?

— Я позвоню Вам через пару дней. Если у Вас будут ко мне вопросы, Вы сможете передать их мне. Если я смогу, то скажу Вам заранее, когда я приду, хотя я действительно не верю, что это получится. Он не ответил. Я заметил, что он сам точно не знает, как ему теперь поступить.

Я повесил трубку и позвонил иорданцу.

— Могу я поговорить с генералом Зухиром? Это Иса.

— Минутку, пожалуйста, господин Иса. По голосу женщины я понял, что она знает, как это важно. — Господин Иса? Это Лоррен. Генерал сейчас будет говорить с Вами.

Это получилось лучше, чем я думал. Я знал, что если бы Муса, мой инструктор по оперативной работе и нынешний шеф службы безопасности в Европе, увидел сейчас меня, то он мной очень бы гордился. Но намного лучше было как раз то, что он меня не видел, иначе я быстро отправился бы полежать в морг с пулей 22-го калибра в голове.

— Алло, Иса, какживаете?

— Хорошо, а Вы?

— Хорошо. Я готовлюсь к Рамадану. Вы это знаете.

— Конечно. Надеюсь, пост будет лёгким для Вас.

— Спасибо. Что Вы решили?

— Что мне сказать? Меня всегда захватывала возможность немного поехать по миру.

— Это означает «Да»?

— Да.

— Великолепно. Я скажу моим людям, а потом мы выйдем на Вас. Мы ещё сможем найти Вас на этом же месте?

— Да. Но у меня почти кончились деньги. Если я вскоре не получу ничего, то мне придётся уехать.

— Куда Вы собираетесь ехать? — Этот вопрос меня совершенно не устраивал, указывая на то, что, возможно, это продлится пару дней.

Прежде всего, я был ошеломлён; меня удивило, как расслабленно, спустя рукава занимаются этим делом. Возможно, я просто привык к очень агрессивной разведке, которая сразу хватается за любую возможность, за любое дело, в конце концов, видя в этом, возможно, шанс для прогресса в личной карьере.

Генерал не относился к такому типу людей. Он был настоящим солдатом, он делал то, что считал правильным, не принимая решений за других людей, не являвшихся его подчинёнными.

Я был раздосадован и даже не старался это скрыть. Мне стало ясно, чего хотел добиться Эфраим, бросив меня в эту ситуацию без денег: я должен был полностью положиться на успех своей миссии. За это я его возненавидел.

— Сейчас я пока не имею понятия, но я попытаюсь решить мои финансовые проблемы как можно быстрее. Я видел, что он не понял, к чему я клоню.

— Я должен зарабатывать деньги на жизнь, а в США я не могу работать. Итак, мне придётся поехать в Канаду и там попытаться что-то найти.

— Скажете ли Вы мне, где я смогу Вас там найти, если ответ затянется?

— Если у Вас не будет ответа перед тем, как я уеду, то просто забудьте об этом. Я почувствовал, что начинаю закипать. Я всё более заводился и поэтому должен был быть теперь очень внимательным.

Я заранее знал, какой опасности я себя подвергаю. Но тогда в посольстве я настолько сконцентрировался на своём поручении, что не придавал этому значения. Я ожидал, что меня встретят с распростёртыми объятиями и сразу посадят за работу. Этого не произошло, и затея становилась просто критической.

Процесс теперь был необратим; информация неслась в Амман, в штаб иорданской разведки. Так как эта информация, без сомнения, относилась к наивысшему приоритету, ею занимались самые высокопоставленные чиновники.

И если Моссад действительно на что-то способен, то он узнает об этом: или от завербованного офицера или от помощника, который на него рабо-

тает. То, что израильский шпион хочет работать на Иорданию, несомненно, будет доложено королю, а при его дворе у Моссад точно есть свои уши.

Учитывая мои сведения, Моссад нужно будет срочно остановить меня. Пока мы здесь разговариваем, там, может быть, уже готовится группа для моего захвата или ликвидации.

— Позвоните мне, когда что-то узнаете. Я надеюсь, я ещё буду здесь.

— Вы позвоните мне перед отъездом?

— О'кей. Я повесил трубку и почувствовал себя так, как будто у меня выбили оружие из рук...

* * *

Звонок последовал следующим утром в 8.30. Это был Зухир.

— Вы готовы ехать?

— Когда?

— Как вы смотрите на завтра, после обеда?

— В порядке. Я поставил условие, что он будет сопровождать меня. Я чувствовал, что он честный порядочный человек и его добровольное сопровождение было важно лично для меня. За то короткое время, что я его знал, у меня создалось впечатление, что он скорее умрёт, чем нарушит слово и запятнает свою честь.

— Я заберу Вас в 12.00 у гостиницы.

— Как долго это продлится?

— Одну неделю? Вас это устроит?

— Конечно. До завтра.

Я повесил трубку и должен был сперва перевернуть то, что сейчас услышал. Я собрался ехать в страну, которую всегда считал врагом, и быть гостем разведки противника. Я должен был перейти на другую сторону, именно это я и делаю.

Если то, что я делал до этого, ещё как-то можно было объяснить, то то, что я хотел сделать сейчас, было совершенно необъяснимо. В этот момент, думал я, Моссад ещё ничего не знает обо мне. Если они бы и знали, то не смогли бы много об этом говорить, чтобы не раскрыть свой источник.

Но я стоил намного больше, чем любой источник, и они не могли позволить мне перейти на чужую сторону. До этого они ещё могли терпеть мои действия, но сейчас они не могут допустить ни в коем случае моего посещения Аммана.

Я сейчас спускался на дно пропасти, из которой, возможно, мне уже невозможно будет выбраться. У меня было двадцать четыре часа, чтобы подготовиться к путешествию, но не было времени обзавестись легендой.

Я принял душ и быстро оделся. Мне нужно было пойти к телефонной будке, чтобы позвонить Эфраиму. Была суббота, и я надеялся застать его. Телефон звонил долго, но никто не подошел. Я не мог звонить из гостиницы, и не было смысла для меня звонить Белле, ведь я всё равно не смог бы рассказать ей, что происходит.

Я решил попробовать позже ещё раз. Время, казалось, остановилось. А если я его не застану? А если они уже ждут меня и это всё ловушка? Я не мог думать спокойно, потому что был сильно взволнован. Как будто бы я с завязанными глазами

шёл по кромке жерла вулкана. Я чувствовал опасность, но не мог её видеть.

В шесть часов вечера я дозвонился до Эфраима. От напряжения у меня уже не было сил.

— Что случилось? По голосу чувствовалось, что он в хорошем настроении, наверняка у него что-то хорошо получилось.

— Завтра я уезжаю.

Пару секунд он ничего не говорил, а затем сказал тихо и медленно:

— Ты имеешь в виду то же, что и я?

— Ну конечно. Мне позвонили сегодня утром. Завтра во второй половине дня я улетаю.

— Будь я проклят. Здесь никто ничего не знает, не имеет малейшего понятия. Даже если ты не поедешь, это самый великий фарс в истории организации.

Я точно знал, что он имеет в виду: миф о том, что Моссад всегда точно и вовремя узнает обо всём, что происходит в арабских странах, не был ничем более, чем мифом. В моём случае, в проклятом Моссаде уже должны были бы выть все сирены тревоги, но никто ничего не слышал. Я глубоко вздохнул, я даже не мог показать, насколько легче мне стало.

— Но ты хочешь, чтобы я полетел?

— Да, в том случае, если ты чувствуешь, что можешь.

— И ты хочешь, чтобы я действовал по плану?

— Да, так, как мы планировали. Если они тебя оставят...

— Итак, я позвоню тебе, когда я выберусь отсюда.

— Я буду ждать тебя. Как долго это продлится?

— Этот человек сказал, что неделю.

— Подумай о том, что там есть и другие люди. И если они посадят тебя в отеле, никуда не высовывайся. У нас, уверен, никого нет в их службе, но у нас точно есть осведомители в палестинских кругах, а эти есть везде. Я всё ещё не верю, что мы об этом ничего не услышали. Он рассмеялся. — Что за куча засранцев. Я сейчас спрашиваю себя, сколько среди наших так называемых агентов ненастоящих.

Я повесил трубку и вернулся в отель.

* * *

На часах было 11.45. Я ждал в холле гостиницы. Я позаботился о том, чтобы мой номер оставался за мной, и чтобы мне приготовили счёт. Ровно в полдень подъехал лимузин и ассистент Зухира, высокий худой мужчина, зашел в холл и поздоровался со мной.

— Вы готовы?

— Да, но нужно ещё урегулировать дела с гостиницей.

— А в чем проблема?

— У меня нет денег и мне нужно сохранить номер за собой до моего возвращения. Я говорил об этом с генералом.

Он вернулся к машине и принес кредитную карточку генерала.

— Генерал сказал, что я могу за всё заплатить по этой карточке.

— Им нужна будет подпись.

— Я распишусь за него. Выходите к машине.

Я вышел. Зухир сидел на заднем сидении. Его почти нельзя было узнать, только его улыбка была видна отчетливо.

— Ахалан в'сахалан, мой друг, — поприветствовал он меня и протянул мне руку. — Как Ваши дела? — улыбнулся я ему в ответ. Этот человек просто не мог не нравиться.

— Сначала мы летим в Нью-Йорк, а оттуда в Амман. Я провёл все подготовительные мероприятия. В аэропорту нас встретят. Всё будет хорошо.

— Знаете ли Вы людей, которые встретят нас в аэропорту?

— Это все мои друзья, люди, которым можно доверять. И вот. Он дал мне мои авиабилеты. Они лежали в конверте, украшенном иорданской короной и надписью «Алия» на английском и арабском языках. Это вряд ли было то, что я должен был показывать всем в аэропорту, по крайней мере, не в нью-йоркском «Кеннеди-Эйрпорт».

— Не могли бы Вы хранить это у себя? Я вернул ему конверт, а билеты положил в свой карман. Он улыбнулся: — Вы, шпионы, должны учитывать всё.

— Конечно, если мы не хотим болтаться на виселице.

— Не волнуйтесь, друг мой. Я с Вами. Никто Вас не тронет.

Я улыбнулся в ответ.

— Вас не затруднит высадить меня у входа отеля «Шератон»? Того, что в аэропорту?

— Конечно, нет. На его круглом лице появилась тень осторожности. Он немного растерялся и пытался узнать, для чего мне это нужно.

— Я хочу оттуда взять такси до аэропорта. Мы не знаем, в конце концов, кого мы там встретим, и я не хочу, чтобы кто-то увидел, как я сажусь в самолет вместе с самым старшим по званию иорданским офицером в США. Вы согласитесь со мной, что это не самая лучшая идея.

— Об этом мне самому стоило бы подумать. Вы абсолютно правы. А как в нью-йоркском аэропорту? Как мы поступим там?

— Мы ведь летим первым классом? Я взял билет и посмотрел на него.

— Да, конечно, — сказал Зухир.

— Тогда мы встретимся в зале для отъезжающих авиакомпании «Алия». Где он?

— У «Алии» нет своего зала, но мы воспользуемся залом «Эйр Франс». Там в этот момент не будет полёта, так что, мы будем там одни. Я имею в виду, конечно, исключая людей, вылетающих в Амман.

— Тогда мы увидимся там. — Я посмотрел в окно.

Зухир приказал водителю остановиться у отеля «Шератон». Потом его помощник что-то ска-

зал по-арабски, и Зухир повернулся ко мне.

— Вы знаете, где находится зал «Эйр Франс»?

— Кажется, нет.

— Вы знаете, где касса «Эль-Аль»?

— Да, — сказал я, немного подумав.

— Ну вот, а касса «Эйр Франс» находится в том же ряду, а её зал напротив. Значит, когда мы направимся в наш зал перед вылетом, нам надо будет пройти мимо окошка «Эль-Аль». Он озабоченно посмотрел на своего ассистента, а потом спросил меня: — Что Вы предлагаете?

— Ничего. Мы встретимся в зале, а потом пойдём к самолёту, когда придёт время. Что мы ещё можем сделать?

Машина остановилась под большим козырьком перед входом в «Шератон», и я вышел. Водитель вытащил из багажника мой чемодан. Не оборачиваясь, я вошел в гостиницу. Там я подождал несколько минут, затем снова вышел и подождал первое такси из ряда в конце ramпы.

Мои друзья из Моссад никогда не смогли бы так подстроить, чтобы такси ждало меня там. Для этого им просто не хватило бы времени. Если бы кто-то следил за нами, в чём я сильно сомневался, то эта остановка в гостинице их совсем бы запутала. Иногда это кажется ребячеством, эта игра в «кошки-мышки», но когда речь идёт о твоей жизни, ты уже не находишь это смешным.

Каждый ход, который ты делаешь, чтобы сбить со следа преследователя, может стать божьим знаком и подарить тебе достаточно времени, чтобы спасти свою жизнь. В моей работе были моменты, когда я был уверен, что «чист» и спокойно принимался за дело. Однако я держал глаза открытыми и, в конце концов, устанавливал, что за мной всё-таки был «хвост», которого я не вычислил.

Поездка на такси продлилась только 15 минут, но выяснилось, что манёвр стоил того. Когда я подал билет и паспорт сотруднику службы безопасности аэропорта, я почувствовал, как кто-то взял меня за плечо. Я был уверен, что это Зухир или его помощник, которые хотят мне что-то сказать. Я не хотел оборачиваться и говорить с ними, потому что это разрушило бы все отвлекающие манёвры, принятые нами.

— Вик! — Теперь я услышал голос. Я узнал его, это был голос из другого мира, из другой жизни. Я обернулся и увидел широкую улыбку. — Вот так случай!

— Ролли! Как поживаешь?

Я поставил чемодан и протянул ему руку, которую он крепко пожал. Он был моим хорошим другом, мы проводили много времени вместе и много беседовали о Боге и о мире. Я никогда не работал вместе с Ролли, он был офицером связи по линии «Liaison», а я оперативным офицером-разведчиком. Но мы встречались часто, когда были в штабе. Он поддерживал связь со спецслужбами скандинавских стран, когда я работал в датском отделе.

— Я слышал о твоей неудаче. Мне очень жаль. Его голос звучал искренне.

— Такова жизнь. А как твои дела? Он был

сейчас офицером связи Моссад в ЦРУ, и я знал, что он не раскроет мне всю свою душу, но всё же спросил. О чём я ещё мог с ним сейчас говорить? Я стою здесь, по пути в Иорданию и с билетом Королевской Иорданской авиакомпании в кармане, и кого я встречаю?

— Ничего нового, всё, как обычно.

Я подумал о бригадном генерале, который продавал оружие иранцам. Я почувствовал себя в какой-то мере виноватым, ведь это я по поручению Эфраима позвонил в ФБР.

— Как поживает Бар-Ам?

— Кто? Ролли, дылда высотой в 1.90 м, нагнулся ко мне, чтобы лучше расслышать.

— Аврахам Бар-Ам, генерал, которого они арестовали из-за сделки по оружию для Ирана или что-то вроде этого.

— А что с ним?

— Вы что, не помогаете парню выпутаться? В конце концов, он же на нас работал.

— Я думал, ты уже не участвуешь в вечеринке. — Он ухмыльнулся и подмигнул мне, как будто он думал, что, может быть, то, что он слышал обо мне, неправда.

— Я уже вне игры, но это не значит, что я за одну ночь могу всё забыть. Я тогда много работал для него в штабе. Я думал, что вы вытаскиваете из дерьма того, кого сами туда заташили.

— С каких пор это так происходит? Я никогда не видел, чтобы кто-то, угрожая пистолетом, заставил Бар-Ама заняться этой чертовщиной. Он делал это ради получения прибыли и использовал для этого свои связи. Так, как он задумывал, не вышло, и это его личная неудача.

— Как же они его взяли?

— Не имею понятия. В один день всё шло хорошо, а на другой как с ясного неба сваливается ФБР и всё кончено. Я подозреваю, что кто-то изнутри добился краха сделки. Он, видимо, встал на дороге «Голубого трубопровода»³⁴.

— Это было бы глупо. Тогда американцы подумали бы, что правая рука не знает, что делает левая.

Я хотел, чтобы он подтвердил это. В конце концов, мы ведь действительно провели это маленькое упражнение, прежде всего, именно по этой причине.

— Нет вопросов, что они так и думают. Он заметил, что и так сказал слишком много, что можно было прочесть на его лице, выложил «бывшему», который, может быть, вовсе и не «бывший».

— Эй, Ролли, это я, Виктор. Почему ты волнуешься? Ты точно думаешь, что с тем, что ты мне только что рассказал, я сейчас полечу в Амман или ещё куда-то!

Мы оба рассмеялись. «Голубой трубопровод» состоял не только в продаже оружия иранцам: как

³⁴ «Blue Pipeline» — обозначение израильских поставок оружия Ирану. Однажды по недосмотру оружие было упаковано в светло-голубые контейнеры израильского морского пароходства ZIM. Для перевозки использовались датские суда.

раз в то время Моссад обучал иранских пилотов в Германии. Контакт был налажен западногерманской разведкой BND. Не высокими чиновниками, а на уровне начальников отделов.

Моссад охотно пользовался таким методом; он позволял промежуточным звеньям поставлять информацию и делать карьеру. Шефы были вне игры, их, так называемая, политическая совесть оставалась чиста.

Иранские ВВС состояли в основном из американских истребителей-бомбардировщиков типа F 4D/E «Фантом», который ещё несколько лет назад был основным боевым самолетом израильской авиации. Для иранцев было очень важно обучать своих лётчиков на безопасной территории и получать запчасти для своих быстро уменьшавшихся ВВС.

Израиль охотно влез в это дело, используя немцев в качестве марионеток, — иранцы не должны были признаваться самим себе, что получают помощь лично от сионистского шайтана. Израильские пилоты обучали своих иранских коллег в нескольких местах в земле Шлезвиг-Гольштейн.

На двух аэродромах иранцы осваивали лётное мастерство на двух специально переоборудованных учебно-тренировочных самолётах «Сесна», а на третьем аэродроме их обучали на пяти доставленных из Израиля тренажёрах.

Одновременно запчасти для несущей большие потери иранской авиации транспортировались сухопутным путём из итальянских портов в Данию, где грузились на датские суда. Другие запчасти и вооружение прямо в датских портах перегружались на них с кораблей, взятых Израилем в аренду.

Чиновники земельного Ведомства по охране конституции земли Шлезвиг-Гольштейн прекрасно знали об этих действиях, но им это не мешало, пока не происходило террористических действий, и пока операция приносила им личный доход.

— Посмотри туда. — Ролли показал головой.

— Где? — спросил я и медленно повернулся, чтобы не привлекать к себе внимания.

Ролли никогда не был хорош в оперативной работе. Но ему, как офицеру связи, это и не было нужно.

— Вон тот, в углу, который стоит с высоким парнем.

— Да?

— Это Зухир, военный атташе Иордании. Я спрашиваю себя, что ему здесь нужно.

— Ты хочешь, чтобы я установил с ним контакт и узнал это для тебя?

— Ты бы это легко сделал, старый сукин сын! Он ухмыльнулся. — Лучше держись от него подальше. Нам не нужен международный инцидент, о котором мне пришлось бы писать бесконечные отчёты.

Я знал, что он должен написать отчёт об этой встрече со мной, о том, куда, по его мнению, я ехал и о чём мы, почти дословно, разговаривали. Тот факт, что он узнал Зухира и попытался узнать, куда он летит, не очень ободрил меня. Я постарался не придавать этому большого значения.

— Передай Мусе привет от меня.

— Я не работаю с Мусой.

— Он теперь шеф безопасности в Европе и ты упомянешь меня в своем отчёте, значит, ты сможешь передать ему привет. Поверь мне, он его получит. Кстати, ты прилетаешь или улетаешь?

— Ни то и ни другое. Я встречаю свою жену. Она возвращается из Израиля.

Подошла моя очередь к окошку. Я был рад услышать, как он сказал:

— Вот она. Ну, всё, пока, до свиданья!

Я пожал ему руку и передал билет стюардессе в окошке. Когда я получил свою борт-карту и прошёл контроль безопасности, я встал у выхода и ждал разрешения на посадку в самолёт. Зухир делал вид, будто не знает меня, как мы и договаривались, но я видел по его лицу, как его распырало любопытство узнать, кого это я встретил.

Уже стемнело, когда я после короткого перелёта из Вашингтона в Нью-Йорк прошёл через огромный холл «Кеннеди-Эйрпорт» и вошёл в зал «Эйр Франс» на втором этаже. Зал ожидания «Эль-Аль» был переполнен, и я молился, чтобы никто в толпе не узнал меня.

Я надеялся на то, что самолёт «Эль-Аль» взлетит раньше, чем самолёт «Алия», так что, мне не придётся вместе со всеми вылетающими в Иорданию проходить мимо трёх сотен израильтян, из которых как минимум один гарантированно знал меня.

Зухир был очень заинтригован моей встречей в вашингтонском аэропорту и нашёл мой рассказ весьма забавным.

— Именно здесь и именно сейчас встретить друга! Он начал смеяться. — Судьба, вот, что это такое. И здесь мы ничего не сможем изменить. Мы в руках Аллаха и подчиняемся его воле.

— Я только надеюсь, что он сегодня в хорошем настроении. Я ещё не перевалил через вершину горы, как говорят у нас.

— У нас так не говорят. Он снова засмеялся, будучи точно в хорошем настроении. В конце концов, он возвращался домой с трофеем. С израильским разведчиком. Я мог себе представить, как он чувствует себя, мне стоило просто вообразить, что чувствовал бы я на его месте, уведя с собой человека такого масштаба, как он. Я точно воспарил бы к облакам.

Более часа мы оставались в зале ожидания. Наконец-то была объявлена посадка.

— Вы знаете? — спросил я его тихо, — улетел ли уже самолёт «Эль-Аль»?

— Нет. Он взлетит примерно через час. Он знал, о чём я думал. — Не хотели ли бы Вы как-то переодеться или ещё что-то?

— У Вас есть ещё одна кафия?

Он открыл свой «дипломат» и дал мне красно-белый головной платок.

— Этого достаточно?

Я намотал платок себе на голову, так что моё лицо со стороны нельзя было узнать. Мне стало намного легче.

— Спасибо, так всё в порядке.

Когда мы проходили мимо израильского зала ожидания, почти все пассажиры там устали сидеть на нас. Не каждый день им приходится видеть врага так близко. В толпе я узнал одного своего друга из Холона и был уверен, что он меня тоже узнал. Но это уже не играло роли: если он не работал на Моссад или на «Шабак», он никому не мог бы об этом рассказать.

Кроме того, он знал, что я выполняю какую-то секретную работу, и он подумал бы, что так я поступаю именно по своей работе. Я знал, что он просто будет ждать дня, когда мы встретимся с ним где-то на улице в Холоне. Тогда он мне рассказал бы, что видел, как я садился в самолет в Иорданию, и что он был таким хитрым, что сделал вид, что не заметил меня, чтобы не разрушить мою легенду.

Наконец мы сели в самолёт, принадлежавший итальянской «Алиталии» и выполнявший чартерный рейс для иорданской авиакомпании «Алия». Когда самолёт взлетел в воздух, я понял, что пути назад действительно нет. Следующая остановка — Амман.

Глава 20. Вторник, 20 мая 1986 года. Амман

В конце долгого полёта медленно стемнело. Я смог видеть землю, когда самолёт слегка накренился на бок. Когда мы пролетали над береговой линией, у меня ёкнуло сердечко. Пилот объявил, где мы находимся. Но я и так знал, где мы. Серая земля под нами, освещаемая последними лучами заходящего Солнца, была Сирия.

Всё становилось ещё непонятнее: здесь сижу я, израильтянин, в салоне первого класса самолёта Королевской Иорданской авиакомпании и пролетаю над Сирией в сопровождении военного атташе Иордании в США. Многие уже точно спорили бы о том, кто именно меня повесит, если бы они узнали, что я намереваюсь сделать.

Несколько минут спустя самолёт снова развернулся и пошёл на юг, по направлению к Амману. Мы облетали Израиль. Из окна я видел, как солнце садилось за горами Моав. Я был так близок к Белле и в то же время, так далёк от неё и детей, как никогда в жизни. Выражение «гора тьмы» открылось для меня в новом значении.

Когда мы приземлились в аэропорту «Королева Алия» южнее Аммана, было уже совсем темно. Как только самолёт остановился, стюардесса, которая с большим рвением обслуживала нас весь полёт из Нью-Йорка, и стюард отделили нас от других пассажиров.

— Они следят за тем, чтобы никто не вышел из самолета, пока мы не покинем аэропорт, — объяснил Зухир и показал на выход. Мы единственные покинули самолёт. Зухир пожал руку лётчику, стоявшему у трапа, который сиял так, будто он встретил самого короля.

В конце прохода нас встретили несколько офицеров в парадных мундирах, которые встали по стойке «смирно» и отдали честь моему сопровож-

давшему. Было заметно, что офицеры так поступали не только из-за звания генерала: очевидным было их восхищение им.

Нас быстро провели через маленький терминал. Мой паспорт был у Зухира, и в нём не поставили штампель о въезде — нормальный подход в нашем деле.

Затем мы попали в большой зал для VIP-гостей, где нас, прежде всего, конечно, Зухира, приветствовала большая группа офицеров в форме, большинство в звании полковника, было даже несколько генералов.

Пока Зухир разговаривал с ними, я оставался немного в стороне. Высокий, стройный черноволосый господин с чёрными усами подошёл ко мне, дружелюбно улыбаясь.

— Для меня большая честь познакомиться с Вами, Иса. Называйте меня Альберт.

Я улыбнулся и пожал ему руку.

— Рад познакомиться с Вами, Альберт.

— Вы говорите по-арабски, друг мой?

— Боюсь, что нет.

— В этом случае, я надеюсь, Вы простите мой плохой английский и позволите спрашивать Вас о значении слов, если я их не пойму.

— Нет проблем, — ответил я. — Но, как я слышу, Вам не нужно просить прощения за свой английский.

— Вы очень добры, — улыбнулся он.

Я не хотел начинать игру в имена с ним в этом чужом месте, пока не познакомлюсь получше с правилами игры. Улыбка может быть очень обманчива и скрывать огромный цинизм. Я держал Зухира в поле зрения. Его личная гарантия моей безопасности и чувство доверия, которое я испытывал к этому человеку чести, привели меня к тому, что я решился совершить это путешествие.

Я не хотел терять моего хранителя. Зухиру я доверял прежде всего потому, что он был военным, а не сотрудником спецслужбы. Если он потеряет меня из виду, то я не сомневался, что могут произойти такие вещи, которые он уже не сможет исправить, а система сожрает для него подходящую историю для успокоения его совести. Такого не должно было случиться со мной.

Когда я поймал взгляд Зухира, то сразу незаметно сделал ему знак в сторону Альберта, как бы спрашивая, могу ли я доверять этому человеку. Зухир кивнул, улыбаясь, оставил группу офицеров и подошел к нам.

— Этот человек привезет Вас в отель и будет заботиться о Вас. Я знаю его, он лично отвечает предо мной за Ваше благополучие. Он положил мне руку на плечо. — Добро пожаловать в Иорданию. Затем он снова вернулся к своим офицерам.

Альберт вывел меня из аэропорта в тёплую ночь. Там стояли несколько машин и около десяти человек в штатском. Когда мы приблизились, один из них открыл для нас дверь второго автомобиля в ряду. Маленький конвой проехал около 20 минут через местность, напомнившую мне пустыню Неgev.

Машина остановилась перед гостиницей «Ри-

дженси Плэйс» в Аммане. Я мало что увидел в городе по дороге, но мне показалось, что там почти нечего было смотреть.

Это не был город в американском смысле слова, с высокими домами и неоновыми вывесками. Это была скорее большая деревня, как мне показалось. Альберт объяснил, что в городе мало что происходит из-за Рамадана, но и в другие месяцы жизнь в городе не была особо кипучей.

К моему величайшему удивлению, нет, даже к ужасу, номер для меня был забронирован на мою настоящую фамилию, хотя я всё время был «Иса». Мне дали ключ от номера на восьмом этаже. Альберт провёл меня к лифту и сказал, что через пару часов он вернётся с ещё парой человек, которые хотели бы поговорить со мной. Он предложил мне немного отдохнуть, но я мог бы заказать себе что-то из еды.

— Я думаю, Вы должны оставаться в своём номере, пока всё не урегулируется.

— Как произошло так, что меня зарегистрировали под настоящей фамилией?

— Я не знаю. Я не давал никаких инструкций по этому поводу. Человек, который их дал, придет позже со мной. Вы сможете спросить его. То, что они сделали такой прокол, который может стоить мне жизни, казалось, мало затронуло Альберта.

— Какое у Вас звание? — спросил я, когда он хотел уходить.

Он смущённо повернулся ко мне.

— Зачем Вы хотите знать это?

— Это просто приятней, знать друг о друге, кто в каком звании. Это, конечно, была чепуха, но люди в военных организациях именно так и думают. Это был выстрел в никуда.

— Я капитан. А Вы, например кто? — спросил он меня с легкой иронией.

— Полковник. Его глаза слегка расширились. Я знал, что это подействовало, была создана маленькая иерархия. — И ещё.

— Да?

— Мне нужен номер телефона или что-то подобное на случай необходимости.

— Простите, да, конечно. Он взял маленький листок бумаги, и что-то написал на нем. — Вот, это номер штаба полиции безопасности. Я там буду через десять минут. Вы можете спросить Альберта. Но я, как я уже сказал, вернусь через час.

Номер был во многом очень похож на тот, который я оставил в Вашингтоне, за исключением телепрограмм. Я надеялся, что здесь можно смотреть израильское телевидение, но это не вышло. Но зато по радио я мог слушать «Голос Израиля» и другие станции, включая «Голос Мира» Алиби Натана.

В номере стояла корзина с фруктами, а вид на пустыню был великолепен. Воздух был тёпл и сладок. Я принял душ и заказал в номер ужин, включавший «хумус» и «куфту». Я сидел за маленьким сервировочным столиком, который прикатил официант, когда в дверь постучали.

Прошло чуть больше часа с того времени, когда Альберт оставил меня у лифта. Я встал и подошел к двери. Через глазок я увидел Альберта и вто-

рого мужчину. Я открыл и вернулся в комнату. Вошли Альберт и ещё три человека. Двое, очевидно, стояли сбоку, так что я не мог их увидеть.

Мы пожали друг другу руки, приветливо улыбаясь, затем сели за маленький кофейный стол у двери на веранду. После того, как они представились, вошедшие настояли на том, что я должен закончить трапезу. Я предложил им тоже заказать что-то из еды. Они ответили, что поступят так, когда к ним присоединится их друг Фадлаль.

Они спросили, могут ли они здесь курить, и уже через десять минут комната была полна табачного дыма. Казалось, они все курили «Мальборо». Я остался верен своему «Кэмел».

Один из новых гостей был молодой парень, лет двадцати пяти, очевидно, помощник полного мужчины в тёмном костюме, с как бы наклеенной улыбкой на лице. Третий выглядел как старший брат Альберта, с серебристыми волосами и в очках с золотой оправой.

По их выправке и поведению было видно, что они офицеры. Я вежливо убрал в сторону остатки еды и сказал, что поел в самолёте и не голоден. На самом деле, я очень хотел есть, но мне хотелось начинать дело с установления дружеских отношений, а потом уже поесть вместе с ними.

— Итак, Иса, — начал полный мужчина и провёл рукой по усам. В этот момент я заметил, что у нас всех были похожие усы, только пожилой мужчина, похожий на Альберта, носил более длинные усы в английском стиле, их острые концы закручивались вверх.

— Я прочел отчёт, который прислал Зухир, — продолжал толстяк, — я думаю, что нам нужно поговорить о столь многих вещах, что даже не знаю, с чего мы начнём. Как Вы думаете, что нам стоит сделать в первую очередь?

— Ну. Я взял сигарету. — Я порекомендовал бы сначала пройтись по тому, что я не смогу сделать для Вас, чтобы у Вас не было ложных ожиданий, которые я не оправдаю.

— Это звучит логично, — сказал человек с острой бородкой и посмотрел на пожилого. — Что же, по Вашему мнению, мы можем хотеть узнать от Вас, в чём Вы не сможете нам помочь?

Я видел, к чему он вёл. Это была очень хорошая тактика. Одна из самых больших опасностей состоит в том, что при допросе соответствующего лица что-то выбалтывают о самом себе, что это лицо ещё не знает. Они прекрасно владели этой тактикой и ничего о себе не раскрывали.

— Сначала, я полагаю, Вы захотите узнать, есть ли у Моссад агенты в Вашей среде и кто они.

— Это верное предположение, — сказал молодой.

— Итак, я могу сказать Вам, что если верить отчётам, в Вашей системе много агентов, в основном в оперативных отделах. Благодаря структуре Моссад, я не могу ничего узнать о них, если они не мои агенты. Я могу сказать Вам, что я никогда не занимал соответствующую позицию, потому я не могу Вам в этом помочь. Но в этом плане я смогу Вас успокоить, если скажу, что офицеры спецслужб не считаются хорошими объектами вербовки и ред-

ко попадают под прицел Моссад.

— И почему так? — спросил толстяк.

— Потому что они подозрительны и всегда настороже. Они хорошо знают используемые приёмы, и когда их вербуют, то они часто не располагают информацией, важной для создания полной картины. Обычно они больше знают о Моссад, чем о своей собственной стране. Другими словами, результат не оправдывает затрат.

В дверь постучали. Все повернулись, и я уже хотел встать, когда вместо меня к двери пошёл Альберт.

— Итак, Вы говорите..., — начал молодой человек, как будто желая поддерживать беседу. Я повернулся к нему. — Я говорю, что не смогу помочь Вам с именами.

Я услышал, как открыли дверь, и они о чем-то кратко поговорили у двери, причем мне показалось, что Альберт пытается успокоить чей-то разбушевавшийся голос. Я заметил удивление у людей за столом. Пока я успел повернуться, я почувствовал, как что-то твёрдое упёрлось в мою голову.

Сильная рука сжала мне шею. Человек что-то сказал по-арабски, что смахивало на приказ. Голос был сердитым. Я почувствовал, как вся кровь отлила у меня из верхней половины тела, и как меня бросило в холодный пот.

— Что, чёрт побери, здесь происходит? — закричал я, не шевелясь.

Мне показалось, что это малокалиберная винтовка, но даже 22-го калибра на таком расстоянии хватило бы, чтобы раздробить мне голову. Я имел ни малейшего понятия, что происходит, и в этот момент точно даже не хотел знать. Или я это скоро и так узнаю, или меня застрелят, тогда это уже не будет играть никакой роли.

Альберт переводил, напрасно пытаясь передать ту же жесткость голоса, что у человека с оружием.

— Он говорит, что Вы агент Моссад и что Вы хотите провести нас.

— Нет никакой тайны в том, что я пришел из Моссад. Я попытался преодолеть дрожание в голове. Я заметил, как окаменела от страха моя нижняя губа. — Я думаю, если бы я им не был, мы бы все здесь не сидели.

— Он говорит, что Вы здесь, чтобы перехитрить нас, он считает, что знает об этом от хорошего источника.

Вот и всё со мной. Или он блефует или у него действительно в руках что-то есть, и в этом случае я ничего не смогу сделать. Так как я был здесь не по заданию Моссад, я не мог рассчитывать на политический спасательный круг.

Если Моссад получит меня в свои руки, он сделает со мной то же, что и иорданцы, и никто не скажет даже слово против. Я засунул в рот сигарету, которую только что вытащил и еще не успел зажечь, повернул глаза к Альберту и сказал:

— Скажите Вашему человеку, что он должен или пристрелить меня или дать мне прикурить, одно из двух, но побыстрее. Мне нужно закурить.

Все в комнате рассмеялись, даже горилла с

пушкой. Это был Фадлаль. Он заткнул пистолет за пояс и представился мне. Протягивая мне руку, он сказал с ухмылкой:

— Это была моя работа — проверить Вас, понимаете? Вы не сердитесь на меня, я надеюсь?

Я крепко пожал его руку.

— Ни в коем случае. Вы делаете Вашу работу, а я делаю свою. Из кармана он вынул зажигалку и дал мне прикурить.

— Можем ли мы здесь достать что-то перекурить? — спросил громко Фадлаль. — Почему вы просто не закажете еду в номер? — предложил он Альберту.

Когда Альберт пошел к телефону, чтобы сделать заказ, Фадлаль снова обратился ко мне:

— Завтра мы увидим, можем ли мы Вам действительно доверять. Мы оба совершим экскурсию на один день и потом будем знать это точно.

— Куда мы поедем?

— Это мы увидим завтра. Сейчас мы поедем. Он открыл маленький бар в комнате. — И кое-что выпьем.

— Я хотел бы текилу, если она здесь есть.

Всего было более чем достаточно, и мы выпили, только толстяк и его ассистент отказались пить по религиозным мотивам.

— Итак, Иса, что мы можем сделать против агентов Моссад в наших рядах?

— Вы можете их выследить.

Эфраим много раз прорабатывал это со мной; мы ничего не хотели выдавать им, что они не смогли бы вычислить сами. Это был нормальный образ действий, мимо которого просто нельзя было пройти. Но так как это шло от меня, то они воспринимали так, будто слышали голос из пылающего куста.

Если они будут следовать этой процедуре, то агенты скоро попадают с тех немногих деревьев, которые растут в их пустыне, что, без сомнений, сделает необходимой новую оценку руководства Моссад.

— Итак, — спросил Альберт и отхлебнул бренди, — как, по Вашему, нам следует действовать?

— Сначала Вы должны определить группу, к которой они относятся. Я хочу сказать, что есть разные типы агентов. Один, это стационарный, базисный тип, который делает обычную подчинённую работу в больнице или в пожарной охране. Он может передавать, так называемые, тактические сведения.

Например, если в больнице проводятся мероприятия по подготовке к приёму раненых, причём увеличивается число больничных коек, или если пожарная охрана призывает резервистов, это для нас — первый признак того, что страна переходит в состояние повышенной готовности.

Чтобы выловить их, Вы должны следующие пять лет заниматься тем, что расспрашивать и выпытывать людей. Результат будет ничтожным, ведь многие люди даже не знают, что они делают.

Они смотрели на меня и кивали; до сего момента я не сказал им ничего нового.

— Ещё есть агенты на втором уровне. Они работают на государственной службе, например в Министерстве иностранных дел, дипломаты и т.п. Их тоже тяжело выследить.

На самом верху мы находим офицеров вооружённых сил, которых мы завербовали и которые работают на нас. Это самая важная группа и разоблачить их легче всего.

— И как это сделать? — спросил толстяк и нагнулся вперёд, его лицо стало розовым.

Я почувствовал, что поймал его на крючок. Я сказал бы ему точно, что нужно для этого делать, но вспомнил, что втолковывал мне Эфраим: «Ты там, чтобы заработать деньги, не забывай это».

— Ну да, я охотно помог бы Вам, но у меня есть маленькая проблема.

— А именно? — спросил Альберт быстро, готовый решить её тут же.

— Что мне будет с этого? Я пришёл сюда с хорошей целью и хочу узнать, сколько Вы готовы заплатить.

Фадлаль улыбнулся. Он положил руку на свой пистолет.

— Первое, что Вы сегодня уже получили, это Ваша жизнь, мой друг.

— Это чушь, Вы сами точно знаете. Я прибыл сюда под защитой честного слова Зухира, и пока Вы не сможете доказать, что я не тот, за кого себя выдаю, эта беседа могла бы состояться и в Вашингтоне. Здесь преимущество не на Вашей стороне, мой друг. Я помолчал и оглядел всех.

— Сколько Вы заплатите?

— Сколько Вы хотите? — спросил мужчина, выглядевший, как брат Альберта.

— Я хочу круглую сумму и содержание на целый год, а потом мы сможем снова переговорить.

— Что означает «круглая сумма»? — спросил молодой человек.

— Двадцать тысяч американских долларов. В качестве карманных денег, как говорится. Я знал, что мог бы потребовать в десять раз больше, но я хотел облегчить им эту задачу. — И по пять тысяч в месяц.

— Вы хотите остаться здесь в Иордании?

— Нет, я улечу через неделю, как мы заранее договорились, и буду выполнять решения, которые мы примем здесь.

— Если мы согласимся, что Вы сможете предложить нам взамен? Альберт хотел взять побыстрее дело в свои руки и завершить его, это можно было прочесть в его глазах. Он мог бы стать ведущим офицером разведки при мне, и эта работа забросила бы его на самую верхушку организации. Он хотел меня и он хотел это твёрдо знать и действовать так, чтобы меня получить.

— Это зависит от того, что Вы хотите. Я могу помочь Вам создать систему, которая помешает каждому вербовать Ваших людей. Она поможет Вам поймать тех, кто уже завербован и гарантирует почти с полной уверенностью, что те, кого Вы не поймали, уйдут сами. Это мог бы быть первый шаг.

— Значит, есть и следующие? — Фадлаль

сверлил меня своими маленькими чёрными глазками, будто хотел увидеть меня насквозь.

Этот человек не верил мне и хотел быть тем, кто разоблачит меня. Судя по тому, как он смотрел на меня, я был уверен, что он найдёт метод для этого. Возможно, уже на следующий день.

— Да есть и другие. Когда Вы защитите свои тылы, Вы должны перейти в наступление. Я имею в виду, начать активно вербовать израильтян. В качестве базы Вам сначала понадобится хорошая военная экспертиза, а потом Вам откроются небеса.

— А как с вербовкой палестинцев? — спросил молодой человек.

— А что с ней?

— Если мы захотим вербовать палестинцев, сможете ли Вы нам в этом помочь?

Все глаза уставились на молодого человека. Он сразу почувствовал, что совершил ошибку. Я посочувствовал парню; он обратил моё внимание на одну из их проблем, о которой я не должен был узнать. Я решил помочь ему выбраться из этой ситуации и разрядить атмосферу.

— Очень весело. Что это, вопрос-ловушка? Что последует за этим, Вы снова вытащите пистолет? Я и вербовка палестинцев! Вам нужна для этого моя помощь? За кого Вы меня принимаете?

Молодой человек заметил, что мягко приземлился, и улыбнулся.

— Никогда нельзя быть достаточно осторожным, правда?

Я сменил тему.

— О'кей, что Вы думаете, мы заключаем сделку, или Вам ещё нужно поговорить с Вашими боссами? Я увидел, что наступил этим на мозоль толстяку. Он, видимо, был очень высокопоставленный офицер, если даже не сам глава иорданской разведки. Хотя я короткое время и работал в иорданском отделе, я почти ничего не знал об иорданской спецслужбе. Сейчас я очень сожалел об этом.

— Двенадцать с половиной тысяч долларов карманных денег, — сказал толстяк с окаменевшим лицом. Перманентная улыбка исчезла. — 3500 долларов в месяц в течение шести месяцев, затем мы проведём новые переговоры. Вы можете это принять или оставить. Мы завтра вечером поговорим с Вами, если Вы еще будете здесь.

Он встал и сделал знак своему помощнику.

— А кроме всего прочего, мой друг Иса, я желаю Вам приятного времяпровождения в Иордании и, если Вы решите принять наше предложение, то желаю Вам счастливой дороги домой.

Я пожал ему руку, и он пошёл к двери. Молодой человек отдал честь и последовал за толстяком. Чуть позже попрощался и «брат Альберта». Фадлаль встал с улыбкой:

— Я завтра заберу Вас в половине седьмого утра. Одевайтесь полегче. Он закурил и выронил на стол почти полную пачку. — Как я вижу, у Вас почти не осталось сигарет. Позвольте мне предложить Вам свои.

— Спасибо. Они мне понадобятся. Он пошел к двери и, помолчав, бросил: — Не выходите из отеля и хорошо закройте дверь.

— Хорошо, — сказал я, но он меня уже не слышал. Что этот сукин сын приготовил для меня на завтра? Альберт уселся в большом кресле, в котором до этого сидел толстяк. — Мы должны поговорить с Вами, — сказал он, и в его голосе звучала озобоченность.

Я откинулся на спинку кресла напротив и открыл новую маленькую бутылочку текилы из минибара. — Что у Вас на душе? В этот момент я, в общем-то, был собой очень доволен, потому что, по моему мнению, хорошо провёл дело в соответствии с обстоятельствами.

— Меня назначили к Вам. Я имею в виду, я теперь Ваш... — он запнулся, подыскивая подходящее слово.

— Оперативный ведущий офицер, «групповод», оператор, «куратор», «катса»?

— Да, точно. Показалось, что ему стало легче от того, что я знаю, о чём идёт речь. — Я знаю, что Вы пришли из очень опытной разведки, но сейчас Вы работаете со мной. Мы будем работать по моему и в моём темпе. Мы будем работать вместе, а не друг против друга. О 'кей?

— Подождите, Альберт, Вы мне нравитесь, и это правда, что я прибыл из очень опытной разведслужбы, но Вы не мой босс и я не буду с Вами работать по Вашему. Я покинул Моссад не для того, чтобы мной командовали. Есть вещи, которые я смогу делать для Вас, а другие — не смогу. Если Вы что-то хотите, то просто попросите об этом. Я поднял бокал. — За короля!

— У нас, — сказал он свирепо, — этим не шутят.

— Это вовсе не шутка. Что же Вас так беспокоит, Альберт?

— Это из-за Фадлала. Он не доверяет Вам, а я не хочу, чтобы он сделал Вам что-то плохое. Этот тип немного сумасшедший — под каждой кроватью ему мерещатся шпионы.

— Что же Вы предлагаете делать?

— Просто будьте осторожны, это всё. Я не хочу, чтобы с Вами что-то случилось, и чтобы Зухир взял меня за горло.

Психологическая игра, в которую они играли, была неплоха — немного грубовата, но совсем не плоха. Альберт был хорошим полицейским, а Фадлаль — плохим полицейским. Сказав мне, что я должен быть осторожен, он сделал плохое ещё хуже.

Чтобы сделать всё ещё ужаснее, он показал мне, что со мной что-то может произойти, даже если я нахожусь под защитой Зухира — он знал, что моё ощущение безопасности основывалось на роли Зухира, как моего защитника. Мне стало ясно, что это игра, но это всё равно действовало, по крайней мере, после нескольких бутылочек текилы и страстного желания уснуть.

— Я буду осторожен. Я думаю, что сам в этом сильно заинтересован.

— Я в соседнем номере, если Вам что-то понадобится. Альберт встал. — Вы не хотите, чтобы я помог Вам вытащить эту штуку из номера? Он показал на столик на колесиках с остатками еды на

нем.

— Оставьте. Я сделаю это завтра рано утром. Можете Вы позаботиться о том, чтобы меня, скажем так, разбудили в половине пятого?

— Конечно. Он пошел к двери.

— Как Вы думаете, куда мы поедем так рано?

— Не имею представления, но куда бы Вы ни поехали, берегитесь его. Он полон неожиданностей. Я знаю его, он был бы счастлив засадить Вас, даже если он знал бы, что Вы невиновны

— Что же Вы хотите этим сказать?

— Будьте осторожны.

— Вы думаете, Зухир знает, что мы делаем завтра?

— Я не думаю. Фадлаль подчиняется только шефу разведки. Я только скажу — будьте осторожны.

С этим зловещим замечанием он покинул номер. Я устал так, что у меня болели веки, но не мог уснуть. Я был так близок к Белле, что почти чувствовал её запах, но не имел возможности сказать ей, где я. А если завтра что-то пойдёт не так, и я закончу свою жизнь, как Джон Доу в морге Аммана? Она и дети подумают, что я просто смылся.

От тревоги и волнения я начал терять рассудок. Уже сейчас я стону и растворяюсь в жалости к самому себе, а при этом я вовсе не начинал ещё то, ради чего приехал. Я знал, что буду не в состоянии делать что-то, если я сейчас как-то не поборю свой стресс. Я позвонил в сервисное бюро отеля.

— Чем я могу служить?

— Я хочу позвонить в США. Я дал ей номер отеля «Холидей Инн» в Силвер Спринг, где за мной оставался номер. Меня ошарашило, как быстро прошло соединение.

— «Холидей Инн», Силвер Спринг.

— Это Виктор Островский из номера 805.

— Да, чем могу помочь?

— Я жду сегодня звонка от моей жены. Не можете ли Вы передать ей сообщение?

— Конечно, господин Островский.

— Скажите ей, что я нахожусь в том месте, откуда не могу позвонить ей, но что я позвоню ей, как только вернусь, примерно через неделю.

— А как её зовут?

— Белла.

— О 'кей, господин Островский, будет сделано.

Затем я снова лёг. В тот момент, когда моя голова коснулась подушки, я почти засыпал и очень быстро, но мне показалось, что звонит телефон. Они мне здесь не дадут поспать, подумал я. Это была служба побудки. Сперва я хотел повернуться на другой бок и поспать ещё пару минут. Но я знал, что если поступлю так, то проснусь намного позже. Я не хотел заставлять Фадлала ждать меня.

Я поплёлся в душ и оделся ещё до срока. Я заказал кофе и тост и был почти готов, когда в дверь постучали. Я взглянул в глазок. Это был Фадлаль. Он был особенно доволен этим утром и очень рад, что я уже готов. Я предложил ему кофе, но он отказался и сказал, что на это нет времени и что мы вы-

пьем кофе по дороге или в Иерихоне.

Я не был уверен, что расслышал правильно, возможно речь шла о каком-то кафетерии в Аммане, названном в честь зимней резиденции короля в городе Иерихоне (Эриха).

— Вот. Он дал мне паспорт, британский паспорт.

— Что мне с ним делать?

— Он для Вас. Вы не можете использовать Ваш канадский паспорт, потому что он выдан в Израиле.

— Куда мы едем, что нам нужен паспорт?

— Я же Вам уже сказал — мы попьем кофе в Иерихоне.

Моя кровь похолодела. Если он имеет в виду то, что сказал, то мы должны ехать в Западную Иорданию. Более опасного для меня места не было на всей Земле. Я должен был с фальшивым британским паспортом и в сопровождении офицера иорданской разведки поехать в Израиль и вернуться назад. Это было слишком.

— Ни при каких обстоятельствах, мой друг, Вы не повезете меня в Западную Иорданию. Там я — труп. Я Вам рассказывал, что Моссад хотел направить меня в Южный Ливан, чтобы ликвидировать. А теперь Вы хотите, чтобы я переехал израильскую границу ради какой-то игры? Вы сошли с ума...

— Я не верю ни единому Вашему слову. Я думаю, что Моссад послал Вас, чтобы дезориентировать и запутать нас и послать нас на охоту за предателями, которых вовсе нет. Если Вы тот, за кого себя выдаёте, то Вам нечего бояться. Паспорт в порядке и при пересечении границы у Вас не возникнут проблемы. Бояться должен я — если Вы ещё работаете на Моссад, то я больше не вернусь назад.

— А что, если Вы сам предатель и хотите вернуться в Израиль, захватив туда и меня?

Он что-то сказал по-арабски, и в номер вошли два вооруженных солдата.

— Мы едем. Если Вы не хотите, то я прикажу им пристрелить Вас, и это будет считаться несчастным случаем. У Вас есть выбор: или Вы едете со мной или Вам конец.

— Я еду, но это всё равно не имеет смысла. Что, чёрт побери, из этого выяснится для Вас? Я думаю, если бы я дальше работал бы на Моссад, то мне достаточно было бы предпринять маленькую поездку с Вами, и если мы вернулись бы, то у меня была бы чистая репутация.

Он не сказал ни слова и покинул номер. Солдаты подождали, пока я не последовал за ним, и закрыли дверь за мной. Мы сели в такси перед отелем и доехали до автобусного вокзала в центре города. Город ещё спал. Кроме нескольких торговцев фруктами, которые раскладывали свои разноцветные, радующие глаз товары, никого на улицах не было. Если исходить из запаха, то пекарни уже работали вовсю, и пекли чудеснейший хлеб-«питу», которую можно было купить повсюду.

Автобус был почти полон и, казалось, что я в нём был единственным иностранцем. Я всё ещё не верил, что происходит. Это был, как наихудший

кошмарный сон. Я надеялся, что проснусь в своей гостинице в Аммане или, ещё лучше, в Вашингтоне. Там я позвонил бы Эфраиму и сказал бы, что он должен забыть об этом. Я не хотел провести остаток жизни в камере с крысами где-то в пустыне Негев, живя тайно, как зомби. Я знал, что в случае неудачи, мне предстоит именно такая судьба.

Я попытался вспомнить имя в моём новом паспорте, который я положил в карман рубашки, но не смог. Мне пришлось вытащить документ и снова в него заглянуть. Стивен Эмменс. Как мне запомнить это имя? Я несколько раз повторил его. Я использую адрес, который помнил из одной из моих прежних легенд.

Всё это ничего не значило для меня, если он везет меня в западню. Возможно, что он хочет перевезти меня туда, пока я не показал, как они могут провести у себя чистку, потому что он на самом деле агент Моссад. Это всё выглядело нехорошо.

— Мост короля Хусейна, — объявил водитель, и автобус остановился. Я знал, что это мост Алленби, пограничный переход. На другой стороне я когда-то довольно долго служил, будучи офицером военной полиции. Мысль об этом снова бросила меня в холодный пот. А если меня узнает кто-то из резервистов — военных полицейских на мосту? А если здесь кто-то из людей Моссад ждёт встречи со своим агентом и увидит меня?

Успокойся, сказал я себе. Вспомни ещё раз свою легенду, пока не поздно. Единственное, что нельзя делать перед пограничником или солдатом, проверяющим документы — заикаться. Я нахожусь в однодневной поездке и хочу встретиться с торговцем, чья визитка лежит у меня в кармане. Он ювелир и я тоже занимаюсь этой деятельностью. Мне его порекомендовал его брат в Аммане. Это было всё.

Я был не единственным пассажиром в автобусе, кто чувствовал себя не лучшим образом. Теперь я снова оглядел людей вокруг меня, которые ещё несколько минут назад с удовольствием болтали между собой. Я не обращал на них внимания, занятый своими проблемами. После всей болтовни внезапно установилась напряжённая тишина. Я почти слышал биение сердец.

Мы приближались к месту, которое казалось каким-то тёмным, пугающим. До этого я всегда связывал поездку в Израиль с безопасностью и силой, никогда — со страхом. А теперь я был окружён именно этим чувством. Его можно было прочесть в глазах людей.

Я всегда думал, что в этих глазах — ненависть, потому что не понимал, что у них есть причина бояться меня. Когда я был солдатом, я никому не хотел причинять вред, хотел только делать своё дело. Только если кто-то приезжал со злыми целями, то имел причину бояться меня.

Иорданский полицейский зашел в автобус и провёл короткую проверку. Затем он направил автобус к узкому мосту длиной в 45 метров. Мы ехали медленно, под пристальными взглядами израильских военных полицейских на другой стороне. Я слышал приказы на иврите. «Мешала, проверь тот автобус, а мы проверим этот».

То, что я слышал, было для меня плохой новостью. Автобус остановился, и все должны были выйти. Военный полицейский был резервистом, который должен был отбыть свои 30 и 40 дней военных сборов. Он не выглядел, как человек, желающий выслужиться.

Он только хотел, чтобы прошел еще один день сборов, и приблизилось освобождение. Я знал это чувство, я сам был не раз в таком положении. Он был вежлив и приветлив со мной и с другими пассажирами. Молодой солдат-призывник подтрунивал над ним:

— Почему ты еще не помогаешь им носить чемоданы?

— А ты почему не заткнёшься? — спросил солдат постарше. — Нет никаких причин обращаться с этими людьми, как твоя мать обращается с тобой.

— Не трогай мою мать, сукин сын.

Мимо прошел фельдфебель и рявкнул на них:

— Заткнитесь оба и за работу! День только начался, а вы уже ссоритесь между собой.

Когда я показал свой паспорт, фельдфебель показал мне на маленькую будку в конце длинного защитного козырька, в тени которого стояли столы для таможенного контроля.

— Пройдите туда, пожалуйста.

Он послал меня к кабинке для проверки иностранных туристов. Когда я пошел туда, он прокричал мне:

— Эй Вы, англичанин!

— В чём дело? — улыбаясь, повернулся я к нему.

— У Вас нет багажа?

— Нет, я еду только на пару часов в Иерихон.

— А что Вы будете делать, если мост закроют до того, как Вы вернетесь?

— У меня тогда будут проблемы, не так ли? Почему? Мост закроют сегодня?

— Этого никто никогда не знает.

Я пошел к кабинке. Когда я зашел в маленькое помещение, то увидел, как Фадлала подвергают личному контролю. Внутри молодой солдат задал мне пару вопросов, к которым я был хорошо подготовлен. Я был благодарен ему за то, что он несколько раз использовал моё имя. Я попросил его не ставить в мой паспорт израильский штемпель, из-за чего он поставил его на листок бумаги, который вложил в паспорт.

Часто происходит, что люди, переезжавшие через мост и желавшие так же вернуться, не хотели получать штемпель в паспорт, потому что у них из-за этого возникали проблемы. Выглядело бы странно, если бы об этом не попросил.

— Я желаю Вам приятного пребывания в Израиле, — сказал солдат.

— Я даже не знал, что Западная Иордания считается Израилем, — заметил я.

— Я израильский солдат, а Вы переезжаете через границу, которую я охраняю. Где же, чёрт побери, Вы тогда находитесь? — зло засмеялся он.

— Когда мы были здесь, никто не думал, что

эта земля принадлежит Англии.

— Вот видите? Он улыбнулся с сочувственным взглядом. — Если было бы по-другому, Вы, возможно, всё ещё были бы здесь.

Я перешёл на другую сторону, где ждали такси. Такси заполнилось, и мы поехали по направлению к Иерихону. Фадлаль был последним из сидящих пассажиров. С того момента, как мы сели в автобус, почти три часа назад, мы не сказали друг другу ни слова.

Теперь была уже половина десятого, и мы ехали в Иерихон. В такси было жарко, движение застопорилось из-за пробки. Мы ехали за длинным военным конвоем, перевозившим на низких прицепах танки и бронетранспортёры. Они были замаскированы, но трудно было не узнать танк «Меркава». Вероятно, они возвращались с учений на севере.

Фадлаль начал со мной ничего не значащую беседу. Мы решили вместе пойти в ресторан, который он предложил. Потом он сказал, что приведёт меня в лавку, которую я ищу. Эта беседа должна была удовлетворить любого шпиика или кого-то любопытного со связями с властями, если кто-то из них по непонятной причине будет настроен против меня.

Я ощущал постоянное давление в животе, я знал, что это страх. Фадлаль завёл меня в ресторан, полный израильских солдат. Колонна остановилась, и многие солдаты сидели на большой открытой мраморной террасе, которую от Солнца защищала только виноградная лоза, оплетавшая натянутую сетку.

— Что Вы хотите? — спросил меня Фадлаль, когда подошёл официант.

— Что бы Вы ни заказали, я попробую. — Фадлаль сделал заказ на арабском языке.

— И что теперь, мой друг? — спросил я, потому что думал, что пришло время, чтобы его немного бросило в пот. Итак, ясно, что он не агент Моссад, иначе он давно бы меня выдал. Он был так спокоен, будто находился в центре Аммана, а не на оккупированных территориях, окружённый вооружёнными вражескими солдатами и с человеком, которому он не доверял.

— Мы поедем. Затем я приведу Вас в лавку, которую Вы хотели посмотреть, потом прогуляемся по Иерусалиму и поедем домой.

— Что Вы хотите этим достичь?

— Хорошую еду, приятную прогулку и доброго друга.

— Что Вас сделает таким уверенным, что я тот, за кого себя выдаю? Я имею в виду, если мы вернёмся.

— Я начальник отдела в иорданской разведке. Я слишком жирная рыба, чтобы от меня отказались.

Он даже не понизил голос. Я заволновался, не слышит ли нас кто-то из израильских солдат. Пицца была прекрасной, но я едва мог есть. Я всё ещё думал о маленькой камере.

Всё заглушающая вонь мочи и дезинфекционных средств надолго въелась в мою память. Каждый раз, когда мне угрожала опасность, это воспоминание возвращалось — и это случалось в послед-

нее время всё чаще.

На стойке ресторана стоял телефон. Мне захотелось позвонить домой, эта линия вряд ли прослушивалась. Потом я подумал, не позвонить ли Эфраиму; возможно стоит взять Фадлала? Я прогнал эту мысль из головы. Моссад, в его сегодняшнем виде был намного более опасен для израильского государства, чем когда-либо могли стать иорданцы.

Затем мы поехали к ювелирной лавке, которую я должен был посетить для подкрепления своей легенды. Постепенно я расслаблялся: в этот момент мне не было причины бояться. Этот страх вернётся, когда мы поедem назад и должны будем переехать через мост. Я должен был подумать, что случится, если нас узнают. Я уже подготовил на этот случай план.

Я буду прорываться на юг в Эйлат, а оттуда на иорданскую сторону. Это была единственная возможность вырваться, если что-то пойдет не так. Мы поговорили с торговцем, который считал меня Стивеном Эмменсом, который узнал о нём от брата торговца.

Он показывал мне много украшений, которые, по его мнению, могли бы меня заинтересовать, и дал мне фотографии тех, к которым я выразил интерес. В качестве подарка он подарил мне маленькую золотую брошку в ожидании хороших сделок в будущем. Он не дал нам уйти, пока мы не выпили с ним горячего и сладкого чая и не попробовали приготовленные им самим сладости.

Когда мы покинули лавку, Фадлаль привёл меня к маленькому гаражу немного ниже на этой же улице. В Иерихоне вообще нет больших расстояний. Молодой человек ждал нас там возле Пежо-404 с номером из Рамаллаха.

— Мой друг подвезёт нас немного.

Через несколько минут мы выехали из Иерихона на шоссе на Рамаллах; я часто ездил здесь, когда много лет назад служил в долине Бекаа. Дорога была в лучшем состоянии, но ландшафт всё тот же. Мы проехали около двадцати минут и Фадлаль объяснил мне, что для него эта земля навсегда останется Иорданией, и он здесь никогда не чувствует себя, как за границей.

— У нас здесь много друзей, которые так же лояльны королю, как и до 1967 года, — сказал он. — На самом деле, сегодня даже более чем тогда, ведь они должны рисковать своими жизнями ради Его Величества и поступают так.

Фадлаль постучал пальцем водителю по плечу, показал на развилку и что-то сказал по-арабски. Он повернулся ко мне.

— Там мы остановимся, чтобы выпить кофе и потом поедem назад. Я увидел достаточно. Вы могли десять раз предать меня, и Вы не сделали этого. Я верю Вам. Здесь я должен увидеть нескольких моих людей и передать им деньги. Я, знаете, делаю такую поездку почти каждый месяц.

Этот тип точно гордился своими способностями и своим мужеством. Посещать враждебную страну с такой бесшабашностью! Я почувствовал, что мне стало легче. Теперь мне нужно только вернуться в Амман, и успех моей миссии гарантирован.

За короткое время я достигну такого высокого положения в иорданской спецслужбе, какое никогда до сего дня не занимал ни один израильтянин.

Машина остановилась перед двухэтажным зданием в городе Дир Ярир. В конце короткого ряда домов дети на пыльной площадке играли в футбол за, как показалось, покинутой мечетью. На другой стороне улицы несколько стариков сидели у входа в маленькую лавку в тени зелёной беседки, увитой плющом. Они не обратили на гостей никакого внимания и продолжали пить кофе из крошечных чашечек.

Мне показалось, что я брожу по картинкам сновидений. Во всём было что-то сюрреалистическое. Фадлаль постучал в металлическую дверь и сразу же вышел хозяин в длинной белой галабии и с улыбкой до ушей.

После долгих приветствий нас провели в забитую вещами жилую комнату, которая могла бы служить и комнатой для показа в магазине по продаже итальянской плюшевой мебели. Через несколько минут жена хозяина подала нам кофе и сладости, поставив поднос на тёмный деревянный кофейный столик. Она дружелюбно улыбнулась нам и покинула комнату.

Фадлаль не относился к тем людям, которые зря теряют время. Как только женщина вышла, он вынул из кармана большую пачку долларовых банкнот и передал её хозяину. Он сказал ему что-то по-арабски и дал мне понять, что я могу угощаться.

— Мы скоро уйдём. Выпейте кофе и поешьте. Мы возвратимся в Иерихон, проведём там остаток дня и вернемся в Амман, когда сменятся патрули на мосту.

Я кивнул и отхлебнул горячего кофе. Тут внезапно послышался резкий стук в дверь. Фадлаль широко раскрыл глаза, лицо хозяина побледнело от ужаса. Что-то было не так. В течение секунд в комнату ворвались несколько израильских солдат, направили на нас оружие и закричали на иврите тем, кто остался снаружи.

— Мы взяли их. Обыщите оставшуюся часть дома! Давай, давай!

Повсюду были солдаты. Мы слышали крики женщин и звон разбитой посуды.

Один из солдат быстро защёлкнул на моих руках пластиковые наручники.

— Что здесь, чёрт побери, происходит! — закричал я по-английски. — Я протестую! Я британский подданный и требую сказать мне, что здесь происходит!

— Спокойно, — сказал офицер и направил на меня автомат. — Введите его сюда, — сказал он кому-то, стоявшему в зале за ним. Втащили одного из стариков, которые сидели на противоположной стороне улицы. Несколько секунд он стоял молча. Офицер прорычал ему что — то по-арабски. Старик показал на Фадлала и что-то сказал.

Произошло именно то, чего я боялся. Худшего просто не могло быть. Отсюда не было выхода. Моей единственной надеждой было — держаться за свою легенду британского подданного и пытаться блефовать до конца.

— Он иорданский офицер, — говорили они. — Другие, вероятно, его люди. В Рамалахе мы вы́бьем из них больше. Я знал, что что-то нужно сделать. Я мог бы выпрыгнуть из окна, рискуя быть застреленным. Это было бы лучше, чем попасть в Рамаллах на допрос у «Шабак».

— Уведите его вниз, — сказал офицер и показал на Фадлала, — и его. Он показал на хозяина. Меня и водителя они оставили лежащими на полу, под охраной двух солдат. Когда другие вышли из поля зрения, водитель начал говорить солдату что-то по-арабски.

— Он говорит, что он «вонючка»³⁵. Он хочет, чтобы мы позвали босса.

Солдат, который говорил по-арабски, подошёл к водителю, поднял его за воротник, приставил ствол к затылку и толкнул его к двери. Внезапно он остушился, и его оружие выстрелило. Выстрел оглушил нас, кровь брызнула на стены. У водителя оторвало полголовы. Солдат оставил его, и он упал на пол, как мешок картошки. Солдат закричал на своего приятеля:

— Ты сошёл с ума! Смотри, что ты наделал! Ты сошел с ума!

— Это был несчастный случай, — закричал в ответ второй солдат. — Проклятый несчастный случай. Он подбежал ко мне, взял меня за воротник и закричал на иврите: — Несчастный случай, не так ли? Несчастный случай! Я ничего не мог сказать и только кивал.

Другой солдат завопил:

— Застрели его, ты должен его застрелить. Он свидетель, и он всё расскажет. Застрели его, идиот, или я это сделаю.

Он направил на меня винтовку и подошел поближе. Я услышал, как кто-то поднимался по лестнице. Потом я увидел, как солдат положил палец на спусковой крючок. Я надеялся, что всё произойдет быстро. Я сказал самому себе: «Белла, я люблю тебя, прости меня за всё». Солдат передернул затвор и я понял по звуку, что магазин пуст.

На какой-то момент установилась тишина. Я крепко зажмурил глаза в ожидании смертельного выстрела. Тут я услышал громкий смех Фадлала. Мгновенно мне стало ясно, что всё это было просто проверкой. Но, чёрт побери, как он втянул солдат в эту игру?

Фадлаль подошёл ко мне и помог мне подняться. Он снял мои наручники и провёл к машине. За рулём сидел новый водитель, и мы двинулись в путь. По дороге Фадлаль мне всё объяснил. Солдаты были палестинцами из спецподразделения иорданской разведки; они почти с 1968 года действуют в Западной Иордании.

У них целые склады израильской военной формы и оружия, и они пользуются ими при всех видах разведки. Они работают по всей стране и очень хорошо говорят на иврите. В первую очередь, они — «пятая колонна» на случай войны, так же, как это делали немцы за линией фронта во Второй мировой войне.

Когда они начали действовать на оккупиро-

ванных территориях, то было решено использовать их постоянно. Они наблюдали за манёврами израильских войск и поставляли много тактической информации прямо с передовой.

Водитель был настоящим предателем и давно был под подозрением. Фадлаль решил ликвидировать его так, чтобы проверить меня. У него больше не было никаких сомнений, что я не работаю на Моссад.

Переезд границы назад в Иорданию был для меня таким же стрессом, что и утром. Охрана сменилась, но проверка проводилась так же тщательно и долго, что казалась бесконечной.

На другой стороне мы сели в такси и поехали в Тель-Нимрим, где нас на краю улицы ждал светло-голубой лимузин с кондиционером. Остаток дороги до Аммана я проспал. Фадлаль разбудил меня, когда мы приехали, и сказал, что мы все вместе через час поужинаем в большом зале ресторана гостиницы. Я должен был переодеться и спуститься вниз.

Там были все: Зухир, Альберт, Фадлаль и толстяк со своим молодым помощником. У меня всё ещё болела голова, а в ушах стоял звон от выстрела в доме в Рамаллахе. Я не был в шоке, об этом позаботилось мое долгое обучение в Моссад, но я всё никак не мог убрать из памяти это переживание.

Не говоря уже, об иорданском подразделении, которое там так здорово выступило в роли израильских солдат. Я внезапно ощутил новое уважение к людям, собравшимся за столом. Моё высокомерие, которое определяло моё поведение ещё сегодняшним утром, пропало. Я сидел вместе с группой очень способных и очень опасных людей.

О моей маленькой экскурсии не говорили, но, то тут, то там возникали признаки того, что они знали всё — они улыбались. После трапезы все ушли, только Альберт пошел со мной в бар гостиницы. Мы сидели на больших плетёных стульях за медным столиком. Я заказал пиво, а Альберт ещё кофе, при людях он не пил спиртного.

— Я слышал, как прошёл день, — сказал он, наконец.

— Это не было прогулкой, могу сказать твёрдо, — сказал я и закурил.

Он склонился вперёд и кивнул в другую сторону бара. Несколькое человек сидели за столиком, и, казалось, что углубились в беседу.

— Знаете ли Вы, кто этот человек вон там?

— Большой мужчина с окладистой бородой кажется мне знакомым, но я не знаю, кто он.

— Хабаш, Джордж Хабаши из Народного фронта освобождения Палестины. Хотите, я представлю Вас ему?

Моей первой реакцией было с ходу ухватиться за такую возможность, но, противореча инстинкту, я ответил:

— Нет, спасибо, я предпочел бы уйти отсюда.

— Почему?

— Если он здесь, существует большая вероятность, что за ним наблюдает кто-то из людей Моссад. Я во всех возможных местах видел бесчисленные фотографии участников ООП и других палестинских лидеров. Я не хочу, чтобы кто-то опо-

³⁵ Информатор, «стукач».

знал меня на фотографии, снятой в Аммане. Не дожидаясь его реакции, я встал и покинул бар. Он проводил меня к лифту, и мы договорились о следующем дне. Он сказал, что следующим утром заберёт меня примерно в восемь часов.

— Нет, я позвоню Вам. Мне трудно здесь заснуть и я хочу выспаться. Я позвоню Вам, когда проснусь.

Он кивнул и вернулся в бар. Я поднялся в номер и позвонил в отель в Вашингтоне. Они передали сообщение Белле, когда она позвонила, в любом случае, они так сказали. Я разделся и стоял бесконечно долго под горячим душем.

Я устал и никак не мог прогнать из памяти солдата, выстрелившего человеку в затылок. Мне хотелось завывать, но я не мог. Я просто стоял и думал обо всём и ни о чём. Я только хотел, чтобы всё закончилось, и в памяти было только одно воспоминание — никаких воспоминаний.

* * *

Два следующих дня мы создавали механизм безопасности для предотвращения проникновения «кротов». Он строился по образцу Моссад. Иорданцы хотели ввести регулярные проверки на «детекторе лжи» и проводить время от времени внезапные проверки в воинских подразделениях, в основном среди военных в низких званиях.

Затем должна была состояться систематическая проверка всего персонала, работающего в иорданских посольствах во всём мире, но, прежде всего в Европе. Почти все завербованные Моссад агенты — это люди, работающие в посольствах или обучающиеся за границей, прежде всего, военные.

Так как у Моссад не было времени двигать таланты в надежде, что они в один прекрасный день займут высокие должности, обеспечивающие им доступ к информации, он охотнее хватается за людей, которые уже заняли такие позиции. Поэтому можно легко идентифицировать группы людей, которые могут быть объектами вербовки.

Я не сомневался, что за короткое время все работающие на Моссад агенты могут быть легко выявлены, как только система заработает. Но перестройка системы займет многие месяцы. В это время сохранить тайну невозможно, так что, у Моссад будет вполне достаточно времени, чтобы обезопасить своих агентов.

Иорданцы должны долгое время не объявлять общественности, что они разоблачили таких агентов. Вместо этого, им нужно будет постараться перевербовать как можно больше агентов и через них снабжать Моссад дезинформацией. Те, кто не будут спасены Моссад и не будут перевербованы, кончат виселицей.

Я, как и Эфраим, был почти уверен, что иорданцы поделятся приобретёнными у меня новыми знаниями со своими иракскими и сирийскими коллегами, которые тоже начнут у себя чистку. У сирийцев было бы много работы, а иракцы искали бы зря — у Моссад вряд ли там были агенты. Ирак считался самым тяжёлым местом для работы и поэтому не стоял на верху списка приоритетов Моссад.

Два моих последних дня в Аммане мы провели за разработкой плана по вербовке израильтян, которые могли бы поставлять иорданцам много технологических и тактических сведений. Иорданцы хотели знать, что происходит во всех местах, где есть военные базы.

Кроме того, они хотели узнать, как в чрезвычайных случаях призываются резервисты и вывести распределение специальных разведывательно-диверсионных подразделений, когда они пересекают границу, особенно ситуацию с TRS³⁶.

Было решено, что я вернусь в США, а оттуда переселюсь в Канаду, как я и планировал в самом начале. Альберт внесёт свой вклад в операцию в Мексике, и мы воспользуемся для операции многими солдатами спецназначения Фаддала.

Я назвал её операцией «Йешуа», т.е. «Иисус», потому что мы планировали посылать шпионов из того же места и в том же направлении по стране, как шёл Иисус, и я не сомневался, что и успех будет таким же.

Шпионы возвращались бы из страны, которая пожирает собственных жителей: казалось, что со времён Иисуса ничего не изменилось.

Последней своей ночью я слушал израильское радио и узнал, что Маргарет Тэтчер посетила Израиль, и что Рональд Рейган наложил вето на блокирование Конгрессом продажи вооружений, особенно боевых самолётов, Саудовской Аравии.

* * *

Вот теперь я знал, что то, чего хотел Эфраим, действительно функционирует. Мы сделали Иорданию прививку против опасностей, исходящих от Моссад. Даже если мы долго ещё не сможем провести реформы в самой организации, мы ей всё же сможем подрезать когти.

Глава 21.

Обратный полёт в США прошёл без осложнений. Мы приземлились в нью-йоркском «Аэропорту Джона Кеннеди» чуть позже семи часов вечера. Уже из зала VIP, где мы с Зухиром ждали перелёта в Вашингтон, я позвонил Белле.

Разговор был краток. Она сказала мне, что хочет в ближайшие дни полететь в США и ничто в мире не сможет её остановить. Это я всерьёз и не пытался. Одна мысль — снова увидеть её — весила больше, чем все мои надежды. Я не хотел показывать ей по телефону слишком много эмоций, так как Зухир видел меня. Я говорил кратко.

Я смог ей только сказать, что я сейчас в Нью-Йорке, возвращаюсь на самолёте в Вашингтон, и позвоню ей сам, как только доберусь до отеля. Когда я повесил трубку, меня охватила волна счастья. Я хотел прыгать от радости и целовать всех вокруг,

³⁶ Temporary Relay Station — временный ретранслятор. Речь идёт о специальных реле-станциях, сбрасываемых с самолётов. Они предназначаются для ретрансляции сообщений специальных подслушивающих устройств, имеющих очень небольшую дальность передачи, которые без ретрансляции не могут быть декодированы дешифровальным подразделением в Израиле.

включая Зухира.

Когда мы прибыли в Вашингтон, было уже позже 10 часов. Тут я выяснил, что мне придётся подождать на день больше, пока смогу получить свои деньги, потому что был День Памяти Павших, и банки были закрыты.

В принципе, мне было всё равно, потому что у меня еще оставались деньги из тех, что мне, наконец-то, прислал Эфраим. Но я раздул из этого всё же большое дело, чтобы Зухир не подумал, что у меня внезапно появились деньги, если до того я якобы был совсем «пустым».

Я сказал Зухиру, что хочу сменить гостиницу следующим утром и позвоню ему, чтобы сказать, куда он должен доставить деньги. Мы расстались в самолете, потому что не хотели вместе выходить из аэропорта.

Около одиннадцати часов вечера я приехал в отель и купил там себе кое-что из еды, чтобы перекусить в номере. Я был так голоден, что мог проглотить гамбургер вместе с бумагой, в которую он был завернут. После ужина и душа я снова позвонил Белле, и она сообщила мне, что прилетит послезавтра в Вашингтон.

Я сказал ей, что собираюсь завтра сменить гостиницу и что я встречу её в аэропорту. Она пообещала позвонить мне на следующий день, перед отъездом в аэропорт, и я должен был подождать звонка в этом отеле. После того, как я повесил трубку, я чувствовал себя слишком усталым, даже чтобы уснуть. Когда Белла позвонила в четыре часа утра, я всё ещё смотрел телевизор. Она была по пути в аэропорт; Арик собирался её подвезти.

Это удивило меня: контакты между бывшими и действующими сотрудниками Моссад были запрещены. Конечно, не нужно было не замечать человека, встреченного тобой на улице, но такую ситуацию контакта с самим бывшим сотрудником и с членами его семьи старались избегать. За этим точно что-то крылось. Но по телефону я не мог задавать подобных вопросов.

У меня было нехорошее чувство, что кто-то готовит какой-то грязный трюк. Был лишь один человек, к которому я мог обратиться, если дела обстояли именно так, как мне казалось: Ури, мой друг по «Аль». Если в США планировалась какая-либо операция, он знал бы об этом. И я был уверен, что в таком случае он предупредит меня. Это был человек, который уже много пережил.

Проблема состояла лишь в том, как связаться с ним. Он не давал ни телефонного номера, ни адреса. Он был «катса» на оперативной работе. Я только знал, что он где-то в США. И ещё я кое-что знал.

У него была подруга в Чейви-Чейз, штат Мэриленд, недалеко от моей гостиницы. Она работала в секретном отделе Пентагона и была еврейкой, из-за чего личная связь с ней, собственно, была табу. Кроме того, её муж был видным Вашингтонским адвокатом и членом АПРАС (Американо-израильского комитета по общественным связям).

Я нашёл её адрес в телефонной книге и двинулся к её дому. По телефону мне нечего было и пытаться — я знал, что далеко не продвинусь, потому что женщине хорошо внушили, чтобы она о

таких делах по телефону ни с кем, кроме Ури, не говорила. Я проехал на такси на один квартал дальше её дома и пошёл пешком к большому, величественному кирпичному зданию.

Очевидно, в этом тихом квартале жили богачи. Я позвонил и подождал под массивным козырьком. Открылась тяжёлая деревянная дверь и за стеклянной дверью стояла очень элегантная блондинка, спросившая с улыбкой:

— Да?

Она была ростом 1,60 м, стройная и изящная. Её карие глаза сияли, и она производила впечатлительное весёлого и радостного человека.

— Я хочу попросить Вас передать Ури одно сообщение, если это возможно.

Улыбка мгновенно исчезла. Она хотела знать, кто я и какое отношение имею к Ури.

Высокий худой мужчина с седеющей бородой и бакенбардами подошёл к двери во время нашего разговора. Это был её муж. Она сказала ему, что я друг Ури. Показалось, что он знает, кто это, и он спросил, не хочу ли я зайти.

Я сразу завоевал его уважение, только тем, что я друг Ури. Я согласился зайти на минутку. Его жена чувствовала себя заметно не лучшим образом. Она не знала, знаю ли я о её интимных отношениях с Ури. Её муж, видимо, не имел понятия об этом и, судя по тому, что и как он говорил, не замечал даже того, что происходит у него под носом.

Он оставил нас одних в круглом вестибюле, а сам пошёл отвечать на телефонный звонок. На маленьком столике у стены под большим позолоченным зеркалом стояла фотография этой пары с президентом Рейганом в центре. Фотографию сняли, очевидно, на каком-то официальном приёме.

Я отказался от выпивки и отклонил прохладное приглашение к столу, из-за чего, по-видимому, хозяйка почувствовала значительное облегчение. Я нацарапал на клочке бумаги номер телефона и дал ей.

— Я Вам буду очень благодарен, если Вы передадите это Ури.

Мужа не было в комнате, когда она сказала, что не знает, когда снова увидит его.

— Тогда наберите его экстренный номер, — сказал я перед уходом. Я обрадовался, выйдя на улицу. Ситуация была для меня очень неприятной. Я мог понять чувства Ури к ней, а после того, как я познакомился с её мужем, я мог сделать вывод, как легко было ему завоевать её.

Я знал, что она сможет дозвониться до него. В конце концов, она была «сайан» и знала его номер телефона для экстренных случаев. У меня никогда не было намерений использовать этот контакт, но я опасался, что происходит что-то необычное, и что Беллу и девочек могут настичнуть трудности. Против этого я должен был что-то предпринять.

В первый раз я встретил Ури зимой 1968/69 годов, когда я был военным полицейским и служил в долине реки Иордан в опорном пункте Гифтлик, который позднее был переименован в Арик — по имени полковника Арика Регева, который погиб во время облавы от рук палестинских боевиков.

Полковник погиб вместе с другим офицером по имени Гади Манелла, с которым у меня вышла стычка в мой первый день службы. Гади был «горячая голова», очень импульсивен — настоящий израильский вояка. В то время Ури был офицером связи разведки при парашютно-десантном батальоне, размещённом на базе Гифтлик, а я был там же начальником военной полиции.

Тогда на повестке дня стояла охота на палестинцев, переходивших границу с целью саботажа. Нарушителей обычно либо убивали при преследовании, либо расстреливали во время коротких стычек в пустыне, что тогда приятно разнообразило нашу монотонную службу в пустыне.

Однако бывали случаи, когда террористов брали в плен живыми; но даже тогда по радио объявляли об их смерти, чтобы никто не надеялся на их возвращение.

Тут в действие вступал я, как военный полицейский. Мне нужно было доставлять пленных в лагерь в Нес-Зийона, маленький городок южнее Тель-Авива. Я всегда думал, что там находится центр допросов «Шабак». Мы знали, что ни один из пленных, доставленных туда, никогда не возвращался живым, но та промывка мозгов, которой мы все подвергались в молодости, заставляла нас просто думать, что их жизнь стоит против нашей. Чего-то среднего не существовало.

Ури рассказал мне о лагере Нес-Зийона. Это была, как он назвал, лаборатория для изучения ведения войны при использовании оружия массового поражения. Наши ведущие учёные в области эпидемиологии разрабатывали там разное смертельное оружие.

Так как мы были весьма уязвимы и имели бы только один шанс в тотальной войне, в которой использовалось бы подобное оружие, считалось, что нельзя это предоставлять воле случая. Палестинские нарушители границы прекрасно устраивали людей в лаборатории.

Таким образом, они приобретали знания, действуют ли разработанные ими средства бактериологической войны и как быстро. Когда я вспоминал об этих разоблачениях, то меня пугало не столько то, что такое происходило, сколько то, с каким пониманием и невозмутимым спокойствием я тогда воспринял эти факты.

Много лет позже я снова встретил Ури. К тому времени он в Моссад был уже опытным «катса» в отделе «Аль», а я был новичком. Он возвратился с задания в Южной Африке. Я временно работал офицером связи в одном из подразделений отдела «Дардасим» и помогал ему в отправке большой партии медикаментов в ЮАР.

Груз сопровождали несколько израильских врачей, которые должны были выполнять гуманитарную работу в Соуэто, городе чёрных южноафриканцев у ворот Йоханнесбурга.

Доктора должны были помогать в одной клинике, которая была филиалом госпиталя «Барагванат» в Соуэто, удалённой только на пару кварталов от домов Винни Мандела и епископа Десмонда Туту. Госпиталь и клиника поддерживались госпиталем в Балтиморе, штат Мэриленд, который служил

Моссад «предохранителем» (cut-out)³⁷.

— Что это ещё за гуманитарная помощь от Моссад чернокожим африканцам в Соуэто? — спросил я его. Мне показалось это нелогичным. Я видел в этом либо краткосрочный политический выигрыш, которым Моссад всегда уделял внимание, либо какую-то явную экономическую выгоду.

— Ты помнишь Нес-Зийону? — От его вопроса у меня мурашки побежали по телу. Я кивнул.

— Это почти то же самое. Мы исследуем и проверяем для многих израильских производителей лекарств, как новые инфекционные болезни, так и новые медикаменты, которые в Израиле запрещено испытывать на людях. Это принесёт им лидерство на мировом рынке, и они выясняют, на правильном ли они пути, что экономит им миллионы расходов на исследование.

— Что ты думаешь об этом? — спросил я его.

— Это не моя работа — думать об этом.

Хотя он этого не сказал, я знал, что он не был замешан в этом деле, по крайней мере, я надеялся что так. То, что его из-за дела Полларда отозвали из США на «временный отдых», не способствовало его карьере. Именно он завербовал Джонатана Полларда в 1982 году.

Когда они встретились впервые, Джонатан Поллард был американским евреем, который всем своим сердцем был убеждён в существовании священного союза между Соединёнными Штатами Америки и Израилем. Он не видел противоречий между своей полной лояльностью к Америке и одновременно к Израилю; для него это было одно и то же.

Эта идеология брала начало в длительном процессе идеологической обработки, которой подвергались многие молодые евреи. Основой её была крупномасштабная помощь Израиля в форме «шлихим» или, как их еще называли, «посланцев алии», людей, которые работали в еврейской общине и пробуждали в еврейской молодёжи любовь к Израилю. В случае Джонатана Полларда им сопутствовал наибольший успех.

Молодой человек в 1982 году работал в АПАС, произраильском лобби в США, которое было одним из звеньев в цепи организаций, связывающих еврейскую общину с Израилем, особенно с израильскими правыми. Поллард, который уже работал в американской секретной службе, добровольно предложил свои услуги ради блага Израиля.

Как обычно, его имя было передано в резидентуру разведки в израильском посольстве в Вашингтоне, а оттуда — в Моссад в качестве потенциального «сайана». После тщательной проверки, для которой была использована связь Моссад с Антидиффамационной лигой, его посчитали приемлемым кандидатом.

Он был фанатиком и занимал хорошую должность в исследовательском отделе американской спецслужбы, там у него был доступ к важным сведениям о Ближнем Востоке и Африке. И он был ев-

³⁷ Человек, группа людей, организация или учреждение, которые скрывают или маскируют контакт и образуют, таким образом, «информационный буфер».

реем, так что, не мог стать платным шпионом.

Он прекрасно подходил для операции «Рантье», направленной на восстановление связей между разведками США и ЮАР. Не то, чтобы у них не было до этого отношений, но теперь они контролировались Моссад и стали более выгодными и безопасными.

Поллард немного помедлил, когда Ури установил с ним контакт в Израиле с помощью рекомендации одного из друзей Полларда. В АПАС было сообщено, что Моссад не интересуется Поллардом, а ему самому было указано не контактировать больше с еврейской организацией. Теперь он был «сайаном» для Моссад или, как ему сказали, для организации, защищающей безопасность Израиля.

Поллард не получал денег за свою работу, потому что декларируемая политика Моссад состоит в том, чтобы не платить добровольным еврейским помощникам. Таким образом, никогда никто не может утверждать, что они действуют, исходя не из любви к Израилю, а из каких-то других побуждений.

Ури передал южноафриканцам фотографии советской системы ракетного оружия класса «земля — земля» SSC-3, которые Моссад получил от датской разведки, и которые очень интересовали американцев. Так южноафриканская разведка стала представлять большой интерес для спецслужбы США.

При этом Поллард использовал свою дружескую связь с одним лицом, с которым он вместе ходил в школу, а сейчас ставшим высокопоставленным офицером спецслужбы ЮАР. Это всё было частью операции «Рантье».

Одно время Ури использовал Полларда для получения информации, при этом он не выставлял к Полларду особых требований, не перегружал его, чтобы не вызвать к нему подозрений. В своих отчётах Ури предупреждал — и об этом следует помнить — что он не уверен, всегда ли Поллард говорит ему правду.

Если он поставляет сведения по собственному желанию, это опасно, потому что может представлять опасность для него самого. Но так как Поллард не осознавал этой угрозы, Ури никак не мог ему помочь.

Где-то в 1984 году Ури и его руководители согласились, что Поллард теперь — слабое звено. Он постоянно пытался сделать больше, чем от него требовалось, идя при этом на ненужный риск, и вскоре стал скорее обузой, чем выгодой.

С этого момента его перевели в особый список законсервированных, «спящих» агентов. Полларда проинформировали, что он принёс Израилю большую пользу, и что израильская спецслужба приказала ему сделать перерыв в работе ради его собственной безопасности.

Если позднее в центре придут к выводам, что продолжение работы уже ничем ему не грозит, с ним установят контакт и активизируют.

Поллард не был этим воодушевлён, но не устранил Ури сцен. Нужно помнить, что он ещё не получил и ломаного гроша за свою работу, а делал всё из чисто идейных соображений.

Вскоре после вывода Полларда на «консервацию», на него наткнулся Рафи Эйтан. Он, впрочем, уже не был больше офицером Моссад, но, как красочно сказано: кто однажды стал человеком Моссад, тот навсегда останется человеком Моссад.

У него был доступ к досье Моссад, как благодаря своему прошлому в качестве офицера Моссад, так и из-за своей должности советника премьер-министра по вопросам терроризма и шефа «ЛАКАМ».

Он полагал, что досье Полларда для него — золотая жила. Так как он уже не был связан правилами Моссад по использованию еврейских добровольных помощников, он активизировал Полларда соответственным кодом.

При, так называемых, естественных обстоятельствах он устроил встречу Полларда с его новым оператором Авианом Селлахом. Селлах, заслуженный военный лётчик, участвовавший в авиабомбардировке иракского атомного объекта в Осираке, был создан для этой работы.

Он хотел учиться в Соединённых Штатах и одновременно должен был работать на «ЛАКАМ». Ему не нужно было вербовать Полларда, а только вернуть его к активной работе.

Встреча обоих была так организована Эйтаном, что выглядела случайной; они встретились через третье лицо, родственника Полларда, который слышал доклад Селлаха. Селлаха выбрали в качестве оператора, потому что он был специалистом по «Targeting» — выбору цели — и мог спокойно разговаривать с Поллардом, экспертом по разведанализу, на специальные темы.

Тот факт, что Селлах не был профессионально подготовленным разведчиком, тоже сыграл свою роль в провале Полларда. Полларду теперь платили, и активность просто выпирала из него.

Моссад узнал от своего источника в ЦРУ, что американцы вышли на след Полларда, но предпочёл не вмешиваться, потому что там надеялись решить вопрос тихо, за закрытыми дверями, и подключить к нему «ЛАКАМ».

Чтобы выиграть время, когда всё уже пошло вкривь и вкось, израильского посла в США направили во Францию для чтения лекций, а временным поверенным назначили Элиякима Рубинштейна, дипломата более низкого ранга, который не мог принимать политических решений.

Когда из США смылись все люди «ЛАКАМ», Полларда предоставили самому себе. Он сбежал в израильское посольство. Сотрудники службы безопасности попросили у Рубинштейна инструкций, и он, в свою очередь, обратился к представителю «Шабак».

Тот уже спросил совета у представителя Моссад, который, не спрашивая у штаба и предполагая, что ничего не изменилось, сообщил «Шабак», что Поллард не относится к Моссад и его дело Моссад не касается.

«Шабак» тоже сообщил, что им ничего не нужно от Полларда, а так как все люди «ЛАКАМ» уже были вне США, мяч снова прикатился к Рубинштейну, который также сообщил, что посольство окружено агентами ФБР.

Рубинштейн был не в состоянии связаться с Израилем по надёжной, не прослушиваемой линии связи — они все контролировались офицерами связи Моссад, которые утверждали, что эти линии не работают.

Итак, Рубинштейн решил взять инициативу в свои руки. Он отказал Полларду и его жене в убежище на территории посольства и практически выдал их прямо в руки ошалевших агентов ФБР.

Намного позже я узнал от сотрудников ФБР, занимавшихся всем этим делом, что Поллард был также ошеломлён тем, что его выгнали из посольства, как и само ФБР. Они тогда считали, что уже пришло время поискать какой-то компромисс с Израилем.

Позднее выяснилось, что большая часть сведений, полученных от Полларда, была передана странам Восточного блока в обмен на выезд евреев из СССР и соцстран.

Эти обстоятельства, и тот факт, что их признание означало подтверждение сведений, которые Советы уже держали в руках, послужило причиной тому, что американский министр обороны Каспар Уайнбергер публично потребовал для Полларда самого сурового наказания, правда, не разъяснив более подробно, что именно он подразумевал под этим.

Ури тогда тоже был вынужден покинуть США, потому что Моссад опасался, что Поллард выдаст свои связи с Моссад, чтобы добиться смягчения приговора. Но Поллард знал, что так он просто попадёт из огня да в полымя и ещё более усугубит своё положение.

Он молчал. Министерство юстиции теперь уже не считало себя обязанным выполнять свою часть договорённости, заключённой с Поллардом. Оно гарантировало ему смягчение наказания и непривлечение к ответственности его жены, если он полностью сообщит все известные ему важные факты.

К этому времени страсти вокруг аферы улеглись, и Ури снова был в США, руководя большим количеством надёжных и скрытных «сайанов».

Утром в 10 часов я упаковал вещи и был готов, когда позвонил телефон. Это был Ури, и он кипел от злости. Как я мог отважиться пойти на встречу с его агентессой! Он сказал, что я нагнал на неё огромного страха, и она решала, не выйти ли ей из игры.

Я попытался успокоить его. Потом он внезапно сменил тон. Когда он дал волю своему гневу, то, казалось, снова обрел свою всегдашнюю невозмутимость.

— Ну, Виктор, что случилось?

— Немногое, исключая то, что я уже не работаю в бюро, пробиваюсь самостоятельно и ищу смысл жизни.

— И что ведёт тебя сюда?

— Вечный поиск. — Я шутил, и он знал это.

— Что я могу сделать для тебя? И что во всём этом такого плохого?

— Не плохого. Я просто должен узнать, не запланировано ли что-то в Вашингтоне на ближай-

шие двадцать четыре часа.

— В каком направлении?

— Ты знаешь, что я имею в виду. Что-то необычное, возможно, предупреждение, что ты должен держаться в стороне и т.д. На короткое время установилось молчание.

— Что ты планируешь, приятель?

— Ты не ответил на мой вопрос!

— Ничего, что я знал бы. — Он говорил медленно, как бы раздумывая. — Где ты сейчас?

— В моём отеле. Ты ведь мне как раз позвонил, или не так?

— Да, позвонил, но я не знаю, где этот «Холлидей Инн»? Не могли бы мы где-то встретиться?

— Как насчёт холла «Четырёх времен года» в городе?

— В порядке. Когда?

— Сегодня, в два часа дня.

— Пока. — Он повесил трубку.

Я оплатил счет за проживание и покинул отель. Я взял такси до отеля «Шератон» прямо у аэропорта. Там я снял номер и вернулся в город. В два часа я зашёл в отель «Четыре времени года». Ури уже ждал меня и провёл в ресторан на другом конце.

Ури было под пятьдесят, он был коренастым мужчиной с ростом 1,60 м, с блестящими серебристыми волосами и высоким лбом. В сером костюме и в роговых очках он выглядел настоящим джентльменом. Нас провели к хорошему столу, но Ури хотел охотнее сидеть в уголке. Как только мы остались одни, он сразу перешёл к делу:

— Что ты можешь сказать об Эфраиме?

Я уставился на него.

— А что ты можешь мне сказать?

— Если я скажу тебе, что я в его команде, это что-то значит для тебя?

— А ты в ней?

— Да. А ты то бесхозное хозяйство, о котором он говорит?

— Может быть, но думаю, что я не один.

Я наклонился к нему.

— Что ты можешь сказать мне про Кути?

— Тогда ты и есть это самое хозяйство, — улыбнулся он. — Я этого никогда бы не отгадал. Да, я считаю, что этого человека убили наши люди.

— Не рассказывай Эфраиму ничего о нашей беседе, — попросил я. — Мне хотелось бы знать кого-то в этой клике, о ком он ничего не знает.

— С этим у меня нет проблем. Ты ему не доверяешь?

— Сегодня, да, доверяю. Но, как ты знаешь, всё может измениться.

Мы больше не говорили пространно об этом. Мы решили, что женщина станет нашей связной, и он скажет ей, что это метод для обеспечения её большей безопасности. Он будет звонить ей и спрашивать, не оставлял ли я для него сообщений, и то же самое буду делать я. Наконец-то я располагал вторым спасательным кругом, кем-то, кому я доверял, и кто в случае необходимости мог помочь мне

ВЫЖИТЬ.

Глава 22. Вторник, 27 мая 1986 года. Вашингтон, федеральный округ Колумбия

Когда я ожидал прилёта Беллы, недалеко от меня стоял человек, листавший книгу. Это была новая книга Джона Ле Карре, которая только что вышла. В моей ситуации название показалось мне несколько ироничным: «Великолепный шпион».

Я подумал, как любил такие книги до того, как пришёл в Моссад и убедился, как сильно отличается настоящий мир шпионажа от самых смелых фантастических представлений авторов шпионских романов.

Реальность намного опасней и более непредсказуема, чем в любом романе. Я всегда думал, что описать запутанную сеть разведслужбы практически вообще невозможно.

Тут вынырнула толпа пассажиров, прилетевших из Нью-Йорка, и через несколько минут я увидел Беллу. У меня перехватило дыхание. Её улыбка стала тем светом, который я искал в конце тоннеля.

Я был так счастлив! Не раз во время этого опасного путешествия я терял надежду, что увижу её снова. И теперь она была здесь. Я долго обнимал её.

Мы оба знали, что совершили прыжок через широкую пропасть. Она не знала её глубины, но могла почувствовать. По дороге в отель мы почти не разговаривали. Потом она захотела узнать, где я прятался и что происходит.

Этого я не мог ей сказать, мне нельзя было её впутывать. Я рассказал ей, что работал в Заире в качестве советника по вопросам безопасности. Потом я сказал, что завтра получу деньги, и мы уедем в Канаду.

На следующее утро я спустился, чтобы встретиться с Зухиром и получить от него деньги. Затем я прошел ещё один квартал, чтобы купить машину. Это был Понтиак-6000 цвета серый «металлик», 1985 года выпуска, за который я заплатил наличными.

После получения страховочной карты и номеров я вернулся в отель. На следующий день мы покинули Вашингтон. Воспоминания об этом месте были не самими приятными для меня.

Мы переживали своего рода второй медовый месяц. Мы никак не могли достаточно насладиться друг другом. После трёхдневной поездки мы достигли Оттавы, прекрасной столицы Канады.

Этот город Белла однажды увидела в одном телефильме и очень хотела жить там. Не имело значения, какой город мы выберем, и мы выбрали Оттаву.

Первые дни мы провели в отеле «Холидей Инн» на Куинстрит в центре города. Затем мы нашли трёхкомнатную квартиру, тоже в центре, в современном многоквартирном здании под названием «Кент Тауэрс».

Белле я сказал, что мне приходится время от

времени по своей работе советника выезжать в командировки. Но свободное время я хотел посвятить живописи и графике, о чём всегда мечтал.

В конце июля мы уже все жили вместе: Белла, я и наши дочери: Шарон, которой исполнилось семнадцать лет, и двенадцатилетняя Леора. Девочки не были в восторге от этой перемены, но им не оставалось ничего, кроме как принять её.

Время от времени я звонил Эфраиму с телефона-автомата, чтобы услышать, всё ли проходит хорошо, и что мне предстоит в следующий раз. В то время происходило немного. Он хотел, чтобы я установил новый контакт с египтянами, но я был против.

Мне становилось нехорошо при мысли об одновременной работе на две арабские страны. Мы не знали точно об их взаимоотношениях, только лишь, что они достаточно тесно сотрудничают. Из того немногого, что мы узнавали из работы с иорданцами, мы могли заключить лишь, что наши знания были весьма ограничены.

Но так как мы ещё не достигли того момента, когда можно было бы разоблачить израильскую шпионскую сеть в Иордании, как я пообещал, я не смог долго сдерживать Эфраима. Ему казалось необходимым ввести египетской спецслужбе прививку против Моссад.

Это должно было произойти до конфликта, который планировал Моссад, оказывая помощь (прежде всего путём материального снабжения) мусульманским фундаменталистам через свои связи с афганскими моджахедами.

Израильским правым очень мешал мир с Египтом. Сам по себе, мир, условия которого так болезненно (для правых) точно выполняли египтяне, был живым доказательством того, что мир с арабами вполне возможен, и что арабы вовсе не представляют собой таких людей, которыми всегда представляли их нам Моссад и другие правые элементы.

Египет соблюдал мир с Израилем и в 1982 году, когда Израиль совершил агрессию в Ливане, и позднее, несмотря на предупреждения Моссад о том, что египтяне находятся в центре десятилетней программы строительства своих вооружённых сил, которая должна была якобы привести к войне в 1986 или 1987 годах — к войне, которой никогда не было.

Моссад этим завёл себя в такое положение, которое просто требовало проведения акции на египетском фронте. В организации решили, что она должна создать новую угрозу в регионе, угрозу такого масштаба, которая оправдала бы любую акцию, которая взбрела бы в голову Моссад.

Правые элементы в Моссад (как, впрочем, и во всей стране) обладали здоровой, на их взгляд, жизненной философией. Они считали Израиль самой сильной в военном плане страной на Ближнем Востоке, и действительно военная мощь, так называемой, «Крепости Израиль» была выше, чем у всех арабских стран вместе взятых.

Правое крыло верило и до сих пор верит, что из этой силы возникает необходимость противостоять постоянной опасности войны, которая тогда бы-

ла вполне реальна. Если делались какие-то мирные предложения, то, по их мнению, это приводило к процессу упадка военных стен этой идеологической крепости.

Это уменьшило бы власть военных и, возможно, привело бы к закату Государства Израиль. По этой философии арабским соседям вообще нельзя было верить, и это не мог изменить ни один договор.

Поддержка воинствующих элементов исламского фундаментализма вполне соответствовала генеральному плану Моссад в этом регионе. Управляемый фундаменталистами арабский мир не пошёл бы на переговоры с Западом и таким образом Израиль снова стал бы единственной демократической и рациональной страной в регионе.

И если бы они смогли бы привести Хамас (палестинских фундаменталистов) к тому, чтобы переманить у ООП широкие массы палестинцев, то всё сложилось бы самым лучшим образом.

Активность Моссад в Египте была всеохватывающей. Теперь, когда в Каире было израильское посольство, поток посетителей не прекращался. Египет стал источником информации и стартовой площадкой для прыжка в остальной арабский мир.

Намного легче и намного менее подозрительно было завербовать под чужим флагом в Каире египтянина, который никогда не выезжал с Ближнего Востока и который мог бы оттуда собирать секретную информацию о других арабских странах.

Это была «легитимная» часть игры, но как только Моссад начал заниматься подрывной деятельностью против египетского общества, поддерживая и поощряя (тоже под чужим флагом) фундаменталистов, дело приняло другой оборот. Оно стало походило на подпиливание сука, на котором сидишь.

Воскресенье, 29 июня 1986 года

Белла уехала на неделю в Израиль, чтобы перевезти в Канаду наше оставшееся имущество. В первый приезд она собиралась в большой спешке.

В полдень позвонил телефон.

— Вик?

Я узнал голос сразу. Но я был ошарашен тем, что Эфраим позвонил мне домой.

— В чём дело?

— Как насчёт того, чтобы поесть вместе?

— Где ты? — Я заметил, как весь, с головы до ног, привел себя в состояние повышенной боевой готовности.

— Я думаю, если ты выглянешь из окна, то сможешь меня увидеть. Я стою в телефонной будке перед магазином «Кэнэдиен Тайр».

Я взглянул на улицу и увидел его в светло-голубом в полоску костюме «с иголки».

— Откуда у тебя взялся этот костюм? — захотел я спросить.

— Ты спустишься или мне подняться, чтобы забрать тебя?

— А ты знаешь, что ты стоишь очень близко от израильского посольства? — спросил я.

— Конечно, оно через квартал. Но ответственный за безопасность с большинством своих сотрудников именно сейчас находится на стрельбище в Нью-Йорке, а наш офицер связи — в Вашингтоне. Небо чистое. Мы можем пообедать, где ты хочешь.

Через несколько минут я был внизу. День был великолепен. Мы зашли в ресторан в отеле «Вестин», поели чего-то лёгкого, и после свободной беседы о последних сплетнях он перешёл к делу:

— Ты должен ехать в Египет. Мы не можем больше ждать.

Я действительно уже установил контакт с египетским посольством в Вашингтоне, но, по совету Эфраима, отклонил приглашение посетить Каир. В это время нам нужно было решить более важные дела, специально для Иордании и по информации для англичан.

Кроме того, Эфраим считал, что время для этого ещё не пришло. Приглашение тогдашнего военного атташе Египта оставалось, однако, действительным.

Теперь, по данным Эфраима, человека, который пригласил меня, должны были сменить. Так как мы не знали, кто будет его преемником, а знали лишь, что нынешний атташе точно не работает на Моссад, возможность безопасного посещения Египта показалась подходящей.

— Ты должен поехать туда и вскрыть связи Моссад и фундаменталистов. Я получаю время от времени обрывки информации, и мне нужна возможность передавать её им через источник, которому они доверяют.

— Ты что, хочешь, выпускать в мир фальшивые сведения?

Мне нужно было узнать, не хочет ли он использовать меня в качестве канала дезинформации. В этом случае он не мог рассчитывать на меня. У меня не было никаких особых чувств к египтянам, но я просто не хотел пользоваться методами Моссад. Я не верил, что чёрта можно прогнать с помощью сатаны.

Он заверил меня, что это не тот случай. Информация, которой он располагает, послужит аресту различных фундаменталистов и раскрытию линии по доставке оружия от афганских моджахедов к «Братьям-мусульманам» в Египте.

— Это долгий путь, чтобы транспортировать оружие, — заметил я.

Но выяснилось, что как раз наоборот. Так как большая часть вооружения моджахедов была американского производства, то оружие напрямую из Израиля поставлялось «Братьям-мусульманам», при этом курьерами служили кочевники-бедуины в демилитаризованной зоне на Синайском полуострове.

Моссад мог, конечно, поставлять и советское вооружение со складов ООП, захваченных у ООП в Ливане в 1982 году. Когда оружие попадало на египетскую землю, его поставляли посредникам, которые передавали его фундаменталистам.

— Дестабилизировать, дестабилизировать, дестабилизировать, — сказал Эфраим. — Это всё, что они делают, постоянно. Всё равно, кто и что об

этом скажет, они могут думать только о том, как бы спровоцировать хаос. Они не думают, что огонь, который они разжигают, однажды проглотит и их самих.

— Через пару дней вернётся Белла. Я совершу с ней и с детьми маленькую поездку в Вашингтон и получу там мою визу. Это в том случае, если контакт ещё существует.

— Не откладывай это надолго. Я слышал, что ты разговаривал с Ури.

Его слова сразили меня наповал. Я не знал, что мне говорить, и должен ли я вообще что-то говорить.

— До тебя это поздно дошло. Это было уже довольно давно.

— Ну, не так уж и давно. Ты с того времени выходил с ним на связь?

— Спроси его самого.

Он больше ничего об этом не сказал. Вечером я подвёз его в аэропорт, и он улетел. Он хотел доставить мне некоторые данные о транзите оружия, как только я вернусь из Вашингтона, и буду знать точное время моего путешествия.

Нашу маленькую поездку мы совершили в пятницу, 4 июля, в День Независимости — национальный праздник в США. В египетское посольство я хотел пойти только в понедельник утром. Поездка прошла без осложнений. Я рассказал Белле, что должен встретиться с некоторыми дипломатами из Заира и подготовиться к командировке туда.

В посольстве всё прошло гладко. После того, как я передал свой паспорт сотруднику службы безопасности на входе, меня провели в великолепную комнату, обставленную в светло-голубых тонах. Меня попросили подождать под портретом улыбающегося египетского президента Хосни Мубарака.

Несколько минут спустя вошел атташе и очень сердечно поприветствовал меня. Он хотел узнать, не суеверен ли я. Я сказал, что нет. Он сказал, что мой полёт намечен на 13 июля — через неделю. Я скрыл это, но я почувствовал слабость в коленях.

Мой готовый билет должен был лежать в окошке авиакомпании «Аэр-Лингус» в аэропорту Кеннеди в Нью-Йорке, но мне ещё нужно было заплатить за него — они только зарезервировали место. Он дал мне конверт с двумя тысячами долларов. 20 июля я должен был вернуться.

По его данным, меня должны встретить в аэропорту и привезти на надёжную конспиративную квартиру. Он пообещал мне, что мне не стоит волноваться, и что об оплате моей работы уже говорилось с чиновниками в самом Египте.

Он ясно дал мне понять, что из-за своего дипломатического статуса и уважения законов США, как принимающей страны, он после установления связи не будет больше иметь к этому делу никакого отношения.

— Если Ваша совесть чиста, когда Вы делаете дела с нами, — сказал этот человек с улыбкой, — вам совершенно нечего бояться.

Эта фраза испугала меня больше, чем какая-либо угроза. Но была ли это на самом деле скрытая

угроза, или я просто её так воспринял в своём сомнительном положении?

На обратном пути в Оттаву я был полностью занят своими мыслями. Я чувствовал, как надо мной качается дамоклов меч. Наконец-то я поселился в том месте, где чувствовал себя хорошо, и начал новую жизнь.

Теперь я должен был снова отправляться в путешествие в преисподнюю, из которой я так недавно выбрался. Но я знал, что эта новая жизнь была только иллюзией. Я всё ещё был солдатом на очень далёком передовом посту по ту сторону границы моей страны, границы, которая была так далека и размыта, что никогда не было видно, на какой именно стороне ты стоишь.

Это была одна из тех границ, для определения которой нужно было воспользоваться философией, а мне это совсем не нравилось.

Воскресенье, 13 июля 1986 года

Во второй половине дня я прибыл в Нью-Йорк и забрал в кассе свой авиабилет. Рейс № 986 авиакомпании «Эджипт Эйр» стартовал в 10 часов вечера. У меня ещё было достаточно времени.

Из-за моих намерений я чувствовал себя очень хорошо. Всё во мне восставало против того, чтобы покинуть безопасные для меня США. В последнее время я имел дело с таким числом разведок, что не мог чувствовать себя в безопасности в таком путешествии.

Почти невозможно, что египтяне, имеющие очень эффективную, хотя и немного невежественную спецслужбу, не знали бы хотя бы об одном из моих занятий.

Самолёт взлетел вовремя. Что бы меня ни ожидало, возврата больше не было. На протяжении всего полёта я не сомкнул глаз из-за чувства вины — я не рассказал Белле, куда я еду. И это я сделал скорее из эгоизма, чем из сочувствия, потому что в таком случае появился бы ещё один, кроме Эфраима, человек, который знал бы, где я.

Уже был день, когда мы неслись над сияющим голубым Средиземным морем. Пилот объявил о приближении к каирскому международному аэропорту. Голубое море под нами сменилось впечатляющей желтой массой египетской земли.

Чем ближе мы приближались, тем более было душно. Когда мы приземлились, не нужно было даже выходить, чтобы узнать, как тут жарко.

Пятница, 18 июля 1986 года. Каир

Лампочка без абажура, висящая под покрытым плесенью потолком, на короткое время замигала. Я услышал какой-то очень слабый крик во внутренних стенах здания, которое я считал пустым. Далекие крики сразу бросили меня в холодный пот. Я лёг на спину.

Затем снова пришёл старик с кружкой свежого лимонада и с едой на подносе. Я ждал этой возможности. Мне нужно было что-то сделать, чтобы обратить на себя его внимание. Когда старик пошел в душевую, я выбросил поднос с едой через дверь.

Он едва не задел охранника.

В первую секунду я подумал, что он схватится за оружие, чтобы застрелить меня на месте. Вместо этого он ошеломлённо уставился на меня, что-то прокричал старику, который быстро покинул комнату. Я снова лёг на кровать. Вентилятор внезапно остановился. Но было слишком жарко, чтобы думать об этом.

Я подумал о моём гнусном положении. Я уже четыре дня был в этой камере. Возможность, что она станет моим домом на всю оставшуюся мне жизнь, была ужасна. Чтобы отогнать эту мысль, я представлял себе, что буду делать, как только выйду отсюда.

Я думаю, это произошло как-то сразу после полудня, когда открылась дверь, и вошел большой человек в сером костюме с короткими рукавами. Я как раз принял душ и был одет лишь наполовину. Я принимал душ каждые два часа и был всегда одет, потому что в любое время мог кто-то зайти.

Мне помогал мой тренинг. Я не испытывал никаких чувств к тому, что окружало меня. Я перестал бесплодно ломать себе голову и обращал внимание только на то, как выжить.

— Господин Островский? — сказал большой мужчина с приветливой улыбкой. Его лысая голова была так же загорелой, как его лицо. Я повернулся, будто я искал кого-то за моей спиной.

— Значит, Вы действительно имеете в виду меня?

Его улыбка стала ещё шире.

— Я должен попросить у Вас прощения, что не поприветствовал Вас намного раньше.

Я безмолвно уставился на него, всё ещё в состоянии полусна, к которому я привык. Этот человек мог уйти в любую минуту и никогда больше не вернуться, предоставив мне мучиться в одиночку.

Я решил сделать всё, чтобы выбраться из этой ужасной дыры. В тишине я забеспокоился, не галлюцинация ли это и что я, похоже, скоро сойду с ума.

— Как только Вы оденетесь, я познакомлю Вас с парой человек, которые Вас уже ждут.

Я кивнул и через десять минут последовал за ним в большой конференц-зал этажом ниже. В конце длинного стола лежала стопка журналов «Бамаханех»³⁸.

Помещение вполне могло бы принадлежать современному офису, в нём было свежо и чисто, и оно совсем не вписывалось в запущенное здание. В одном углу стояла кофеварка, и в воздухе чувствовался аромат кофе, сваренного по американскому образцу.

Большой мужчина предложил мне чашку кофе и показал на поднос с сахаром и молоком. Справа была большая стеклянная стена. Кто-то открыл дверь за зеркалом, из-за чего оно на секунду стало прозрачным. Я увидел, что за ним сидит несколько человек, а в углу стоит камера на треноге.

— Для чего эти журналы? — спросил я.

Мужчина ответил, что они для меня, и я могу их забрать с собой в камеру, когда мы на сегодня закончим. Это мне совсем не понравилось. Я не хотел назад в вонючую дыру, я хотел убраться из этого проклятого места, но я должен был сохранять спокойствие.

Затем всё пошло очень быстро. Египтяне положили предо мной стопку фотографий и попросили определить на снимках людей Моссад. Они не играли, как другие спецслужбы. На каждой фотографии имя было написано по-английски и по-арабски.

Где-то с пятью фотографиями я не смог идентифицировать. И эти люди, как они сказали, должны были служить в Европе, так что я вполне мог их не знать. У них также была схема организации отделов Моссад и чертёж здания на Бульваре Царя Саула. Я должен был показать им, где я сидел во время моей работы в датском отделе.

Мне стало ясно, что они уже разговаривали с людьми, которые там работали, и что они очень хорошо информированы об организации. Мой хозяин сразу расслабился, когда я сказал, что не могу назвать ему ни одного египтянина, который работает на Моссад. И он был очень счастлив, получив информацию о поставках оружия для «Братьев-мусульман».

Он хотел также узнать всё, что я знал о Роберте Максвелле, английском газетном магнате. В качестве причины он сказал мне, что уверен, что Моссад имеет постоянный интерес к покупке средств массовой информации и Моссад хочет таким путём, как влиять на общественное мнение, так и использовать журналистику в качестве прикрытия для проникновения агентов.

Мне показалось, что он в равной степени хотел показать мне, что он всё знает, и узнать то, что он не знает. Для офицера разведки это не самый умный образ действий. Он определил Максвелла, как агента Моссад и напомнил мне о других случаях, когда Моссад якобы стоял за спиной покупки газет в Великобритании.

В качестве примеров он назвал «Eastern African», которая была куплена на деньги Моссад израильским коммерсантом Арноном Мильшеном (который, кстати, участвовал и в финансировании фильмов о Рембо). Целью была помощь южноафриканской пропагандистской машине, пытавшейся придать режиму апартеида более благопристойный характер в глазах общественности.

Внезапно мне стала ясна нездоровая, вредная природа того, чем занимался Максвелл. В своём страстном желании сотрудничать с Израилем Максвелл, хотя он сам не был агентом (что мне однозначно объяснили англичане в своём посольстве в Вашингтоне), был всё же «сайаном» в широком смысле этого слова.

Моссад финансировал многие свои операции в Европе за счёт денег, украденных из пенсионных касс газет. Моссад сразу накладывал свою лапу на эти деньги, как только Максвелл скупал газеты (на деньги, взятые займы у Моссад, и на основе экспертиз, проведённых Моссад).

Самое неприятное, кроме краж, состояло в

³⁸ «Бамаханех» («Лагерь») еженедельный журнал израильской армии.

том, что каждый в империи новостей Максвелла автоматически попадал в любой точке Ближнего Востока под подозрение в том, что он работает на Израиль и, таким образом, одной ногой стоял в могиле.

Я рассказал моему хозяину, как уже раньше рассказывал англичанам, что Моссад в самом начале активно помогал Максвеллу при покупке газет путём предоставления займов, подстрекательства рабочих конфликтов и беспорядков и искусственно создаваемых проблем, из-за чего газеты можно было купить по самой малой цене.

Потом тактика изменилась. Сначала Моссад выискивал газету в качестве цели, а потом всеми возможными способами приводил её к обеднению и банкротству.

Это начиналось с провоцирования недовольства среди служащих и продолжалось в виде отказа от кредитов и требований возврата объявлений, которые выдвигали люди и банки, симпатизирующие Израилю. Когда объект ослабевал, на сцене появлялся Максвелл, наносящий изданию смертельный удар.

В этот вечер хозяин взял меня с собой в Каир. Когда мы оба сели в его машину, я знал, что он чувствует себя со мной в безопасности. Первые минуты пути я должен был надеть повязку на глаза и так же при возвращении. Город не произвёл на меня впечатления, и даже пирамиды меня не тронули.

Я был слишком разочарован и напряжён, чтобы что-то воспринимать. Но я наслаждался широтой просторов и чувством некоторой свободы. В полночь я снова был в моей камере, получив от хозяина гарантию, что завтра утром он снова придёт, и что в воскресенье я рейсом № 985 «Египетских Авиалиний» полечу назад в Нью-Йорк.

В одном нижнем белье я лежал на кровати и смотрел в потолок. У меня было чувство, что этот человек мне не соврал, и что я действительно улечу, но так как всё до этого складывалось не совсем так, как я себе представлял, то ничего гарантировать было нельзя.

Я дал сам себе обещание, что я, если выберусь отсюда, больше никогда, пока буду жив, не покину Канаду. Я был нормальным человеком, пока не поступил на службу в Моссад, возможно, слишком наивным и доверчивым к почти всем людям.

Моссад изменил меня. Они запрограммировали меня на выживание, что означало, что я никому не мог верить на своём пути. Он сделал меня невосприимчивым и воспитал во мне внутреннюю выдержку.

Раньше у меня была цель, сбить с пути к которой меня могла бы только смерть. В Моссад считали, что во мне они пробудили не только самоотверженность ради достижения цели (как и во всех других офицерах Моссад), но и — через промывку мозгов — согласие с их безумными политическими методами.

Это было ошибкой. Вместо этого им удалось воспитать человека, обладавшего выдержкой офицера Моссад, который себя полностью посвятит разрушению Моссад — то, что они потом назовут своим ужаснейшим кошмаром.

Но стоит только увидеть, как далеко я зашёл, чтобы обезвредить их, каким опасностям я подвергался и осознать, что много, таких же людей, как я, стоят на противоположной стороне, которые так же самоотверженно работают ради своей цели, можно понять, насколько опасен Моссад.

Я тогда в маленькой камере знал совершенно точно, что есть единственный путь, чтобы покончить с Моссад — разоблачить его. За это время я уже узнал, что они не были организацией, которой они хотели быть.

Да, они были опасны. Да, они были злы, но они не были эффективны, и они не были теми, за кого себя выдавали: спецслужбой, предупреждающей государство о потенциальных опасностях.

Как и было мне обещано, я вылетел назад в Нью-Йорк. За мою помощь мне дали 10.000 долларов. Мне нужно было подписать листочек, где было написано, что я посетил Египет по доброй воле, что со мной хорошо обращались, и что я получил десять тысяч долларов в качестве подарка.

Когда самолёт приземлился в Нью-Йорке, мне хотелось целовать землю. Я пообещал египтянам, что я вернусь и ещё пройду с ними по разным темам, когда они этого пожелают, и если это будет нужно. Но уже тогда, когда я сказал им это, я знал, что никогда больше не ступлю на египетскую землю, чтобы ни произошло.

Только некоторое время спустя я узнал причину того обращения, которому подвергли меня в Каире. Египтяне сами не пояснили мне этого, заявив, что это было недоразумением.

На самом деле, кто-то дал им «наводку», что я якобы шпион, который всё ещё работает на Моссад. Я должен был снабжать их дезинформацией, чтобы вызвать разброд в их организации, должен был назвать кого-то «кротом», якобы работающим на Моссад.

Египтяне решили изолировать меня и увидеть, что они смогут выведать о Моссад по ложным следам. Они проинформировали израильское посольство, что найден труп мужчины, подходящего под моё описание. По их данным, этот человек прилетел в Египет тем же рейсом, что и я, и был гражданином Канады.

Кроме того, они утверждали, что, похоже, этот человек израильтянин. Сообщение было передано Моссад, но так как у них в Египте не было никого, похожего на «моё» описание, они не ответили.

Через четыре дня египтяне убедились, что я не принадлежу к Моссад, потому что тот не затягивал бы с ответом так долго. Они, по крайней мере, попросили бы разрешения осмотреть труп.

Израильское посольство ответило лишь, что ни один израильтянин, подходящий под данное описание, не разыскивается, и что египтянам следует обратиться к канадским властям.

В это время Эфраим в штабе чуть не лез на стены, потому что думал, что мне не удалось доказать свою правдивость и открыть свои карты, или, ещё хуже, что я его предал, как он позднее выразился.

Глава 23.

Мне потребовалось немало дней, чтобы снова привыкнуть к жизни в качестве свободного человека. Я не хотел никогда больше становиться марионеткой. Отныне я был согласен участвовать только в таких делах, о которых я точно знал бы, что они навредят Моссад.

Теперь я понял, что Моссад — это машина смерти без какой-либо цели, и если Эфраим не будет со мной сотрудничать так, как я хочу, то он может убраться к чёрту, а я буду делать это сам. Я дал ему ясно понять, что не буду больше участвовать в операциях, которые не смогут чувствительно поражать Моссад.

Он хотел узнать, готов ли я дальше работать с египтянами, и я сказал ему, что буду это делать, только передавая им информацию, которая навредит Моссад.

Но с иорданцами я хотел активно работать и дальше, потому что думал, что они поспособствуют мирному решению конфликта между Израилем и Иорданией. Если Моссад удаётся свергнуть короля Хусейна, то в регионе никогда не наступит мир. Триумфовать будут фундаменталисты, а это — конец.

Я сказал также, что охотно буду поставлять информацию англичанам и смогу установить контакт с французами. Но на это потребуется время.

Я снова вышел на связь с иорданцами и договорился с Альбертом о встрече в Оттаве. Сначала он не хотел прилетать, опасаясь ловушки, но затем согласился и запланировал приехать в середине сентября.

Я нашел местного владельца галереи, господин Коймана, который владел несколькими галереями в Оттаве, Монреале и Торонто. Я принёс ему разные свои работы. Он решил сделать для них рамы и начал продавать их в своей главной галерее в Ридо-Сентр в Оттаве.

Одновременно я официально определил своё занятие: профессиональный советник по вопросам безопасности для разных иностранных государств. Это соответствовало действительности.

Я начал составлять аналитический отчёт о положении на Ближнем Востоке и о значении активности различных политических сил в регионе, сконцентрировавшись на анализе официальных речей израильских политиков.

Этот документ позволял иорданцам принимать решения на основе правдивого описания событий на политической арене, а не на базе преувеличенных, предвзятых, хорошо оплаченных аналитических статей американских средств массовой информации.

Когда бы ты ни включил телевизор, всегда можно было услышать телекомментаторов, болтающих о том, как они оценивают положение, хотя любому мыслящему человеку было ясно, что они всё сдирают друг у друга.

Альберт приехал в Оттаву, и я преподавал ему двухнедельный ускоренный курс «Как анализировать аналитиков». Во многих арабских столицах производятся горы бумаг для внутреннего исполь-

зования, причём, одновременно проглатывается всё, что, так называемые, эксперты мыслят о высказываниях других арабских лидеров. По каким-то причинам они прекратили доверять своему собственному здравому смыслу.

Альберт напирал на меня из-за сети израильских шпионов, которую я пообещал, и у него была ещё просьба. Его люди были очень озабочены тем, что выйдет из предстоящей смены правительства Израиля.

Так как выборы в Израиле два года назад завершились «вничью», обе основные израильские партии (Партия Труда с одной стороны и правый блок «Ликуд» с другой) согласились создать большую коалицию, где лидеры партий по очереди передавали бы высшие правительственные посты друг другу.

Было решено, что первые два года премьер-министр будет от Партии Труда — Шимон Перес, а министр иностранных дел от «Ликуд» — Ицхак Шамир. На следующие два года они должны были поменяться местами.

Ицхак Рабин из Партии Труда должен был все четыре года оставаться министром обороны. Сейчас наступало время, когда Шамир станет премьером.

Иорданцы хотели, чтобы я приехал в Амман для анализа того, что это будет значить для них. Они были довольны моим письменным анализом, но сейчас они хотели, чтобы я сам был там.

Почему бы им, собственно, и не пригласить меня к себе? Они обращались со мной хорошо, и во всех отношениях полностью выполнили свою часть договоренностей. Я согласился, попросив только дать мне время подумать о точной дате.

Я всё же спрашивал себя, какой смысл в этой поездке, если у меня не будет всех необходимых для анализа сведений.

Я также хотел получить помощь от Эфраима для создания шпионской сети, о которой мы говорили, по крайней мере, для составления списка людей и подборке различных возможных оперативных вариантов для иорданцев.

После того, как Альберт 30 сентября уехал, появился Эфраим. Мы много раз встречались в его номере в отеле «Холидей Инн». Он рассказал, что дома всё идёт довольно бурно, так что в ближайшее время он не сможет приехать. В это время моим контактным лицом будет Эли. Он должен был приехать в пятницу, 3 октября.

Я знал Эли по Академии, когда он был моим инструктором на первом курсе. У нас тогда были хорошие отношения. Но я не знал, что он принадлежит к команде Эфраима, и никогда бы не догадался об этом. Я всегда считал его убеждённым правым и сторонником жёсткой линии.

Эли был очень счастлив посетить Канаду. Он приехал, как турист и поселился в отеле «Холидей Инн» на Куинстрит (который позднее стал отелем «Рэдиссон»). Белле я сказал, что встречаюсь с коллегами по бизнесу.

Во многих еврейских газетах, выходящих в Канаде и США, в том числе и в газетах на иврите, мы дали объявления. Мы искали израильтян с военной подготовкой для работы в одной службе без-

опасности, которую назвали «Международная боевая служба» (*International Combat Service, ICS*).

В качестве адреса мы дали почтовый ящик в Оттаве, и через несколько дней мы были завалены письмами израильтян из Америки и Израиля, которые послали свои подробные биографии на иврите в адрес фирмы, которую они совсем не знали.

Они называли свои имена, адреса и воинские звания, а многие не побоялись даже описать всю свою военную карьеру, названия, номера и места дислокации их частей и подразделений и их специальную подготовку.

Это само по себе было горой знаний, для сбора которых потребовался бы опытный и хорошо функционирующий разведаппарат.

Несомненно, некоторые сведения были вымышленными, или многие авторы писем хотели прославиться особенными связями или опытом, которыми они не обладали, но по тому, что я знал из опыта службы в ВМС и других воинских подразделениях я смог установить, что большее число сведений было правдивым.

Эли взял большинство писем с собой и послал их по факсу Эфраиму, который хотел составить список. Этот список я решил взять с собой в Амман. И если наш план претворится в реальность, и мы сможем их завербовать, тогда они смогут поставлять ценные сведения, при этом — не такие, которые составляли бы угрозу Государству Израиль.

Эфраим настаивал на том, что я должен лететь 20 октября, и я готовился к этому. Он также сказал, что две из трёх команд «Кидон» заняты делом Мордехая Вануну, а третья находится в состоянии готовности.

Кроме того, это был день, когда Шамир и Перес обменивались своими постами, так что, получение разрешения на какие-либо действия «Кидон» продлится, как минимум, сорок восемь часов, если из-за меня будет дан сигнал тревоги.

В этот раз Эфраим не рассказывал больше о деле Вануну. Об афере Мордехая Вануну я подробно узнал много месяцев спустя от Ури, когда сообщения о ней прошли во всех средствах массовой информации.

Выяснилось, что в связи с ней между Шамиром (тогда еще министром иностранных дел) и Пересом (тогда премьер-министром) возникли разногласия.

Вануну был техником на секретном израильском атомном заводе в Димоне. Он выяснил, что Израиль разрабатывает атомные бомбы. И даже если Израиль казался здоровым демократическим государством, никто не мог гарантировать, что однажды какой-то экстремистски настроенный лидер не потеряет слишком легко голову и не сбросит Ближний Восток и весь мир в пропасть ядерной войны.

Ему также было понятно, что игра в прятки, которую ведёт Израиль по поводу своего ядерного потенциала со всем миром, ещё более ухудшает ситуацию. Пока Запад мог поступать так, будто у него не было доказательств того, что Израиль обладает ядерным оружием, он не должен был предпринимать какие-либо шаги с целью остановить распро-

странение ядерного оружия в регионе.

Вануну решил обнародовать известные ему факты и вынудить, таким образом, мир к действию. Он сделал около пятидесяти фотографий внутренних помещений и оборудования секретного атомного объекта, покинул страну и направился в Австралию в редакцию газеты «*Sunday Times*».

Редакция газеты перевезла его в Лондон, где захотели опубликовать его разоблачения, а затем Вануну должен был сам предстать перед прессой, чтобы поднять достоверность публикаций.

Премьер-министр Перес, который узнал об этом деле и видел, что ущерб уже никак не возместить, решил воспользоваться этой ситуацией к своей выгоде.

Он хотел показать всему миру, особенно арабским странам, некоторые из которых в поте лица трудились над созданием других средств массового уничтожения (отравляющих газов и бактериологического оружия), что Израиль вполне в состоянии уничтожить этих своих противников. Он хотел, чтобы история была опубликована.

Но Вануну должен был быть возвращён в Израиль, чтобы он ничего не смог выболтать. Таким путём он хотел убить сразу двух зайцев. У мира было бы основание бояться Израиля, и одновременно Израиль всё ещё мог бы отрицать факты, потому что не было бы никого, кто мог бы их доказать.

Шамир был абсолютно против этого плана, он хотел, чтобы умерли, как история, так и Вануну.

Перес заметил, что газета медлит с опубликованием истории, прежде всего, опасаясь того, что она, возможно, «проглотила» дезинформацию. Перес созвал издателей израильских газет и попросил их упоминать лишь походя об этой истории.

Он надеялся, что эта просьба будет известна и британскому издателю «Санди Таймс» и докажет ему, что сведения Вануну правдивы, иначе зачем бы израильскому премьеру понадобилось просить издателей о замалчивании этой истории.

В это же время Шамир связался со своим другом, британским королём средств массовой информации Робертом Максвеллом с тем, чтобы Максвелл опубликовал статью, в которой высказывались бы сомнения в достоверности рассказа Вануну, а его самого обвинили бы в шарлатанстве. Шамир также хотел опубликовать фотографию Вануну в газете, чтобы тот, не зная об этих махинациях, запаниковал.

«Санди Таймс» опубликовала, наконец, статью только 5 октября, неделю спустя после публикации в максвелловской «*Daily Mirror*».

Моссад направил по следу Вануну группу «Кидон». Она прибыло 20 сентября в Лондон, и с помощью женщины, знаменитой Синди, выманила Вануну в Италию. Там он был похищен и привезён в Израиль, где предстал перед судом и был приговорён к 18 годам тюрьмы, которые должен был отбывать в одиночной камере.

Только годы спустя я узнал о связи между Шамиром и Максвеллом и отметил, что, собственно, для меня это не было тайной всё это время.

Цель моего визита в Иорданию была в этот

раз несколько неопределённая. Я прилетел в Нью-Йорк и вечером в половину одиннадцатого вылетел оттуда рейсом № 264 иорданской авиакомпании «Алия» в Амман.

Меня беспокоило лишь то, что мой авиабилет, присланный мне из иорданского посольства, был с открытой датой обратного полёта. Дата не была проставлена, что меня несколько обеспокоило после моего последнего опыта в Египте, потому что я знал, что египтяне и иорданцы тесно сотрудничают во многих областях.

Полёт был вполне приятным. Моим соседом был офицер канадской авиакомпании «Эйр Кэнэда», который летел в Иорданию, чтобы подготовить перелёт туда стада канадских коров в рамках программы сельскохозяйственной помощи.

Альберт должен был встретить меня в аэропорту. Он задержался, из-за чего я поволновался. Я въезжал с канадским паспортом, выданным в Тель-Авиве, и при прохождении паспортного контроля у меня могли возникнуть проблемы.

В аэропорту Аммана царил большое оживление и через несколько минут после моего прибытия, я остался в зале совсем один. Полицейские подозрительно поглядывали на меня. Когда один из них двинулся ко мне, появился Альберт.

Он был бледен и неоднократно извинялся — он неправильно рассчитал время моего прилёта. Он провёл меня через паспортный и таможенный контроль, и мы поехали в город в отель «*Regency Palace*».

В этот раз отель был полон и большинство гостей, казалось, были из Саудовской Аравии, судя по их традиционным белым одеяниям с золотыми каемками.

Первый день мы провели в обмене любезностями и визитами вежливости к людям, с которыми я познакомился в мой первый приезд, — и в этот раз мы обходились друг с другом уже, как старые знакомые. Чувство пугающего ожидания исчезло ещё до конца первого дня.

Следующим утром я полетел с ними в Петру, древний город, высеченный из красной горы. Его колоссальные дворцы и огромные колонны — это части скал. Вид его перехватывает дыхание и напоминает о краткости нашего пребывания на этой земле.

Затем мы поехали в Акабу, город на берегу залива Акаба, напротив израильского города Эйлат, в котором я провёл два года моей молодости. Оба города лежат очень близко друг к другу. Я вспомнил один вечер в Эйлате, когда я был на пляже, а в городе отключилось электричество. Туристы показывали на Акабу, удалённую лишь на несколько километров, и спрашивали, почему там есть свет.

У меня было жуткое чувство, когда я сидел на веранде прекрасной белой виллы на берегу залива Акаба вместе с друзьями из иорданской разведки и, с бокалом холодного лимонада в руке, смотрел через бухту на Эйлат, откуда как раз из военной части гавани выходили на патрулирование израильские катера. Я мог видеть даже нос ракетного катера типа SAAR, торчащий из огромного сухого дока.

В этом приятном окружении мы дискутирова-

ли о последствиях, которые можно было ожидать от смены правительства Израиля, которая состоялась днём раньше. Их беспокоила, прежде всего, философия Шарона.

Арик Шарон пытался добиться того, чтоб Иордания рассматривалась, как Палестина, и, так как почти семьдесят пять процентов населения Иордании составляют палестинцы, они должны были свергнуть короля, создать тут своё собственное государство и забыть о Западной Иордании.

Я объяснил им, что, по Шамиру, с Западной Иорданией и не будет по-другому. В принципе, Шамиру совершенно всё равно, будет Иордания Палестиной или нет. Если его что-то в этом вопросе и волнует, то он предпочтёт оставить все вещи так, как они есть.

Мы два дня оставались в Акабе, а затем вернулись в Амман. Мой друг Фадлаль ждал меня в отеле. Он сразу приступил к делу.

— Как обстоят дела со шпионской сетью, которую ты нам пообещал? — Его рот улыбался, но глаза — нет. Я вынул из моего чемодана лист бумаги и дал ему.

— Это список израильских офицеров, которые сейчас пребывают в Европе и в США и готовы работать в области безопасности на того, кто им больше заплатит. Вам нужно найти пару своих людей, которые говорят на иврите, лучше всего — с американским акцентом.

Пошлите их в Мексику, а оттуда они выйдут на контакт с людьми из этого списка. Вы, конечно, за свой счёт, привезёте их в Мексику, опросите их одного за другим, как будто речь идёт об их работе. Поселите их в хорошую гостиницу и дайте им немного карманных денег.

— Почему ты думаешь, что они будут разговаривать с нами?

— Если вы убедите их, что вы израильтяне, а, как я сам убедился, вы здорово умеете это делать, то они вовсе не откажутся говорить. Но будьте осторожны — не перегните палку. Если один из них захочет уйти — пусть уходит. Но самое важное — позаботьтесь о том, чтобы они не встречались друг с другом. Вы должны проводить интервью с каждым индивидуально.

Фадлаль кивнул. Далее я описал, как нужно выявлять лиц, которые могут передавать не только обычные сведения, но и знают приёмы добывания тактической и военно-технической информации.

Этих претендентов нужно затем завербовать и направить в лагерь в Мексике, где они будут обучать других людей — «солдат» — искусству получения и передачи подобных сведений, которые очень важны для иорданской разведки. В последние мои дни в Аммане мы ещё раз прошлись по этому плану.

Некоторое время спустя Альберт, который просматривал видеоплёнки, снятые во время опросов в отеле в Акапулько, рассказал мне, что его люди сказали, что только сейчас они поняли, в чём состоит эта затея с израильтянами.

При первом анализе они казались большими детьми с большим самомнением и внушённой враждебностью, но в то же время приветливыми.

Они установили, что израильтянам свойственно экстремистское предубеждение против всего, что не израильское, и что они, кроме того, полны и других предрассудков.

Мой визит, достаточно бедный на события, почти закончился, когда я страшно испугался. За день до моего отъезда я покинул свой номер и встретил горничную, которая вышла из соседнего номера и шла к своей тележке, груженной чистящими средствами.

По привычке и, не подумав, я пожелал ей доброго утра на иврите: «Бокет Гове». Она этого не заметила, но два постояльца, стоявших у лифта, обернулись ко мне. Я вернулся в номер, чтобы не ехать с ними вместе в лифте, но так как я был гостем местной разведки, я не придал этому большого значения.

Я спустился вниз, чтобы встретить Альберта на втором этаже на завтраке в ресторане с деревянными столами. Столы были круглыми и рассчитаны на восемь персон, но мы были лишь вдвоём. Возможно, к нам собирался присоединиться еще Фад-лаль.

Я подошёл к буфету в середине зала, затем пришёл к своему столику и начал есть. Вдруг я остолбенел. Я услышал, как два человека за моей спиной говорят на иврите. Сначала я хотел обернуться, но в последнюю секунду овладел собой.

Я не собирался рассказывать об этом Альберту, потому что не хотел выдавать ни одного израильтянина, по какой бы причине они тут не находились. В любом случае я точно знал: они были здесь не из-за меня.

В противном случае, они не садились бы за мной и не говорили бы на иврите. Скорее всего, они были здесь с официальной миссией, но точно не по делам иорданской спецслужбы. Возможно, у них были дела в МИД.

Когда я в следующий раз пошел к буфету, я бросил короткий взгляд на них и был шокирован второй раз. Я едва не потерял равновесие: я взглянул прямо в лицо мужчины, которого я знал из Моссад. Я был уверен, что я его видел там регулярно.

Я увидел, что он намного лучший актёр, чем я — на его лице не пошевелился ни один мускул. Он снова обернулся к людям, с которыми он сидел, теми же, кто шептались между собой на иврите, и перешёл с ними на английский язык.

— Ты что, видел привидение? — спросил меня Альберт, когда я вернулся к столу.

— Нет, я просто как раз подумал, что слишком много выпил прошлой ночью, и это обращает на меня внимание. Я думаю, мне лучше уйти, и, если ты не против, то я подожду тебя в своём номере.

— Хорошо. Я потом приду к тебе, — сказал он мне со своей обычной вежливостью.

Я лёг на кровать и думал, кого же я увидел. Наконец, до меня дошло. Я знал этого человека, но он не знал меня. Это был Амнон П., он же Хомбре, как звучал его агентурный псевдоним. Он был офицером связи Моссад в Дании и скандинавских странах, и я ежедневно, пока работал в датском отделе, видел его фотографию.

Это был метод работы Моссад: на стенах кабинетов отделов в штабе вывешивались фотографии «добывающих» офицеров, с которыми работал отдел. При этом офицеры за письменными столами имели дополнительную точку привязки, когда они работали с операторами.

Я знал его лицо, а он моё — нет. Я не мог себе представить, что он тут делает, как и то, зачем здесь находились два других израильтянина. Не было никакой возможности разузнать это без риска разоблачить себя. Возможно, они были здесь тайно, под каким-то прикрытием.

До самого своего отъезда на следующий день я почти безвылазно просидел в своём номере.

Глава 24. Среда, 29 октября 1986 года

Я возвращался в Соединённые Штаты. От иорданцев я получил десять тысяч наличными в канадских долларах. Я задекларировал деньги в США и даже заполнил особый формуляр, так как хотел остаться на ночь в Нью-Йорке.

Но после телефонного разговора с Беллой я решил улететь в Канаду в тот же день. Я не задекларировал мои деньги при выезде, а только при въезде в Канаду.

Несколько дней спустя в дверь моей квартиры в Оттаве постучали. Сотрудник RCMP (Королевской Канадской Конной Полиции) сопровождал таможенного чиновника из американского посольства, который хотел задать мне несколько вопросов.

Канадец сказал мне, что я не обязан отвечать на вопросы американского таможенника, но они ожидают моего содействия. Я увидел, как моё прикрытие тает прямо на глазах.

Если этот американец напишет отчёт, который попадет в руки Моссад, только потому, что ему нужно какое-то доказательство, и будет отмечено, что я был в Иордании, тогда моя оставшаяся жизнь быстро сократится до нескольких недель.

С другой стороны, у меня не было другого выхода, кроме как сотрудничать с ними и надеяться, что документы не попадут в руки израильтянам.

Я был советником по вопросам безопасности, который только что помог иорданцам улучшить их систему безопасности (что было правдой) и который обучал их новейшим приемам защиты высокопоставленных лиц (что тоже соответствовало действительности).

Оба, казалось, вполне приняли мою историю и объяснили мне, что пришли из-за моего краткого пребывания в США, когда я въез в Америку довольно большую сумму наличными и, судя по документам, не вывез ее. Они опасались, что я связан с торговлей наркотиками или чем-то подобным.

Теперь я знаю, что они мне поверили, потому что я больше их никогда не видел и не слышал.

Эфраим был очень взволнован, когда узнал об этой истории и посчитал, что мне стоит некоторое время не перебарщивать в работе. У нас была регулярная связь с иорданцами, и в этой ситуации не было необходимости перенапрягаться.

Кроме того, Эфраим в этот раз ещё возмущённо (и при этом я даже по телефону мог представить себе его сердитое выражение лица) рассказывал мне:

— Шамир как раз дал поручение отделу офицеров связи «Liaison» установить контакты с КГБ. Он действительно хочет сотрудничать с ними. Он говорил, что это очень поможет вытаскивать оттуда советских евреев, потому что румыны не могут помочь. Но мы знаем, что он хотел этого уже давно.

— Из-за этого тебе не стоит особо напрягаться, — сказал я. — У него уже есть человек КГБ в бюро. Ему только нужно поговорить с Левинсоном³⁹. Или это и есть идея Левинсона?

Но Эфраиму это вовсе не казалось таким смешным.

— Не лезь туда, — сказал он. — Здесь будет слишком жарко, и я не смогу управиться, если всё происходит одновременно. Ты мне будешь нужен, чтобы проинформировать англичан об одной операции, которая начинается в Лондоне... Но я ещё не собрал все данные и я не хочу, чтобы при этом провалился один из наших людей.

— Кто её проводит? — спросил я.

— Барда, — ответил он кратко, считая, что этим сказано всё, а именно, что операция точно провалится. Бывший шофёр такси, превратившийся в шпиона, был экзотичным оппортунистом, делавшим всё только ради своей выгоды. Его уже не раз ловили на горячем, но благодаря своим связям он всегда отделялся лишь мягким порицанием.

— Но теперь Моссад не много сможет сделать, не будучи разоблачённым, — сказал я, имея в виду, что англичане после нашей встречи в Вашингтоне имели достаточно времени, чтобы поставить под наблюдение почти все конспиративные квартиры Моссад.

— Они заметили, что их конспиративные квартиры находятся под наблюдением. Поэтому они сейчас стараются обойтись малым силами, и, кроме Барды, в операции примут участие только двое атакующих оперативных офицеров⁴⁰ из Брюсселя.

— Что мне при этом делать?

— Как я уже сказал: как только я соберу побольше информации, я дам её тебе, чтобы ты мог передать её английским друзьям. А пока занимайся иорданцами и жди.

Мне нужно было подождать несколько месяцев, и я радовался жизни. Я начал разрабатывать рисунки на футболках и печатать их. Всё это дело я назвал «Sharlee Creation», по комбинации имён моих обеих дочек: Шарон и Леоры.

³⁹ Ш. Левинсон — «крот» советского КГБ в бюро премьер-министра, который работал там до 1989 года. См. главу 15.

⁴⁰ Атакующим оперативным офицером в Моссад называют офицера, который умеет устанавливать молниеносный контакт с лицом, интересующим Моссад, и быстро его вербовать. После вербовки агент передаётся обычному ведущему оперативному офицеру, а «скоростной вербовщик» направляется на другую операцию. Есть всего 5 таких специалистов, которые обычно дислоцируются в европейской штаб-квартире Моссад в Брюсселе.

Бизнес шёл хорошо. Он не приносил мне больших прибылей, но мне нравилось заниматься тем, что приносило мне удовольствие. На деньги, которые поступили от иорданцев, мы могли жить вполне хорошо, а текущие мои расходы покрывал Эфраим.

Все деньги поступали на счёт предприятия. Белле я говорил, что это оплата моих рисунков на футболках и за деятельность советника для Заира и Шри-Ланки.

Но это время длилось не так долго, как мне бы хотелось. Эфраим снова освободился, и мы захотели пробить ещё одну дыру в броне Моссад.

Понедельник, 5 января 1987 года

Несколько дней назад я позвонил в посольство Великобритании и оставил сообщение моим друзьям, что у меня есть новая, важная для них информация.

Эфраим передал мне документы об операции «Домино», которая должна была проводиться примерно в течение года в Англии.

Результатом этой операции должно было стать убийство палестинского карикатуриста, который работал в одной кувейтской газете, группой Моссад. При этом ответственным за убийство должны были сделать ООП, вернее «Force 17» — преторианскую гвардию ООП.

Операция была долгосрочной и запутанной, в ней принимали участие многие подразделения Моссад. Для нас было несомненным, что британско-израильским отношениям будет нанесён удар, последствия которого будут ощутимы некоторое время.

Но руководство Моссад не сможет пережить скандала, если англичанам удастся взять Моссад с поличным. Это стало бы той соломинкой, которая сломала спину верблюда.

Эфраим разместился в отеле «Вестин» в Оттаве, и я должен был пообещать ему найти его сразу же после моей встречи с англичанами.

В полдень ко мне пришёл англичанин. Мы вместе спустились к бассейну. Сначала я хотел побеседовать с ним в каком-то нейтральном месте, перед тем, как приглашать его к себе домой или в отель «Вестин», где Эфраим снял номер на моё имя.

Я не был с ним знаком. Он представился и сказал, что его коллеги очень благодарны мне за информацию, которая привела к конфискации паспортов в Западной Германии.

Я хотел узнать, предпринимали ли они что-то в связи с информацией о Максвелле и со сведениями об огромных денежных суммах, которые он регулярно переводил резидентуре Моссад в Лондоне.

Хотя в целом он не был посвящён в предшествующие события, но заверил меня, что об этом позаботятся. Так как информация была очень щекотливой, я не хотел дальше говорить об этом тут.

Я предложил ему пройти в гостиничный номер, который я обеспечил заранее. Меня удивило, как быстро он согласился пойти в отель, не принимая никаких предварительных страховочных мероприятий.

Мы поехали в моей машине, я поставил её в подземном гараже и взял ключ от номера. Мы поднялись в угловой номер «полулюкс», заказали кофе и сэндвичи и принялись за работу. Я передал ему документы от Эфраима, в которых освещались разные аспекты операции, которая только что стартовала в Англии.

Большинство действующих лиц операции были уже на месте. Возможно, в результате данных, которые я передал англичанам в Вашингтоне, им удалось установить слежку за курьерами — «боделями», выходящими из израильского посольства.

Так они рассекретили очень многие конспиративные квартиры, за которыми теперь была установлена пристальная слежка. Это означало, что англичанам стали известны в своём большинстве рутинные действия резидентуры.

Но за несколько недель один из «боделей» всё-таки заметил за собой слежку и сообщил об этом шефу резидентуры. Резидент вызвал из Израиля группу «Йарид»⁴¹, которая должна была проверить безопасность операции. Муса, возглавлявший все операции в Европе, прибыл из Брюсселя для руководства делом.

Выяснилось, что многие конспиративные квартиры находятся под наблюдением и от них отказались. В качестве причины назвали, что один из оперативных офицеров был неосмотрителен и привёл за собой целую кучу «хвостов». После того, как они навели порядок, они были уверены, что можно снова приниматься за работу.

Но, чтобы обеспечить полную безопасность, они вызвали из Брюсселя троих атакующих оперативных офицеров, которые должны были работать вне посольства, что означало, что они не являются частью «посольского штаба», как остальные оперативные офицеры лондонской резидентуры.

Через несколько дней после введения в действие группы «Йарид», англичанам снова удалось взять след, потому что они уже знали «боделей». Как долго бы резидентура не соблюдала свои меры предосторожности, англичане могли раскрывать её действия.

Муса, зная, что англичане бдительны, предложил «двойную ослепляющую»⁴² операцию под названием «Домино». Конечно, её официальным оперативным названием было какое-то придуманное компьютером сокращение, которое было во всех документах, но все звали её «Домино».

На арене появилось новое лицо. Это был офицер ООП, завербованный Моссад во время ливанской войны в 1982 году, когда у него не оставалось другого выбора. Этот человек в конце семидесятых годов был лейтенантом и членом «Аль Са'ига»⁴³, затем окончил военную Академию «Аль Фатах» и

⁴¹ Yarid — подразделение, ответственное за мероприятия безопасности при проведении операций в Европе.

⁴² Так называют отвлекающую и маскирующую операцию, которую проводят с определённой целью, имея в виду, что противник об этом знает, чтобы заставить его поверить в иную, ложную цель операции.

⁴³ Просирийская фракция ООП, которая образовалась в 1968 году, а в 1983 году отделилась от ООП.

служил в танковых частях сирийской армии.

В 1978 году его часть перевели в Ливан, где его позднее завербовал Моссад. По его требованию он перевёлся в «Force 17». Его звали Мухаммад Мустафа Абд-аль-Рахаман, личный номер 13952.

Единственным контактом этого человека в Лондоне был палестинец по имени Саван, который уже некоторое время работал на Моссад.

Муса правильно предположил, что за Саваном установлено наблюдение в какой-либо форме, потому что он был на связи с Бардой, своим оператором, который, в свою очередь, использовал конспиративную квартиру, которая была под наблюдением.

С этого момента Абд-аль-Рахамана стали представлять как злодея и того, кто напрямую связан с ООП и «Force 17».

Он якобы поставлял контрабандно в Англию оружие, которое Саван должен был хранить в своей квартире для него. Целью было создать у англичан ложное чувство безопасности. Они не действовали бы, веря, что знают, что происходит, а ждали бы, пока, возможно, в их сеть не попадёт крупная рыба.

Кроме того, они были бы убеждены, что о том, что они делают, Моссад не знает. Моссад планировал, что как Саван, так и Абд-аль-Рахаман покинут в нужное время страну. Затем должна была приехать группа «Кидон», совершить убийство и свалить ответственность за него на Абд-аль-Рахамана.

Но к этому моменту он должен был уже покониться в безымянной могиле где-то в секторе Газа.

Как и положено между добрыми друзьями, Моссад потом предоставил бы англичанам все сведения, которые нужны были последним для расследования. Моссад выдал бы им и хранилище оружия, и Савана, агента, ставшего на скользкую дорожку, который должен был поставлять информацию, но не делал этого.

Англичанин записывал всё это, а, кроме того, включил свой диктофон. Он задал мне бесконечно много вопросов и, прежде всего, хотел узнать, откуда я получил такие сведения. На его технические вопросы я охотно отвечал, но по поводу источников сказал, что это его не должно касаться.

Вместо этого, я сказал ему, что у меня есть новый образец галстука. Я дал ему фотографию из паспорта, на которой было вырезано лицо.

— Для чего это? — спросил он, разглядывая фотографию.

— Дайте это людям, с которыми я встречался в Вашингтоне. Скажите им, что это новый образец, они знают, о чём речь.

— Нет ли у Вас желания приехать на пару дней в Лондон? — Человек улыбнулся, будто он при этом передавал мне какой-то приз. — Мы всё оплачиваем, естественно...

— Зачем? Чтобы меня постигла участь Вануну?

— О чём Вы говорите? К этому мы вообще не имели отношения. — Его голос звучал почти обиженно.

— Не рассказывайте мне сказок. В то время Вы уже наблюдали за лондонской резидентурой и за многими конспиративными квартирами. Вам просто должно было быть ясно, что девушка, эта знаменитая Синди, с которой он встретился, не та, за кого она себя выдавала. Это Вы должны были знать.

Я дал Вашим коллегам достаточно информации, чтобы узнать, что она после договоренности с Вануну встречалась с людьми из лондонской резидентуры. Её опросили и проинструктировали на конспиративной квартире, и Вы могли бы хотя бы охранять Вануну.

Итак, не говорите мне о том, что Вы не имели к этому никакого отношения. Это Вы можете рассказывать Вашим парламентариям.

Англичанин сохранил выдержку, но по его виду я всё же заметил, что он чувствует себя очень неловко. Он передал мне конверт.

— Наши друзья хотели бы дать Вам это. Я знаю, что это немного, но они хотели бы, по крайней мере, сказать Вам «спасибо».

В конверте было восемьсот долларов. Я проводил его к выходу, но он сказал, что сам найдет дорогу. Я знал, что он спешит в посольство, чтобы скорее написать отчет. Перед прощанием я сообщил ему имя жертвы, чтобы они хотя бы смогли защитить художника, если всё остальное не получится.

Я прошёл к Байворд Маркт, красивой маленькой площади в Оттаве и провел маленькую проверку, чтобы удостовериться, нет ли за мной слежки. «Хвоста» не было. Я вернулся в отель и поднялся в номер Эфраима. Я дал ему подробный отчет и сказал, что надеюсь, что они смогут остановить операцию «Домино». Я спросил, не думает ли он, что стоит позвонить в «Скотланд-Ярд» и рассказать им об операции?

— Это, мой мальчик, разрушит весь наш план. Они остановят операцию ещё до её начала, и Моссад снова выйдет сухим из воды. Не переживай, англичане сделают всё правильно. Ты дал им больше информации, чем им, собственно, было нужно. Я, однако, не доволен тем, что ты так сильно развыступался из-за дела Вануну.

На следующий день Эфраим уехал. О продолжении истории я узнал много позже. 22 июля Али Аль Ахмед, карикатурист одной кувейтской газеты, критически настроенной к ООП, был убит якобы Абд-аль-Рахаманом и большой группой «палестинских убийц».

В палестинской общине это вызвало огромное возмущение. Англичане проснулись, наконец, из своего глубокого сна, и вышвырнули из Лондона весь персонал резидентуры Моссад.

Я всегда потом спрашивал себя, устроили ли бы они такое же большое шоу, если бы в ходе открытого судебного процесса над Саваном в июне 1988 года общественности не стало бы известно, что он был агентом Моссад.

В любом случае известно одно: британская спецслужба так же ответственна за смерть этого карикатуриста, как и израильский Моссад, потому что она могла предотвратить это убийство.

Это ещё раз подтвердило то, что я уже знал: любая организация, вступившая в контакт с Моссад,

«заражается» от него так, что это не идёт на пользу её стране.

После встречи с англичанами, ко мне вкрапилось чувство, что, сотрудничая с ними, точно не удастся избавиться от тени Моссад. Это задание надо было передать тем, кто действительно был этим обеспокоен, отдельным людям, имевшим чёткую позицию, какую подсказывал их долг, состоявшую в том, что монстра нужно разоблачать, причём открыто.

Я решил, как бы самоуверенно это не звучало, обратиться к общественности. Сначала я думал, что самым быстрым путём, чтобы добиться этого, был бы фильм. Общественность должна узнать правду о Моссад, а как можно охватить наибольшее количество людей, если не с помощью кино?

Я провел несколько попыток изучения вопроса, не говоря ничего Эфраиму. В конце концов, я добился встречи в Монреале с неким Робертом Спраем. Господин Спрай был владельцем небольшой киностудии под названием «Telescene».

Когда я проверил историю его карьеры, то узнал, что он достаточно далеко отстоит как от Голливуда, так и от еврейской общины, чтобы быть безопасным.

Мы встретились в его бюро в обновлённом старом доме в Монреале. Он был очень вежлив и воодушевлён, но сказал мне с самого начала, что он хотел бы сделать по этой теме именно художественный фильм, «fiction», так как он вряд ли устоит перед смерчем, который сможет вызвать подобная тема.

Я попросил его сделать мне коммерческое предложение и решил, что вернусь к нему, если у меня не получится ничего другого.

Моей следующей попыткой стал один издатель в Торонто. Я встретился с ним и двумя представителями его издательства в тамошнем отеле «Prince Hotel».

Так как я внезапно струсил, то решил в последний момент представить книгу в качестве романа, основанного на реальных событиях. Это была плохая идея, и издатели отказались.

«Так как мы ещё не видели ничего, написанного Вами, мы сначала хотим получить на руки полную рукопись», — сказали они и были правы.

Я решил на первый раз оставить этот план и предложить идею Эфраиму, чтобы воспользоваться его глубокими знаниями и хорошими связями.

Эфраим воспринял мою идею книги без восторга и вначале попытался всеми силами отговорить меня. Он сказал, что Моссад в этом случае не будет безучастно наблюдать. Ещё никому не удавалось успешно сыграть с Моссад штуку такого масштаба.

Он показал мне список людей, которые попытались перешибить мозаиковский обух плетью. Большинство из них уже покоилось в земле на глубине почти двух метров, другие лежали, разорванные на куски, где-то в Богом забытой пустыне.

Единственный человек, который написал книгу о Моссад и до сих пор жив — это бывший шеф Моссад, Исер Харель, которого, правда, весь мир

уже воспринимал, как безобидного старичка. И единственная причина, по которой он смог это, заключалась в том, что он настолько стерилизовал историю, что из неё получился чистый гимн, восхваляющий Моссад.

Эфраим объяснил, что то, что я намереваюсь сделать, совершенно неслыханно, и никто в Израиле не признает эту книгу тем, чем она будет: попыткой спасти страну от чумы.

— Они назовут тебя предателем, — сказал Эфраим.

— А что будет, если они из-за какого-то ляпсуса с твоей стороны или со стороны кого-то другого как-то узнают, что я делал последние два года?

— Но этого не случится. Для тебя вообще не существует никакого риска. В данный момент всё проходит отлично.

Я знал, что он заметил мое раздражение.

— Так ли уж отлично на самом деле? Мы потратили два года, занимаясь играми под твоим руководством, и мы ничего не добились. Я думаю, пришла пора заняться чем-то конкретным. Что бы ты ни решил, я всегда признаю это.

Я только хочу, чтобы ты знал: что бы ты ни сказал, я всё равно отважусь на эту попытку. Если ты хочешь сотрудничать, я смогу тебя спрашивать, о чём можно писать в книге, а о чём нет, потому что у нас, в конечном счёте, одна цель.

Он некоторое время сидел молча, пока его сигарета медленно догорала в пепельнице. Затем он посмотрел на меня и ухмыльнулся: «Чёрт побери, давай дадим им под зад!»

Уже давно я не чувствовал себя так хорошо. Я знал — я снова на верном пути. Теперь тайны будут раскрыты. Ещё нерешённые проблемы казались мне незначительными.

Так думали мы, по крайней мере, вначале. Но чем больше мы прорабатывали план, тем больше становилось проблем. Кто возьмёт на себя самописание? Я чувствовал себя для этого не в состоянии, я не верил в свои способности.

Я хотел найти кого-то, кто мог бы рассказать эту историю как можно проще, но с как можно большей пробивной силой. Из соображений безопасности он не должен был быть евреем, и у него должно было хватить мужества.

Затем нужно было найти издателя, который был бы готов заняться темой Моссад, и это всё нужно было хранить в тайне. Нельзя было разболтать ничего о содержании книги.

Следующий вопрос был, как мы можем сделать так, чтобы люди нам вообще поверили. У нас было ни малейшего сомнения, что официальной реакцией Моссад будет: «Виктор Островский? Никогда не слышали о таком, но Вы можете попробовать навести справки о нём в управлении психиатрии министерства здравоохранения».

Как нам предугадать, что нас ожидает?

Глава 25. Воскресенье, 3 апреля 1988 года

Эфраим настоял на том, чтобы в создании книги, которую я хотел написать, было бы задействовано как можно больше людей из его клики. Он установил правило, что я, так как дело касалось именно моей задницы, имел бы право вето. Я, таким образом, определял содержание и стиль изложения.

Мы сидели в номере отеля «Четыре времени года». Присутствовали Эфраим и Ури (у которого было только несколько часов времени, так что мы сначала должны были выслушать его), кроме того, Эли, всё ещё считавший это безумной идеей, который упорно хотел дать нам знать, что он решительно возражает (поэтому он будет счастлив прочесть этот абзац).

Мои мысли пугались в голове. Я рассказал Белле, что хочу написать книгу о Моссад. Я заверил её, что это будет только роман, но, тем не менее, посоветовал хранить молчание. Когда я ей это сказал, она посмотрела на меня, как на человека в смиренной рубашке, рассуждающего о моде.

Я знал, что она ни на минуту не поверит, что мне удастся опубликовать такую книгу. Но я писал документальную книгу и я точно не знал, как и когда должен ей это преподнести.

Я также думал о том, как тяжело будет скрывать это от неё, особенно если я буду с кем-то сотрудничать. И так как она любит Израиль больше всего, я не знал, как она с этим справится.

— Что у нас сегодня в программе? — спросил Ури.

— Я хотел бы иметь что-то вроде плана книги, — сказал я, — такой чертёж, наброски того, о чём пойдёт речь в книге. Мне нужно больше пунктов, чем я использую, чтобы человек, с которым я буду сотрудничать, мог высказаться об этом и определить направление.

Эли хотел знать, какую цель должна преследовать книга. И Эфраим согласился, что это самое первое, чем нам следует заняться. Затем нам надо найти подходящие истории, чтобы закруглить дело.

— Есть тысячи историй, — сказал он. — Но от большинства клонит в сон, или они рассказывают о совсем рутинных делах.

— Я хочу показать, что такое Моссад, — сказал я. — Дать представление людям, которые ничего об этом не знают, что в действительности представляет собой разведка. Я убеждён, что многие люди найдут это одновременно увлекательным и отталкивающим.

Кроме того, мы дадим всем людям, на которых не можем выйти непосредственно, во всех разведках, сотрудничающих с Моссад, повод переоценить свои связи с ним. Я не думаю, что датчане или немцы будут сильно гордиться, когда узнают, каким образом их используют.

И даже если люди в самом Израиле воспримут меня, как предателя, они всё же должны будут принять к сведению факты из книги, и это — самое главное. Я думаю, что после такого рода разоблачения нельзя будет обойтись без того, чтобы очистить Моссад.

— Я согласен с тобой, — сказал Эфраим. — Я предлагаю, чтобы ты вначале рассказал о своей жизни и потом перейдёшь к рассказу об операциях.

Тебе нужно выбрать такие из них, о которых люди что-то уже слышали, или результат которых известен, как, например, дело иракского атомного объекта.

— Так я тоже думаю, — сказал я и записал в жёлтый блокнот: «Операция “Сфинкс”».

Ури закурил.

— Мы должны доставить истории из каждого отдела, чтобы накрыть всё. Почему бы тебе не сделать список отделов, чтобы мы выудили тебе что-то из каждого отдела?

Эфраим повернулся к Ури:

— Ты можешь сократить своё пребывание здесь и быстрее вернуться в Тель-Авив?

— Я и так через месяц возвращаюсь назад. Зачем спешить?

— Нам нужна хорошая система предупреждения, пока он пишет о таких вещах и кто-то со стороны имеет с этим дело. Мы должны быть готовы сразу же предупредить его, если в бюро что-то станет известно.

— Я думал, ты держишь всё под контролем.

— Да, держу. Но с твоим другом Аароном Шерфом из «Цаффририм» у меня связи нет.

— А он тут при чём?

— Информация может прийти через одну из еврейских организаций, с которыми мы работаем, вроде Б'най Брит или Объединённого Еврейского Агентства UJA. И ещё есть много других, с которыми работают «посланцы».

В тот момент, когда кто-то в еврейской общине где-то в Северной Америке пронюхает что-то об этом деле, он помчится в свою организацию и доложит всё, что узнал. Этим он только исполнит свой долг сиониста. И Шерф скажет им, что следует сделать.

— Я понимаю. Это не представит проблемы. Я всё равно буду там.

Когда с этим было покончено, мы нарисовали на бланке письма гостиницы маленькую схему организационной структуры Моссад и приклеили её на экран телевизора. Затем мы начали перечислять истории из каждого отдела, которые должны быть записаны.

Было решено, что избранные истории должны давать обширное представление и охватывать все этапы секретной операции, включая её планирование и принятие решений, чтобы потенциальные читатели поняли масштабы разложения, царящего в Моссад.

— Я думаю, что операция «Ганнибал», — сказал Эфраим, — и её внезапный конец составят чудную главу. Он обратился к Ури. — То, как Ран Х. убрал того немецкого политика, это уже классная история.

Я знал Рана ещё по Академии, толстощёкого парня с коричневыми волосами и серыми глазами. Его родным языком был немецкий, и даже его розовые щёки и блеклая наружность были, как у типичного немца.

Перед тем, как прийти в Моссад, он был ответственным за безопасность авиакомпании «Эль-

Аль» в Германии и Австрии, где он провёл много лет. То, что он никогда не работал в самолётах в прямом контакте с пассажирами, позволяло ему перейти на службу в Моссад.

Я знал об операции «Ганнибал» по моей работе в датском отделе. Это была комбинированная операция, в которой были соединены действия официальных офицеров связи отдела «Liaison» и тайные акции отдела «Мелуха». В операции были задействованы три страны и их спецслужбы. Точнее говоря, сотрудничали именно разведки, а не государства.

Сама по себе операция «Ганнибал» представляла собой сделку по продаже оружия между Израилем и Ираном, в которой немецкая спецслужба играла роль марионетки.

Так как Ирану срочно были нужны запчасти для своих ВВС, несущих большие потери в войне с Ираком, а Израиль располагал запчастями, прежде всего, для «Фантомов» F4 D/E, сразу возникла идея продать их, тем более, что продление войны между Ираном и Ираком было вполне открытой целью Моссад. При этом не была забыта и возможность получить из сделки финансовую выгоду.

Так как Иран и его аятолла Хомейни не были бы в особом восторге от идеи заключать сделки напрямую с Израилем, разрушить который они ежедневно клялись, к делу в качестве посредников подключили немцев.

БНД, Федеральная разведывательная служба ФРГ, была избрана для этой работы, хотя Моссад и без того постоянно держал в курсе дела местные органы Ведомства по охране конституции в Гамбурге и Киле.

Сотрудничество такого рода с БНД было довольно новым явлением; обычно при проведении своих операций в Германии Моссад оставлял БНД в неведении.

В Моссад БНД считалась ненадёжным партнёром, потому что там были уверены, что в эту службу внедрено очень много агентов восточногерманской «Штази». Кроме того, она была слишком близка к Федеральному канцлеру Гельмуту Колю, который не был особо близким другом Моссад.

Но при операции «Ганнибал» в деле всё же был завербованный связник с БНД, который успевал ещё при этом заниматься разными грязными махинациями через бывшего офицера Моссад Майка Хараре с президентом Панамы генералом Мануэлем Норьегой.

В ходе этой операции запасные части (от электронных элементов для бортового радара до целых моторов и целых демонтированных крыльев) транспортировались через страну, чтобы с одной стороны, они благополучно достигли места назначения, а с другой, чтобы скрыть источник их происхождения, если они будут перехвачены до передачи заказчику.

Сначала запчасти в специальных контейнерах погрузились в гавани Ашдод на израильские суда. Контейнеры были сконструированы так, что их можно было сгружать с судов прямо на ожидающие грузовики, причём, они выглядели, как часть самого грузовика.

Суда приходили в различные итальянские гавани, где итальянская разведка SISMI доставала необходимые документы, свидетельствующие, что в контейнерах находятся итальянские сельскохозяйственные продукты, предназначенные для Германии. Для этого на грузовики ставились рекламные щиты итальянских сельхозпроизводителей.

Водителей для этой операции предоставили итальянские союзники Моссад: правоориентированные сторонники небезызвестного Личо Джелли и его, к этому времени уже запрещённой, тайной ложи «Пропаганда-2» и вторая группа под названием «Gladío» (формирование НАТО согласно плану «Гладиатор», подобное аналогичной группе в Бельгии).

Водители доставили машины на территорию складов в Гамбурге, где их сменили новые водители, в этот раз — израильтяне. Моссад назвал этих водителей ОМІ, что является сокращением от Oved Mekomu — «местный рабочий».

Чтобы стать ОМІ, нужно было в качестве студента, и за свой счёт въехать в соответствующую страну и на самом деле приступить к учебе. Затем студенты обращаются в израильское посольство с просьбой о работе, и если Моссад как раз нужны люди, то «Шабак» подвергает их контролю безопасности. Если всё в порядке, их назначают на выполнение разных второстепенных работ. Они работают водителям или заселяют конспиративные квартиры.

Из Гамбурга грузовики прибыли на бывший аэродром, всего в двадцати минутах езды от Киля. Один иранец, который выучился в США на авиаинженера, прибывал в эти дни из Киля для проверки грузов.

Если поставка оценивалась хорошо, то прямо в аэропорту половина суммы оплачивалась наличными. Вторую половину платили, когда груз прибывал в Иран. Вся операция проводилась в сотрудничестве между руководителями среднего звена БНД и офицером связи Моссад в Бонне.

Для пояснения истории вопроса нужно упомянуть, что канцлер Гельмут Коль однажды согласился с идеей сотрудничества с Моссад в сфере борьбы с терроризмом, из-за чего верхи БНД позволили Моссад поддерживать их резидентуры за границей и рассматривать в качестве большого дружеского жеста проведение Моссад семинаров о терроризме, на которые сотрудники БНД приглашались бесплатно в качестве гостей израильской спецслужбы.

Но боссы БНД не знали, что эти семинары, которые Моссад проводил в уютной атмосфере «Кантри-Клуб», были на самом деле ничем иным, как хорошо «подмазанными» вербовочными мероприятиями, которые приносили Моссад в качестве объектов вербовки сотни, если не тысячи государственных служащих из США, где их вербовал Б'най Брит, и из разведок Дании, Швеции и многих других стран Европы.

В сфере деятельности спецслужб учитывается, прежде всего, их способность доказать, что им удалось предотвратить и отразить террористический акт.

Играя на таких обещаниях, Моссад удавалось манипулировать средними звеньями БНД, склоняя их к сотрудничеству, давая понять руководителям среднего звена немецкой разведки, что их боссы согласны, но не могут одобрить операцию официально.

И то обстоятельство, что Моссад получал безоговорочную поддержку местных подразделений Ведомства по охране конституции, тоже сильно помогло убедить сотрудников БНД.

Перевозки осуществлялись регулярно и гладко, и долгий срок транспортировки не представлял собой проблему. Из Германии грузовики катили дальше в Данию, где грузы под пристальными взглядами датской разведки и офицера связи Моссад в датской спецслужбе Пауля Мозы Хансона перегружались на датские суда. Оттуда груз направлялся в Иран.

Однажды иранцы спросили их связника при БНД, что нужно сделать, чтобы обучать иранских пилотов, лучше всего вне зоны боевых действий. Немец обратился с этим вопросом к контактному лицу из Моссад.

Сначала на стол легло предложение проводить обучение где-то в Южной Америке, в Чили или в Колумбии, где Моссад смог бы иметь и необходимые аэродромы и получить соответствующие разрешения на такие операции местных властей. Но близость к американцам в этом полушарии заставила Моссад призадуматься.

После того, как Моссад и БНД привлекли к экспертизе офицеров израильских ВВС и получили дальнейшую информацию от иранцев, например, об уровне обучения их пилотов, было принято решение, что можно проводить большую часть обучения на тренажёрах и поэтому такие мероприятия могут состояться в Германии.

Также было предложено использовать тот же аэродром с большими заброшенными ангарами, которые использовались для проверки состояния запчастей, но могли бы послужить и для размещения авиатренажёров и другого необходимого оборудования. Иранцы должны были купить тренажёры и заплатить за их установку и прочее оборудование, равно, как и за само обучение.

Было решено, что будет подготовлена группа из, по крайней мере, двадцати израильтян, которые должны были тренировать и обучать иранских лётчиков. Израильтяне должны были раздельно проживать в Киле и Гамбурге, а иранские пилоты (присутствие которых, как опасались немцы, могло вызвать к себе повышенное внимание) должны были размещаться на самом аэродроме.

Контактное лицо БНД теперь сотрудничал напрямую со связником Моссад в Бонне, который передавал информацию в резидентуру Моссад при израильском посольстве в Бонне. Немцы говорили, что для безопасности и гладкого прохождения всей операции в тайну должен был быть посвящен премьер-министр земли Шлезвиг-Гольштейн.

Его звали Уве Баршель, и он относился к близким друзьям Гельмута Коля. Чтобы удостовериться в его поддержке, заинтересованные стороны согласились, что БНД использует своё влияние,

чтобы привлечь деньги из федеральной казны ФРГ для поддержания потрясённой кризисами судовой фи в городе Киль, что принесло бы Баршелю лавровый венок триумфатора.

Кроме того, речь пошла и о создании большого международного аэропорта в регионе. Обещалось и многое другое, в чём не были заинтересованы ни Моссад, ни Ран, который теперь руководил операцией.

Когда я покинул Моссад, тренинг пилотов был в самом разгаре. Кроме тренажёров-имитаторов использовалось ещё несколько переделанных учебно-тренировочных самолётов «Сесна», на которых лётчики обучались на другом аэродроме, на сорок пять минут удалённом от Киля. Я ещё хорошо помнил, как Ран тогда стал «звездой».

Эфраим рассказал мне, что случилось потом. Согласно ему (и другим дополнительным деталям, внесённым Ури — к неудовольствию Эли) Ран где-то в марте 1987 года почувал, что в воздухе запахло грозой.

В Моссад и среди правых элементов в правительстве возмущало поведение немецкого канцлера Гельмута Коля, который противился прямым израильским предупреждениям в связи с его отношениями с австрийским политиком Куртом Вальдхаймом, которого якобы разоблачили, как бывшего нациста.

«Разоблачение» было подготовлено подразделением «Аль», которое вторглось в здание ООН на Парк-Авеню в Нью-Йорке и засунуло в его досье (и других лиц тоже) разные компрометирующие документы, взятые из дел совсем других людей. Фальшивые документы затем были «открыты» израильским послом в ООН Бениамином Нетаньяху. Это было частью клеветнической кампании против Вальдхайма, который противостоял израильским действиям в южном Ливане).

Коль отклонил израильские угрозы, как нонсенс и вызвал тем самым вспышку гнева в кругах израильской разведки, где его тут же обозвали плохим воспитанным в детстве большеротым болваном.

Руководство Моссад обеспокоил также внезапно разразившийся кризис в Дании. Датская разведка перепугалась и просила временно остановить поставки оружия через Данию, пока не прояснится политическая ситуация в стране.

Теперь БНД попросила у Уве Баршеля разрешение на использование портов в Шлезвиг-Гольштейне для перевозок оружия в Иран. Баршель отказался. Моссад не посчитал нужным вообще поставить Баршеля в известность об этих делах.

В БНД, в любом случае, не знали, что Моссад уже обеспечил себе сотрудничество со стороны Ведомства по охране конституции. Поэтому дошло до того, что БНД вышла на Баршеля и рассказала ему немного больше, чем нужно.

Но БНД неправильно оценила твёрдость Баршеля в этом вопросе. Когда Баршель отказался, все запаниковали. Они осознали, что Баршель может представлять для них угрозу, если решит рассказать Гельмуту Колю об этих делах.

Возможность убить нескольких зайцев одним выстрелом очень соблазняла. Моссад мог бы полу-

чить возможность контроля нового политика и мог бы ввести в действие БНД в качестве партнёра. Можно было бы убрать нарушителя спокойствия, а именно Баршеля, который хотя и сотрудничал, но не по тем причинам, которые в Моссад считали правильными.

Он не был действительно куплен, как этого охотно хотел Моссад и делал со своими политиками. Он использовал ситуацию, как мог, чтобы, как он думал, получить наибольшую пользу для своих избирателей, и, кроме того, он защищал свою политическую базу.

Его устранение было бы сильным ударом по Колю, который недавно выиграл выборы и мог бы вести себя ещё более неприятно, чем в прошлом.

Итак, Ран начал создавать связи с оппозиционной партией и вошёл в тесный контакт с её лидером. Ран попытался прощупать, выразит ли он признательность, если выиграет выборы, и будет ли готов сотрудничать с теми, кто поможет ему.

Этому оппозиционному политику было ясно сказано, что за ними стоит БНД, и всё делается ради интересов Германии. Ответ превзошёл все ожидания Рана: оппозиционер, который не видел шансов на выигрывание выборов, был готов обещать всё, что угодно.

После того, как этот политик уже был в кармане Рана, что стоило последнему курительной трубки и немного табаку, пришло время сбросить Баршеля с политической арены.

К операции был привлечён Йоэль, оперативный офицер из боннской резидентуры. Ему была поставлена задача сыграть роль канадца немецкого происхождения, очень богатого и желавшего вернуться в Германию.

Перед тем, как совершить решающий шаг, этот канадец якобы планировал открыть в Германии новое предприятие и познакомиться с немецким истеблишментом, чтобы оптимально ориентировать фирму и получить максимальную выгоду из своего возвращения.

Политический аппаратчик в партии Баршеля, которого Ран и Йоэль наградили прозвищем «Whistler» («Свистун»), стал их целью. Ран передал отделу связи «Liaison» Моссад список всех людей, сотрудничавших с Баршелем и имевших с ним прямые связи.

Имена были получены через полицейский компьютер в Киле и в Гамбурге, с целью узнать, нет ли за кем-то из них чего-то компрометирующего.

На репутации «Свистуна» стояло тёмное пятно. Выяснилось, что его обвиняли в дурном обращении с одной проституткой из Гамбурга, но так как кому-то удалось подкупить сутенёра, дело завершилось без формальной подачи жалобы.

Йоэля представили «Свистуну» одним из «сайанов», которого «Свистун» знал согласно досью Моссад. После льстивого вступления, Йоэль сказал «Свистуну», что он должен вернуться в Канаду и познакомил его с Раном, которого он представил ему в качестве коммерческого консультанта.

Если «Свистуну» в отсутствие Йоэля что-то понадобится, он может обратиться к Рану, который имеет полномочия помочь ему.

Через несколько дней после якобы отъезда Йоэля Ран позвонил «Свистуну» и договорился о встрече, в ходе которой дал ему понять, что невысоко оценивает политическую линию «Свистуна», а поддерживает оппозицию.

Кроме того, Ран объяснил ему, что он должен со всей ответственностью представлять интересы Йоэля, потому он, по собственной инициативе, провёл небольшое расследование. При этом он натолкнулся на случай с проституткой, что означало конец политической карьеры «Свистуна», если этот факт станет известен общественности, и, кроме того, из-за этого будут потеряны инвестиции Йоэля.

Затем Ран предложил ему оказать помощь для свержения Баршеля. Ран был ошеломлён, услышав с каким воодушевлением «Свистун» согласился с таким предложением. «Свистун» сказал сразу и чётко, что он не поклонник Баршеля, и что он сделает всё, чтобы убрать его.

Ран, у которого уже в кармане лежал готовый план, как убрать Баршеля, провёл несколько отдельных действий с человеком, которого он только что завербовал, достигая этим, что у последнего возникло ощущение того, что он участвует в планировании.

Также в нём возбуждалось ощущение собственной значимости, кроме всего прочего, на тот случай, если нужно будет свалить на него вину, если что-то не выйдёт. Кроме того, ему сказали, что о нём прекрасно позаботятся в финансовом плане, если эта операция поставит под угрозу его политическое будущее.

Ран дал «Свистуну» понять, что он теперь принадлежит к организации вроде мафии, что совершенно исключает возможность для него изменить своё мнение или попробовать исправить то, что случилось. И он не должен был проронить ни слова о Ране.

Всё это время Моссад снабжал земельное Ведомство по охране конституции фальшивыми сведениями о якобы тайных сделках Баршеля по продаже оружия и прочим нелегальным сделкам, в которых якобы был замешан брат Баршеля в роли его марионетки.

План был одобрен Мусой, который был ответственен за проведение операций в Европе и тогда исполнял функции «шефа по Европе». Обо всём этом деле БНД не проинформировали.

Ран позволил «Свистуну» распространять в местной прессе лживые, но наносящие большой ущерб сведения об оппозиции вообще и о руководителе оппозиции в особенности, не называя источник слухов и не давая возможности определить, кто именно выбалтывает информацию.

Когда приблизились выборы, в страну из Бельгии прибыли агенты Моссад, чтобы выступить в роли частных детективов, нанять которых «Свистуну» порекомендовал Ран.

Они действовали очень заметно, вызываясь, разъезжали на дорогих машинах и очень полюбительно собирали материал о лидере оппозиции, чем, естественно, привлекали к себе внимание.

Дело проходило так, что разве что репортёр газеты для слепых «Braille Times» не понял бы, что

это такое: грязная клеветническая кампания. В последнюю минуту, когда опровержения Баршеля слишком запоздали, чтобы повлиять на исход выборов, «Свистун» признал, что он стоял за грязными трюками.

Он показал, что Баршель поручал ему это, чем окончательно прикончил карьеру политика, который показал себя не готовым к сотрудничеству, и привёл к штурвалу человека, более готового на это.

Кроме того, эта история поставила в сложное положение Коля. Все протесты Баршеля о том, что он невиновен, были отброшены в сторону, как политическая риторика.

— Я думаю, это будет отличная статья, — сказал я. — В ней присутствуют все грязные элементы активных действий Моссад в дружеском нам государстве.

— Это невозможно, — сказал Эли. Ран ещё на оперативной работе, а это сразу же демаскирует и его, и Йоэля.

— Мы можем немного изменить историю и, тем не менее, достичь цели. Нам нужно только поменять место действия и точные данные, — предложил Ури.

— Тогда забудь об этом, — сказал я. — Если мы не сможем рассказать всю историю, какой она была, то мы не будем рассказывать её вообще. Но мы можем разделить историю на две части и опубликовать материал о тренировке иранских лётчиков в Германии.

Эфраим объяснил, что история не исчерпывается этим. Он рассказал, что после поражения на выборах (что было прямым следствием кампании, организованной Раном) Баршель вышел на связь со своим контактом в БНД.

Он угрожал, что разоблачит неправильное поведение БНД в этой ситуации в полном объёме, если БНД не приложит всех усилий для его реабилитации. БНД, которая получила сведения от Ведомства по охране конституции, — те же сведения, которые последнее получило от Моссад, не сомневалась, что у Баршеля рыльце действительно в пуху, и попросило Моссад о помощи.

Причина, по которой Федеральная разведывательная служба должна была обратиться к Моссад, чтобы разоблачиться с этой ситуацией, состояла в том, что угроза Баршеля была направлена против руководителей среднего звена БНД, которые, несмотря на недвусмысленные приказы высшего руководства разведки, поддерживали прямые контакты с Моссад. Итак, БНД не мог обратиться с просьбой о помощи к своим собственным коллегам.

Контактное лицо БНД сказала офицеру связи Моссад, что через несколько дней должны состояться слушания в комиссии по расследованию злоупотреблений во время выборов, и если Баршеля не удовлетворить, он всё выложит.

Моссад не хватало времени, чтобы прервать операцию на обоих аэродромах и вывезти израильскую команду вместе со всем оборудованием и материалом. Баршеля нужно было остановить, пока он не выступил в роли свидетеля.

БНД сообщил офицеру связи Моссад место на Канарских островах, где как раз Баршель проводил

отпуск, и его номер телефона. Он жил в доме, который был предоставлен в его распоряжение одним из его друзей.

Ран позвонил Баршелю. При первом звонке никто не взял трубку. Через час Ран попробовал снова и кто-то ответил, что Баршеля сейчас нет дома. С третьей попытки он застал Баршеля и сказал, что у него есть информация, которая поможет восстановить его репутацию. Он представился именем Роберт Олефф.

Он настоял на том, чтобы Баршель приехал в Женеву. Он, Олефф, встретит его в аэропорту. Баршель потребовал больше информации, перед тем, как согласиться, и Ран сказал, что, возможно, присутствовать будут некие интересные иранцы, замешанные в деле.

Это заставило Баршеля поверить, что эта возможность серьёзна. Человек на телефоне казался хорошо проинформированным. Баршель согласился, и они оговорили детали поездки.

Группа «Кидон», посланная напрямую из Брюсселя, уже ждала в Женеве. Когда положение в Женеве было подробно изучено, они пришли к результату, что лучше всего для этой цели использовать отель «Beau Rivage». Недалеко от гостиницы была большая стройплощадка.

Такие места всегда сгодятся, если нужно, чтобы как можно скорее исчезло то, от чего хотят избавиться. Две оперативные пары поселились в отеле: одна на четвёртом этаже, возле выхода на крышу, а другая, которая прибыла в тот же день, что и Баршель, на третьем этаже рядом с номером, который Ран зарезервировал для Баршеля.

Остальные участники группы прикрывали окрестности и находились неподалёку, чтобы вмешаться в случае необходимости. Ран встретил Баршеля в его номере 10 октября во второй половине дня. После того, как он заказал бутылку вина к принесённому им сыру, он сделал предложение Баршелю.

Баршеля нужно было переубедить, чтобы он смирился со своим падением. Ран пообещал ему, что ему это, не скупясь, компенсируют.

Он внушал, что то, что он якобы совершил, не представляет ничего особенного в области политики, и что для него будет лучше оставить всё, как есть, и взять деньги. Ран использовал обычную фразу, которую так любит Моссад, что деньги не играют никакой роли.

Баршель был очень раздражён. Он настаивал на том, чтобы Ран или предоставил ему доказательства, которые могут помочь восстановить его репутацию, или убрался.

Он не был заинтересован в получении прибыли из этого дела, он только хотел показать всем, что его оклеветали.

Тут Рану стало ясно, что этого человека невозможно переубедить. Операция должна была вступить в свою следующую фазу, что означало его устранение.

Баршель теперь представлял угрозу для безопасности замешанных в дело людей Моссад. По этой причине не было необходимости получать разрешение на его ликвидацию за пределами Моссад.

Так должно было бы происходить в случае устранения по политическим мотивам: своё согласие на это должен дать премьер-министр.

Но Ран всё же хотел получить согласие со стороны шефа Моссад, которого постоянно держали в курсе происходивших событий. Шеф Моссад прилетел в Женеву в тот же день, что и Баршель, и, зарегистрировавшись под именем П. Маршон, поселился в отеле «Des Bergues», который находился в конце той же улицы, на которой был отель, где остановился немец.

До того, как вино попало в номер Баршеля, оно было соответственно подготовлено одним из членов группы «Кидон», в кухне или по дороге наверх. Другие участники команды занесли в процессе подготовки к последнему акту в свои номера пузыри со льдом.

Ран рассказывал Баршелю, что якобы намеревался только проверить его стойкость. Так как он убедился, что имеет дело с порядочным человеком, то поможет ему. Баршель был всё ещё разъярён и отказывался беседовать дальше, если Ран тут же не представит ему доказательства, что он действительно сможет вернуть ему его честное имя.

Ран позвонил офицеру связи Моссад, который ждал в конспиративной квартире. Он попросил его позвонить своему контактному лицу в БНД. Этот человек из БНД должен был перезвонить Баршелю в отель, чтобы сказать ему, что всё будет хорошо.

Связник Моссад был к этому готов, он уже заранее обсудил все возможные варианты с Раном. Человек из БНД тоже был готов, находясь в состоянии ожидания; ему позвонили заранее — под предлогом, что скоро произойдёт нечто важное.

Через несколько минут человек из БНД позвонил Баршелю и сказал ему, что они всё исправят. Баршель расслабился и выпил вина. Ран, сославшись на боли в желудке, отказался от вина, съев только немного принесённого им сыра.

Ран знал, что Баршель примерно через час потеряет сознание, и хотел получить прямое разрешение шефа Моссад на завершение дела. Он сказал Баршелю, что ему нужно принести некоторые бумаги, которые помогут Баршелю, и что он вернётся через час.

Ран встретился с шефом Моссад в его номере. Он кратко доложил ему о произошедшем и сказал, что Баршель через несколько дней будет давать показания комиссии по расследованию и проверке нарушений во время выборов.

Нет никакой возможности переубедить Баршеля не рассказывать этой комиссии всё, что он знает. Ран не мог гарантировать, что за оставшееся короткое время удастся убрать с аэродромов все вещественные доказательства вмешательства Израиля. Риск разоблачения для Моссад был слишком велик, и поэтому шеф Моссад дал своё согласие на ликвидацию.

Ран позвонил двум мужчинам в номере на четвёртом этаже гостиницы, где остановился Баршель, и дал им зелёный свет на операцию. Они подождали, пока Баршель заснёт от подмешанного в вино снотворного, затем ещё раз позвонили ему и убедились, что он спит. Тогда они ворвались в его

номер.

Баршель лежал на полу справа от кровати. Очевидно, он потерял сознание и упал с кровати.

Команда положила на кровать простынь из полиэтиленовой пленки и положила на неё лежавшего без сознания Баршеля, ногами к изголовью, чтобы облегчить следующие шаги. Под голову ему подложили свернутое валиком одеяло, как будто, чтобы делать ему искусственное дыхание «рот в рот».

В это время в номере было пять человек. Четверо заботились о жертве, а пятый наполнял ванну водой и льдом, принесённым в пузырях; этот шум должен был заглушать все другие звуки. В горло спящему, осторожно, чтобы он не задохнулся, ввели длинный и хорошо смазанный шланг. Один засовывал шланг, пока другие держали его на случай внезапной конвульсии. Они все делали такое не в первый раз.

Как только шланг достиг желудка, они встали в свободный конец шланга маленькую воронку, через который ввели в желудок разные таблетки, время от времени, подливая воду, чтобы они действительно достигли желудка.

Затем с Баршеля стащили брюки. Двое мужчин приподняли его ноги, а третий ввел ему в задний проход свечку с сильнодействующим успокоительным средством и со средством, вызывающим высокую температуру. Брюки снова натянули на место, и люди Моссад подождали действия медикаментов. На лоб Баршелю положили термометр, чтобы наблюдать за его температурой.

Через час у него начался сильный жар. Тогда его положили в ледяную ванну. Шок вызвал сильные судороги. Резкая смена температуры вместе с действием лекарств вызвала что-то, что выглядело как инфаркт. Через несколько минут команда удостоверилась, что Баршель действительно мертв, и начала прибираться в номере, чтобы не оставить следов.

Они заметили, что совершили ошибку — не сняли с Баршеля одежду, перед тем, как опустить его в ванну. Но уже было поздно что-то менять. Они также заметили, что запасная бутылка вина, которую они принесли, хотя тоже была «Божоле», но не той марки, так что у них не было бутылки, чтобы оставить в номере.

Положение было напряжённым. Они провели в номере несколько часов и некоторые из них неоднократно выходили из номера и входили в него. Почему они караулили умирающего или мертвого человека, вряд ли удалось бы кому-то объяснить.

После того, как они покинули номер, вывесив на двери табличку «Просьба не беспокоить!», каждый пошёл своей дорогой. Двое покинули отель в тот же вечер, вторая пара только на следующее утро. Остальные члены группы уже в ту же ночь на автомобиле выехали назад в Бельгию, под надёжную крышу штаб-квартиры Моссад в Европе.

Ран был проинформирован, что миссия успешно выполнена, равно, как и шеф Моссад, которому один из членов группы принёс снятое на «Поляроиде» фото мертвого Баршеля.

— Я всё ещё убеждён, что из этого выйдет

хорошая глава книги, — сказал я.

— Посмотрим. Отложи пока это в сторону. Но историю о военно-морской базе в Судане, которая использовалась для вывоза эфиопских евреев, об операции «Моисей», ты вполне можешь взять, — сказал Эфраим.

Я заметил, что этот пункт больше не обсуждался, по крайней мере, в присутствии Эли.

Мы продолжили составление списка, и к концу дня он был готов. Мне не надо было много записывать, потому что большую часть этого я и сам знал. Если позднее потребовались бы дополнительные сведения, их всегда смог бы поставить Эфраим. Он также настаивал на том, чтобы пройтись по каждой странице рукописи перед тем, как отдавать её в издательство.

Я высказал своё большое опасение, что Моссад вообще не прореагирует на книгу. Эфраим предложил включить в книгу некоторые документы, как, например, доклад о датской спецслужбе и вопросник, подготовленный для топ-агента в Сирии с вопросами о сирийской армии.

— Нет ни одного эксперта в мире, — сказал Эфраим, а Ури кивнул, — который не поверит тебе, увидев эту анкету. Ты должен был принадлежать к Моссад, чтобы быть в состоянии задавать так много подобных вопросов.

Это я должен был признать. Мы прошли другие темы. Было важно не включать в книгу те вещи, которые могут вызвать антисемитскую реакцию, по крайней мере, так мы это видели. Мы, например все сошлись на том, что история о поставке лекарств в ЮАР, которые там испытывались на чернокожих африканцах, слишком щекотлива и может нанести по Израилю слишком сильный удар.

Эти «Менгеле», которых они посылали в Африку, будут в сознании людей связаны с Государством Израиль, и читатели не поймут, что эту акцию и всех её участников полностью контролировал Моссад. То же самое мы думали и о прямых связях Моссад с людьми Меира Кахане, с Антидиффамационной Лигой ложи Б'най Брит, с АРАС и УАА.

Что в любом случае должно было быть освещено, так это создаваемые Моссад во всём мире подразделения еврейской самообороны «*The Frames*» («Рамки безопасности») и организуемые Моссад молодёжные лагеря под названием «Хетс ва-кешет» («Стрела и лук»).

Еврейских детей и молодёжь на лето привозили в Израиль, чтобы затем, накачав их изрядной дозой воинственного сионизма, отсылать назад, **как будущих шпионов.**

Все согласились с тем, что в книге должны быть названы подлинные имена всех оперативных офицеров-разведчиков, которые уже были демаскированы, то есть, тех людей, чьи фотографии я видел в Египте, Иордании и в британском посольстве.

Эфраим хотел позаботиться о том, чтобы они не находились на операциях за границей, когда выйдет книга. Так как в книге будут полностью названы их имена и фамилии, они уже не смогут выполнять задания за пределами Израиля, что им самим пойдёт на пользу.

— Что же, по-твоему, будет главной заслугой

книги? — спросил Эфраим.

— Я думаю, что она продемонстрирует ответственности ту поддержку, которую Моссад во всём мире получает от еврейских общин, и то, как он злоупотребляет их доверием.

Все были со мной согласны. И все мы были не правы.

После встречи я пошел домой и спрятал составленный мною список так, чтобы Белла не смогла его найти. Она ещё была в магазине, который мы открыли на Бэнк-стрит в центре Оттавы, где продавали футболки с придуманными мной рисунками.

На следующий день я отправился по библиотекам и книжным магазинам в поисках имён местных авторов. Я искал человека, который мог бы писать и обладал бы мужеством, чтобы поддержать меня при попытке побороть несправедливость. Я знал, что это будет нелегко.

Это должен был быть человек с доброй славой, с чутьём на политику, но не эксперт в мире разведок, чтобы он не попытался подогнать книгу под свои представления о шпионаже. Он должен был жить поблизости, не мог быть евреем, и у него должны были быть время и желание, чтобы работать над этим.

Через несколько кварталов от нашей улицы я нашёл в одном книжном магазине книгу под названием «*Friends in High Places*», рассказывающую о премьер-министре Канады. Автором был местный репортёр и парламентский корреспондент Клэр Хой. Я решил позвонить ему и посмотреть, что из этого выйдет.

Он согласился встретиться со мной в маленьком кафе на Бэнк-стрит. Когда я рассказал ему, что я собираюсь сделать, он мгновенно загорелся. Я нашёл партнёра и мог начать портить Моссад жизнь. Мы должны были перейти в атаку, и именно снаружи, ударив в том единственном месте, где Моссад наиболее уязвим, — под светом общественного внимания.

Клэр и я провели почти месяц, готовя первую главу и уточняя план глав книги. Затем мы вышли на одно издательство.

Мы встретились с издательницей Клэра, которая издала его книгу «Друзья на высоких постах» в её бюро в Торонто. Она отказалась. Я очень занервничал, когда мне стало ясно, что тайна перестанет быть тайной. Не было гарантии, что издательница не расскажет кому-то то, что мы ей рассказали. Но если она и рассказала, то кто-то в Моссад это проспал, потому что ничего не произошло.

Клэр и я работали дальше, пока Клэр пытался найти издателя. Это было не так просто, потому что он не мог рассказывать издателю слишком много, и ему нужно было найти кого-то, кто занимался бы этим делом конфиденциально.

Нам просто посчастливилось, что мы без проблем вывернулись после этой встречи с его издательницей. В любом случае я нигде в моем окружении или где-то поблизости не обнаружил следов Моссад. Ни Эфраим, ни Ури, которые сидели в штабе Моссад, тоже ничего не слышали.

— Мы договорились с неким господином Нельсоном Дусе, — сказал однажды Хой. — Он

принадлежит к издательскому дому «Stoddart» в Торонто, и он хороший малый. За это время я лучше познакомился с Клэром Хоем и полностью доверял ему, в чём ни разу не раскаялся.

Мы встретились с Нельсоном в ресторане «Ну's» в Оттаве и за большим стейком (который я, собственно, почти не попробовал, потому что всё время говорил) и бутылкой доброго французского вина заключили контракт.

Клэр и я, как авторы, должны были поделить гонорар и получить аванс в 80 000 долларов. Нельсон думал, что книга вызовет интерес читателей. У них уже был опыт публикации другой книги о шпионаже, которая хранилась в тайне до публикации, а потом была запрещена британским правительством. Он был уверен, что им удастся повернуть и этот проект.

— Не думаете ли Вы, что можете вызвать у израильтян запрет Вашей книги? — спросил он, когда мы как раз собирались прощаться.

Я засмеялся.

— Думаю, что нет, — сказал я. — В конце концов, они чему-то могли бы научиться на опыте англичан. Те своим запретом книги сделали из неё бестселлер!

— Тут Вы абсолютно правы, — сказал Нельсон.

Когда мы в машине ехали домой, мне хотелось визжать от радости. Все проходило великолепно и очень быстро. Я позвонил в Израиль Эфраиму и рассказал ему о встрече. Я почти час стоял в телефонной будке. Так как разговор шёл за счёт Эфраима, это, должно быть, стоило ему целую кучу денег.

Эфраим был согласен с моей оценкой, что они не попытаются остановить выход книги, но пообещал, что придумает что-то, чтобы создать эффект разорвавшейся бомбы, который обратит внимание на новинку. Если это получится, мы добьёмся именно того, что мы себе представляли.

Глава 26. Суббота, 2 июля 1988 года

Где-то во второй половине дня зазвонил телефон. Это был Эли. Он звонил из Нью-Йорка и хотел, чтобы я перезвонил ему через час. Этот заранее условленный сигнал означал, что я должен позвонить ему с «чистого» телефона за его счёт.

Он не был дружелюбен, как обычно, и я представил себе его резкое лицо с ухмыляющимся взглядом. Он выглядел так, будто смотрел на яркое солнце, даже если он был в полутёмном кинозале.

До сего момента я считал его приятным человеком, даже шутником, но вся эта история вывела его из равновесия. Хотя он и считал, что мы поступаем правильно, но ему было бы приятнее, как, видимо, и всем нам, чтобы нас оставили в покое и мы ничего об этом не знали.

— Слышал ли ты, что произошло в Лондоне? — спросил он.

Он имел в виду, конечно, что англичане со-

всем недавно вышвырнули из Лондона всю резидентуру Моссад и разоблачили двух из троих присланных из Брюсселя оперативных офицеров.

Англичане совершенно открыто поставили полицейских у семи конспиративных квартир Моссад в Лондоне. Даже если они, таким образом, отметили лишь семь из нескольких сотен конспиративных квартир, послание в адрес Моссад было более, чем ясным.

Сейчас у Моссад не было возможности узнать, сколько их явок на самом деле выявлено и не подвергаются ли угрозе дальнейшие встречи с «сайанами».

— Да, я слышал об этом, — ответил я. — Как долго продлится, пока они не восстановят резидентуру?

— Это тебя не касается, — сказал Эли.

— Твой тон мне не нравится, — заметил я. — Это чисто дело случая, что я здесь, а ты там. Если бы мы поменялись ролями, мало что изменилось бы.

Он немного помолчал.

— Извини меня, если это так прозвучало. Это только потому, что...

— Плевать мне на это, — прервал я его. — Говори, наконец, в чём дело и давай закончим этот идиотский разговор.

Он сказал, что, по мнению Эфраима, теперь, когда лондонская резидентура обделалась, следующий на очереди — Париж.

Он сказал также, что лондонская резидентура следующие месяцы будет работать на одной конспиративной квартире, а не в посольстве, потому что они не хотят посылать ещё одну ораву оперативных офицеров за один раз. Они будут делать это постепенно. Они считают, что резидентура будет восстановлена к январю 1989 года.

Мы поговорили о том, о чём следует говорить французам и как мы должны установить контакт.

— Я думаю, ты должен это сделать, — сказал я Эли.

— О чём это ты говоришь?

— Ты ведь говоришь по-французски, не так ли?

— Да.

— А я нет. Я позже позвоню Эфраиму и скажу, что я думаю. Я имею в виду, какая разница, если ты с ними поговоришь?

— Ты сошёл с ума, — сказал он, но я заметил в его голосе какую-то угнетённость.

В тот же день я поговорил с Эфраимом, и он объяснил, что это равно смертной казни, если они схватят Эли, потому что он на активной службе. Это будет намного хуже, чем, если бы они поймали меня. Я, в конце концов, уже вне организации.

Его объяснение было не совсем верным, но так как я заговорил об этой идее, только чтобы уложить Эли, то я согласился с Эфраимом. Но я сказал ему, что не хочу больше ни о чём говорить с Эли.

В среду, 6 июля, я позвонил во французское посольство в Вашингтоне и поговорил с ответственным за вопросы безопасности. Для меня это

уже стало к тому времени привычной процедурой.

В конце недели он прилетел ко мне из Вашингтона. После многочасового разговора он сказал мне, что вернётся, но хотел бы узнать, не готов ли я совершить короткое путешествие во Францию.

28 июля я прилетел в Париж и был встречен в аэропорту очень приветливым французом, похожим на французского актёра Бурвиля. После получения багажа он проштамповал мой паспорт в маленьком бюро сбоку от основного выхода и повез меня на своем «Рено» в город.

Я жил в отеле «Jardin de Eiffel» возле полицейского поста. До Эйфелевой башни от маленькой, но милой гостиницы, названной её именем, можно было идти пешком.

Всю следующую неделю меня регулярно забирала из отеля и везли в дом за пределами города, похожий на заброшенный офис. Поездка длилась тридцать минут. Здание принадлежало маленькой станции подслушивания вблизи Сарселя, недалеко, как я узнал, от имения мадам Помпадур.

Поездка походила на «американские горки». У нас в Израиле, где я вырос, вождение автомобиля относится к числу боевых искусств, но то, что я пережил здесь, было полным безумием.

В «крестьянском доме» я проводил день с «Бурвилем» и тремя другими мужчинами. Они все были сотрудниками французской разведки DGSE, прозванной французами «Бассейном». Они были весьма вежливы и, очевидно, ещё до моего приезда подготовили список вопросов.

Каждый день в одно и то же время мы делали обеденный перерыв, проходили к станции подслушивания, где чудесно обедали в маленькой элегантной столовой. Комендант станции почти регулярно присоединялся к нам, и ежедневное открывание винных бутылок стало постоянной церемонией.

За эту неделю я особенно сдружился с одним из хозяев, который после моего отъезда должен был стать моим связником. Из-за того, что мы оба курили больше, чем все остальные, он получил прозвище «Сандрье» («Пепельница»).

Сначала мы прошли по плану Моссад с его различными отделами. Многие отделы они уже знали, но некоторые вызвали их особое любопытство. Прежде всего, их заинтересовали отделы «Комемиуте»⁴⁴ и «Цафририм».

Они быстро разобрались в организационной структуре и поняли логику её графического отображения, которая, должно быть, была похожей и в других организациях.

Им было трудно понять, что в Моссад нет чётко разграниченных отделов. Но через некоторое время они заметили по количеству и качеству сведений, которые я им сообщал, что в Моссад такого разграничения действительно не существует.

Почти весь второй день мы провели за фотографиями людей Моссад. Тут я узнал, что Муса дислоцируется в Бельгии, в Брюсселе. В их книгах было столько сотрудников Моссад, что я почувствовал себя, как голым. Здесь была фотография

⁴⁴ Komemiute — отдел спецопераций, старое название — «Метсада».

Орена Риффа, который с другими сотрудниками Моссад шёл по улице.

У всех троих не было мельчайшего подозрения, что за ними наблюдают. Я спрашивал себя, с кем они хотели встретиться и скольких агентов и добровольных еврейских помощников «засветили» во время своего посещения Парижа.

Кроме того, была целая стопка фотографий, снятых перед зданием Моссад в Тель-Авиве. Фотографии делились на группы. Вот, например, фото человека, входящего в бюро на Бульваре Царя Саула, затем его увеличенное лицо, и, наконец, фотография с паспорта с дипломатическими документами.

Они знали больше сотрудников Моссад, чем я. Я запомнил, как «Пепельница» сказал мне, шутя:

— Посмотри-ка. И он показал на список дипломатов израильского посольства и сравнил его с фотографиями и личными досье. — Израиль одна из немногих стран, который посылает в посольство так много пожилых людей в ранге атташе. За каких идиотов они нас, собственно, держат? Нежели они действительно думают, что мы этого не видим?

— Им просто нет до этого дела, — сказал я, и это действительно было так. Им до этого не было дела. Казалось, что это доставляло им удовольствие. У меня с языка сорвался вопрос: — Если Вы так много о них знаете, как могло так случиться, что Вы ничего не предпринимали?

Потому что, насколько нам известно, те, кого мы знаем, делают не много. Видаль, шеф резидентуры Моссад, почти не бывает в стране, а новый человек, Аарон Б. занимается только еврейской общиной. А её мы не хотим раздражать.

Всего они распознали более пятидесяти сотрудников Моссад вместе с их местами дислокации, в том числе и в других посольствах в Европе. Только о кооперации между Моссад и «Action directe» и фашистскими элементами во Франции они ничего не знали, и им это очень не понравилось.

В конце недели показалось, что они узнали от меня всё, что они хотели узнать. Я знал, что сообщил им намного меньше, чем до того рассказал англичанам, просто потому, что в обращении с Моссад французы были намного недоверчивее и подозрительнее.

Я знал, что они не будут устраивать большое шоу, как англичане, но тихо и осторожно подрежут Моссад крылышки.

Только в последний день я вспомнил, что ничего не говорил ещё им о деньгах за мою помощь. Они пообещали подумать над этим и на следующий день передали мне в аэропорту конверт с тремя тысячами долларов.

Они сказали также, что кто-то вскоре выйдет со мной на связь, чтобы я выполнил для них пару заданий, и тогда же я получу оставшуюся сумму, которую, по их мнению, они были мне должны.

Как проинструктировал Эфраим, я рассказал им в аэропорту после получения денег, о следе Моссад в деле об убийстве одного из лидеров тихоокеанского острова Вануату из-за подозрения, что он якобы хотел установить связь с Каддафи. Это было официальное объяснение этого преступления.

Настоящей причиной убийства было сопротивление этого лидера строительству склада оружия на острове одним израильским торговцем оружием, который хотел отсюда поставлять вооружения по региону. Дилер был бывшим офицером Моссад, обладавшим соответствующими связями в организации, чтобы добиться проведения акции.

Через пару недель в Канаде меня посетило контактное лицо, пригласившее меня на встречу в Монреаль. Сначала он передал мне конверт с семью тысячами долларов и заметил, что если мне это покажется мало, то я должен сказать это ему или позвонить моему другу «Пепельнице» по номеру телефона, который он мне дал.

— Не стоит, — сказал я. — Этого достаточно. Чем я теперь могу Вам помочь?

В конце концов, он приехал не только ради того, чтобы передать мне конверт. Он вынул одну бумагу и спросил меня, смогу ли я провести частное расследование. У меня всё-таки самая лучшая подготовка в мире в плане получения информации.

— Это зависит от того, что Вы хотите узнать. Если Вы хотите получить данные, которые я смогу получить, не нарушая закон, то я, охотно и в обмен на сумму побольше, помогу Вам. Если речь идёт о добывании политической или военной информации в Северной Америке, тогда забудьте об этом.

Он сказал, что не знает, но вернётся через несколько дней. В следующий раз мы встретились в Оттаве. Он принёс несколько фотографий и тонкую папку. Сначала мне нужно было посмотреть на фотографии. Я сказал, что мы ещё в Париже идентифицировали этого человека как Рана С., и я знал, что у египтян и иорданцев тоже есть его фотографии.

Его засекли, когда он в Париже встречался с одной видной личностью в еврейской общине. Перед тем, как обратиться к самому этому человеку, чтобы сказать ему, что он должен прекратить такую свою деятельность, они хотели точно установить, что это именно Рана, а не какой-то его двойник.

Французы сейчас разговаривали со многими видными евреями Франции, о которых им было известно, что они встречались с опознанным мной офицером Моссад. Они также переманивали у Моссад их арабских и палестинских агентов, замеченных при их встречах с офицерами Моссад. Я заметил, что они грандиозно устроили это дело, и что я в Париже выиграл по всем направлениям.

В папке лежало моё следующее задание. Они хотели, чтобы я узнал всё о ряде людей, которые, к их огорчению, могли дестабилизировать французские колонии в южных районах Тихого Океана.

План этих людей состоял в том, чтобы в качестве модели приватизировать какое-то маленькое государство и разными путями получать с этого деньги. Для французов это была очень щекотливая сфера, и они хотели поручить именно частному лицу побольше разузнать об этом.

На первом месте в списке стояло имя видного американца Роберта Пула младшего. Пул был ведущим в США адвокатом по делам, связанным с приватизацией, и стоял за приватизацией авиапромышленности.

Он был президентом фонда, который назывался «Reason Foundation» и находился в Санта-Монике в Калифорнии.

На втором месте стоял Альфред Летчер, президент предприятия «Летчер-Минт», ранее размещавшегося на Аляске, а затем перебравшегося в Ланкастер в штате Калифорния.

Потом был ещё человек по имени Гарри Дональд Шульц, подозреваемый в торговле наркотиками. Он жил в США, и, время от времени, в Монако. Партнером Шульца был Райнер Динхартс.

Француз сказал, что все эти люди каким-то образом связаны с одним канадским фондом в Ванкувере, Британская Колумбия, называвшимся «Phoenix Foundation».

Он не распространялся далее, что именно они ищут, или какие подозрительные моменты у них есть, но они хотели увидеть, что я самостоятельно смогу выяснить. Он думал, что если он мне скажет, что они знают (или хотя бы предполагают), то я, следуя за их наработками, найду то же, что они уже нашли.

Это лежит в природе разведки, что тот, кто доставляет информацию, хочет, по возможности, преподать её своему заказчику в том виде, как последний желал бы. Я знал, что это так, но мне, в конце концов, было всё равно, прав он или нет.

Я просто хотел сохранить с ними связь, чтобы иметь возможность однажды всыпать Моссад, если это будет нужно или если мне представится для этого возможность.

Эфраим сказал, что я должен исполнить их желание. Я решил совершить короткую поездку в США, чтобы узнать, что за всем этим кроется.

Я вскоре заметил, что это задание намного сложнее, чем я себе представлял. Пул был членом, если даже не вождём Либертарианской партии, что само по себе было достаточной для меня причиной, не особо хотеть заниматься этим делом. Из того, что я выяснил, я не мог себе представить, что с этими делами не были бы связаны спецслужбы.

Выяснилось, что этот господин Пул получил степень доктора в Массачусетском Технологическом Институте, потом работал в концерне Сикорского, а с 1970 года трудился в корпорации «General Research Corporation», где ему удалось получить контроль над «Ризон Фаундейшн», «мозговым центром» приватизации.

Я узнал, что этот фонд поддерживал на Новых Гебридах во время выборов одного кандидата, борвшегося против прокоммунистического, но популярного вождя по имени Отец Уолтер Ленни. «Ризон Фаундейшн» захотел создать и укрепить на острове Либертарианскую партию.

Когда эта попытка не удалась, они попробовали на рифе Минерва, в 1500 км от островов Фиджи, основать Республику Минерва.

Кроме того, я выяснил, что фирма «Летчер-Минт» из Калифорнии, владеющая медными приисками на Новых Гебридах, чеканила деньги для «республики». После того, как новые граждане Минервы были депортированы с рифа патрульным капитаном острова Того, эти монеты высоко ценились у термизматов.

После этого эпизода господин Пул стал советником президента Рейгана по вопросам приватизации. К тому же выяснилось, что владелец фирмы «Летчер-Минт» Альфред Летчер в 1944 году служил в американском военно-морском флоте на южном Тихом океане.

Двигаться дальше я не был готов. Я вернулся и передал французу всё, что узнал. При встрече в Оттаве я сказал ему, что не смогу больше быть полезным в этом вопросе.

Я был готов помочь им любым мыслимым способом, чтобы прекратить деятельность Моссад во Франции, но я не хотел, как рыцарь Фортуны, работать для них во всех прочих сферах.

Я сообщил Эфраиму о том, что я сказал французу. Я также попросил его достать для меня некоторые учебные материалы, на которых я обучался, чтобы использовать их в книге. Он согласился, и мы с Клэром снова принялись за работу.

Глава 27.

Клэр и я разработали почти рутинную процедуру. Когда мы утвердили план книги, мы встречались несколько раз в неделю в одном взятом в аренду доме в маленьком городке Непин близ Оттавы, куда я переехал.

Я рассказывал Клэру о деталях событий, которые мы хотели описать в каждой статье, а Клэр, за чашкой кофе, задавал бесчисленные вопросы. Нескоро дней спустя он приходил ко мне с напечатанной главой, чтобы я её просмотрел, затем мы приступали к следующей главе.

В следующий раз я возвращал ему проверенную мной главу с моими замечаниями и исправлениями, о которых мы дискутировали. Наконец, свои комментарии добавлял Эфраим, которые я, исходя из их обоснованности, принимал или отвергал. Я был заинтересован только в том, чтобы всё, что мы писали, было правдой и ничем, кроме правды.

Было тяжело рассказывать историю Моссад такой, какой она была, снять с Моссад мистическое покрывало тайны и показать, как неумело действует эта разведка, и как она угрожает каждому, кто вступает с ней в контакт.

Но даже в глазах Клэра я мог прочесть, какая привлекательность исходит от Моссад. Я знал, что мне предстоит тяжёлый бой, который, однако, был необходим.

Ури неоднократно посещал меня и сообщал, что я, в глазах Моссад, мирно произвожу и продаю в Канаде футболки и ничего более.

Они были сильно заняты операцией «Brush-fire» («стычка», «перестрелка»). Это была всеобъемлющая атака отдела LAP («психологическая война»), целью которой было побудить США к военному вмешательству на Ближнем Востоке в целом и в Персидском заливе, в частности.

Ирано-иракская война в Персидском заливе подошла к концу. Казалось, иранцы получили достаточно и были счастливы удовлетворить желание иракцев о прекращении войны. Моссад вместе с американцами затеял игру с целью свержения Сад-

дама Хусейна.

Одновременно он через израильское посольство в Вашингтоне передавал иракской спецслужбе сведения о запланированных покушениях против Саддама Хусейна и акциях против Ирака.

Моссад рассматривал Саддама Хусейна, как свой самый большой козырь в регионе, потому что тот был сумасшедшим и принимал совершенно иррациональные внешнеполитические решения. Нужно было лишь подождать, пока он сделает какой-то глупый ход, который Моссад смог бы использовать к своей выгоде.

Больше всего Моссад боялся, что гигантская армия Ирака, закалённая в ирано-иракской войне, вооружённая Западом и оплачиваемая саудовцами, попадёт в руки вождя, который будет приемлем для Запада, но всё же представит собой угрозу Израилю.

Первый шаг был предпринят в ноябре 1988 года, когда Моссад порекомендовал израильскому Министерству иностранных дел прекратить с иракцами мирные переговоры. В это время проходили тайные переговоры между израильянами, иорданцами и иракцами под патронажем Египта и с одобрения Франции и США.

Когда Моссад перерезал этот провод, он захотел убедить американцев в том, что у Ирака совсем другие планы, и свалил на Ирак ответственность за срыв переговоров. В январе 1989 года машина психологической войны Моссад — LAP начала кампанию, чтобы представить всему миру Саддама Хусейна, как тирана и угрозу миру.

Моссад активизировал все возможности во всех местах мира, от своих агентов в АИ («Международной Амнистии») до подкупленных конгрессменов. Саддам убивает своих граждан! — стоял крик — что же могут ожидать его враги?!

Страшные фотографии курдских матерей, обнимающих своих мёртвых младенцев после иракской газовой атаки, были правдивы и преступления ужасны.

Но курды вели против режима в Багдаде кровавую партизанскую войну не на жизнь, а на смерть, и их годами поддерживал Моссад, посылавший советников и вооружение в горные лагеря семейного клана Барзани. Поэтому эти события трудно было назвать войной против собственного народа. Но если оркестр однажды заиграл, как говаривал Ури, то можно только подыгрывать.

Средства массовой информации снабжались информацией для «внутреннего пользования» и сведениями из надёжных источников. Сообщалось, что безумный лидер Ирака убивал людей собственными руками, и что он использовал ракеты для ударов по иранским городам.

Что забывали сообщить прессе, так это то, что большая часть данных для систем наведения этих ракет поставлялась Моссад с помощью американских спутников. Моссад делал всё, чтобы устранить Саддама, но без всякого риска для себя.

Они хотели, чтобы американцы сделали работу и разрушили гигантскую военную машину Ирака, чтобы Израилю в один прекрасный день не пришлось противостоять ей на своих границах. Сам

по себе этот мотив казался благородным каждому израильянину, но подвергать весь мир угрозе глобальной войны, и посылать на смерть тысячи американцев было чистым безумием.

В конце января позвонили англичане и хотели поговорить со мной. Они сказали, что это очень срочно и попросили разрешения прийти на следующий день. Я решил передать им на встрече информацию, которую я получил от Ури. Англичане затем могли бы передать её американцам, с которыми я из-за географической близости не хотел сотрудничать.

Мы встретились в ресторане отеля «Шато Лорье» в центре Оттавы.

— Чем я могу Вам помочь? — спросил я мужчину, с которым уже однажды встречался.

— У меня к Вам только один вопрос, о котором Вы, возможно, подумаете, что это чушь. Но мне поручили задать Вам его.

— Давайте.

— Как Вы думаете или верите или знаете, мог ли Моссад каким-то образом быть замешан в то, что произошло с самолётом «Пан Америкэн» рейс 103 над Локкерби?

У меня не было слов. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы до меня дошло сказанное им. Почти автоматически я ответил:

— Исключено.

— Почему?

— Для этого не было причины. Это исключено — и баста! Если Израиль или Моссад и несли ответственность за падение самолёта, то это всегда до сего времени случалось незапланированно, и всегда было напрямую связано с, так называемой, государственной безопасностью, как, например, в случае с ливийским самолётом над Синайским полуостровом или с итальянским самолётом, сбитым в 1980 году, когда погиб 81 человек, — о нём думали, что он транспортирует уран. Исключено, чтобы они сделали что-то подобное тому, что произошло над Локкерби.

— Вы говорите так, потому что Вы это знаете или потому, что Вы так предполагаете?

— Подождите-ка здесь, — сказал я. — Я сделаю один звонок, и потом мы продолжим.

В холле отеля я заказал международный разговор за счет абонента и через несколько минут Эфраим был на проводе.

— Имели ли мы какое-то отношение к инциденту с Пан-Ам № 103?

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто отвечай. Я должен это знать, потому что, если это так, это будет концом Моссад.

— Нет, — ответил он, не медля.

Я знал, что он сказал мне правду. Эфраим не упустил бы такую возможность, чтобы прижать организацию к стенке.

Я вернулся и рассказал англичанину то, что сказал Эфраим.

— Значит, Вы ещё поддерживаете связь? — спросил он, улыбаясь.

— Это, возможно, причина того, что я ещё

жив, — улыбнулся я в ответ. — Но есть то, что Вы должны знать. Это называется операция «Brush-Fire».

Следующие полчаса я кратко рассказывал ему всё, что знал, и попросил его передать информацию американцам. Он не обещал, но сказал, что сделает то, что в его силах. Этим я был доволен.

Следующие месяцы я был занят книгой; мы всё ближе подходили к концу. Я был всё более напряжён, так как приближался день, когда на меня будут направлены прожектора — и, кто знает, что ещё.

Воскресенье, 1 апреля 1990 года

Я встретил Ури в центре города. Пару часов мы просидели в моей машине перед городской библиотекой Оттавы. У него для книги была история, которая только что произошла, и он подробно меня информировал.

Ури очень спокойный человек и никогда, сколько я его знал, не показывал признаков страха. Судя по тому, что я о нём слышал, он не был человеком, который жалуется и скулит. Но тогда в машине он был очень взволнован и нервно оглядывался, как зелёный новичок.

Он прочитал мне свои заметки, потом разорвал листки на мелкие кусочки и сложил их в свой портфель. Скоро я понял, почему он так нервничает. Речь шла о чрезвычайно щекотливом, даже взрывоопасном материале.

В августе 1989 года группа спецназовцев отряда «Маткаль», элитного разведывательно-диверсионного подразделения израильской армии, и несколько военнослужащих морского подразделения отправились вверх по реке Евфрат на маленькой катере, который был через «бойца» (агента «нелегала») Моссад куплен у одного местного торговца.

Их целью был город Аль-Искандерия и тамошняя фабрика по производству боеприпасов. Речь шла об одном из пяти объектов, которые Моссад определял, как возможные атомные или химические сооружения. Остальные находились в Сальман-Пак, Эль-Фаллуджа и Самарра дальше на севере, и к ним было намного тяжелее добраться.

По информации, которую Моссад получил в качестве «джамбо»⁴⁵ от американской разведки, было известно, что каждый четверг на фабрику прибывает небольшой конвой грузовиков, который загружается взрывчаткой для дальнейшей транспортировки в Кербелу, где производились ручные гранаты.

Их заданием было 23 августа, в среду, занять позицию и ждать, пока на следующий день грузовики не приедут на загрузку. В мгновение ока снайперы из специальных винтовок с глушителями должны были выстрелить специальными детонационными патронами по каждому грузовику, чтобы они взлетели на воздух.

⁴⁵ Jumbo» — личная информация, которую офицеры связи Моссад при иностранных разведках получают внеслужбным, неофициальным путём от соответствующих разведок, благодаря личным дружеским связям.

Это должно было произойти точно во время погрузки, чтобы вызвать цепную реакцию взрывов, которая продолжилась бы и на складах боеприпасов. Ворота в это время должны были быть открыты, из-за чего лежавшие там штабелями взрывчатка и боеприпасы вызвали бы взрывы в помещениях основного склада.

Подобная операция, сильно смахивающая на самоубийство, никогда прежде не проводилась израильской армией. Основной путь ухода шёл по реке вниз и был надёжен, если иракцы поверили бы, что причиной взрывов стал несчастный случай. Потом у них возникли бы подозрение, но к тому времени диверсионная группа уже находилась бы в безопасности.

В операции не планировалось задействовать какие-либо силы поддержки, и это было прямо сказано солдатам. Поэтому все они были добровольцами.

Операция прошла очень успешно, и о взрыве стало известно, на что и надеялся Моссад, чтобы привлечь внимание общественности на постоянные усилия Саддама по созданию большой и мощной военной промышленности.

Моссад передал свои «полученные опытным путём выводы» другим западным разведкам и позволил истории о взрыве просочиться в печать, причём, приведенное число жертв исчислялось сотнями.

Так как фабрика сильно охранялась, у западных репортёров туда не было доступа. Однако в начале сентября иракцы пригласили западных журналистов для показа им послевоенного восстановления. Моссад сразу же увидел в этом возможность, чтобы снова нанести Ираку ущерб.

Один человек, который называл себя Мишель Рюбийе и работал якобы на французскую газету «Фигаро», вышел на Фарзада Базофта, тридцативосьмилетнего репортёра, работавшего в качестве свободного журналиста на английскую газету «Обсервер».

Этот Рюбийе был ни кем иным, как Мишелем М., с которым я вместе проходил обучение. Он был родом из Франции, куда его семья переехала из Румынии, когда он ещё был ребёнком. Затем Мишель переехал в Израиль и служил в армии в «Подразделении 8200» (радиоэлектронная разведка).

Учитывая его связи с разведывательными кругами во время службы, он был завербован Моссад и получил, наконец, работу в парижской резидентуре.

Мишель рассказал Фарзаду Базофту, что он ему хорошо заплатит и напечатает его статью, если тот поедет сопровождать группу журналистов в Багдад. Невозможность поехать самому Мишель аргументировал Базофту тем, что его имя там внесено в чёрный список. Он делает это из-за большой статьи.

Он дал Базофту понять, что Базофт ради денег и жизненного разнообразия может хорошо воспользоваться своим криминальным прошлым. Мишель рассказал одураченному репортёру, что знает о его задержании в 1981 году из-за попытки вооружённого ограбления в английском городе Нортгемптоне.

После такой угрозы он пообещал репортёру позаботиться о том, чтобы его статья была бы напечатана и в «Обсервер».

Он хотел, чтобы Базофт собрал информацию о взрыве в Аль-Искандерии, задавал вопросы, сделал рисунки и чертежи местности и взял пробы грунта. Он заверил озабоченного репортёра, что Саддам не отважится сделать что-то плохое журналисту, даже если он и будет недоволен его действиями. Самое худшее, что мог бы сделать Саддам, — это вышвырнуть его, чего уже хватит, чтобы прославить его, как репортера.

— Почему именно Базофт? — спросил я.

— Он был по происхождению иранец, что облегчило бы иракцам его наказание. Он не был европейцем, которого Саддам, вероятнее всего, только арестовал бы, а потом выслал за границу.

Моссад вышел на след Базофта, когда Базофт в поиске материалов для статьи сунул свой нос в одно из дел Моссад. Он прилагал усилия к сбору материала о бывшем агенте Моссад д-ре Сайрусе Хашеми, которого Моссад ликвидировал в июле 1986 года. Так как Базофт достаточно много «накопал», он был идеальным кандидатом для такой работы.

Ури рассказал также, что Базофт действительно добрался до данной фабрики и был там арестован, что и следовало было ожидать, и к тому же, вместе со своей британской подружкой, которая тогда работала в госпитале в Багдаде.

Через несколько дней после его ареста офицер связи Моссад в США позвонил иракскому представителю в Голландии и сказал ему, что Иерусалим готов пойти на сделку ради освобождения своего человека. Он также сказал, что это касается только мужчины, так как Израиль не имеет никакого отношения к медсестре. Ираец попросил отсрочки, чтобы связаться с Багдадом.

На следующий день человек Моссад позвонил снова и сказал, что это всё большая ошибка, и прервал контакт. Теперь у иракцев не было сомнений, что они поймали настоящего шпиона, и они захотели его повесить. Теперь Моссад нужно было только откинуться на спинку кресла и понаблюдать, как Саддам докажет всему миру, что он за ужасный монстр.

15 марта 1990 года Фарзад Базофт, находившийся в тюрьме Абу-Граиб, 20 км западнее Багдада, имел короткую встречу с послом Великобритании в Ираке. Пятнадцать минут спустя он был повешен. Его английская подруга получила 15 лет тюрьмы. Тело Базофта было передано британскому посольству в Багдаде. Официальный представитель Ирака сказал: «Госпожа Тэтчер хотела получить его живым, мы только что передали ей его труп».

Мир был в шоке, но Моссад всё ещё не был удовлетворён. В дополнение к сюжету о жестокой казни один «сайан» Моссад передал телекомпаниям ABC ряд документов, вместе с данными из одного надёжного источника на Ближнем Востоке, в которых сообщалось об одной фабрике, где производится уран. Информация была убедительной, ещё более убеждали фотографии и рисунки. Пришло время направить внимание всего мира на оружие массово-

го поражения Саддама.

Всего тремя месяцами раньше, 5 декабря 1989 года, иракцы запустили свою трёхступенчатую ракету «Аль-Абид». Иракцы утверждали, что это ракета-носитель для вывода на орбиту спутников, которую вместе с ними разрабатывал Джеральд Булл, канадский учёный.

Израильская разведка знала, что запуск, о котором Ирак раструбил, как о большом успехе, на самом деле был полным провалом, и что иракская ракетная программа никогда не достигнет цели, но мудро хранила об этом молчание. Напротив, запуск ракеты был безумно раздут, его значение страшно преувеличено.

Всему миру было показано, как прекрасно совпадают все части мозаики: Вот есть безумец, о чём мы все знаем, и он создаёт ядерное (смотри израильский авиационный налет на иракский реактор в 1981 году) и химическое оружие (смотри нападение на собственный народ — курдов).

Это человек, который презирает западные средства массовой информации, видя в их журналах израильских шпионов. Этот псих скоро получит возможность обстреливать ракетами с любого места в Ираке любую цель на Ближнем Востоке и даже за его пределами.

После ареста Базофта, Джеральда Булла, который работал также над другим иракским проектом — созданием супер-пушки «Вавилон», посетили его друзья, которых он знал по своему, уже давнему, сотрудничеству с Израилем.

(Это были те же люди, которые связали его с южноафриканцами для совместной разработки дальнобойной пушки, названной в ЮАР G-5 155 мм и её самоходного варианта на колесной базе G-6 155 мм, которую вначале выпускала израильская фирма «Солтам»).

Один из гостей был Давид Биран, в те дни шеф отдела связи «Liaison», а другой Рон Винтроуб, в то время шеф иракского отдела в штабе Моссад. Их появление должно было сигнализировать Буллу об угрозе, которую нельзя было не заметить. Оба были знакомы Буллу, как сотрудники израильской разведки. Но они не опасались разоблачения, потому что не были оперативными офицерами, служившими за границей.

Психологический отдел Моссад очень тщательно изучил состояние, в котором пребывал д-р Булл и проанализировал всё, что было известно о его характере. Они пришли к выводу, что в случае угроз он не откажется от своей работы, а будет продолжать её, не думая о собственной безопасности. Но это вовсе не означало, что его оставили в покое. Наоборот, было решено, что путём угроз его можно запугать и привести в состояние сильного стресса. Но, как сказано, он не сдался бы.

Из всего этого Моссад хотел получить только преимущества. Глаза всего мира, повернутые к трупу Джеральда Булла, обязательно бы обратили внимание и на его работу — проект гигантской иракской пушки «Вавилон».

Время акции должно было быть подобрано верно: сразу за террористическим актом багдадского режима должно было последовать преступление,

которое нельзя было бы объяснить провокацией или несчастным случаем. Этим сигналом к старту должна была послужить казнь репортёра газеты «Обсервер» 15 марта.

После казни команда «Кидон» приехала в Брюссель, где она тщательно проверила многоквартирный дом, в котором жил Булл. Задание должно было быть выполнено в таком месте, где его результат невозможно было списать на несчастный случай или нападение уголовных преступников.

Одновременно был подготовлен путь к отходу группы, для чего были восстановлены некоторые старые контакты с правыми элементами в бельгийской полиции, чтобы действовать наверняка, зная, что они будут на дежурстве во время ликвидации Булла группой «Кидон», чтобы в экстренном случае позвать на помощь «своих», «дружественных» полицейских. О причине их перевода в состояние готовности им ничего не рассказывали: об этом они узнали позднее и молчали.

Несколько членов «Кидон» сняли квартиру возле квартиры Булла, но не въехали туда, а удовлетворились наличием ключей от дома.

Через восемь дней после убийства репортёра (когда британской разведке оставалось совсем немного времени до срыва молниеносной операции иракцев, собиравшихся контрабандно вывезти из США электронные схемы для ядерных устройств, подобные схемам, на контрабанде которых Израиль попался семь лет назад) один киллер Моссад разместился в свободной квартире и ждал сигнала человека «Кидон», который перед домом наблюдал за входом. Третий человек прикрывал лестничную клетку, а ещё двое сидели за рулем двух машин, предназначенных для бегства.

Когда д-р Булл в 20.30 вошёл в дом, наблюдатель снизу подал сигнал готовности человеку в пустой квартире на шестом этаже. Стрелок покинул квартиру и оставил в ней лишь пустую пачку сигарет и упаковку спичек с адресом одного из брюссельских отелей. Он спрятался в нише.

Как только за д-ром Буллом закрылись двери лифта, киллер в упор выстрелил ему в затылок и в голову. Затем он подошел к упавшему, как подкошенному, человеку, и вытащил из его сумки кипу документов и прочих бумаг, переложив их в полиэтиленовый кулек для покупок. Затем он собрал стреляные гильзы и, вместе с револьвером, засунул их в тот же кулёк.

Вместе с партнёром по лестничной клетке он покинул здание. Их машины для бегства были запаркованы в подземном гараже, откуда их на следующий день забрал местный «сайан», продавец автомобилей, который их им и сдал в аренду, никак это не зарегистрировав.

Затем они поехали в Амстердам, откуда вылетели в Израиль на грузовом самолёте авиакомпании «Эль-Аль», замаскированные под членов экипажа. Таким же путём они и прилетели.

За следующие недели миру стало известно всё больше подробностей о «супер-пушке» и других элементах военной машины Саддама. Моссад заваливал разведки горами пугающих сведений о злых намерениях «Саддама Грозного».

Было ясно, на что метил Моссад. Он хотел, чтобы Запад выполнил его указания точно так же, как в Ливии, которую американцы разбомбили в таком масштабе, в каком израильтяне никогда не смогли бы. В конечном счёте, Израиль не обладал авианосцами и такой сильной воздушной мощью, как американцы. Израильтяне, правда, были в состоянии разбомбить лагерь беженцев в Тунисе, но это было не совсем одно и то же.

Для руководства Моссад было понятно, что если они представят Саддама Хусейна достаточно злым, к тому же сделают из него угрозу нефтедобыче в Персидском заливе, защитником которой он был до сих пор, то американцы и их союзники уже не дадут ему спуска и примут меры для разгрома его армии и разрушения его военного потенциала, особенно, если они поверят, что это их последний шанс, пока Саддам ещё не получил в свои руки атомное оружие.

Я записал эту историю и решил позвонить на следующий день в бельгийскую полицию и всё рассказать ей. В конце концов, это все равно будет опубликовано в моей книге. Ури никогда не был так счастлив, покидая какое-либо место, как во время своего отъезда в тот же день из Оттавы.

На следующее утро я позвонил в бельгийскую полицию и провёл у телефона почти целый час, потому что мне пришлось снова и снова рассказать им эту историю. Я не сообщил им ни моего имени, ни источника моих сведений, но, кроме этого, я ничего не умолчал. Когда я повесил трубку, я был убеждён, что они подкрепят мою историю доказательствами и покажут пальцем в верном направлении.

На следующий день должен был прийти Клэр для работы со мной над новой главой. Но мне позвонил Эфраим: «Вычеркни эту историю, которую тебе рассказал Ури». Я протестовал, но его нельзя было переубедить. Он сказал, что я должен довериться ему в этом деле и он всё расскажет в следующий раз.

И бельгийская полиция тоже так никогда и не раскрыла убийство. Но что в любом случае меня особенно удивило, так это столь малый интерес канадской прессы и народа (равно, как и канадского правительства) к убийству одного из своих сограждан.

Глава 28.

В середине марта мы с Клэром закончили книгу. Эфраим одобрил её большую часть, а остальное сердито принял.

Нельсон Дусе, наш партнёр по переговорам в издательстве «Стоддарт», рассказал нам, что он поручил работу одной даме — редактору со стороны. Но она, тем не менее, связана с издательством и поэтому надёжна и будет хранить тайну. Её звали Френсис Ханна, и она была женой Билла Ханны, который в «Стоддарт» отвечал за иностранные лицензии.

Она сказала нам, что она уже работала в качестве редактора с другой книгой на ту же тему и что она охотно услышала бы моё мнение о ней. Книга называлась «Vengeance» («Мсть»).

Я сказал ей, что прочёл только начало книги, которое показалось мне невероятно смешотворным, и поэтому не стал читать до конца. Она отреагировала довольно немилостиво, но с течением времени, узнав, что действительно происходит в мире разведок, она, несомненно, поняла мою точку зрения.

Когда книга пошла в набор, Билл Ханна с гранками поехал в Нью-Йорк, где дал их Тому Маккормику, издателю «*St. Martins Press*». Том хотел прочесть книгу за ночь, а я утром должен был приехать к нему в бюро. После встречи он решил бы, будет ли он сотрудничать с нами.

Вместе с Беллой я поехал в Нью-Йорк. К этому времени в проекте было задействовано слишком много людей, так что информация, возможно, уже просочилась в Моссад, а Эфраим и его клан об этом не знали. Ведь могла существовать и другая клика, которая так же держала свои дела в тайне, как мы наши.

Белла и я вышли на станции Ритц. Сначала я встретился с Биллом, который хотел провести меня к Маккормику. Белла в это время совершила прогулку по городу, разглядывая витрины.

Я был очень напряжён, и мне трудно было сконцентрироваться. У меня было чувство, будто меня преследуют, но я не мог ни за что ухватиться. Я сказал себе, что это, в общем-то, всё равно, потому что то, что в дело впутано много людей могло стать для меня и преимуществом и недостатком. Я был бы защищён светом прожекторов.

Встреча с Томом прошла очень приятно. Он задал некоторые жёсткие вопросы, но так как я не собирался ничего скрывать, то ответил на них без проблем. Том очень расслабился. Благодаря своему язвительному юмору и тихому низкому голосу он создавал вокруг себя хорошую атмосферу.

Билл провез гранки, спрятав их под суперобложку от другой книги — книги Пьера Эллиотта Трюдо. Эту меру безопасности он посчитал приемлемой. Мне она показалась скорее забавной.

Через два часа я ушёл. Билл ещё оставался, чтобы отрегулировать коммерческие вопросы. Мне ещё не был дан определённый ответ, но, возвращаясь в отель, у меня было хорошее предчувствие.

Белла и я сразу покинули город. По дороге я позвонил Биллу из одного ресторана и получил хорошее известие: «Сен-Мартин» будет работать с нами. Как только я приехал в Оттаву, я сразу позвонил Эфраиму. Он был в восторге:

— Это здорово им вмажет! Я уверен, что так мы дадим им сдачи!

Я всё ещё сомневался:

— Они могут сказать, что они меня не знают. Они могут сказать, что это всё ложь, как они уже делали раньше.

— Нет, если я им помешаю. Тогда не смогут. Ты — не Вануну, и они это знают. Нам нужно подождать.

— Не знаешь ли ты, просочилось уже что-то?

— Насколько мне известно, нет. Но ты должен быть очень осторожным и почаще осматриваться по сторонам, по крайней мере, пока книга не выйдет, и ты не попадёшь под защиту средств мас-

совой информации.

— Это значит, что у тебя нет ни малейшего понятия, знают они или нет.

— Это зависит от масштаба, — сказал он, — но не беспокойся. Если произойдёт что-то внезапное, я это точно узнаю.

Я хорошо знал, во что ввязался, начав писать книгу. Но, по крайней мере, последняя его фраза меня немного успокоила.

Воскресенье, 2 сентября 1990 года

— Кошка выпрыгнула из мешка, — сказал Эфраим по телефону. — У них есть дискета книги, и они как раз её распечатывают. Как я слышал, всё обстоит плохо. Сейчас книга у премьер-министра.

— Маленький ублюдок прикажет им убить меня, — сказал я.

— Я через кое-кого подбросил ему лучшую идею, и он, как мне кажется, проглотил наживку.

— Ты можешь выразиться яснее?

— В этот момент, к сожалению, нет. Но в ближайшие дни жди гостей.

— Я знаю их?

— Я не уверен, но думаю, да.

Больше он ничего не сказал. Мартин Клэр и я ещё раз съездили в Торонто. У нас была встреча с представителем «*St. Martins Press*» и в издательстве Стоддарта было принято решение отложить публикацию на месяц, чтобы оба издания книги вышли одновременно.

Тираж «Стоддарт» был уже напечатан и хранился на складе возле здания издательства под усиленной охраной. Напряжение нарастало; мы были готовы к старту. Я чувствовал себя, как человек, который должен прыгнуть с высоченной скалы, и мог только надеяться, что то, что висит у меня за спиной, действительно парашют.

Перед тем, как мы собирались покинуть издательство, подошёл Джек Стоддарт, чтобы сказать нам, что произошло нечто странное. Он только что получил анонимный телефонный звонок. Ему сказали, что Израиль поручил адвокатскому бюро «*Goodman & Carr*» в Торонто воспрепятствовать выходу книги.

Джек не был уверен, что это не злая шутка кого-то из издательства. Я уже был уверен, что это не шутка, но сейчас не мог ничего изменить. Мы вернулись в Оттаву, и я убедился, что нас никто не преследовал.

Теперь и Белла узнала, что будет в книге, хотя она не читала её, и ничего ещё не было опубликовано. За пару дней до этого мы с девочками пошли в итальянский ресторан в Оттаве и кратко рассказали им, что происходит. Я объяснил им, почему совершил такой шаг и психологически подготовил их к вспышкам ярости, которые могут последовать.

Вечером в день моего возвращения из Торонто Белла и я поехали в торговый центр «Бэйшоур». Мне нужно было передохнуть, и я хотел, пока джины не вырвались из бутылки, воспользоваться случаем и насладиться ещё парой часов собственной неизвестности.

Я увидел их, когда стоял в телефонной будке у одного из пассажей: группу из пяти человек, которые преследовали нас чуть ли не всё время. Я подумал, что время пришло, и эта ночь может стать последней. Мы покинули торговый центр и поехали домой.

Парой дней раньше я с суперобложкой своей книги пришёл в полицейский участок в Непине и долго говорил с шефом полиции. Я рассказал ему, что я написал книгу об израильской разведке, которая этому совсем не обрадовалась. Он пообещал быть бдительным, они были готовы появиться у меня, как только возникнут проблемы.

Я не ожидал, что они справятся с Моссад, но уже тот факт, что они знают об этой ситуации, позволил мне чувствовать себя лучше. Я также поехал в штаб RCMP в Оттаве и поговорил с ответственными людьми. Они сказали мне, что такие дела относятся не к компетенции Королевской Канадской Конной Полиции, а к сфере Канадской Секретной Разведывательной Службы CSIS, которая сидит в том же здании. Я пошёл в их бюро и сообщил им те же сведения, что и полицейским в Непине. Так я сделал всё, что мог.

В девять вечера мне постучали в дверь. Я как раз приготовил кофе в маленькой кухне. Белла открыла дверь. На пороге стояли Орен Рифф и Аралех Шерф (Орен был личным ассистентом шефа Моссад и моим бывшим начальником курса. Аралех Шерф, бывший руководитель Академии, сейчас был шефом отдела «Цаффририм» и отвечал за контроль и активизацию еврейской диаспоры).

У Орена на плече висела сумка, а Аралех напряжённо пытался улыбаться.

— Мы хотим поговорить с тобой, — сказал Аралех.

Я схватился за телефон и набрал экстренный номер, но ещё не получив ответа, я положил трубку. Что-то помешало мне уже сейчас совершить такой резкий шаг.

Орен сказал, наклонив на бок голову:

— Мы пришли, чтобы поговорить.

Зазвонил телефон. Это была полиция, и они хотели знать, в чём дело. Я сказал им, что всё в порядке. Если возникнут проблемы, я перезвоню. Я пошёл к двери и заметил, что Белла побледнела, как мел. Я подумал, что она сейчас упадёт в обморок.

Но она не упала в обморок, а высказала гостям своё мнение, всё, что она о них думала. Возможно, именно их неожиданное появление вызвало её взрыв гнева. Она точно знала, кто они, и их визит показал ей реальность всех страхов, связанных с книгой.

— Можем мы войти? — спросил Орен.

— Нет, мне не о чём с вами говорить, — возразил я.

— Прошу тебя, давай поговорим как цивилизованные люди, — сказал он.

Над этим мне захотелось рассмеяться, но я сдержался. Я знал, что пока эти двое стоят у моей двери, где-то снаружи, в темноте, занимает позиции группа, которая схватит меня и притащит в Израиль, в тёмную, вонючую дыру. Я не поддамся им и

не поверю тому, что они хотят только поговорить со мной.

— Если вы хотите мне что-то сказать, то выкладывайте здесь и сейчас, — сказал я. — Я не впускаю вас в квартиру. И я советую вам выразиться кратко и затем исчезнуть отсюда как можно быстрее.

— Мы находимся в состоянии войны, — сказал Аралех, имея в виду ситуацию в Персидском заливе. И это исходило от лица, которое было частью того механизма, который и спровоцировал эту ситуацию. Это звучало так, как будто убийца собственных родителей просил о снисхождении на том основании, что он-де сирота.

— Что вы хотите?

Я должен был поддерживать игру, пока видел возможность выкрутиться. Когда моя дочь Леора услышала, что кто-то говорит на иврите, она подумала, что приехали гости из Израиля, и спустилась вниз по лестнице. Но затем, услышав мой гневный голос, быстро поднялась назад.

— Мы хотим, чтобы ты остановил книгу, — сказал Аралех.

— Этого я от тебя не ожидал, — вставил своё слово Орен.

Аралех зло посмотрел на него, будто говоря: «Не зли нашу добычу!»

— Это зависит не только от меня, — сказал я. — Кроме того, книга уже напечатана и может быть поставлена в магазины в любой момент.

— Какой тираж книги? — хотел знать Аралех. — Ты должен остановить её выход.

— Это не так просто. — Я тянул время.

— Ты же знаешь, что деньги не играют роли, — сказал Орен. — Мы скомпенсируем все расходы и возможную неполученную прибыль — это ты тоже знаешь.

— Мне нужно поговорить с разными людьми. Мне на это нужно время.

Они обменялись взглядами.

— Позвони мне в консульство в Торонто, — сказал Орен. — Я жду там твоего звонка завтра до полудня.

— О'кей. — Я закрыл дверь. Они спустились к своему красному «Шевроле-Кэвелир» с номером из Квебека. Немного посидев в машине, они отъехали. Я знал, что у меня осталось мало времени. Я ждал, что в любой момент к двери приступит группа захвата.

В глазах Беллы я увидел неприкрытый страх. Я знал, что она боится не за себя, а за своего глупого мужа, который снова впутался в историю. Я засунул всё необходимое в свой «дипломат» и присел, чтобы обдумать свой следующий шаг.

После короткого анализа я пришёл к выводу, что они не будут штурмовать мою квартиру именно сейчас. Они подождут, чтобы проверить, есть ли у меня защитный механизм, который заработает после их наглого визита. Они же не хотели, чтобы их взяли с поличным.

Я решил исчезнуть ровно в полночь. Мне надо было пойти куда-то, где постоянно дежурят

полицейские. Но полицейский участок не годился. Мне нужно было поехать в аэропорт. Он работает 24 часа в сутки и там всегда есть полиция.

Оттуда я смогу позвонить людям, которых я знаю, и попытаюсь покинуть город как можно быстрее. Я думал, что самое безопасное для меня место — у издателя. В конце концов, в этом деле он был моим партнером.

В полночь я спустился к машине и поехал. За мной следовали маленький серый автомобиль и большой развозной фургон без окон. Я провёл несколько маневров, чтобы оторваться от них. Мне это удалось — ведь я знал местность лучше их. Я приехал прямо в аэропорт и пошел в отделение RCMP.

Я недолго побеседовал с унтер-офицером, сказав ему, что меня преследуют агенты Моссад. Он пообещал проинформировать всех полицейских в аэропорту, которые должны были регулярно присматривать за мной. Авиарейсов не было до следующего утра, значит, ночь мне нужно было провести в аэропорту.

Я позвонил Белле и сказал, что всё в порядке, а затем Клеру, чтобы рассказать ему о случившемся. Нельсона Дусе не было дома, и поэтому я позвонил Джеку Стодарту. От него я ожидал, что он что-то предпримет, или хотя бы выразит свою озабоченность, но не произошло ни того, ни другого. Он только сказал мне, что всё будет в порядке, и что он ждёт меня завтра в бюро.

В семь часов утра взлетел мой самолет. Из-за тумана посадка в Торонто несколько затянулась. Как только мы были на земле, я взял такси и после дикой скачки добрался до издательства.

У Стодарта мне пришлось немного подождать. Наконец пришёл один человек, которому я смог рассказать, что произошло. Моссад шёл по нашему следу и готовил меры, чтобы остановить книгу. Во время разговора один на один со Стодартым я чувствовал себя обязанным указать ему на возможность выхода из этой ситуации.

Я сказал ему, что если он хочет бросить эту затею, то Моссад, чей представитель Орен Рифф как раз ждал моего звонка в консульстве Израиля в Торонто, с избытком компенсируют его убытки.

Джек ответил, что издательская деятельность для него не только дело денег, но и дело принципа. Он не собирается выходить из игры: книга выйдет, что бы ни произошло.

Анхель Герра, представитель Стодарта по связям с прессой, созвал за это время маленькую группу репортёров самых больших газет и телевидения. Они ждали меня в конференц-зале. Им дали краткое резюме моей книги. О последних событиях было проинформировано и американское издательство «St. Martin's Press».

Они хотели ускорить темпы изготовления книги. Стодарт решил тут же развести по магазинам те семнадцать тысяч готовых экземпляров, что лежали у него на складе. У них была система поставок книг в магазины без заказа. Книготорговцы получали новую книгу на условиях комиссии, чем достигалось быстрое распространение.

Билл Ханна, который был ответственен за ли-

цензии, также заключил договор с английским издательством «Bloomsbury». «St. Martin's Press», который должен был снабдить англичан экземплярами, правда, ещё сам не напечатал книг, поэтому нужно было подождать, пока книга не выйдет в Канаде и в США.

Я позвонил Белле, которая сказала, что из Израиля нам звонила Рина. Рина была одной из самых лучших подруг Беллы. Она сказала, что она, её муж Хези и еще несколько наших друзей на следующий день приедут в Оттаву, чтобы попытаться предотвратить появление книги. Белла сказала Рине, что её усилия напрасны. Невероятно, что они достигнут успеха там, где это не удалось ей, моей жене.

Позже, когда Орен позвонил ей и попросил меня к телефону, она сказала ему, что он должен передать своим друзьям в Израиле, чтобы они не посылали всех наших друзей в такое дурацкое путешествие. Орен сделал вид, что он об этом ничего не знал. Но она так «наехала» на него, что он дал отбой всей акции.

В это время я сидел у Стодарта и чувствовал себя совсем беспомощным. Я почти ощущал близкое присутствие групп Моссад, но не мог говорить с Эфраимом или ещё кем-то. Вокруг меня было слишком много глаз и ушей.

Как раз, когда я хотел пойти в конференц-зал, пришёл факс от адвоката Джоэля Голдберга из адвокатского бюро «Гудмен и Карр» о том, что они по поручению Государства Израиль добились судебного определения об обеспечении иска. Мне предписывалось молчать о содержании книги, пока вопрос не будет окончательно решён судом.

На меня натягивали намордник, и впервые в истории Канады иностранное государство блокировало выход книги, причём до того, как хоть один экземпляр покинул склады в Канаде и до того, как представитель закона в Канаде получили возможность увидеть эту книгу, если, конечно, им не подкинули украденный экземпляр. Те два факта, что на обложке стояла моя фамилия, и что это была документальная книга о Моссад, были достаточны, чтобы представить её опасностью для Израиля.

Перед тем, как в США были предприняты подобные юридические шаги, издательство «Сен-Мартин» успело отправить в американские книжные магазины 12 тысяч экземпляров моей книги. Не следовало долго ждать, пока Израиль не попытается остановить выход книги в США, так же, как в Канаде.

Правительству Израиля с самого начала было ясно, что все эти попытки тщетны, и они вполне предвидели, что им не удастся выиграть. Но были и другие планы, совсем не связанные с судами. Как позднее стало известно израильской прессе, шеф Моссад требовал дать ему время, дабы он смог предпринять шаги к тому, чтобы остановить меня.

Перед специальной комиссией Кнессета, которая занималась расследованием моего дела, он признал, что посылал людей в Канаду, чтобы убедить меня не публиковать книгу, и что мне напрасно предлагались деньги. После этого он решил использовать другие средства.

Намного позже, когда снова установилось

спокойствие, Эфраим рассказал мне, как выглядели эти планы. Шеф хотел, чтобы юридические меры помешали мне высказываться в первые дни и отвечать на важные вопросы. Таким образом, он выигрывал достаточно времени, чтобы схватить меня и вывезти в Израиль.

Они исходили из того предположения, что, всё равно, как бы велик не был ущерб от моего киднеппинга для официальных взаимоотношений, этот ущерб будет намного меньше того вреда, который я смогу нанести, получив возможность высказаться перед телевидением и прессой. И в моей книге их беспокоило больше разоблачение их личных действий и поведения, чем раскрытие пресловутых государственных тайн.

Шеф совсем не принимал во внимание возможность полного игнорирования меня и моей книги. Частично потому, что на одной встрече начальников отделов Эфраим сказал, что игнорировать меня будет только пустой тратой времени, потому что я включил в книгу различные документы.

Напротив, схватить меня и вывезти в Израиль не представлялось для них невозможным заданием. Он указал также на то, что вопросник, который я перевёл с иврита, содержит такие сведения о сирийской армии, которых не могло быть ни у кого, кроме Моссад или самих сирийских военных.

Салли Тиндел, секретарь Анхеля, пошла к ожидавшим журналистам, чтобы собрать назад розданный им письменный информационный материал, включая краткое резюме книги. К моему удивлению, журналисты безоговорочно вернули бумаги. Мы провели короткую пресс-конференцию, во время которой я не мог сказать много, лишь то, что я думаю, что книга важна и должна быть опубликована.

В США Моссад действовал точно так же и подал там иск о запрете сдачи тиража книги. Это там также было неслыханно. Но реакция в США была намного громче и жёстче, чем в Канаде. Стало ясно, что американцы куда больше ценят свою свободу слова, чем канадцы. После того, как на меня натянули намордник, против меня во всём мире началась кампания травли.

Судебное определение об обеспечении иска в США было отменено в течение 24 часов. Но до этого времени были уже распроданы все двенадцать тысяч экземпляров и книготорговцы требовали дополнительных поставок. Цифры продажи книги побили все рекорды, но одновременно было запрещено говорить о её содержании.

В Торонто я постоянно менял своё место пребывания и взвешивал каждый свой следующий шаг, но ни с кем об этом не говорил. В первый день меня под своё крылышко приняли конные полицейские. Они приступили к делу с решительностью людей, которые знали, что они хотят.

Вечером было решено вернуть меня назад в Оттаву, где легче было защитить меня и мою семью якобы, как «решение вопроса всем пакетом», как они думали. Мы поехали в Оттаву и остановились в полицейском участке Непина, где оба мои несколько смущённые офицеры RCMP обратились к дежурным полицейским, сказав, что руководство Ко-

ролевской Канадской Конной Полиции решило, что охранять меня является задачей полиции Непина, и передали меня им.

Мне сказали, что это решение было принято во время нашей поездки в Оттаву. Они думали, Моссад не решится проводить силовую акцию в Канаде, и поэтому не было необходимости постоянно охранять меня.

Здесь я не мог ничего изменить. Полицейский дал мне свою карточку и сказал, что если возникнут проблемы, я могу позвонить ему всегда и отовсюду. Итак, это оставляло меня и мою семью в основном под защитой полицейского участка городка Непин, где полицейские несколько магазинных краж считали гигантской волной преступности. Это меня не особо утешало.

Белла была шокирована, снова увидев меня, потому что она хорошо знала, в чём дело. Она тоже думала, что дома, под охраной лишь местной полиции мне находиться очень опасно. На следующее утро я поехал на вокзал и запрыгнул в поезд, как только он подъехал. После обеда я уже был в Торонто и двинулся прямо к издательству «Стодарт».

Буря в средствах массовой информации усиливалась. Я давал интервью телевидению, а по телефону — для радио. Самым дальним местом, из которого со мной связывались, был австралийский Сидней, самым близким — еврейская пресса в Торонто. Но ни о содержании книги, ни о моём личном опыте в Моссад я всё ещё не мог говорить.

Внезапно вынырнули и некоторые израильские представители средств массовой информации, которые работали, как репортёрами своих газет, так и комментаторами других средств массовой информации. Одним из них был Ран Дагони, который писал для израильской газеты «Маарив».

Эта газета опубликовала ужасное интервью со мной, которое, как утверждал Дагони, он взял у меня в Торонто. Интервью растянулось на почти две страницы. Этот тип забыл в нём лишь упомянуть, что мы никогда не видели друг друга, и что я с ним никогда не разговаривал, даже по телефону.

Канадские судьи запретили все дискуссии о книге на срок в десять дней. Я знал, что за это время Моссад попытается остановить меня. Время от времени я замечал их, когда они следовали за мной, но я всегда мог от них оторваться. Тогда я благодарил в душе Мусу и Дова за тот хороший тренинг, какой получил от них.

Ещё до того, как истекли десять дней, я решил поехать домой. Мне больше не приходили в голову никакие иные возможности, чтобы покинуть издательство «Стодарт», кроме привычной. Я был сильно расстроен. Я побывал уже в теленовостях ABC с Питером Дженнингсом, в NBC с Томом Брокау и в передачах всех других больших телекомпаний, но из-за решения суда не мог почти ничего рассказывать. Мне казалось, что я играю роль шута.

Когда я вернулся в Оттаву, меня снова ждали журналисты. Это были израильские репортёры и репортёры местной прессы. Самым странным показалось мне, что я не мог ничего говорить о книге, что я не мог держать в руках ни единого экземпляра книги, в то время, как Оед Бен-Ами, представитель

израильского радио, из своего гостиничного номера в Оттаве зачитывал своим слушателям целые куски моей книги по телефону.

Большим сюрпризом было сообщение от моего отца, который узнал о книге из газет: «Позвони мне. Что бы ни случилось, я всё равно останусь твоим отцом».

Это было очень хорошо. Хотя мы и поддерживали связь с тех пор, как я жил в Канаде, но я очень ждал такого знака с его стороны. Теперь он был здесь, как раз, когда мне так нужна была его поддержка. Я позвонил ему, и мы вели себя так, как будто ничего особенного не произошло.

Но ведь именно он был тем человеком, который даже в победном угаре после Шестидневной войны 1967 года всегда говорил, что к арабам надо относиться порядочно и с уважением, и что не каждый араб плох, как и не каждый израильтянин ангел. После этого телефонного разговора мы стали с ним, наконец-то, самыми лучшими друзьями, на что я всё время надеялся.

Через пару дней я смог дозвониться к Эфраиму. Я услышал, что Моссад на первое время хочет оставить меня в покое. Меры против меня собираются предпринимать только в отделе дезинформации, но моей жизни сейчас ничего не угрожает. Я, конечно, знал, что это не гарантия и что всё может быстро поменяться, как только я покину страну, а для этого достаточно, чтобы я поехал в Соединённые Штаты.

Я начал по телефону проводить радишоу в США и в Канаде. Я провёл их более двух сотен менее чем за три месяца. Я также по спутнику провёл несколько телешоу. Вместе с Чарльзом Гибсоном я выступил в Торонто в программе «Доброе утро, Америка!», и он был одинаково приветлив и очарователен и как хозяин и как интервьюер.

Потом, когда было отменено решение суда, было «Шоу Ларри Кинга». Там дела пошли по-другому. Чтобы добавить в шоу перцу, в качестве моего оппонента был приглашён Амос Перельмуттер, профессор Вашингтонского университета.

С самого начала было ясно, что Перельмуттер жаркий поклонник Израиля. Его мало касалось то, что было написано в моей книге. В любом случае, он её не читал, что сам открыто признал.

Эти шоу никогда не предоставляли достаточно времени, чтобы высмеять этих защитников Израиля. Откуда они могли знать, что это всё — ложь? Ведь это я пришёл из Моссад, а не они.

Почему эти лояльные американские граждане согласны были воспринимать любую грязь, которой поливали ЦРУ, но до последнего защищали разведку иностранного государства, о которой было известно, что она шпионит в США (как в случае Джонатана Полларда) и не останавливалась даже перед нанесением прямого вреда американским интересам (как, в частности, в афере Лавона⁴⁶ в Египте).

Первая вызванная книгой волна нападков была связана с разоблачением того, что Моссад знал о покушении водителя-камакадзе в Бейруте (включая цвет и марку машины), но не передал эти сведения американцам. После этого в октябре 1983 года 241 американский морской пехотинец взлетел на воздух, когда здание, где они разместились, таранил груженный взрывчаткой грузовик.

В некотором смысле, эту историю вырывали из контекста и рассказывали так, будто бы Моссад знал, что американцы представляют собой цель покушения, но это было не так.

Эта и другие истории из книги становились газетными сенсациями и катапультировали книгу на верхушку списка бестселлеров газеты «Нью-Йорк Таймс», где она оставалась девять недель.

В более чем двадцати странах, где книга вышла, она тоже попала в список бестселлеров. Её перевели на пятнадцать языков (хотя на иврите её до сих пор нет), и в конце года общее число проданных книг перевалило далеко за миллион экземпляров.

Если бы Белла не вмешалась в последнюю минуту, то в книге стояли бы имена всех оперативных офицеров. У меня не было с этим проблем, у Эфраима тоже. Мы оба знали, что они уже раскрыты и публикация их имён пойдёт им же на пользу. Но мне также ничего не мешало и выбросить их.

Но и это не защитило от представления меня в израильской прессе, как сущего дьявола. Один израильский репортёр написал в редакционной статье, что кому-то стоило бы всадить мне пулю в голову. Другой считал, что меня нужно привязать к позорному столбу, чтобы все люди в Израиле могли прийти и плюнуть в меня.

Ни один человек во всём государстве не сказал: «Возможно, в том, что он говорит, есть зернышко истины».

Книга теперь была переведена на другие языки, и я встречался с людьми со всего мира и отвечал на их вопросы. Чем больше проходило времени, тем больше выяснялось, что описанное в книге соответствует действительности.

Я переехал в больший дом и начал новую карьеру. Я хотел стать писателем и написать роман. Я знал, что это сложное дело, но думал, что мне нужно рассказать пару историй, и что я смогу это сделать. Стодарт согласился и захотел напечатать эту книгу.

Эфраим рассказал мне, что назначенная Кнессетом комиссия для расследования дела Островского пришла к выводу, что была допущена лишь одна ошибка — та, что меня вообще приняли на службу в Моссад.

Единственной переменной было увольнение нескольких человек, которых Моссад, как, так называемых, «умеренных», сделал ответственными за мой приём на службу. И из страха, что однажды

⁴⁶ Она в 1950 году коснулась Пинхаса Лавона, тогдашнего министра обороны Израиля. Многие египетские евреи были объединены в террористические ячейки и посланы для нападений на американские объекты в Египте. Таким образом, должны были быть отравлены

египетско-американские отношения. План сорвался, люди были арестованы. За этим последовал долгий и болезненный политический кризис в Израиле. Никогда так и не выяснилось, кто отдал приказ о проведении этой позорной операции, но, как министру обороны, ответственность за неё пришлось взять на себя Лавону.

будет создан специальный комитет, который возьмёт Моссад на мушку, были предприняты различные превентивные меры. Были усилены связи с поселенцами на оккупированных территориях, а в Министерстве обороны и в армии принимались на службу «шпионы».

— Я думаю, ты получишь ещё одно задание, — сказал Эфраим. — В окружении нового шефа есть такие элементы, которые намного опаснее, чем все, которых ты знал в твоё время.

— Я теперь не смогу много сделать, так как я уже привлёк к себе внимание.

— Посмотрим. Плыви по течению и постарайся не утонуть.

Я серьёзно принял его предупреждение, потому что знал, откуда угрожает опасность.

Глава 29.

1991 не был хорошим годом для Моссад, хотя и казался таким вначале. Правда, на троне сидел новый босс, и к радости всех оппортунистов он был «инсайдером», выходцем из бюро. Им удалось помешать намерению правительства посадить на эту должность генерала.

Сейчас у них был свой человек на самом вершине власти в Израиле: Ицхак Шамир, премьер-министр, который так охотно вспоминал о своём прошлом в Моссад (хотя внутри самого Моссад его всегда считали вполне заурядным, а это кое-что значит, куда он, как человек без воображения и широкого взгляда на мир, так здорово вписался).

В этот раз «инсайдер» получил пост шефа, как своё наследственное владение, и с самого начала дал понять, что больше во всемогущем Моссад не будет на должности босса людей «со стороны». Броня организации, которая всё время рылась в дерьме, стала ещё более непробиваемой.

Новый шеф вступил в должность, не собираясь — к радости своих приятелей — проводить какие-либо реформы в организации. Но при этом, тем не менее, разрушилась связь между Моссад и армией, которая до того всегда ставила на этот пост бывшего генерала.

В результате у руля Моссад во второй раз встал человек, который не знал армию и не испытывал к ней большого уважения. Новый босс рассматривал военное руководство, как приму-балерину, которую всегда нужно баловать, и которая не в состоянии взяться за жёсткие бандажи.

— Единственное воздействие, которое мы теперь можем использовать в атаке, — сказал Эфраим, — это брать Моссад на мушку в одной стране за другой, чтобы так вызвать перемены.

— Мы ведь это уже делали. И что это принесло?

— Послушай, я знаю о некоторых действиях, происходящих именно сейчас в Норвегии. Почему бы нам не взять эту страну, как пример и не посмотреть, что произойдёт. Что нам, в конце концов, терять?

— Ты никогда не думал о том, чтобы смять Моссад ударом изнутри, там, где все попытки под-

ступиться к нему снаружи окончились неудачей.

— Я всегда учитывал это. Если у меня появится шанс встать у руля, то, поверь мне, я воспользуюсь этим. Но они гарантировали себе власть на бог знает сколько времени. Пока Шамир остаётся на своём посту, у нас нет шансов предпринять что-либо. Он ненавидит весь мир, а какой лучший инструмент мести есть у него, кроме Моссад?

Он ненавидит Буша, потому что тот унизил его в Вашингтоне и держит на коротком поводке в вопросе предоставления займов. Он ненавидит англичан, — Эфраим сделал паузу, — ну да, их он всегда ненавидел. Он совсем не доверяет французам, и мы ведь прекрасно знаем, что он думает об арабах и обо всех остальных.

— И что теперь?

— У меня есть друг в Норвегии, который знает одного репортёра газеты «Афтенпостен». Я мог бы предложить своему другу, чтобы репортёр позвонил тебе и спросил, есть ли у тебя какая-то история о Моссад.

— А такая история есть?

— Ну, конечно.

Мы поразмыслили над деталями истории, и нашли многие «концы» в ней, связывающие её с датскими документами, которые были у меня. Теперь мне нужно было просто подождать звонка. Мы не питали особых надежд к этому маленькому приключению, но это было лучше, чем оставаться безучастным. И хотя я находился в середине написания своего романа, мне было ясно, что есть более важные дела.

У меня было чувство, что шанс для мирных переговоров появится лишь после смены правительства в Израиле. В определённом смысле изменилась и моя цель. Теперь я думал не только о Моссад. Я искал возможности поставить правительство в затруднительное положение. Для меня 1991 год должен был стать хорошим годом.

Через несколько дней мне позвонил из Норвегии человек, назвавшийся Стангхелле. Он подтвердил, что работает на «Афтенпостен» и хочет задать мне несколько вопросов. Затем последовали обычные любезности. Он сказал мне, что ему очень понравилась моя книга, и что он надеется, что я напишу следующую. Наконец, он перешёл к делу. Он хотел узнать, могу ли я сообщить что-то о деятельности Моссад в Норвегии?

Я объяснил ему, что мне никогда не приходилось иметь дел с норвежским отделом, я могу дать ему лишь ссылки на схожие действия Моссад в Дании, которые описаны в моей книге. Я сказал ему, что по-моему Моссад в Норвегии также активен, как в Дании. Если он сможет выделить время на дополнительное изучение вопроса, то я готов сесть на паром и помочь ему оценить информацию, которая у него уже есть.

Я также предложил дать ему краткий очерк того, что, по моему мнению, делает Моссад в Норвегии. Затем ему придётся самому подкрепить это всё соответствующими фактами, на которые он натолкнётся во время своих исследований.

Репортёр очень обрадовался, и я узнал, что он нанесёт Моссад чувствительный щелчок по носу,

если они не раскроют меня и не дадут всему отбой. Но, как обычно, они продолжали делать то, что умели лучше всего, а именно: использовать дружбу своего хорошего союзника, но оставлять его в беде, как только запахнет жареным.

Я рассказал моему новому другу, что у Моссад, несомненно, есть тесные связи с норвежской спецслужбой на среднем уровне. Он может проследить эти связи, если найдёт людей в полиции и разведке, которые много раз посещали семинары в Израиле.

Вторая возможность — палестинские беженцы, которые искали убежища в Норвегии. Моссад предлагал, как это описано в моей книге в случае с Данией, местной спецслужбе свои услуги для гарантий безопасности и для просеивания просящих убежища лиц с целью выявления потенциальных террористов.

Обычно предлагается, что Моссад посылает экспертов, которые затем получают норвежские документы. Они допрашивают беженцев на том языке, который они понимают (что означает одновременно и арабский язык и язык грубого насилия).

Затем израильтяне переводят протоколы допросов и передают их норвежцам. Этот процесс придуман для того, чтобы предотвратить внедрение зачинщиков беспорядков и держать Норвегию вне кровавой ближневосточной игры.

Я также сказал репортёру, что, по моему мнению, люди из норвежской полиции и разведки убеждены в том, что поступают правильно. Ради безопасности своих друзей из Моссад они, конечно, должны были скрывать всё от политиков, ведь им нельзя доверять в вопросах безопасности.

Стангхелле явно шёл на то, чтобы вызвать самый большой шпионский скандал, и знал об этом. Связь между нами была спорадической. Он звонил мне в самое невероятное время, чтобы спросить моего совета.

Мы начали работу над историей в январе 1991 года. В конце августа статья Стангхелле была готова и в сентябре сдана в печать. Ожидаемый шум в норвежской общественности действительно начался, а объяснения отделов спецслужбы были пустыми отговорками.

Все предоставленные мной факты были верны, хотя мне самому досталось немного славы. Но ведь самым важным для меня было то, что о Моссад снова заговорили.

Выяснилось, что Моссад поддерживал с полицией и разведкой Норвегии почти интимные отношения. Норвежская спецслужба обеспечивала людей Моссад норвежскими документами и впускала в страну для допросов палестинских беженцев.

Офицеры Моссад допрашивали палестинцев на арабском языке, хотя палестинцы бегло говорили по-английски, равно как и норвежские чиновники. Но по-арабски никто из них не говорил, потому они не понимали, о чем говорилось на допросах.

Офицеры Моссад угрожали палестинцам депортацией, если они не пойдут на сотрудничество с Израилем, все в присутствии норвежских чиновников, но иногда и в их отсутствие, тогда допрос проходил в намного более жестокой форме.

После статьи норвежский министр юстиции Карл Йестеби потребовал полного расследования случившегося. Конечно, это должно было послужить только для успокоения взволнованной общественности, которая во второй раз увидела грубое нарушение суверенитета Норвегии со стороны Израиля (первым случаем было убийство в 1974 году сотрудниками Моссад в Лиллехаммере марокканского официанта, ошибочно принятого Моссад за Али Хассана Саламеха⁴⁷).

В ночь перед публикацией в «Афтенпостен» Стангхелле позвонил мне в поздний час по норвежскому времени. Его настроение по телефону показалось мне очень странным. Он то плакал, то смеялся и просил меня простить его, потому что он действительно не так всё предполагал.

Потом он повесил трубку, и я очень обеспокоился. Я подумал, что, может быть, кто-то вышел на его след, перед тем, как статья пошла в печать, и что ему угрожает опасность. Так как я никоим образом не знал в Осло и не мог дозвониться до Эфраима, чтобы спросить, что делать, я позвонил живущему в Нью-Йорке датскому репортёру Франку Эсману, представителю датского радио в США.

Я разъяснил ему ситуацию, и он, со своей стороны, позвонил своим знакомым в Норвегии, которые потревожили полицейский участок по соседству с домом Стангхелле.

После нескольких часов нервного ожидания я через знакомых Эсмана узнал, что полицейские побывали в доме Стангхелле и нашли его пьяным в стельку. Выяснилось, что он позвонил мне после обильного празднества в честь публикации статьи и хотел таким способом выразить мне свою благодарность.

Совет норвежских организаций по делам беженцев (NOAS) начал процесс против норвежской спецслужбы за намеренное нарушение норвежского уголовного законодательства, параграфов 325 и 121. Через несколько дней после разоблачения шеф контрразведки (*Overvakingstjeneste*) Свейн Урдаль подал в отставку.

Хотя норвежский политический истеблишмент пытался делать хорошую мину при этой плохой игре и объяснять всё простым недоразумением, я узнал от Эфраима, что норвежцы по тайным каналам ясно дали понять, что не потерпят больше никаких действий Моссад в Норвегии.

В качестве доказательства они отозвали своего офицера связи из Тель-Авива и потребовали, чтобы связник Моссад больше не приезжал в Осло. Это был сильный удар по Моссад.

События в Норвегии последовали за другими различными пощёчинами Моссад, к которым я тоже имел отношение, чем я и горжусь.

Всё вместе это оказалось более действенным, чем моя книга: это повредило репутации Моссад достаточно для того, чтобы люди в Израиле позволили себе засомневаться в непобедимости Моссад.

⁴⁷ Али Хасан Саламех подозревался в том, что устроил нападение на израильских спортсменов во время Олимпийских игр в Мюнхене. Позднее он был ликвидирован Моссад в Бейруте.

С того времени его эффективность подвергалась сомнению, хотя её всё ещё воспринимают как Бога — по крайней мере, как меньшего Бога.

Пока Стангхелле занимался своими расследованиями, ко мне пришел Эли, с которым я, собственно, не хотел больше иметь дела, и сказал, что собирается покинуть Моссад, потому что там всё стало совершенно невыносимым. Больше половины новых сотрудников пришло из мессианской религиозной секты.

Если я считал, что ещё в мою бытность в Моссад, состояние людей там было гнусным, то я не мог себе даже представить, каким оно стало сейчас. Половина всех людей Моссад теперь должна была жить в поселениях на оккупированных территориях Западной Иордании. Уже этого было достаточно, чтобы представить, как сильно организацию занесло вправо. Он хотел узнать, есть ли у меня связь с американской разведкой.

Её не было, не считая случайных звонков, которые я делал по просьбе Эфраима, чтобы передать ту или иную информацию. Судя по тому, как сейчас обстояли дела, я думал, что уже поздно для меня устанавливать такие контакты, потому что любой, с кем бы я попытался связаться, решил бы, что я собираю информацию для своей новой книги.

Впрочем, ни одна разведка не питает никаких настоящих симпатий к, так называемым, «трубачам», потому что никогда нельзя знать, о чём он «раструбит» в следующий раз.

Но у меня уже был круг друзей, с которыми я познакомился в последнее время, которые на добровольной основе пытались облегчить участь арабского народа Палестины. У некоторых из них могли быть такие контакты. Но для того, чтобы воспользоваться этим каналом, мне нужна была очень веская причина и люди, которых это касалось, тоже должны были точно знать, в чём тут дело.

Эли сказал, что он передаст сказанное мной Эфраиму, который послал его в это путешествие, чтобы Эли, используя свои возможности свободно передвижения по миру, смог бы что-то соорудить для себя в Америке. У него там была семья, и он мог без проблем получить паспорт.

— А последний должен будет выключить свет в аэропорту «Бен-Гурион», — сказал он. Это была старая шутка со времен депрессии в Израиле ещё перед Шестидневной войной, которая потом всё изменила. Мы оба искренне и долго смеялись и спустились, таким образом, пар, потому что изменить мы ничего не могли.

Тогда, в беседе с Эли, я заметил, что я зашёл гораздо дальше его. Эли, как и Ури, всё ещё верил в сионистскую мечту. Они были точно, как те люди, которых я знал в Израиле, как мои старые друзья, моя семья. Хотя они были замешаны в то, что большинство израильтян воспринимало, как экстремизм, они делали это из веры в сионистскую идею.

Я, напротив, уже довольно давно заметил, что не разделяю больше эту идеологию, что для меня израильское государство больше не было осуществлением древнейшей мечты. Скорее, для меня оно было кошмаром из предрассудков, что-то, что ска-

тывалось к расизму и размахивало бело-синим флагом, как знаменем угнетения.

Я не хотел иметь с этим ничего общего. То, что я делал сейчас, я делал, чтобы покончить с этой мечтой, показать носителям этого знамени их уязвимость, чтобы они остановились и переосмыслили свои цели. Возможно, тогда они смогли бы равноправно вступить в семью народов.

— Они что-то планируют на Кипре, — сказал Эли и передал мне лист бумаги

— Что это?

— Это номер телефона полиции на Кипре. Ты позвонишь им и скажешь, что кто-то хочет незаконно вторгнуться в это офисное здание.

— Что именно это?

— Я не знаю, и меня это не интересует. Эфраим сказал, что ты должен позвонить послезавтра в 17.30 по местному времени.

— Это всё, что ты знаешь?

— Я знаю, что там группа «Йарид» и она хочет сделать то, на что не имеет права.

— Мне этого уже достаточно, — сказал я.

Эли не оставался долго. Он испытывал чувство стыда за то, что хочет покинуть Моссад и страну, и я ощущал, что в моём присутствии он чувствует себя неловко.

У меня было то же чувство, но я не мог объяснить, почему я тогда не попытался удержать его, хотя страшно хотел спросить его об очень многом.

Вторник, 23 апреля 1991 года

В указанное время я позвонил и провёл почти двадцать минут у телефона. В конце я уже точно смог объяснить полицейскому, что в бюро вломится пара людей, которым там, по моему мнению, совершенно нечего было делать.

На полицейского сперва это вроде бы не произвело особого впечатления, но после того, как он проверил, что находится по данному адресу, и узнал, что три верхних этажа дома снимает иранское посольство, он всё же подумал, что это дело надо остановить.

Выяснилось, что команда «Йарид» из четырёх мужчин и двух женщин не рассчитывала на неожиданности. Они поселились, как туристы в двух разных отелях, чтобы не вызывать подозрений. Двое мужчин уже устроили в квартире соседнего с посольством дома станцию подслушивания, чтобы получать информацию от «жучков», которые «мониторы» должны были установить в нужном месте.

Два человека должны были войти в здание и поставить «жучки» на телефонные линии, а два других должны были стоять внизу «на стрёме». Но они были слишком небрежны; в конце концов, они ведь принадлежали к великоллепному Моссад. Что могло пойти не так?

Оба «постовых» чувствовали себя на улице, где они не могли хорошо спрятаться, неудобно и решили поэтому подняться вверх и помочь своим коллегам. Ведь, чем быстрее они справились бы, тем скорее смогли бы воспользоваться удовольствиями своего пребывания на Кипре, конечно, за

счёт Моссад.

Но наверху они ничем не могли помочь, потому что только один из «монтеров» был специалистом, делавшим саму работу. Остальные толпились вокруг и только нервировали его.

Он как раз разделил провода по принесённой с собой схеме и попытался найти кабеля иранского посольства, как появился полицейский. Все четверо сидели на корточках у открытого телефонного щита с «жучками» в руках, чтобы подавать их специалисту, как только он найдёт нужные провода.

Полицейский был так же ошарашен, как и застигнутые им. «Что вы здесь делаете?» — спросил он сперва по-гречески, а потом, не получив ответа, повторил по-английски.

Все четверо выронили всё, что было у них в руках, смотрели по сторонам и не знали, что им говорить и что делать.

Ран Софе⁴⁸, руководитель группы, заговорил первым. Он был тридцатитрёхлетним ветераном «Йарид».

Софе должен был стоять на страже снаружи вместе с Амит Литвин, которая была одета так провоцирующе, что должна была привлечь к себе внимание, если кто-то появится (Трюк, который сработал бы, наверное, если бы они оставались на своих местах.) «Мы ищем туалет. Девочкам нужно кое-куда, Вы понимаете?»

Остальные закивали, как школьники, которых поймали, когда они засунули руки в варенье, не веря своим собственным пустым отговоркам.

Полиция, естественно, тоже не поверила. Их всех привезли в полицейский участок Никосии.

Среда, 24 апреля 1991 года

Четвёрку привели к судье, который за незаконную попытку подключения к телефонным кабелям отправил их на восемь дней в следственную тюрьму. Вскоре скандал попал в прессу и тут пошла кутерьма! Моссад тянул за все нити, чтобы афёра поскорее закончилась.

Четверг, 9 мая 1991 года

Последовали многие дни интенсивных торгов и попыток держать репортеров подальше. Наконец, власти отпустили всех четверых, после того, как их признали виновным в том, что они незаконно вторглись в чужое помещение для совершения преступления.

Их приговорили к штрафу в 800 долларов и затем передали израильтянам. Они в тот же день улетели в Израиль, причём пытались прятать лица и уклоняться от журналистов.

Примерно через неделю после этого события на меня вышел репортёр израильской газеты «Йедиот Ахронот», который хотел знать моё мнение.

Он позвонил мне из-за того, что я был един-

⁴⁸ Ран Софе, Давид Даби, Анна Долгин и Амит Литвин — это имена, которыми они назвались в полиции и под которыми были обвинены, осуждены и, в конце концов, освобождены.

ственный бывший сотрудник Моссад, который был готов говорить с прессой и который действительно был в Моссад, в отличие от многих, которые уже в прошлом утверждали подобное, лишь чтобы привлечь к себе внимание.

Я рассказал ему, что, по-моему, произошло шаг за шагом, причём, я настаивал на том, что это лишь моё предположение. Он написал статью, которую, однако, запретила военная цензура.

Газета решила подать в суд, но друзья в разведке отговорили от этого. Газета сдалась, потому что не хотела терять доступа к «внутренней информации», чтобы быть в состоянии и дальше «информировать» читателей.

Казалось, что нам этим совсем маловажным вмешательством удалось дать Моссад такого пинка, через который пробился ручеек критики действий оперативного уровня Моссад, что несколько потрясло его почву.

Но этот ручеек был всё ещё очень далёк от того шторма, который был нужен, чтобы смыть Моссад в море.

Глава 30. Среда, 30 октября 1991 года. Мадрид

«Боинг» президента Соединённых Штатов, зарегистрированный в ВВС страны под номером «Air Force One», заходил на посадку, за ним следовал однотипный «Air Force One».

Оба «Джамбо» (они похожи друг на друга, как близнецы, вплоть до одинаковых номеров на фюзеляже; в одном самолёте летит президент, а в другом, используемом так же, как резервный для экстренных случаев, его окружение) везли в Мадрид американского президента в сопровождении огромного количества журналистов на мирные переговоры, которые должны были состояться между Израилем и всеми его арабскими соседями, включая сирийцев и палестинцев, как частью иорданской делегации.

Месяцами перед этим театральным представлением американский президент действительно верил, что он может поспособствовать перемене того окостеневшего порядка, который десятилетиями царил в регионе.

Чтобы привести правое правительство Ицхака Шамира к столу переговоров международной мирной конференции президент США использовал свое особое средство давления. До того времени ни одному американскому президенту не хватало мужества на использование этого средства.

Против желаний возмущённой еврейской общины Джордж Герберт Буш заморозил все гарантии кредитов Израилю, которые на следующие пять лет составляли 10 миллиардов долларов.

И это было не наказанием за создание поселений в оккупированных Западной Иордании и Секторе Газа (эти поселения США считали незаконными), но средством, чтобы принудить завязшее в финансовых трудностях правительство Израиля сесть за стол переговоров.

Этим своим решением президент поставил

себя у всех еврейских организаций Соединённых Штатов в чёрный список и стал рассматриваться, как злейший враг Израиля. По всему Израилю были развешаны плакаты, изображавшие Буша в головном уборе фараонов.

Под изображением можно было прочесть: «Мы пережили фараонов, мы переживём и Буша». Шамир назвал поведение президента США словом Ам-Буш (непереводимая игра слов: «ambush» значит «засада», «удар в спину»).

Израильские посланцы в ускоренном темпе посещали все еврейские общины в США и готовили там нападки на Буша. Они неустанно питали средства массовой информации всяческой критикой любых его шагов. Одновременно они пытались убедить его вице-президента Дэна Куэйла в том, что он всё равно остаётся их любимцем, и что действия президента никак не влияют на их хорошее мнение о Куэйле.

Эта «любовная афера» с вице-президентом была не нова; это стало почти правилом с самой даты основания Израиля. Каждый раз, когда президент не был с Израилем на дружеской ноге, еврейским организациям предписывалось подлизываться к вице-президенту.

Так было при Эйзенхауэре, которого Израиль воспринимал как худшего американского президента в истории (хотя, по иронии судьбы, вице-президент Никсон, которого рассматривали, как друга, сразу стал врагом, стоило ему самому стать президентом).

Это стояло и за мощной поддержкой Джонсона, который в первый год своего правления почти удвоил американскую помощь Израилю, после того, как Кеннеди подверг очень жёсткой критике ядерную программу Израиля, считая её первым и самым опасным шагом к распространению атомного оружия в регионе, — не говоря уже о том факте, что семью Кеннеди всегда воспринимали, как антисемитскую, начиная с Джозефа Кеннеди, отца Дж. Ф.К., которого считали сочувствующим нацистам.

Эта политика стояла и за ненавистью к Никсону и любовью к Форду. Потом пришёл Картер, чьё правление вообще рассматривалось, как сплошная ошибка во всём, что касалось Израиля, ошибка, которая стоила Израилю Синайского полуострова в обмен на прохладный мир с Египтом.

А теперь ещё этот мирный процесс, который привёл в движение один из этих идиотов из «Кантри-Клаба». Тихий крик Шамира о помощи должен был остановить процесс, потому что он думал, что тот приведёт к компромиссу и заставит Израиль отдать землю взамен мира, а не мир взамен мира, как планировал Шамир.

Строительство на оккупированных территориях было форсировано при безоговорочном содействии министра жилищного строительства Шарона.

Правая клика в Моссад рассматривала эту ситуацию, как смертельный кризис и решила взять дело в свои руки и решить проблему раз и навсегда. Они думали, что Шамир и сам бы приказал им это, если бы не был так сильно подавлен политикой.

Как и многие люди до них в бесчисленных странах и ведомствах, они хотели сделать то, что,

собственно, так же хотело и руководство, но не могло этого открыто потребовать — израильская версия полковника Оливера Норты, но намного опаснее.

Для этой клики было совершенно ясно, что ей нужно сделать. Буш 30 октября при открытии мирных переговоров в Мадриде окажется без своего надёжного доверенного окружения. Во время события всегда будет царить высочайшая готовность, как при всех мероприятиях по поддержанию безопасности там, где в одном месте собирается так много потенциальных врагов.

Кроме того, здесь были все, кто выступал против переговоров: палестинские экстремисты, иранцы и ливийцы, не говоря уже об униженных иракцах с их бесконечным призывом к мести за войну в Персидском заливе.

Испанское правительство мобилизовало более десяти тысяч полицейских и гражданских гвардейцев. К ним добавились американская спецслужба, советский КГБ и все спецслужбы стран-участниц переговоров.

Королевский дворец в Мадриде был в это время самым безопасным местом на Земле, если, конечно, к кому-то в руки не попали бы планы обеспечения безопасности, и он не смог бы найти в них брешь.

И это было как раз то, что собирался сделать Моссад. С самого начала было понятно, что вину за произошедшее свалят на палестинцев, что раз и навсегда сломит их ожесточённое сопротивление и сделает из них наихудших врагов американцев.

Группа «Кидон» вытащила трёх палестинских экстремистов из их убежища в Бейруте и привезла в специальный лагерь в пустыне Негев. Их звали Бейдждун Саламех, Мохаммед Хусейн и Хусейн Шанин.

Одновременно звучали многочисленные угрозы убийства президента. Одни были реальны, другие — ложными тревогами. Моссад внёс свою лепту, уточняя угрозу, которая якобы исходила от группы Абу Нидаля. Моссад знал, что это имя гарантирует привлечение внимания после события.

Итак, если что-то произойдёт, то средства массовой информации быстро прореагируют и скажут: «Мы знали это, и не забывайте, кто впервые об этом сказал».

За несколько дней до события испанская полиция услышала, что три террориста направляются в Мадрид и, возможно, что-то затевают.

Так как Моссад имел все планы безопасности, для него не составило бы труда подвести «киллеров» так близко к президенту, как им хотелось. В последующей за покушением панике агентам Моссад, несомненно, удалось бы убить «преступников», чем Моссад смог бы похвастаться, как своей второй победой.

Они очень сожалели бы, что не смогли убереечь президента США, но ведь его защита, в конечном счёте, не была их работой. При таком количестве всех задействованных сотрудников служб безопасности и при мёртвых убийцах было бы чрезвычайно трудно узнать, где была брешь в системе безопасности.

Кроме того, некоторые из стран-участниц, как, например, Сирия, были известны, как поддерживающие террористов. И если это знают, то легко можно было предположить, где же была та самая брешь.

Моссад действовал наверняка.

Эфраим позвонил мне в четверг, 1 октября. По его голосу я заметил, что он находится в состоянии сильного стресса.

— Они хотят убить Буша, — сказал он.

Сначала я вообще ничего не понял. Я подумал, он имеет в виду, что они хотят расправиться с президентом в политическом смысле. Я знал, что готовились несколько книг против него и клеветническая кампания, обвиняющая его в предполагаемой причастности к скандалу «Иран-контрас» (что, как я точно знал, было полной чепухой).

— Ну и что? Они уже давно этим занимаются?

— Я имею в виду, действительно убрать, убить!

— О чём это ты? Ты что, шутишь? На это они никогда не отважатся.

— Не будь наивным, — сказал он. — Они хотят сделать это во время мирных переговоров в Мадриде.

— Почему ты не позвонишь в ЦРУ? Я думаю, это всё-таки не маленькая операция, которая тебя не касается.

— Я буду звонить всем в европейских разведках, кого я знаю. Но в американской я никого не знаю, в любом случае, никого, кому я мог бы доверять.

— Что я должен делать?

— Мы с нашей стороны должны сделать, всё что сможем. Но ничего не может стать известным общественности. Я хочу, чтобы ты это опубликовал. Если они узнают, что американцам это известно, тогда есть шанс, что они не станут это делать.

Я знал, что он сказал правду. Если я направлю на это общественное внимание и смогу опубликовать план, то это больше способствует остановке акции, чем всё, что смогут сделать все разведки, вместе взятые. Фокус состоял лишь в том, чтобы это опубликовать, не выглядев при этом сумасшедшим с очередной теорией заговора, которые всем уже надоели.

Я должен был сделать так, чтобы это прозвучало в относительно маленьком кругу, и надеяться, что эти сведения просочатся наружу. Если это не получится, то мне нужно будет связаться с различными репортёрами и сообщить им точные факты.

Мне как раз представилась подходящая возможность, когда я был в качестве докладчика приглашён от ближневосточного дискуссионного кружка на обед в здание парламента Канады в Оттаве. Это был свободный мозговой центр, поддерживаемый Национальным советом по канадско-арабским отношениям, председателем которого был бывший парламентарий-либерал Йэн Уотсон.

Цель этой группы состоит в том, чтобы информировать парламентариев и дипломатический корпус о тех вещах, к которым не имеют свободно-

го доступа средства массовой информации, и способствовать диалогу с Ближним Востоком.

На обеде присутствовали около двадцати членов мозгового центра и пара парламентариев. Я кратко рассказал им о целях Моссад и об опасности, исходящей от него каждой мирной инициативе в регионе.

Я сказал ещё, что, по моему мнению, дела обстоят так, что единственный шанс для мира на Ближнем Востоке состоит в прекращении американской финансовой помощи Израилю. Я подчеркнул, что львиная доля этой помощи направляется в Западную Иорданию и в поселения, которые, очевидно, являются самым главным камнем преткновения для любой мирной инициативы. Потом я попросил задавать мне вопросы.

Меня спросили, что будет делать Моссад, чтобы подорвать нынешний мирный процесс. Я сказал, что, согласно источникам, которыми я располагаю, и на основе моего личного опыта в Моссад, для меня не будет сюрпризом, если как раз сейчас готовится заговор с целью убить президента Соединённых Штатов и переложить ответственность за это преступление на экстремистскую палестинскую группировку.

Как мне позднее стало известно, один из участников встречи позвонил бывшему конгрессмену из штата Калифорния по имени Пит Макклоски. Он передал ему основные пункты высказанного мной мнения, а так, как этот человек был старым и близким другом президента, то он чувствовал себя обязанным предпринять какие-либо действия.

15 октября Макклоски позвонил мне. Он объяснил, что узнал от своего друга о моём выступлении и хотел узнать, существует ли, по моему мнению, реальная угроза или я сказал это просто так. Я ответил, что, как мне кажется, угроза президенту очень серьёзна. Я сказал также, что оповещение об этой угрозе, наверное, будет достаточным, чтобы устранить её, потому что, в противном случае, её осуществление станет очень рискованным.

Он сказал, что приедет через пару дней в Оттаву и спросил меня, готов ли я с ним встретиться. Я не видел для этого никаких препятствий, и мы договорились на 19 октября.

Я встретил Пита в отеле «Вестин» и мы спустились в маленькое кафе, где просидели несколько часов. Этот человек задавал мне вопросы, касающиеся всех возможных аспектов. Мне было ясно, что он ищет точные сведения, чтобы позднее смочь доказать, что реальная угроза существует.

Я, конечно, не мог сказать ему, что я получил информацию из первых рук, но я дал ему понять, что я не совсем оторван от Моссад. Это само по себе было рискованно. Я сделал это в первый раз. Но я думал, что для этого были очень веские причины, и я должен был это сделать.

В следующее воскресенье, 20 октября, Макклоски был в Вашингтоне, где принимал участие во встрече комиссии по национальным и коммунальным услугам. Он жил в отеле «Феникс Парк», откуда он позвонил в службу безопасности Белого Дома. Его направили к специальному агенту Секретной службы Аллану Диллону по адресу 1050, Коннекти-

кут Авеню, Северо-запад, Вашингтон, Федеральный округ Колумбия.

Пит послал Диллону по факсу копию памятной записки, которую он написал после встречи со мной. В тот же день он встретился с Доном Пенни, бывшим адъютантом в Белом Доме во времена президента Форда, который рассказал Питу историю обо мне.

Меня совсем не удивило, когда Пит сообщил мне, что он услышал от Пенни обо мне: он, мол, слышал от сенатора Сэма Нанна и из других источников в ЦРУ, что я предатель Израиля и совершенно ненадёжный человек. И если он пойдёт у меня на поводу, то сам себя потащит под обстрел.

Пит спрашивал потом сенатора обо мне, но Нанн не смог припомнить ни одного разговора, где упоминал бы меня. В это же время Роуланд Эванс, известный в Вашингтоне газетный автор, сообщил, что он много месяцев назад спрашивал обо мне сотрудников ЦРУ, и те сказали ему, что я «настоящий».

Я объяснил Питу, что Дон Пенни, вероятно, является частью грязной кампании травли против меня, которая охватила все части политической и разведывательной арены; при этом использовались люди вроде Дона Пенни, потому что он, видимо, должен был оплатить какой-то долг.

Пит провёл 22 октября беседу с агентом Терри Галлахером из службы охраны дипломатического корпуса американского МИД и в тот же день встретился с Алланом Диллоном из Секретной службы.

24 октября в Секретной службе захотели побеседовать со мной. Они послали через американское посольство в Оттаве официальный запрос канадской внутренней контрразведке CSIS. Американский агент пришёл ко мне в сопровождении сотрудника CSIS.

Я рассказал им, что может, по моему мнению, произойти, при этом я не упоминал о том факте, что я узнал это от активного сотрудника Моссад. Но я дал им понять, что у меня есть связи, прежде всего, чтобы защищать самого себя.

Сведения просочились в прессу, и Джек Андерсон в своей постоянной колонке опубликовал всю историю. То же самое сделала Джейн Хантер в её информационном письме, читать который стоило абсолютно всем, кто занимался Ближним Востоком и хотел быть объективно проинформирован о новейших событиях в этом регионе.

Я был глубоко убеждён, что президент во время своей поездки в Мадрид уже не будет подвергаться непосредственной опасности, в то же время было бы лучше проводить ему там как можно меньше времени. Но решение о его ликвидации из-за этого не было отменено, а только отсрочено и перепланировано.

Я указал американскому специальному агенту на то, что президент на борту своего самолёта «Air Force One» очень уязвим, как от зенитных ракет, так и от взрывчатки, пронесённой на борт в заранее подготовленном багаже не вызывающего подозрений репортёра, например, в фотооборудовании или в магнитофоне.

От Эфраима я позднее узнал, что сразу после посадки президентского самолета в Мадриде в американское посольство поступила по телефону угроза о заложенной бомбе, из-за чего часть здания была очищена от людей, пока там находился президент.

Но от оставшегося плана пришлось отказаться, и три палестинца, натасканных на несостоявшееся покушение, чьи имена и описания были уже сообщены испанской полиции, так и не были выпущены из заключения в пустыне Негев. Затем их привезли в исследовательский центр в Нес-Зийоне, где и убили.

31 октября президент снова был в Вашингтоне и хотел посетить свой дом в Кеннебанкпорте, который был повреждён штормом, опустошившим всё побережье. Секретной службой был подготовлен и распространён среди пассажиров «Air Force One» меморандум, в котором было написано:

«Мы располагаем очень эффективной системой, чтобы помешать террористам проводить акты саботажа на борту самолёта. Тем не менее, существует одно слабое место. Речь идёт в данном случае о личном багаже, который заносится на борт самолёта из автоколонны незадолго до вылета».

Глава 31.

Израильский премьер-министр Ицхак Шамир был не в лучшем настроении, когда ему позвонили в посольство Израиля в Мадриде по особо надёжной линии связи. Так рассказывал мне об этом Эфраим. На проводе был старый друг Шамира Роберт Максвелл. Он звонил из Лондона и хотел срочно встретиться с Шамиром. Он был готов приехать в Мадрид.

Оба мужчины знали друг друга очень давно. Молодой Шамир ввёл ещё более молодого Максвелла в радикальную сионистскую подпольную организацию «Иргун». Максвелл, которому удалось спастись из Европы, попал во время Второй мировой войны на конспиративную квартиру в Бейруте, а затем на конспиративную квартиру в Тель-Авиве. Его обучили различным приёмам подпольной борьбы и саботажа. Затем его послали во Францию, где он должен был вступить в британскую армию и быть готовым к вызову.

После войны Шамир, который тогда жил в изгнании во Франции, восстановил контакты. Шамир хотел внедрить Максвелла в самый центр ненавистного британского истеблишмента и предложил ему профинансировать первую крупную сделку Максвелла.

В последующие годы Максвелл получал внутренние сведения о мировых событиях от своего друга по израильскому подполью, который стал сотрудником Моссад, а в конце премьер-министром, когда пошел в политику.

Шамир дал Максвеллу агентурный псевдоним «Маленький чех». Только горстка людей в израильской разведке знала, кто такой этот «маленький чех». Он постоянно снабжал организацию в изобилии взятками, когда у неё не хватало денег.

Все эти годы Максвелл каждый раз проваливался в финансовые ямы, когда Моссад проводил

дорогие операции, которые не могли быть профинансированы законным путём, или когда другие, легальные, источники пересыхали.

Так случилось, в частности, в 1990 году после американского вторжения в Панаму, когда Моссад некоторое время не получал деньги от торговли наркотиками, и Максвелл был вынужден запустить руку глубоко в кассы своих предприятий.

Но Шамир слишком часто пускал в ход свой тайный козырь. Это было большой ошибкой, втягивать Максвелла в дела вторичного значения (особенно, в дело Вануну), за что Максвеллу пришлось дорого заплатить.

Эта вовлечённость вызвала недоверие у британского парламента, который подумывал, что дыма без огня не бывает. Толчок дала книга американского репортёра, утверждавшего, что Максвелл агент Моссад.

Максвелл ответил иском, но почва медленно уходила из-под его ног. Моссад задерживал возврат его денег, и его обычные спасательные акции в последнюю минуту, казалось, уже не могли удержать на плаву максвелловскую финансовую империю.

Шамир жил в сильно охраняемом гостиничном номере напротив дворца в Мадриде, где проходили переговоры между Израилем и его арабскими соседями.

Это, мягко выражаясь, не был его звёздный час. Он участвовал в процессе, который, в его глазах, диаметрально противоречил интересам безопасности Израиля только потому, что был инициирован Бушем и его «антисемитским» министром иностранных дел Джеймсом Бейкером.

Перед отелем проходила маленькая, но радикально настроенная демонстрация. Это было выступление движения Кахана-Шаи, которым руководил Бениамин Кахана — сын расистского раввина Меира Кахана, застреленного в Нью-Йорке.

Одновременно Шамир слушал сообщение о разгоравшемся скандале вокруг махинаций Моссад в Германии. Этот скандал был результатом телефонного звонка Ури в полицию порта г. Гамбурга, в котором он проинформировал, что на израильское судно грузят оружие.

Вооружения представляли собой советские танки и зенитные пушки, спрятанные в большие контейнеры с надписями «Сельскохозяйственные продукты». Поставка происходила с помощью БНД, без уведомления федерального правительства и министерства обороны.

Речь шла именно о той самой поставке в Израиль, которую немецкое министерство обороны запретило в марте этого же года, считая, что такая поставка будет нарушением запрета на поставки вооружения и военного снаряжения в конфликтные зоны.

Шамир не знал ещё, каких масштабов достигнет этот скандал. Он достаточно хорошо помнил скандал 1978 года, когда немцы разрешили офицерам Моссад выступать в роли офицеров немецких спецслужб для проведения допросов палестинцев в немецких тюрьмах.

Было бы прекрасно, если бы немецкое правительство смогло бы локализовать разрастающийся

скандал. Но если сведения уже просочились в средства массовой информации, то неизвестно, что ещё может произойти.

А потом последовал звонок Максвелла, который настаивал на встрече с Шамиром по очень важному делу. Шамир попросил его подождать до конца мадридского похождения, когда он вернётся в Иерусалим, но Максвелл был упрям.

Он высказал даже скрытую угрозу: так как сейчас парламент и британская пресса собираются начать расследования против него, то он, если ему не удастся урегулировать свои финансовые вопросы, не сможет гарантировать сохранение тайны о встрече с Крючковым.

Максвелл сослался (и предопределил тем самым свою дальнейшую судьбу) на организованную с его помощью встречу между связниками Моссад «Liaison» и бывшим председателем КГБ Владимиром Александровичем Крючковым, который как раз в это время из-за его роли в августовском путче сидел в следственной тюрьме № 4 в Москве.

На этой встрече, которая состоялась на борту яхты Максвелла, стоявшей на якоре в югославских водах, обсуждалась поддержка со стороны Моссад путча для свержения Михаила Горбачева. Моссад пообещал подействовать через свои политические связи скорейшему признанию нового режима, а также предоставить ему поддержку в виде материального обеспечения.

Взамен Моссад требовал выпустить или депортировать всех советских евреев, что привело бы к их массовому исходу. Число эмигрантов было бы настолько велико, что их не смогла бы принять никакая другая страна. Поэтому эти люди смогли бы ехать только в Израиль.

Шамир верил в необходимость такой встречи с планировщиками путча. Он знал, что если Россия больше не будет врагом, то исчезнет угроза с Востока, что приведёт к значительному уменьшению стратегической ценности Израиля для его великого союзника — США.

Потому совершенно реалистичными становились союзы между США и арабскими странами в регионе. Шамир думал, что мирная конференция, к которой его принудили, была прямым результатом этого нового мирового порядка, при котором заканчивалась роль Израиля, как единственной западной демократии на Ближнем Востоке.

Именно Максвелл помогал устанавливать связь с теперь уже распущенным КГБ. Шамир знал, что если вырвется наружу информация, что Моссад, пусть в очень слабой степени, был замешан в попытке путча в Советском Союзе, целью которого было прекращение процесса демократизации, это станет страшным ударом по положению Израиля на Западе.

Такое соучастие поймут, как предательство Запада. Сейчас Максвелл использовал этот факт в качестве угрозы Шамиру, чтобы заставить его срочно помочь его зашатавшейся империи.

Шамир попросил Максвелла перезвонить через пару часов. Затем он вышел на шефа Моссад и потребовал избавить его раз и навсегда от «маленького чеха».

Моссад не был готов к таким действиям. Шамир узнал, что требуется несколько недель, чтобы составить план, основанный на привычках Максвелла, чтобы подготовить для него ловушку.

Офицер связи Моссад, который ездил с премьер-министром (тоже бывшим офицером Моссад), предложил ему ускорить дело, для чего нужно было пригласить Максвелла на встречу, во время которой в дело и вступит Моссад.

Шамир попросил Максвелла приехать в Испанию на следующий день и объяснил ему, что всё будет урегулировано и нет никаких оснований для паники. Максвелл должен был на своей яхте приехать на Мадейру и там ждать сообщения.

31 октября 1991 года Максвелл прибыл в Гибралтар, сел на борт своей яхты «Леди Гислейн» и двинулся к Мадейре, как ему и сказали. В пятницу, 1 ноября, спецподразделению Моссад, которое во время мирных переговоров дислоцировалось для обеспечения безопасности в Испании, было поручено позаботиться о Максвелле.

Подразделение перелетело в Марокко, где встретилось с шефом тамошней резидентуры Моссад, который уже заранее похлопотал о необходимом оснащении и провёл предварительные мероприятия.

Сначала Максвеллу сказали, что встреча состоится на Мадейре и он получит достаточно денег, чтобы урегулировать проблемы. Потом ему якобы хотели перевести ещё деньги. Всё это должно было проходить в строжайшей тайне, чтобы не дать его врагам, которые только того и ждали, чтобы получить доказательства его прямых связей с Моссад, дополнительный материал.

2 ноября Моссад узнал, что Максвелл позвонил своему сыну в Англии и договорился с ним о встрече на острове. Это разрушило все планы Моссад, и теперь Максвеллу из Моссад сообщили, что договорённая встреча не состоится. Вместо этого он должен встретиться с курьером, который привезет ему деньги, на Тенерифе.

Когда он причалил к пристани Санта Круз на Тенерифе, то сразу помчался на встречу в отель «Менси». Когда Максвелл один был в ресторане, к нему подошел какой-то человек и передал ему записку: он должен был следующим утром быть в Лос-Кристос на противоположной стороне острова. Туда ему нужно было прийти на яхте. Предложенный маршрут предусматривал путешествие по морю вокруг острова Гран Канария.

Обо всём этом я узнал из телефонного разговора с Эфраимом. Он не имел малейшего представления, как группе «Кидон» удалось поймать Максвелла в открытом море, когда яхта шла со скоростью 15 узлов, но ведь как раз самое невероятное относится к волшебству «Кидон». В каком-то часу в ночь с 4 на 5 ноября проблема Шамира погрузилась на дно Атлантического океана.

После первого вскрытия, которое больше поставило вопросов, чем ответило на них, состоялось второе вскрытие в Израиле под бдительным оком аппарата служб безопасности. В конце концов, Максвелл удостоился памятника на Оливковой горе в Иерусалиме, на кладбище для самых почётных

героев нации.

«Он сделал для Израиля больше, чем можно сегодня сказать», — произнёс Шамир в своей речи на похоронах своего друга и своей жертвы.

Глава 32.

Ури посетил меня почти сразу после того, как был готов мой первый роман «Лев Иудей». Со времени нашей последней встречи прошло определённое время, и вообще с 1991 года я мало поддерживал контакт с кликой.

Книга уже поступила на рынки США, Германии и Канады и скоро должна была выйти в Бельгии и Голландии. Я как раз приступил к завершению моего второго романа. Меня попросили приехать в Голландию для встреч с читателями.

С тех пор, как в 1990 году вышла моя книга «Путём обмана. Как я был агентом Моссад», я не пересекал Атлантику и сейчас не торопился это сделать.

В этом полушарии происходило много всяких событий, и я не хотел рисковать оказаться в Израиле в тюремной камере. Я позвонил Эфраиму и спросил его совета, а он послал Ури, чтобы обсудить всё со мной.

— Тебе не угрожает опасность, — резюмировал Ури. — Правительство Партии Труда это не правый «Ликуд». За это время положение вещей изменилось. Тебе не нужно об этом беспокоиться. Мы даже порекомендовали бы тебе поехать туда.

Я всё ещё колебался, но возможность попутешествовать и повысить уровень адреналина в крови была сильным искушением.

Я собрал маленькую группу безопасности, состоявшую из трёх студентов университета в Оттаве, которых я обучал играть роль сотрудников безопасности. Всё это больше походило на шоу.

Я знал, что не могу довериться профессиональным службам безопасности, потому что они принимали на работу большое количество израильтян, которые постоянно сообщали обо всём соответствующим израильским ведомствам.

Я знал, что если всё будет выглядеть так, будто я предпринял достаточные меры предосторожности, то разного рода экстремистские элементы поостерегутся предпринимать что-либо против меня. А если сам Моссад захочет сделать что-то против меня, то он это сделает, даже если меня будет охранять команда профессиональных телохранителей.

Но в Голландии всё прошло хорошо, и в конце турне мы на два дня поехали в Бельгию. Так как я знал об истории деятельности Моссад в Бельгии и о коррупции бельгийской полиции, мне было ясно, что я вхожу в змеиное гнездо. Но обещания Эфраима мне было достаточно.

В последний день в Бельгии я должен был выступить в телевизионной передаче в Брюсселе. До конца шоу всё шло гладко. Когда я и моя команда выходили к машине, которая должна была доставить нас в отель в Антверпене, то увидели, что нет ни машины, ни водителя.

Возникло замешательство; никто не знал, что

случилось с водителем. Затем нам предложили другую машину, но мне и моим людям это показалось странным. Так как телестудия в Брюсселе находится недалеко от аэропорта, мы решили действовать быстро.

Мы заказали такси и разделились на группы. Мой бельгийский издатель повёз меня и одного из моих ребят назад в отель, а остальные взяли два такси. Мы разъехались по трём разным направлениям и даже послали куда-то в другое место ещё одно такси.

Я хотел только вырваться из этого города и позвонить Эфраиму. Если дело нечисто, то он об этом знает, в этом я был уверен. И он мог сказать, что мне делать. Но только после полуночи мне удалось выйти на него.

— Алло? — услышал я заспанный голос Эфраима.

— Эфраим?

— Да, кто это?

— Я! — Так как его голос не звучал озабоченно, мне немного полегчало.

— Кто, «я»?

— Я, Виктор, ну проснись же, наконец!

— Я проснулся. В его голосе я внезапно заметил напряжение. — Виктор, какой Виктор?

— Что это значит? Я не настроен на игры, Эфраим.

— Это Виктор Островский? Казалось, это сюрприз для него.

— Что это за игра?

— Как твои дела? Где ты?

— Ты знаешь, где я.

— О чем ты говоришь?

— Эфраим, я предупреждаю тебя. Не играй со мной, я не расположен к этому.

— Не смей надоедать мне. Я отчетливо услышал угрозу в его голосе. — Не делай той же ошибки, которую совершил Спиро. Я достаточно ясно выразился, мой мальчик?

— Ты сукин сын!

Я бросил трубку. Я завяз глубже, чем мне казалось. Иэн Спиро был «сайан», который многие годы сотрудничал с Моссад. Этот контакт приносил очень много пользы. Во многих случаях он устанавливал контакты с различными ливанскими фракциями.

Эпилог

Слишком долго я служил фальшивым богам. Насколько я мог вспомнить, я всегда сомневался в них, но тушил огонёк скептицизма, исходя из лояльности к великой цели. Я принял новосозданную религию сионизма.

Нет ничего проще, чем попасть в струю национализма. Даже сейчас, оглядываясь на свои разрушенные мечты, меня пробирает дрожь, когда я даже вдалеке слышу звуки национального гимна Израиля.

Я посвятил мою жизнь той стране и тому об-

Он был британским подданным и жил в США. Его связь с иранцами и шиитами в Ливане принесла ему со временем целую кучу денег. Но при этом он зашёл слишком далеко.

От Моссад он получил несколько миллионов долларов, которые должен был передать одной ливанской семье для внесения выкупа за освобождение пленного израильского лётчика Рона Арада. Но из-за причастности Спиро к афере «Иран-контрас» ливанская семья больше не хотела иметь с ним дела. И он оставил деньги себе.

Когда группа «Кидон» прибыла к нему домой 7 ноября 1992 года, чтобы забрать деньги, что-то пошло не так, как планировалось, и его жена и трое детей были убиты.

Самого Спиро они вывезли в пустыню и там вытянули из него, где он спрятал деньги, после того, как он вначале утверждал, что всё-таки передал их ливанской семье. Затем ему в рот влили ядовитую жидкость, которую Спиро носил с собой для проверки чистоты золота, которое планировал добывать.

* * *

Теперь мне стало ясно, что подходит моё время. Ранним утром мы все сели в такси и поехали назад в Голландию. Когда мы переезжали голландскую границу, я почувствовал сильное облегчение, но я знал, что самое плохое закончится лишь тогда, когда я снова буду стоять на канадской земле. Я в последний раз позвонил Ури, но по какой-то непонятной причине разговор прервался.

Во время полёта я наконец-то понял, что произошло. Мне это нужно было ещё перепроверить, но я был почти уверен. В Моссад шла борьба за власть, за места на верхушке организации.

В последние годы выяснилось, что Эфраим и его клика были единственными высокопоставленными офицерами, у которых рыльце не оказалось в пушку. Из-за хорошего управления Эфраиму, вероятно, удалось получить контроль над Моссад, если туда не посадят человека со стороны. Это было лишь делом времени, пока он и его люди не выйдут на меня, чтобы от меня избавиться.

Я был слабым звеном в цепи, и я был лёгкой добычей. Теперь это зависело от меня. Что мне нужно делать, было понятно. Мне нужно было отложить всё в сторону и написать эту историю, которую должны узнать все. Теперь это сделано, и она уже не принадлежит мне. Оценивайте её сами.

разу жизни, который эта страна, казалось, предлагала. Мне не жаль потерянных лет, когда я стремился к осуществлению, так называемой, израильской мечты. Но мне лишь больно чувствовать, что я при этом связался с чем-то ошибочным в самой своей основе.

Сионизм, как и апартеид, существует лишь для блага одного единственного народа. Уже по определению, это замшелое, восходящее к девятнадцатому веку расистское движение, не выдерживающее никакой критики при подходе к нему с пози-

ций прав человека.

Если государство даёт или отнимает привилегии на основании религиозной принадлежности или этнического происхождения своих граждан, то стоит ожидать, вернее, это даже необходимо, что государству будет позволено проверять этническое происхождение того определённого гражданина, которому государство должно дать или у которого должно отнять какие-либо привилегии.

Это можно назвать только дискриминационной и расистской политикой, и именно такая политика лежит в основе сионистского государства.

Сионизм — это политическое движение, которое подверглось в семидесятых годах двум резким изменениям. Первое произошло, когда правительство приняло, что раввин имеет полномочия определять на основе происхождения человека, кто является евреем, а кто — нет.

Это решение привело в результате к тому, что всё еврейское реформационное движение было выброшено из еврейской расы, потому что переход в иудаизм из других конфессий и прочие проведённые раввинами-реформаторами изменения не были признаны государством.

Потом, в 1977 году, к власти пришел правый блок «Ликуд» во главе с Менахемом Бегинем. С этого момента, так называемый, нео-сионизм написал на своих знамёнах лозунг Великого Израиля. И его пионеры, поселенцы на оккупированных территориях восприняли религиозное воззрение, что именно они, конечно, представляют собой гарантию исполнения древнейшего данного Богом обещания народу Израиля.

Это представление было бы приемлемым, если бы осуществление этого обещания не было бы связано с какими-то условиями, или, если бы эти условия существовали, то нужно было бы им соответствовать.

Но это не так. Когда после разрушения Второго Храма народ Израиля был изгнан из Земли Обетованной, это означало, что Бог рассеял народ Израиля по всему миру и что Он и только Он, когда народ станет справедливым, и Господь будет благосклонен к нему, пошлёт Мессию, чтобы вернуть народ сей назад в свою страну и снова основать Царство Давидово.

Нигде не было записано, что Бог создаст национальное движение под названием сионизм, которое станет Его представителем на Земле.

У меня нет проблем с Государством Израиль и с потребностью еврейского народа иметь свою землю. Но мне кажется проблематичным использовать Библию для искоренения другого народа во имя той религии, которую мы вовсе не исповедуем, тогда, как для тех, кто её исповедует, мы становимся врагами.

Тщательно, как настоящий секрет, скрывается тот факт, что ультра-ортодоксальные евреи, которые живут в Израиле и в диаспоре, **не признают Государство Израиль.**

Ясир Арафат даже сделал такого ультра-ортодоксального еврея — раввина Харша — своим министром по делам евреев.

Раввин должен был входить в состав делега-

ции палестинцев на мадридских мирных переговорах. Когда Харша спросили, почему он туда не поехал, тот ответил, что он не готов сидеть с сионистами за одним столом.

Компромиссы с палестинцами по вопросам оккупированных земель, на которые идёт сионистское государство, не являются ничем иным, кроме поверхностного жеста. Они основываются на предположении, что палестинцы по необъяснимой причине будут готовы отказаться от своей воли, от своих национальных стремлений и согласятся на право быть гражданами второго сорта на территориях с неопределённым статусом.

Мы не должны забывать, что даже Декларация лорда Артура Джеймса Бальфура, на которой сионистское движение основывает свою правомочность, ясно говорит, что осуществление сионистской мечты не может происходить за счёт нееврейского населения Палестины:

«Правительство Его Величества доброжелательно рассматривает вопрос об основании национального государства-родины для еврейского народа в Палестине и приложит все свои силы для облегчения достижения этой цели, причём, разумеется, не будут предприняты никакие меры, ущемляющие гражданские и религиозные права проживающих в Палестине нееврейских общин либо права или политический статус, которыми евреи обладают в других странах»⁴⁹.

Если с самого начала строить своё существование на лжи, то ни для каких действий не может быть никакой морали. И рукой, осуществляющей эти действия израильского государства, является Моссад, который сам поэтому является самой большой ложью.

Моссад — самая активная из всех западных разведок — постоянно находится в поиске объектов нападения, тех, кого она воспринимает, как врагов Израиля, всё равно, находятся ли они внутри или вне страны. Мне своими действиями удалось доказать, что Моссад даже не замечает того, что творится прямо у него под носом, и что он далеко не так скрытен, как охотно старается уверить других.

Мой народ, еврейский народ, всегда и при любой возможности говорил, что за то, что в Европе делали нацисты, ответственны все, потому что нацистам удалось это только благодаря молчанию всех остальных.

Когда придёт день, когда израильские генералы и политики будут вынуждены дать отчёт за их действия на оккупированных территориях и в других местах, я буду, по крайней мере, знать, что я не молчал.

Для любого, кто имеет понятие о военной стратегии, ясно, что Израиль, даже если он сможет победить своих арабских соседей в ограниченной локальной войне, не сможет их уничтожить или принудить к полной капитуляции.

Пока тлеет неразрешённый конфликт, особенно такой, в котором Израиль однозначно высту-

⁴⁹ Цитируется автором по книге Натана Вайнштока «Конец Израиля?». Nathan Weinstock «Das Ende Israel», Berlin 1975, стр. 105.

пают в роли агрессора, судьба страны predetermined, и её разрушение — всего лишь дело времени.

Для Израиля пришло самое время, чтобы начать дискуссию, а именно — дискуссию о его идеологии. Хотят ли евреи быть гражданами настоящей демократической страны или стражами «Крепости Израиль»? Им стоит лишь посмотреть на горы Израиля, застроенные древними крепостями,

которые все со временем пали.

Иудаизм вечен, а сионизм — лишь эпизод. Израиль будет в безопасности, лишь став светским государством между рекой Иордан и Средиземным морем, государством, в котором все народы свободны и обладают равными правами.

Предоставим же Богу создание Третьего Храма.

Литература

Глава 1.

Stephan Ketele, «Subs for Aalst dateline on sked alert issued in supermarket massacre» United Press International, 10. II. 1985.

Judith Miller «Belgium is shaken by bombs and «crazy killers», New York Times, 24. II. 1985.

James M. Markham, «Terrorists put benign Belgium under mental siege», New York Times, 6.2.1986.

Raf Casert, «Belgium orders investigation into secret anti-communist groups» Associated Press, 9. II. 1990.

«Belgium probes terrorist links with NATO-wide resistance group», Reuters, 9.11.1990.

Michael Binyon, «Head of Belgian detective force arrested». The Times, 26.4.1990.

David Osborne, «Belgium throws the book at its bungling state security service», The Independent, 8.5.1990.

Dan Izenberg, « Apparent blunder: Israel jets intercept, release Libyan plane», Associated Press, 4.2.1986.

David Nordell, «Israeli leaders have no apologies for grounding plane», Associated Press, 5.2.1986.

Andrew Whitley, «Israel forces down Libyan jet», Financial Times, 5.2.1986.

«When Mossad shoots itself in the foot», Manchester Guardian Weekly, 16.2.1986.

Глава 2.

Brenda C. Coleman, «Company accuses Israel of stealing trade secrets», Associated Press, 19.8. 1986.

«Loral wins contract for joint service image processing system», PR Newswire, 22.9.1987.

Edward T. Pound / David Rogers, «Inquiring eyes: An Israeli contract with a U. S. company leads to espionage — arbiters say Israel stole data, and it wasn't first time the ally spied in America», Wall Street Journal, 17. 1. 1992.

Edward T. Pound / David Rogers, «How Israel spends \$ 1,8 billion a year at its purchasing mission in New York», Wall Street Journal, 20.1.1992.

Edward T. Pound / David Rogers, «Politics and policy: Roles of ex-Pentagon officials at Jewish group show clout of cold-warrior, pro-Israel network», Wall Street Journal, 22.1.1992.

Глава 4.

Embassy of the Democratic Socialist Republik of Sri Lanka, press release, Washington, D. C., 20.9. 1990.

Yohanan Lahav, «The Mossad assisted Tamils in

Sri Lanka: as told by Indian Minister of Finance Subramanis Swami», Yediot Aharonot, 14. 12. 1990.

Thalif Deen, «Mossad sells arms to Tamil Tigers», Sri Lanka Sunday Observer, 30.9.1990.

«Mossad behind bugging of Danish parliament's ombudsman, paper says», Agence France Presse, 2. 12.1993.

«Danish officials confirm illegal Mossad activities» The Washington Times, 10.10.1990.

Ygal Rom, «Danish government enquiry into Mossad's bugging of Professor, from the Danish paper Extrablatt», Yediot Aharonot, 3.12.1993.

«Denmark: Mossad is working in our territory against the law», Yediot Aharonot, 22.9.1990.

Julian M. Ilsherwood, «Danish parliament investigates Israel's Mossad», United Press International, 10.10. 1990.

Peter Eisner, «Judge in Noriega trial stops questions on CIA, Mossad», Newsday, 25.9.1991.

«With Noriega, the end of Harari», Latin American Weekly Report, 18.1.1990.

Глава 8.

Ian Black / Benny Morris, Israel's Secret Wars: The Untold History of Israeli Intelligence, London: Hamish Hamilton, 1991, S. 426-427.

Stanley Meisler, «France will put Arab on trial in 2 assassinations» Los Angeles Times, 29.1.1987.

Kathleen Brady, «A Paris court stands firm; Life in prison for a terrorist» Time, 9.3.1987.

Ehud Ya'ari, «Behind the terror» The Atlantic, June 1987.

Robert Sure, « Unmasking a terror group: Typical pattern of travel, havens and killings» New York Times, 13.4. 1986.

John Vinocur, «American diplomat shot in Strasbourg; C.I. A. link denied» New York Times, 27.3. 1984.

«Around the world; police in Paris sees link among political slayings» New York Times, 10.4. 1982.

Steven Strasser / Milan J. Kubic /James Pringle /Julian Nundy / Ray Wilkinson, «A terrible swift sword» Newsweek, 21.6.1982.

Karin Laub, «Shamir denies he decided to fire Mossad chief» Associated Press, 12.1.1989.

Глава 11.

Allyn Fisher, «American immigrant doctor

blamed for Hebron massacre with Israel-unrest» Associated Press, 25.2. 1994.

Michael Arndt, «More mainstream Jews drawn to Kahane's side» Chicago Tribune, 20.4.1986.

Leonard Buder, «Prison for ex-J.D.L. chief in bombing» The New York Times. 27.10.1987.

Глава 12.

«Five in Bermuda ordered deported in Iran arms sale plot», Reuters North European Service, 16.5.1986.

Thomas L. Friedman, « Israel denies smuggling cluster bomb technology», «The New York Times», 10.7. 1986.

Thomas L. Friedman, «How Israel's economy got hooked in selling arms abroad», The New York Times, 7.12.1986.

Глава 14.

Kirn I. Mills, «Two Israelis charged in ongoing probe of U. S. defense industry» Associated Press, 29.4.1993.

James Rowley, «Paisley, former assistant secretary, pleads guilty», Associated Press, 14.6. 1991.

«Arms fraud probe said widened to two Israeli firms», Reuters, 11.7. 1988.

Глава 15.

Jacob Erez, «A high-ranking officer in the office of the Prime Minister was a KGB agent», Maariv Israeli Daily, 3.9. 1993.

«Suspect held over disco blast that sparked US raid on Libya», The Independent, 28.7.1990

Bob Woodward, «Protecting Reagan: CIA built case against Qadhafi. U.S. interception of messages led to raid on Libya», Chicago Tribune, 28.9.1987.

Глава 19.

Menachem Shalev, «Best of British. . .», The Jerusalem Post, 17.1. 1989.

«Syria says British and Israeli secret services cooperate», Reuters, 25.6.1988. «British say Israelis faked passports; Mossad accused of using forgeries in attacks on foes», Los Angeles Times, 16.3. 1987.

Simon O'Dwyer-Russell / Christopher Elliott, «Israeli intelligence cell pulled out of Britain», Sunday Telegraph, 24.7. 1988.

Simon O'Dwyer-Russell, « Israel halts secrets trade with MI 6 after expulsions», Sunday Telegraph, 21.8.1988.

John Weeks, «End of MI6-Mossad rift vital to terrorist hunt» Daily Telegraph, 30.12.1988.

Simon O'Dwyer-Russell, « Israel link in Blowpipe scandal», Daily Telegraph, 16.5.1989.

Глава 21.

«Shamir insists Israel not involved in Pollard affair», Reuters, 23.3. 1987.

«U. S. A.: Israel, Inman and Pollard», Intelligence Newsletter, 10.2. 1994.

Michael J. Sniffen, «Appeals court upholds guilty plea and sentence for spy», Associated Press,

20.3.1992.

G. Keenan, «Worsening relations with Israel inevitable» The Vancouver Sun, 26.3.1992.

Глава 22.

Graeme Kennedy, « Pacific Express finds demand for dirty work». The National Business Review, 30.4.1993.

Graeme Kennedy, « Pacific Express expands air freight fleet», The National Business Review, 4.12.1992.

« Swiss/Soviet metro freight carrier topples», Flight, 17.7. 1991.

«Movie producer Arnon Milchen shopped for Israel's nuclear weapons program, TV report says», Israeli Foreign Affairs, Bd. IX, Nr. 3.

Глава 23.

Daniel Schifrin, «Traitor or patriot?.. Mordechai Vanunu is in jail for exposing Israel's alleged nuclear secrets. But his brother, Meir, calls him a hero», Baltimore Jewish Times, 13.8. 1993.

Chaim Bermant, «Israel's not-so-secret weapon: Chaim Bermant on the sub-plots of the Vanunu affair», Sunday Telegraph, 19.7.1992.

R.Barry O'Brien, «Conman link admitted by Hersh», Daily Telegraph, 18.11.1991.

Peter Hounam / David Leppard / Nick Rufford, «Another hoaxed over Maxwell Mossad link», Sunday Times, 17. II. 1991.

Alastair McCall, «New charges in Vanunu affair», Daily Telegraph, 13.11.1991.

Sam Seibert/Ronald Henkoff/Barbara Rosen, «A right to disobedience? Israel tries Vanunu», Newsweek, 17.9. 1987.

George Jones / Philip Johnson, «Book links Maxwell to Mossad», Daily Telegraph, 23.10.1991.

«British newspaper says Israel among world's nuclear powers», Reuters, 4.10.1986.

«U.K. cuts Syria ties over El Al Bomb plot: Jordanian suspect is convicted», Facts on File World News Digest, 31.10. 1986.

Глава 25.

«New theories about death of West German Politician» The Reuter Library Report, 3.8.1988.

Anna Tomforde, «SPD win Schleswig-Holstein», Manchester Guardian Weekly, 15.5.1988.

«Second autopsy ordered on body of West German politician» Reuters, 23.10.1987.

«Scandal-hit West German politician was murdered, brother says». The Reuter Library Report, 12.10.1987.

«Iran pulls envoy after alleged gas deal», St. Petersburg Times, 28.6. 1989.

David Gow, «Mr. Clean under fire over new dirty tricks revelations», The Guardian, 1.5. 1993.

Ron Csillag, «Profile: Benjamin Netanyahu; Israel's ambassador to the U.N. and the opening of the war crimes archives» Lifestyles, Bd. 15, Nr. 92, 1988.

Глава 26.

«Vanuatu: South Pacific news coverage upsets leaders» National Business Review, 7.7.1989.

Глава 27.

Finlay Marshall, «Bazoft cleared of spying, says Observer» Press Association Newsfile, 17.3.1990.

David Connett/Tim Kelsey/Julian Nundy, «Inside Story: Who was this man who was hanged as a spy?» The Independent, 18.3. 1990.

David Leppard, «Ex-police chief reveals Bazoft talks at Yard», The Sunday Times, 18.3.1990.

Anton Ferreira, «Iraqi chemical threat seen as response to fears over Israel», The Reuter Library Report, 10.4.1990.

Charles Miller, «Murder link theory in arms find». Press Association Newsfile, 12.4.1990.

Steve Weizman, «Slain weapons expert helped Israel improve big guns», The Reuter Library Report, 13.4. 1990.

«Iraq: Evidence was faked to smear Bazoft», Observer, 10.6. 1990.

Michael Kneissler, «So killte ich Saddam Hussein», Wiener, 2.2. 1991.

Petre Huck «Iraq: Saddam's superguns», Australian Financial Review, 27.3.1992.

«How Britain armed Saddam», Observer, 15. 11. 1992.

Richard Norton-Taylor, « Director tells how he foiled supergun plot», The Guardian, 1.7.1993.

Глава 28.

Ken Gross /J.D. Podolsky, «As Israel tries to smother his book, a former Mossad spy spills some dark secrets of that shadowy service», People, 1.10.1990.

Jamie Lamb, «A mystery story», The Vancouver Sun, 17. 11.1990.

«Inside the Mossad», Newsweek, 24.9.1990.

Joshua Brilliant, «Ex-Mossadnik said to be «greedy, ambitious», The Jerusalem Post, 11.9.1990.

Gagy Baron, «Israel turned to a Canadian court because Mossad wanted to buy time: Ostrovsky refused a financial offer in return for not publishing. A high source «The book would have gained prominence anyway», Yediot Aharanot, 19.9.1990.

Ian Black, «Agency chiefs mop up after Mossad book», Manchester Guardian Weekly, 23.9.1990.

«Victor Ostrovsky and Mossad», El Aharam, 9.4.1992.

«Israel rejects charge of kidnapping Shiite cleric», AFP, 8.4. 1992.

«Lebanon — April 8 — Israel denies Sadr kidnapping», APS Diplomatic Recorder, 11.4.1992.

«Mossad background» APS Diplomat Strategic Balance in the Middle East, 7.9.1992.

«How Israel blew up Saddam bomb». The Sunday Times, 16.9. 1990.

Angel Guerra, «Publisher did not claim writer's life threatened» The Toronto Star. 3.10.1990.

Bertrand Desjardins, «Un ex-agent se met a table et devoile des secrets», Le Journal de Montreal, 26.1.1991.

«Les Etats-Unis sont-ils manipules par Israel ?», Le Journal de Montreal, 26.1.1991.

«Detruire la bombe de Saddam!», Paris Match, 8. II. 1990.

Batsheva Tsur, «Navy saved Ethiopian Jews in '80s». The Jerusalem Post, 18.3.1994.

Antonio Carlucci, «Il Mossad e nudo», Panorama, 14. 10. 1990.

Mike Anderson, «Deception and controversy» Metro, Bd.III, Heft IX, November 1990.

«Tony Brown's comments», Washington (D. C.) Informer, 3. 10.1990.

Art Winslow, «Mossad's cover story», The Nation, 22. 10. 1990.

Mark Kennedy, «Spy inquiries touched off by allegations» The Ottawa Citizen, 5.2.1992.

Dan Raviv, «On angry spy», The Toronto Star, 6.10.1991.

«Mossad's dirty laundry», Antigo (Wise.) Journal, 31.10.1990.

Jane Hunter, «Steven Emerson: A journalist who knows how to take a leak», EXTRA!, Oktober/November 1992.

Robert Fife, « Israeli spying detailed», The Ottawa Sun, 15.5.1992.

Глава 29.

«Norway police lets Mossad question Palestinian asylum seekers» The Reuter Library Report, 18.9.1991.

« Intelligence chief resigns after scandal» Associated Press, II. 10. 1991.

«Norway: Asylum organization files action against Secret Service» Inter Press Service, 8.11.1991.

Irwin Block, « Rights groups want release of Palestinian» The Gazette (Montreal), 19.11.1991.

«Canada Deports former PLO colonel to Algeria» The Reuter Library Report, 26.2.1992.

«Mossad said to offer cash in return for PLO killing — paper» The Reuter Library Report, 24.4.1992.

«Norway lets Palestinians stay after Israeli interrogation row» The Reuter Library Report, 17.1.1992.

« Israel — Oct. II — Mossad scandal in Norway» APS Diplomatic Recorder, 12.10.1991.

«Norway: Mossad agents allowed to interrogate Palestinians» Inter Press Service, 27.9.1991.

«Norwegian Intelligence service confirms Mossad cooperation» Agence France Presse, 18.9.1991.

Miriam Jordan, «Arrest of four Israelis in Cyprus puts Mossad in spotlight» The Reuter Library Report, 25.4. 1991.

Katherine McElroy, «Cyprus: Israelis fined for attempting to bug Iranian embassy» Guardian, 10.5.1991.

Глава 30.

Christopher Dickey / Margaret Garrard Warner / Theodore Stanger, «With if the talks aren't all talk?», Newsu/EEK, 4. II. 1991.

Margaret Garrard Warner/ Christopher Dickey, «Behind the insults», Newsweek, 11.11.1991.

«Glittering start to Madrid talks; Arab-Israeli peace talks regional focus», Middle East Business Weekly, 8.11.1991.

Ira Rifkin, «Shamir's G.A. speech fuels peace debate» Baltimore Jewish Times, 29.11.1994.

Paul Bedard, «Security keen for Bush's Jets; Terrorist bombing threatened» The Washington Times, 10.11.1991.

«Security alert on Air Force One», United Press International, 6.11.1991.

«World news summary; Wednesday, Oct 30 (since 0300 GMT)», Agence France Presse, 30.10.1991.

«Bush flying to Maine Saturday to inspect damage to his compound» United Press International, 31. 10. 1991.

«Spanish police on alert for three terrorists» United Press International, 29.10.1991.

Jack Anderson, «Israel's Shamir has no great love for Bush», Northwest Arkansas Times, 7.11.1991.

«Reuter Middle East highlights 1830 GMT Oct 30», The Reuter Library Report, 30.10.1991.

Maxim Ghilan, «Madrid», Israel & Palestine Political Report, Nr.167. 15.11.1991.

«Shamir to walk out of peace talks for heaven's sake», The Reuter Library Report, 31.10.1991.

«Spain ousts Israeli demonstrations after Shamir hotel row». The Reuter Library Report, 31. 10. 1991.

John Dirlik, « Canada-Israel committee calls Bush «idiot», Baker «pompous jackass», Washington Report on the Middle East, o. J.

Глава 31.

Peter Bale, «UK MPs urge probe over alleged Maxwell / Israel ties» Reuters, 22.10.1991.

«Claims about Mirror-Israeli links to be probed if justified»Xinhua General Overseas News Service, 22. 10. 1991.

«Report Maxwell died from lethal injection is denied», Associated Press, 25.11.1991.

Richard Norton-Taylor, «UK: American Journalist claims Daily Mirror man «helped hunt for Vanunu», Guardian, 13.11.1991.

Lin Jenkins, «Maxwell «lived for fours hours in sea before heart attack», The Times, 13.11.1991.

«The Making of a Billionaire» Newsweek, 18.11.1991.

«Former KGB boss makes life easier for new friends in prison», The Reuter Library Report, 31. 10. 1991.

Natalia Gevorkyan, «Was Maxwell a KGB agent?», Moscow News, 18.12.1991.

Richard Beeston: «Israel buries Maxwell with full honours» The Times, 11.11.1991.

Richard Hornan, «Israel threatens Beirut; U. S. urges cease-fire», The Washington Post, 11.6.1982.

«Maxwell relayed Israeli proposals to Soviets, paper says», Associated Press, 19.12.1991.

«Maxwell buried in Israel; was he murdered? Publisher Robert Maxwell», Editor & Publisher, 16.11.1991.

Joshua Hammer / Daniel Pedersen / Rod Norland, «A tycoon's final days», Newsweek, 18.11.1991.

Jimmy Burns, «The big lie — inside Maxwell's empire: Questions raised by Maxwell's last hours», Financial Times, 19.6.1992.

«Flamboyant life and times of Robert Maxwell», Guardian Weekly, 17.11.1991.

Глава 32.

Con Coughlin, « Spies take cover as Coughlin's murky story unfolds», Sunday Telegraph, 15.11.1992.

Con Coughlin, «British spy «murdered by Iranians»», Sunday Telegraph, 19.12.1993.

Jim Wolf, «Book says Iran killed CIA operative in California» The Reuter Library Report, 24.11.1993.

Paul Greengrass, «Secret lives», The Guardian, 16.11.1993.

Ruth L.McKinnie, «County's solemn duty: Last rites for estates in relative obscurity, public administrator shows the will to deal», San Diego Union-Tribune, 15.1.1994.

Эпилог

«Emotions run high as anti-Israel rabbi arrives in Jerusalem», The Globe and Mail, 8.6.1994.

Eric Silver, «New accounts of Deir Yassin», Manchester Guardian Weekly, 17.4.1983.

Yaakov Sharett, «Suicidal Israel», Tel Aviv, 1988.

Приложение. Генеральные директора Моссад

(по книге Гордона Томаса «Шпионы Гидеона. Секретная история Моссад», Канада, 1999)

1951–1952 Рувен Шилой

1952–1963 Исер Харел

1963–1968 Меир Амит

1968–1974 Цви Замир

1974–1982 Ицхак Хофи

1982–1990 Нахум Адмони

1990–1996 Шабтай Шавит

1996–1998 Данни Йатом

1998–2001 Эфраим Халеви

С 2001 Меир Даган

http://militera.lib.ru/memo/other/ostrovsky_v2/index.html

«Советник» — путеводитель по хорошим книгам.